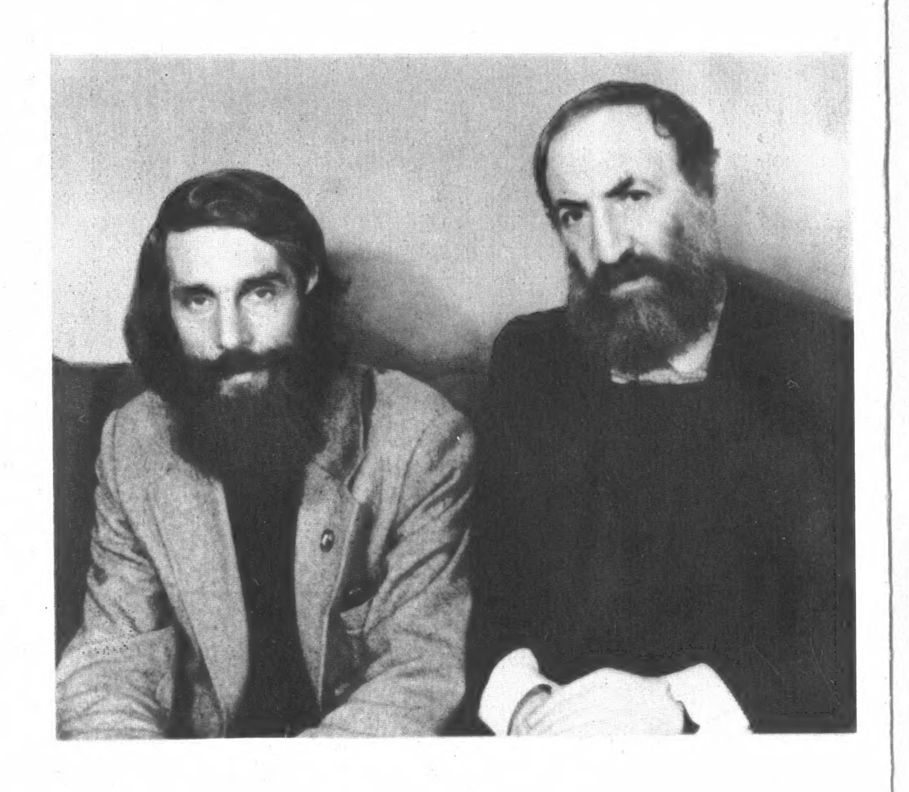
Ефим Друц Алексей Гесслер

Ефим Друц
Алексей Гесслер

ЦЫГАНЕ

ОЧЕРКИ

Москва
Советский писатель
1990

Художник
АНАТОЛИЙ ЦВЕТКОВ

В книгах этой серии в качестве иллюстра... наряду с фотографиями последних лет используются ... тельские, плохо сохранившиеся фотографии. Публ... ство стремится показать читателям редкий фотом... ляющий несомненный исторический интерес.

Д $\frac{4702800100-353}{083(02)-90}$ 383–90

ISBN 5–265–01445–4

Издательств...

очевье длиной в сотни лет

Столетия минули с тех пор, как, влекомые непонятной силой, покинули свою древнюю родину и разбрелись по свету черноволосые смуглолицые люди — цыгане. Они прошли через десятки стран, соприкоснулись с десятками народов, пересекли моря и океаны, и теперь едва ли отыщешь государство, где бы они не проживали. Необычный внешний вид, непонятный язык и специфический образ жизни — все это резко выделяло цыган на фоне других народов, ставило в обособленное положение. Окруженный ореолом загадочности, цыганский народ долгое время был недоступен и для исследователей, пытавшихся его изучать. Кто они, цыгане, откуда пришли, где их родина? — даже эти вопросы до недавнего времени оставались без ответа.

В романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард» главный герой спрашивает: «Кто такие цыгане?» — на что один из персонажей романа отвечает: «Да ведь они язычники, мальчуган! Не то сарацины, не то магометане... Они не признают ни Божьей матери, ни святых (здесь он перекрестился), воруют все, что под руку попадется, и вдобавок колдуют и гадают».

Когда европейцы впервые встретились с цыганами, они услышали, как те не без гордости называли себя потомками египетских фараонов. При этом вожаки цыганских таборов именовали себя герцогами и графами Малого Египта. Мы еще вернемся к этой легенде. А пока скажем, что она послужила поводом для того, чтобы англичане назвали цыган «джипси», испанцы — «хитанос», а венгры — «фараонов народ». Эта легенда докатилась и до России. В 1836 году, во время одной из многочисленных, но неудачных попыток «посадить» цыган

на землю, русские власти организовали в Аккерманском уезде (Аккерман ныне город Белгород-Днестровский в Одесской области) два цыганских поселка, дав им звучные названия Каир и Фараоновка. Отголоски этой легенды встречаются в русской литературе. Достаточно вспомнить «Фараоново племя» А. И. Куприна. В прошлом веке в России цыган нередко называли «агарянами» от библейского имени Агарь. Легенда об исходе цыган из Египта закрепилась даже в цыганском фольклоре. Она рассказывает о том, что когда Моисей выводил свой народ из Египта, вслед за ним мчались слуги фараона. И когда воды Красного моря сомкнулись над головами преследователей, то они превратились в сирен, мифических чудовищ, полурыб, полулюдей. С той поры цыгане — потомки слуг фараона, проклятые богом,— вынуждены скитаться по миру.

Подобных легенд в цыганском фольклоре великое множество. И нам доводилось записывать их в цыганских таборах России. Вот одна из них. Она поется цыганами, как баллада. Эта легенда рассказывает о том, как Солнце влюбилось в Венеру. Но они не могли соединиться, потому что были братом и сестрой, а по цыганским законам такой брак является великим грехом. И тогда они пошли к Богу, чтобы тот сказал, как им поступить. Разгневался Бог, услышав речи Солнца. Ничего он не сказал им, лишь показал пальцем на землю и прогнал к фараону, чтобы тот судил их. От великого горя бросилась Венера в море со словами: «Лучше стать кормом для рыб, чем быть женой родного брата!» Увидело Солнце смерть Венеры, поднялось над землей и воскликнуло: «Отныне я буду светить только для тебя»[1].

Во многих легендах говорится, что родиной цыган является Египет, что время их исхода оттуда совпадает с житием Моисея. Если поверить в это, возникает естественный вопрос: «Где же находились цыгане со времен Моисея до того момента, как появились в Европе?» Ведь речь идет о двух тысячелетиях. На этот вопрос нет и не может быть ответа. И нам, жителям двадцатого века, остается только удивляться, почему версии о египетском происхождении цыган слепо поверили европейцы и более четырех веков даже не пытались ее опровергнуть.

Впрочем, легенда эта получила дальнейшее развитие и

---

[1] Сюжет — женитьба брата на сестре и последующее самоубийство сестры — весьма распространен в индийском фольклоре.

воплотилась в культе поклонения цыганской святой Саре Кали (Саре Черной). Справедливости ради отметим, что культ этот возник относительно недавно и в публикациях даже прошлого века о нем нет ни единого слова. Легенда переносит нас ко временам жития Христа. Поверье заключается в том, что в 42 году от Рождества Христова две библейских сестры Марии Магдалины, Мария Закомея и Мария Саломея, на маленькой лодке без весел переплыли Средиземное море. Из Палестины они добрались до устья реки Роны. С ними была и египетская служанка Сара, маленькая девочка, которую цыгане назвали своей святой и покровительницей.

Ежегодно 24—25 мая со всего мира съезжаются цыгане в небольшой городок Сен-Мари де ля Мер, расположенный на острове Камарж в устье Роны. За несколько дней численность жителей города увеличивается во много раз. Из Испании и Франции, из Венгрии и Италии стекаются сюда цыганские фургоны, ярко раскрашенные повозки, автомобили, толпами бредут пешие паломники. Яркие одежды, смуглые оживленные лица — городок похож в эти дни на расцветшую клумбу. Мощи Святой Сары покоятся в каменной церкви, построенной в двенадцатом веке. На алтаре красуется надпись — «Сара Кали» Сотни зажженных свечей освещают небольшую, высотой около метра, статую Святой Сары. Цыганская покровительница увенчана короной, она такая же смуглая, как и ее соплеменники. Цыгане подходят к изваянию, целуют края одежды Святой Сары, кладут к ее ногам цветы. Из отверстия в каменной стене, высоко над алтарем, служители церкви опускают два гроба с останками Святых Марий. Нецыгане, присутствующие в церкви, с ликованием произносят: «Славьтесь, Святые Марии!» — и тут же их воз гласы тонут в мощном цыганском многоголосии: «Славься, Святая Сара!» Руки с зажженными свечами тянутся к гробам: считается хорошей приметой, если пламя свечи окажется под гробом.

Кульминация праздника — шествие к морю. Статую Святой Сары устанавливают на постамент, который подхватывают несколько сильных рук. Процессию сопровождает почетный конный эскорт цыган, восседающих на белых лошадях, а следом движется возбужденная масса смуглолицых людей числом во многие тысячи. Они заходят в море, и статуя несколько раз погружается в воду. В ту минуту, когда Святая Сара касается воды, цыгане вытаскивают гадальные карты и тоже смачивают их. После этого, как гласит поверье,

карты не врут. На следующее утро цыгане срываются с места, и городок снова пустеет.

Этот цыганский культ возник не ранее конца девятнадцатого века, поэтому относиться всерьез к его исторической подоплеке невозможно. И хотя он приближает цыганскую легенду к нашим дням, все равно остается вопрос: «Где были цыгане до прихода в Европу?» Ведь и в этом случае непонятным образом пропадает по меньшей мере тысяча лет их истории. Остается одна-единственная версия, объясняющая, почему в фольклоре цыган имеется множество легенд, связанных с ветхозаветными и новозаветными временами. Возникли они, очевидно, в относительно недавнем прошлом как отклик на попытки христианизировать цыган. Мы хотим обратить особое внимание на то, что в этих легендах проглядывает невольное и, конечно, достаточно наивное желание оправдать цыганское движение по миру. Их основной мотив — цыгане совершили некий грех перед христианскими народами, расплата за него — вечное скитание.

Вот одна из таких легенд, которую рассказывают цыгане Македонии. Когда Иисус попал к римским тюремщикам и его приговорили к распятию, двум солдатам был отдан приказ достать четыре больших гвоздя. Им выдали восемьдесят крейцеров, чтобы они купили эти гвозди у кузнеца. Получив деньги, солдаты зашли в одну из таверн и истратили половину на выпивку. Лишь к середине дня вспомнили они о поручении. Вскочили из-за стола и, пошатываясь, вышли из таверны. Зайдя в первую попавшуюся кузницу, солдаты сказали: «Нам нужно четыре огромных гвоздя, чтобы распять Иисуса, который плохо отзывался о нашем императоре». Старый кузнец помнил худую фигуру и карие глаза Иисуса. Он вышел из кузницы и сказал: «Я не стану ковать гвозди». Тогда солдаты повернули острия копий и приставили их к груди старика. Но и на этот раз кузнец повторил: «Я не буду делать гвозди для распятия». И солдаты проткнули старика своими копьями и выжгли ему глаза. Неподалеку они нашли другого кузнеца. Они показали ему сорок крейцеров и велели выковать четыре больших гвоздя. «За эту цену я смогу выковать только четыре маленьких гвоздя»,— возразил кузнец. Но солдаты прикрикнули на него, и кузнец в страхе принялся за работу. Один солдат нагнулся и сказал: «Делай гвозди крепкими и большими, потому что ими мы распнем Иисуса». Едва кузнец услышал эти слова, его рука с занесенным молотом застыла над наковальней. В эту же минуту он услышал тихий голос убитого кузнеца: «Не делай гвозди,

этот человек невиновен». И тогда кузнец бросил свой молот. Солдаты в ярости накинулись на него и проткнули своими копьями. И в третьей кузнице произошло то же самое. Если бы солдаты не истратили сорок крейцеров на выпивку, они смогли бы вернуться в свой лагерь и поведать о том, что произошло с ними, спася тем самым жизнь Иисуса. Но этих денег у них не было. Тогда они вышли на самую окраину Иерусалима, где встретили цыгана, который, разбив шатер, начал прилаживать наковальню. Солдаты выложили сорок крейцеров и приказали цыгану выковать четыре больших гвоздя. Цыган положил деньги в карман и принялся за работу Он выковал один гвоздь, второй, третий, и солдаты положили их себе в сумку. Едва цыган принялся ковать четвертый гвоздь, как один солдат сказал: «Спасибо тебе, теперь мы сможем распять Иисуса». Только он произнес эти слова, послышались слабые голоса трех убитых кузнецов: «Не делай гвоздей, этот человек невиновен». Но цыган уже взял деньги, а потому продолжал работать. Когда был готов четвертый гвоздь, цыган стал лить воду на раскаленное железо. Но вода испарялась, а железо оставалось таким же раскаленным, кузнец лил и лил воду, но гвоздь не охлаждался. В ужасе собрал цыган свои пожитки, погрузил их на осла и бежал прочь. В полночь он остановился в пустыне возле колодца и снова поставил свой шатер. Но тотчас возле его ног возник светящийся раскаленный гвоздь. Всю ночь цыган черпал воду из колодца, пытаясь остудить железо. Когда колодец обмелел до дна, цыган бросил гвоздь в мокрый песок, но гвоздь не переставал светиться. Испугался цыган и побежал дальше в пустыню. С той поры не стало ему покоя. Как остановится где, преследует его раскаленный гвоздь. Вот и блуждают цыгане с места на место. Так покарал их господь.

Есть в цыганском фольклоре и другие сюжеты из Библии и Нового завета. Так, например, весьма своеобразно преломился в сознании цыган известный сюжет о сыновьях Ноя. Из этой легенды следует, что цыгане являются «хамитами», то есть потомками Хама.

В попытке увязать свою историю с библейской цыгане «добираются» до времен сотворения мира. В одной из легенд, к примеру, совершенно точно указано место мифического Эдема — нынешняя Маньчжурия.

Не будем строги к этим наивным попыткам придать своим легендам историческую достоверность. И так невооруженным взглядом видно, что вся «фактология» заимствована из известных источников. Цыганские легенды на библейские

сюжеты по сути представляют собой явление, хорошо известное любому фольклористу, а именно фольклоризацию Библии и Нового завета. Но где, когда появились в фольклоре цыган подобные произведения? Ответ на этот вопрос прояснил бы многие неясные моменты цыганской истории. Но пока его нет. И потому до сих пор не умолкают споры среди цыганологов мира.

Собственно говоря, версия о египетском происхождении цыган зиждется на двух источниках: на всякого рода нецыганских мифах и легендах и на запечатленной в старых хрониках легенде, которую занесли в Европу первые цыганские таборы, вожаки которых называли себя герцогами и графами некоей загадочной страны под названием Малый Египет. Почему именно Малый, а не просто Египет? Разгадай исследователи эту загадку, и открылась бы одна из самых таинственных страниц цыганской истории. В этой связи интересна гипотеза французского историка Франсуа де Во де Фолетье, который писал:

«Чаще всего западные путешественники встречались с цыганами в Модоне — укрепленном и самом крупном портовом городе на западном берегу Мореи (полуостров Пелопоннес.— *Е. Д., А. Г.*), главном перевалочном пункте на пути из Венеции в Яффу. «Черные, как эфиопы», они занимались в основном кузнечным делом и, как правило, жили в хижинах. Это место называли «Малым Египтом», возможно потому, что здесь, посреди иссохших земель, пролегла плодородная, как долина Нила, область...»

Оставим версию о египетском происхождении цыган. В ее основе лежат факты столь же ненадежные, сколь и очевидные. Нельзя же всерьез предположить, что существовала некая «цыганская Библия», что цыгане были строителями египетских пирамид, что цыганские прорицатели были волхвами и так далее. Обратимся к фактам более основательным.

В 1760 году одна венская газета опубликовала статью, в которой шла речь о бывшем студенте Лейденского университета Стефане (Иштване) Вайя. Этот будущий священник, как пишет газета, «...был очень близко знаком с одним молодым малабарцем и обнаружил, что его язык имеет много общего с цыганским...». Воистину удачное совпадение! Надо же было такому случиться, чтобы венгр Стефан Вайя знал цыганский язык. Впрочем, в те времена на территории Священной Римской империи проживало великое множество цыган. Но исключительность ситуации заключалась в том,

что венгр, знающий цыганский язык, встретился с индусом и сумел освоить азы санскрита. Это на первый взгляд незначительное событие послужило началом научного изучения цыган.

Между тем оно вполне могло остаться незамеченным, не попади та венская газета в руки немецкого исследователя Генриха Грельмана. Прочитав статью, Грельман предположил, что молодой малабарец, приятель Вайи, мог быть сыном брамина, чей язык был санскрит. И Грельман решил сопоставить языки. Когда он это сделал, ему сразу же бросилось в глаза, что цыганский язык соотносится с санскритом, древним языком Индии, а из новоиндийских языков — с хинди. Так возникла гипотеза, что цыгане — выходцы из Индии.

В 1794 году труды Грельмана по цыганологии были изданы в России. В 1804 году сорокашестилетний Генрих Мориц Грельман приехал по приглашению в Москву, но работу продолжить не смог. В том же году он скончался.

В это время будущему выдающемуся немецкому ученому-языковеду, одному из основоположников научной этимологии и сравнительно-исторического языкознания Августу Фридриху Потту было всего два года. Лишь через сорок лет, в 1844 году, выйдет в свет его фундаментальный труд «Цыгане в Европе и Азии», не потерявший своей научной ценности и по сей день. Собственно говоря, и почти полтора века спустя цыганология способна лишь расширить и углубить основные идеи, изложенные А. Ф. Поттом в этой работе, это тем более поразительно, что сам он, судя по всему, знал цыганский язык отнюдь не блестяще и пользовался помощью его знатоков. Но как раз в цыганологии новые идеи Потта дали яркие результаты. В 1855 году Август Фридрих Потт избирается членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Нам сегодня трудно представить, сколь сложна была задача, стоявшая перед А. Ф. Поттом. Ведь достаточно вспомнить, что в те времена в просвещенной Европе стойко бытовало мнение, будто цыганский язык представляет собой арго преступного мира. Причем этой точки зрения придерживались и некоторые ученые. А. Ф. Потту пришлось «перелопатить» великое множество литературы о цыганах, чтобы извлечь научно достоверные сведения о цыганском языке. Он начал с трудов профессора греческого языка из Лейденского университета Бонавентуры Вулканиуса, жившего в конце XVI — начале XVII века, и добрался до исследований

своих современников, анализировал материалы о цыганах, собранные учеными чуть ли не всех европейских государств, начиная с Испании и кончая Россией.

А. Ф. Потт на сотнях примеров убедительно доказал, что родиной цыган является Индия, что цыганский язык следует считать одним из новоиндийских языков, что, двигаясь по миру, цыгане восприняли многочисленные элементы языков тех народов, с которыми они сталкивались.

Попробуем и мы пройти по маршруту цыганского кочевья, который разгадал А. Ф. Потт и который в дальнейшем неоднократно уточнялся. При этом мы попытаемся ответить еще на один важный вопрос: каковы главные хронологические вехи цыганского кочевья?

Когда же впервые была снряжена в путь цыганская повозка, вывезшая предков современных цыган за пределы их родины? Вряд ли мы найдем точный ответ и на этот вопрос, но хоть как-то приблизиться к истине, надеемся, нам удастся. Думается, самая ранняя достоверная дата, с которой можно связать исход цыган из Индии,— это середина V века нашей эры. Именно в это время произошло событие, о котором рассказано в поэме великого Фирдоуси «Шахнаме». Вспомним небольшой отрывок из главы «Бехрам призывает лури из Хиндустана». В ней говорится о том, что подданные шаха Бехрама Гура написали правителю письмо, в котором жалуются на свою безрадостную жизнь.

И вот:

Потешила шаха послания суть.
Отправил коня быстроходного в путь:
К Шенголу гонца своего отрядил.
«О царь-избавитель,— в письме говорил,—
Обоего пола сто сотен лури,
Бербетом владеющих, нам отбери».
Когда же к царю они прибыли, тот
Открыть им дорогу веленье дает.
Ослов и быков уделил пришлецам,
Лури земледельцами сделал Бехрам.
И тысяча также харваров зерна
Хранителем царским была раздана.
Затем, чтоб пахал на ослах и быках,
Выращивал свой урожай на полях,
Дабы музыкантом он стал беднякам,
Всегда безвозмездно играл беднякам.

Отвлечемся на минуту от поэмы. «Все прекрасно,— воскликнет читатель,— но при чем тут цыгане?» Все дело в том, что и сегодня словом «лури» (или «лули», «люли») называют

цыган жители ряда среднеазиатских стран. Однако читаем поэму дальше:

Тот съел и быков, и харвары зерна,
Пришел через год, на щеках желтизна.
Царь молвил: «Как видно, тебе не под стать
Ни сеять, ни жатву с полей собирать.
Остался осел. Что ж, осла нагружай,
Да руд мастери, да струной оснащай!»
Поныне лури, слову верному в лад,
По свету, прокорма ища, колесят.
Сосед и попутчик — собака да волк,
Ночлег по дорогам, татьба под шумок[1]

Не правда ли, трудно усомниться в том, что речь идет о цыганах. Можно, конечно, скептически относиться к информации, почерпнутой из художественного произведения, но дело в том, что совершенно аналогичный эпизод описан в середине X века историком Хамзой Исфахани. Правда, у него речь идет о 12 тысячах музыкантов, которых называли «дзоттами» — это одно из названий цыган. Поскольку Фирдоуси жил на полвека позже Хамзы Исфахани, не исключено, что он пользовался информацией Хамзы в качестве первоисточника. Скорее всего, эта легенда была в те времена популярной, в изложении Фирдоуси она напоминает восточную притчу. Не все в ней убедительно. Прежде всего поражает количество подаренных музыкантов. Не слишком ли велика указанная цифра — десять, а то и двенадцать тысяч лури, пусть даже включая членов семей? Раджа Шенгол (в другой транскрипции — Шанкал) был удельным князьком, каких в средневековой Индии было множество. Подарить 10—12 тысяч лури значило решительным образом избавиться от всех музыкантов своего княжества.

И еще один принципиальный вопрос, связанный с легендой. Дело в том, что многие ученые (в частности, академик А. П. Баранников) относят цыганский язык к числу новоиндийских языков, формирование которых закончилось чуть ли не шестью веками позже событий, описанных Фирдоуси. Кто прав — Фирдоуси или Баранников? Неизвестно. А потому нам придется иметь в виду обе точки зрения.

Прежде чем пуститься по маршруту цыганского кочевья, попробуем разобраться, кем были предки цыган до их исхода из Индии, какое место они занимали в сложной системе кастовой иерархии. И на этот, казалось бы, простой вопрос у цыганологов нет определенного ответа. Дело в том, что ни

---

[1] Перевод Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева.

в одном индийском источнике ни прямо, ни косвенно, ни даже вскользь о цыганах не говорится. Это свидетельствует лишь о том, что предки цыган занимали в кастовой системе самое низкое положение, а стало быть, в исторических хрониках и в произведениях индийской литературы фигурировать не могли. Мало что дало и изучение некоторых племен современной Индии, образ жизни которых чем-то напоминает цыганский. И хотя в Индии и Пакистане продолжают иногда называть такие племена цыганскими, культура этих малоизученных народов в значительной степени отличается от культуры современных цыган. Это говорит о том, что последняя волна цыганской миграции была давно. И потому логично сравнивать цыган, допустим, с современными лохарами (бродячими кузнецами), но ни в коем случае не отождествлять с ними. Пути развития народов Индии и цыган разошлись, и ныне этот народ представляет некую этническую «окаменелость». Подобные явления в мировой культуре встречаются. Вспомним хотя бы русских старообрядцев или казаков-некрасовцев.

Как же разрешили цыганологи вопрос о социальной принадлежности предков нынешних цыган? Они вновь обратились к испытанному методу познания цыганской истории — изучению цыганского языка. Известно, как называют цыган представители других народов: немцы — «цигойнер», англичане — «джипси», народы Средней Азии — «люли». В цыганском же языке цыгана-мужчину называют словом «ром», причем в некоторых диалектах начальный звук этого слова гуттуральный, или, по-русски говоря, картавый. Между тем в Индии существовала каста «дом», члены которой были профессиональными танцорами и музыкантами. Схожесть звучания названия касты с самоназванием цыган, а также идентичный образ жизни ро́мов и до́мов натолкнули на мысль, что цыгане — это члены касты «дом», покинувшие некогда свою древнюю родину. И по сей день до́мы в Индии ведут полукочевой образ жизни, кочуют они по северу страны. Помимо различного рода музыкальной деятельности до́мы занимаются ремеслами, изготавливают, например, поделки из дерева, а если спроса на ремесло нет, не гнушаются и воровством. До́мы в индийской иерархической системе имеют статус неприкасаемых, то есть относятся к самым низшим слоям индийского общества.

Эта версия о происхождении цыган кажется нам наиболее вероятной. Существуют, однако, и другие мнения. Некоторые исследователи сравнивают цыган с целым рядом индий-

ских кочевых племен, проживающих в стране. При этом они не относят предков сегодняшних цыган к какой-либо касте, а считают их представителями секты рамаистов. Этимологию слова «ром» они связывают с именем Рамы — воплощением бога Вишну в индийском эпосе. В Северной Индии, приветствуя друг друга, произносили имя Рамы, поэтому некоторые цыганологи полагают, что и слово «ром» означает это древнее приветствие, что в дальнейшем, когда цыгане покинули Индию, смысл слова изменился, «ромами» стали называть представителей секты.

Эта гипотеза уязвима в одном: культ Рамы сложился и сплотил его приверженцев в религиозную секту спустя почти тысячу лет после тех событий, которые описывал в своей поэме великий Фирдоуси. Более того, в Индии еще не было «официальных» рамаистских сект, а цыгане уже вовсю «гуляли» по Европе.

Теперь нам приблизительно ясен социальный статус предков современных цыган. Знаем мы также и о том, что первая «волна» цыганской миграции пришлась на 420 год нашей эры, то есть год, когда индийский раджа Шенгол «преподнес подарок» персидскому шаху Бехраму Гуру. Но могли ли те «сто сотен лури» стать прародителями нескольких миллионов современных цыган, живущих чуть ли не во всех странах мира? Естественно, что такого быть не могло. Значит, за первой волной миграции последовали следующие. Нелепо предполагать, что они были вызваны самодурством удельных князьков древней Индии. Существовали куда более серьезные причины, побудившие предков цыган двинуться в путь, заставившие огромные массы людей оторваться от родных земель и перебраться в чуждую среду.

Большинство цыганологов мира пришло к выводу, что пик цыганской миграции приходится на X—XI века нашей эры, а исход цыган из Индии продолжался чуть ли не тысячу лет, вплоть до эпохи Великих Моголов. Этому процессу в немалой степени способствовала кастовая система с ее многочисленными запретами, предписывающая раз и навсегда определенный образ жизни. Особенно сурово эти ограничения и запреты действовали по отношению к неприкасаемым. Слово, обозначающее этот статус, говорит само за себя. Неприкасаемые — это те люди, к которым члены высших каст не имели права прикоснуться. Но дело даже не в ритуальных ограничениях, неприкасаемым был закрыт доступ в храмы, запрещалось обучение.

С другой стороны, в раздробленной на многочисленные

княжества средневековой Индии велись непрекращающиеся междоусобные войны. На ослабленное в братоубийственных сражениях государство нападали воинственные соседи. Если же вспомнить о том, что предки цыган были музыкантами, станет ясно, что в период нестабильности и войн спрос на цыганское профессиональное искусство резко упал, а сами цыгане подошли к крайней точке обнищания. Вот что пишет академик А. П. Баранников[1]:

«В течение многих столетий, оторванные от какого бы то ни было производительного труда, силою кастовых законов отрешенные от возможности трудиться, цыгане в своих скитаниях от одного двора к другому привыкли кочевать с одного конца Северной Индии в другой. Эти свои привычки они принесли и в новые страны».

Так началось трудное, опасное, по сей день не прекращающееся кочевье цыганских таборов по свету.

Каким образом происходило «освоение» цыганами мира? Ведь нетрудно прикинуть, что если даже пользоваться самыми примитивными средствами передвижения, ехать по бездорожью, часто останавливаться, чтобы заработать на жизнь, то путь из Пенджаба, к примеру, до Франции при удачном стечении обстоятельств едва ли займет более двух-трех лет. Между тем лишь девять веков спустя после первой волны цыганской миграции, в 1322 году, два монаха-францисканца, Симон Симеонис и Хуго Просвещенный, обнаружили на Крите людей, похожих на цыган. Они, как писали эти священники, придерживались обрядов греческой православной церкви, но жили, подобно арабам, в низких черных шатрах или же в пещерах. Причем в самой Греции цыган отождествляли с представителями греческой секты музыкантов и предсказателей судьбы, так называемых «аттинганос», или «атсинганос». Собственно говоря, отсюда и пошло название «цыгане».

Это было едва ли не самое первое упоминание о цыганах в Европе. А как проходила миграция цыган предыдущие девять веков? Об этом отрезке цыганской истории по сей день ведутся дискуссии, возникают все новые и новые гипотезы. Единственно, что установлено абсолютно точно,— страны, в которых цыгане останавливались на достаточно долгое время. Источником сведений опять-таки стал цыганский язык.

---

[1] Баранников А. П. Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк. М., 1931.

Поскольку цыгане двинулись из Индии на запад, то территории нынешнего Ирана и Афганистана им было не миновать. Это нашло отражение и в цыганском языке, цыганологи-лингвисты обнаружили в нем немало слов персидского происхождения, таких, как «шелк» и «шерсть», «кольцо», «груша», «волк», «церковь», «воск» и ряд других. Из персидского языка цыганами заимствованы такие слова, как «урдо» — повозка, телега или «бахт» — счастье, удача. Это немногие из тех слов, которые цыгане смогли пронести через века и страны, сохранив их до наших дней. Нетрудно предположить, что ко времени закрепления этих слов в цыганском языке персидская лексика была представлена в нем гораздо шире. Сколько лет необходимо для того, чтобы так заметно изменился словарный запас? Современные исследователи цыганских диалектов говорят, что нужен был по меньшей мере век постоянного контакта с иноязычным народом.

Гораздо меньше сохранилось слов армянского происхождения, зато все они настолько обиходны, что не могли появиться в языке случайно. Армянский язык дал цыганам такие слова, как «сила», «печка», «лоб», даже, казалось бы, типично цыганское слово «граст» (конь) тоже заимствовано из армянского языка. Поскольку эти слова бытуют в языке европейских цыган, ясно, что путь этого народа из Индии в Европу пролегал не только через Персию, но и через Армению.

Еще более сильное влияние на язык цыган оказал греческий язык. У греков цыгане позаимствовали буквально десятки слов, среди них встречаются такие вроде бы сугубо цыганские, как «пэтало» (подкова), «дром» (дорога) и ряд других. Помимо чисто лексических заимствований цыгане почерпнули из греческого языка некоторые формы словообразования. Впоследствии язык цыган обогатила лексика многих европейских народов, на территории которых в разное время проживало это кочующее племя. Но при этом все заимствования, даже из неиндоевропейских языков, оформлялись «по-гречески».

Вывод из сказанного достаточно прост: чем дольше цыгане соприкасались с тем или иным народом, тем больший отпечаток накладывало это общение на их язык. Но вместе с тем напрашивается и еще один важный вывод: процесс «завоевания мира» цыганами происходил постепенно. В течение какого-то достаточно продолжительного периода цыгане живут в той или иной стране, потом происходит некий социаль-

ный взрыв, цыгане срываются с места и идут по миру дальше и дальше. Несколько позже мы остановимся на этом воистину загадочном явлении. А пока продолжим путь по следам первых цыганских пилигримов.

По мнению английского лингвиста Джона Сэмпсона, покинув Персию, цыганские таборы разделились: одни из них продолжили свой путь на запад и юго-восток, а другие двинулись в северо-западном направлении, проникли в Закавказье. Западная ветвь маршрута прошла через Северную Африку. Эти цыгане, по мнению Д. Сэмпсона, попали в Испанию после того, как пересекли Гибралтар[1]. Те же, которые двинулись в Закавказье, в дальнейшем перебрались в Византию и пробыли там достаточно длительное время. И хотя первые сведения о цыганах в Византии встречаются в исторических документах начала XIV века, не исключено, что цыгане были свидетелями первых крестовых походов. Действительно, массовое заселение цыганами Европы происходило во времена, когда гибель Константинополя уже назревала. Об этом свидетельствуют многочисленные европейские хроники начала XV века. В них говорится, что в ряде государств появились «черноволосые и смуглолицые люди». Именно в этот момент внутри цыганской среды произошел очередной социальный взрыв, который и выбросил из Византии в Европу многочисленные цыганские таборы. Распространились они по Европе быстро. А ведь в Византии цыгане жили очень долго. Об этом говорит не только цыганский язык. Как считают некоторые цыганологи, именно в средневековой Греции, зараженной повальным суеверием, наводненной всевозможными оккультными сектами, колдунами, предсказателями судьбы, цыганские женщины узнали приемы того ремесла, которое кормит их и по сей день.

Жизнь в Греции подсказала цыганским вожакам, как можно беспрепятственно «пройти по Европе», не вступая в конфликт с властями. Ведь именно в Греции цыгане увидели христианских паломников и поняли, что эти люди пользуются статусом привилегированных странников. Быть может, в это время и родилась легенда о египетском происхождении цыган.

И вот в начале XV века большие группы цыган пересекают Венгрию и попадают в Германию, где император Сигизмунд выдает их вожакам охранные грамоты. Кто знает, мо-

---

[1] Гипотеза о проникновении цыган в Испанию через Северную Африку и Гибралтар не подкреплена фактами.

жет, Сигизмунду первому довелось услышать романтический миф о Малом Египте — мнимой родине цыган, о том, что они, язычники, приняли христианство и теперь во искупление грехов вынуждены вечно скитаться по земле. Охранная грамота императора имела один существенный недостаток — она действовала лишь в пределах подвластного ему государства. И хотя документ, полученный от столь высокой особы, должен был помочь им и в других странах, цыганские вожаки ясно понимали, что нужна «международная визитная карточка». 22 августа 1419 года в городе Шатильон-ан-Домб во Франции они еще предъявляли охранные грамоты Сигизмунда и герцога Савойского.

«Мы, Сигизмунд,— говорится в первой,— король Венгрии, Богемии, Далмации и прочая, объявляем, что наш верный Ладислас, воевода цыган, и те, кто от него зависят, нижайше просили нас пожаловать им особое наше расположение. Мы с радостью удовлетворяем их просьбу и подтверждаем это настоящим письмом. Вследствие этого, в каком бы месте нашей империи ни оказался вышеупомянутый Ладислас и его люди, проявление к ним уважения будет означать проявление преданности и к нам, поэтому оказывайте им всяческое покровительство... А если в их рядах появятся мошенники, если случится какое-либо неприятное происшествие, то мы торжественно повелеваем и постановляем, что воевода Ладислас будет единолично пользоваться правом наказывать или прощать».

Спустя два дня та же история повторилась в Маконе, а 1 октября — в Систероне. При этом французские власти довольно прозрачно намекнули на то, что они находятся во владениях французского короля и что здесь охранные грамоты германского императора неуместны. В июле 1422 года большой цыганский табор миновал Болонью, где его вожак уведомил власти о том, что путь его лежит в Ватикан, там-де он должен встретиться с папой. Состоялась эта встреча или нет — сказать трудно. Документальных свидетельств о ней нет ни в римских хрониках, ни в архивах Ватикана. Тем не менее на обратном пути цыгане охотно расписывали свою встречу с папой. Но не в этом дело. В их руках находилась охранная грамота за подписью папы Мартина V. Есть большие основания предполагать, что этот документ был сфабрикован. Однако подлинный или поддельный, он дал цыганам сто лет вольной жизни в Европе.

В августе 1427 года они появились возле Парижа. Современник писал, что их было «...около сотни, сотен или даже

двадцати сотен... их дети, мальчики и девочки, были невероятно умны; все они носили серьги в ушах, часто одно или два серебряных кольца в каждом ухе... Женщины были очень красивы и очень смуглы; у всех у них были черные волосы, словно лошадиный хвост... Короче говоря, они были беднейшими созданиями, которые когда-либо пребывали во Франции на памяти людей; они были прорицателями, и каждый из них мог сказать, что случится и что случилось, глядя на руку человека». В течение трех недель любопытные жители предместий глазели на невиданную доселе картину. Не теряли времени и цыганские гадалки: пока они по ладоням читали линии жизни своих клиенток, у тех почему-то стали пропадать кошельки. Как писал очевидец, «...по наущению какого-нибудь их врага или по их собственной наивности, они очищали карманы людей и забирали себе содержимое этих карманов. Эти сведения достигли парижского кардинала, который приказал им немедленно покинуть город».

В период этого относительного затишья цыгане проникли во многие страны Европы. Особой «мобильностью» отличался табор, ведомый «графом Малого Египта» Антоном Гаджино. Попутно укажем, что имя этого «графа» буквально переводится как Антон Нецыганский, или Антон Иноверец. Неизвестно, был ли он цыганом или те взяли себе в вожаки «сильную и умную» личность со стороны. Тем не менее «граф» получил от шотландского короля Якова IV рекомендательное письмо, а лорд Шотландии выдал ему из казны 7 фунтов стерлингов «подорожных». Спустя некоторое время Антон Гаджино предъявил это рекомендательное письмо датскому королю. Прошло всего семь лет, и табор Антона Гаджино поражал воображение жителей Стокгольма. Другие цыганские таборы, под предводительством «герцогов и графов Малого Египта» исколесив Францию, двинулись в Испанию и, попав в Андалусию, были радушно приняты графом Мигелем Лукасом де Ирансо. Уже во второй половине XV века цыгане наводнили Испанию и проникли в Португалию.

Их «безмятежная» жизнь закончилась где-то в середине XVI века. Так, в Англии еще во времена короля Генри VIII специальный королевский указ запрещал дальнейшее продвижение «бродячего народа, называвшего себя египтянами». Согласно этому указу, лиц «совершивших много злодеяний», выдворяли из страны. Не случайно первые «египтяне», появившиеся в 1544 году в Норвегии, прибыли туда не по собственной воле — они были узниками, которых англичане вывезли на кораблях из страны. В 1554 году дочь Генри VIII,

английская королева Мария I Тюдор, по прозвищу Кровавая Мэри, объявила цыган вне закона из-за «их старых привычек практиковать воровство и разные грязные дела». Цыганам предписывалось в течение сорока дней покинуть Англию, в случае непослушания их ждала смерть. Исключение делали лишь детям до тринадцати лет и тем, кто «хорошо себя вел и мог выполнять гражданские работы». Закон строго не выполнялся, многие английские суды уклонялись от его применения. И тем не менее немало цыган уехало в то время на зафрахтованных судах, а им вслед с нескрываемым суеверным страхом глядели портовые жители. Еще более суровым был закон 1562 года, принятый в Англии царствовавшей в те времена двоюродной сестрой Кровавой Мэри королевой Елизаветой. По этому закону гонениям подвергались не только цыгане, но даже те, кто в течение месяца хотя бы раз остановился у них, вел их образ жизни.

Аналогичные этим законы и указы были приняты во всех европейских государствах. Так, в Испании в 1633 году был издан указ, грозивший цыганам смертной казнью, если они «не сменят свое платье на обычное, не забудут язык, обычаи и даже свои имена». Но еще задолго до этого, по указу 1510 года, цыган стали вытеснять из Арагонии под страхом «быть подвергнутыми наказанию палками или плетьми, отрезанию ушей или обращению в пожизненное рабство».

Несколько раньше началось преследование цыган в Германии. Так, хроники 1449 года засвидетельствовали насильственное изгнание цыган из Франкфурта-на-Майне. А с 1482 года цыган стали преследовать во всей Германии. Эдиктом курфюрста Карла Ахиллеса из Бранденбурга цыганам было запрещено находиться в пределах курфюрства. В 1500 году рейхстаг Аугсбурга при императоре Максимилиане I законодательно распространил репрессии по отношению к цыганам на всю империю. Нет смысла цитировать эти законы, так или иначе продержавшиеся до второй половины XVIII века. Они ничем не отличались от аналогичных законов, издававшихся во времена средневековья во всех государствах Европы. Разнились лишь оскорбительные формулировки и эпитеты, которыми награждались цыгане: в испанских указах они — «грязная раса», «чернь», «грязные воры» и «мошенники», а в эдикте, к примеру, прусского короля Фридриха I (1710 года) речь идет о «цыганах и другом кочующем воровском сброде». Мы не хотим трагедизировать те времена. Многие эти законы существовали только на бумаге и нечасто выполнялись на практике. Число жертв этого мно-

говекового законодательного пресса не сравнимо с ужасающим числом жертв двенадцатилетнего фашистского геноцида. Но антицыганские законы словно дамоклов меч висели над целым народом, заставляя цыган метаться из страны в страну.

Если Европу цыгане «осваивали» в известной степени добровольно, то «освоение» Америки, Центральной и Южной Африки и ряда островных государств явилось прямым следствием средневекового гнета и осуществлялось в принудительном порядке: власти загоняли цыган на суда и насильственно переселяли в свои колонии. Например, с конца XVI века Португалия депортировала большое количество цыган в Бразилию, Анголу, Сан-Томе, на Острова Зеленого Мыса. Так возникла первая волна цыганской миграции в Новый Свет. Миграция продолжалась вплоть до XVIII века. Северную и Южную Америку и близлежащие острова заселили репатрианты из Испании и Португалии, приговоренные к каторжным работам цыгане Франции, изгои из Шотландии и Англии. Следующая волна миграции цыган в Новый Свет началась в XIX веке, но это уже было добровольное переселение из Европы.

Мы намеренно рассматривали процесс цыганской миграции в зависимости от тех социальных реакций, которые возникли при появлении цыганских племен в чуждых им государствах. Мы видим в этом непосредственную связь. И хотя сама по себе цыганская миграция — процесс гораздо более сложный, многопричинный, она — результат социальной обструкции этого народа со стороны власть имущих. Мы не хотим идеализировать межнациональные отношения разных народов мира и цыган. Трения разного рода вполне могли существовать и, вероятно, существовали. «Отторжение» цыган объясняется и тем, что язык, традиции, образ их жизни резко отличались от образа жизни, культуры других народов. На этом фоне острее воспринималась и противоправная деятельность пришельцев. Но самое главное, о чем необходимо сказать: не национальные чувства формировали общественное мнение по отношению к цыганам. Во все времена вспышки антицыганизма возбуждались теми, кому они были выгодны. Поэтому не случайно волна принудительной миграции цыган резко спала, когда на смену средневековью пришла эпоха Просвещения.

В жизни цыган Европы наступило некоторое облегчение. Добродетельная австрийская эрцгерцогиня Мария Терезия, а впоследствии ее наследник Иосиф II сочли казнь цыган по одному лишь национальному признаку явно «несозвучной

эпохе». Императрица издала свой так называемый Регламент. Что же он из себя представлял? Вот его основные положения:

«Национальное имя цыган изменить в новобанатцев (Банат — историческая область, находящаяся на западе современной Румынии и северо-востоке Югославии.— *Е. Д., А. Г.*) или нововенгерцев; принудить цыган прекратить бродяжничество и жить в постоянных жилищах; отобрать у цыган детей и передать их на воспитание крестьянам; запретить браки между цыганами; мальчиков старше 16 лет забрать в солдаты, тех, кто моложе этого возраста,— отдать в учение ремесленникам».

И хотя в этом Регламенте нет ни слова о смертной казни, вполне вероятно, что, если бы его неукоснительно исполняли, спустя век на территории Священной Римской империи не осталось бы ни одного цыгана.

Читатель, наверное, уже обратил внимание на то, что, говоря о путях цыганской миграции, мы не касаемся России. Тема «Россия и цыгане» требует особого разговора, мы остановимся на ней более подробно.

Вот мы говорим — цыгане! А кто они такие? Уже звучали слова «каста», «племя», «народ». В иные времена цыган считали шайкой разбойников, противоправной социальной группой и так далее. Необходимо внести ясность в этот вопрос.

Покинув родину, пройдя сквозь многие страны, цыгане обособились и создали своеобразную этнографическую общность, которую современные цыганологи, на наш взгляд, совершенно справедливо определяют словом «народ». При этом большинство исследователей сходятся на мысли, что окончательное формирование цыганского этноса произошло к моменту их распространения из Византии в Европу. Этой точки зрения мы и будем придерживаться.

Можно предположить, что к моменту исхода из Индии они были этнически и этнографически однородны. Но позже, живя в тесном контакте с другими народами, они впитывали чужой язык, обычаи, культуру. Какая-то часть цыган прекращала движение по миру и оседала в тех или иных регионах, другие же продолжали кочевье, не прекращался и процесс напластования все новых и новых культур. Таким или примерно таким образом в мире образовалось великое множество так называемых цыганских этнодиалектных групп. Культура каждой из них существенно отличалась одна от другой. Разными были воспринятая религия, фольклор, многие обычаи и обряды, заметно отличался язык. Цыгане разных этногрупп, как правило, занимались каждая своим ремеслом.

К примеру, кэлдэрары славились как искусные лудильщики, некоторые группы специализировались на плетении корзин, изготовлении деревянной посуды, дрессировке животных, занимались скупкой и продажей лошадей и т. д.

В Россию цыгане приходили в самое разное время и самыми разными маршрутами. Даже в наши дни в районах Средней Азии можно встретить потомков тех самых цыган лури, о которых шла речь в поэме Фирдоуси «Шахнаме». Они — первые переселенцы. Следом за ними в нынешние пределы нашего государства пришли цыгане, которых местное население Закавказья до сих пор называет «боша» и «карачи». Информация об этих цыганских группах очень скудна. Они малочисленны, их язык постепенно сливается с языком окружающих народов. Не исключено, что полная их ассимиляция — дело не такого уж далекого будущего.

Миновали века, прежде чем из придунайских областей цыганские таборы мощным потоком хлынули на юг России. Происходило это одновременно с появлением цыган в Европе, то есть в XV веке. По-видимому, это были беглецы из разоренной Византии. Один из актов литовского князя Александра (а в XIV—XVI веках литовские князья владели и Белоруссией), датированный 1501 годом, говорил о «давних правах» цыган. Именно этот документ позволил предположить, что в Белоруссии и южных районах России цыгане жили уже в XV веке. А позже, быть может в XVI или в XVII веке, цыгане прочно обосновались на Украине. Надо ясно понимать, что освоение цыганами новых территорий проходило постепенно. Процесс этот был неоднократным и длительным.

Два столетия спустя цыгане снова появились в России. В одной из московских рукописей XVII века можно прочитать: «Цыганы есть люди в Польши, а поидоша от немец, на татьбу и всякое зло хитры». Из цитаты видно, сколь наивными были представления об образе жизни цыган, кроме того, мы узнаем о маршруте, по которому цыгане пришли в центр и на север России. Со временем эти цыгане сформировали особую этногруппу, которую цыганологи назвали «русскими», или «севернорусскими», цыганами. В их языке, в отличие от диалекта южных цыган, проникших в Россию непосредственно из Византии, было найдено немало слов немецкого, а еще больше польского происхождения. При этом какая-то часть цыган через Германию и Польшу двинулась в Литву и Латвию. Не исключено, что туда они попали даже несколько раньше, чем в Россию. И уж поскольку речь зашла о цыганах Прибалтики, надо сказать, что цыганские таборы

проникали туда и с севера, двигаясь из Финляндии в Эстонию. Но происходило это, вероятно, не ранее XVIII века.

Однако вернемся к русским цыганам. Первое упоминание о них можно найти в именном указе и резолюции племянницы Петра I русской императрицы Анны Иоанновны от 7 июня и 5 июля 1733 года[1]. Они были изданы по случаю учреждения слободских полков: Сумского, Ахтырского, Изюмского и других. Императрица повелела:

«Вдобавок на содержание полков сих определить сборы с цыган, как в Малой России с них собирают, так и в Слободских полках и в Великороссийских городах и уездах, приписанных к Слободским полкам, и для этого сбора определить особого человека, так как цыганы в перепись не написаны. При сем случае в докладе Ген. лейт. Кн. Шаховского объяснено было, между прочим, что цыган в перепись писать было невозможно, потому что они дворами не живут».

Этот документ ценен не только потому, что в нем впервые упоминается о русских цыганах: он содержит и немало другой информации. В частности, любопытно, что императрица, пытаясь обложить цыган налогом, обращается к опыту Малороссии. Из указа ясно, что малороссийские цыгане к тому времени уже были переписаны и, по-видимому, жили оседло.

В 1733 году цыгане обратились с прошением в Сенат. А 13 сентября 1733 года издается сенатский указ, по которому цыганам «дозволено было в Ингерманландии жить и торговать лошадьми; а так, как они показали себя здешними уроженцами, то предписано было включить их в подушную перепись там, где жить пожелают, и положить в раскладку на Конной Гвардии полк».

Что мы можем узнать из этого указа? Еще раз уточняется маршрут цыганских таборов, двигавшихся из Европы в Россию. Узнаем мы также, что излюбленным их занятием была торговля лошадьми, раскрывается и отношение к цыганам русских властей. Включение их в подушную перепись — это не что иное, как попытка закрепостить кочевой народ. А «раскладка на Конной Гвардии полк» — это все тот же воинский налог.

Указы русских властей становятся все жестче. Так, в именном указе императрицы Елизаветы Петровны от 16 августа 1759 года говорится: «Цыганов в С.-Петербург и близ

---

[1] Здесь, в частности, идет речь о цыганах приграничных областей — Курской, Белгородской, Воронежской, хотя читатель должен понять всю условность географической «привязки» кочевого народа.

оного отнюдь не пускать и въезду им не дозволять». В течение некоторого времени продолжалась «борьба» служащих казенных учреждений с цыганами из-за недоимок. Из цыган выбирались «добрые сборщики», недоимщикам не выдавались паспорта. В указах Сената от 24 января и 4 ноября 1784 года директору Московской Казенной Палаты предписывалось не выдавать цыганам паспорта «до времени их поселения» и «без паспортов отлучившихся нигде их не терпеть». И так в течение полутора веков указы следовали один за другим. И суть каждого из них в том, чтобы закрепостить, обложить налогом, ввести в подушную перепись... Выявляется даже забавная закономерность: хотя отношение всех русских правителей к цыганам было сравнительно мягким, оно как бы ужесточалось через одного; так, если Анна Иоанновна была к цыганам не столь строга, то Елизавета Петровна вела себя жестче, при Екатерине II — снова «оттепель» и так далее. Читаешь эту указы и будто наяву слышишь вопль какого-нибудь правительственного чиновника, жалующегося властям на то, например, что цыгане Екатеринославской губернии за 1791 год образовали недоимку в 14 451 рубль $7^1/_2$ копейки и т. д. О действенности этих указов красноречиво говорит уже упоминавшийся нами эпизод. 18 февраля 1836 года был издан указ, целью которого было закрепить бессарабских цыган на отведенных землях. 752 цыганских семейства было водворено на земли Аккерманского уезда, им было дано 9902 десятины земли. «Из цыган образовались в Бессарабии селения: Каир, в коем 141 домик, и Фараоновка, в коей 146 домиков...» В воображении возникает идиллическая картина: жаждущие работать на земле цыгане сидят возле отданных им домиков... В жизни все было по-другому. Акция была не продумана, не подготовлена, и естественно, что все государственные деньги пошли на ветер. Уже через четыре года инвентарь пришел в негодность, выделенный скот для работы не использовался, построенные жилища были безнадежно испорчены, земля практически не возделывалась, а те 32 рубля серебром на каждую семью, которые выдали для обзаведения, были просто-напросто проедены. В дальнейшем правительство упорно проводило подобные мероприятия, но результат всегда был одним и тем же.

Вот что пишет А. И. Герцен в произведении «Былое и думы»:

«К Вятке прикочевал в 1836 году табор цыган и расположился на поле. Цыгане эти таскались до Тобольска и Ирбита, и продолжали с незапамятных времен свою вольную бро-

дячую жизнь, с вечным ученым медведем и ничему не учеными детьми, с коновалами, гаданьем и мелким воровством. Они спокойно пели песни и крали кур, но вдруг губернатор получил высочайшее повеление, буде найдутся цыгане беспаспортные (ни у одного цыгана никогда не бывало паспорта, и это очень хорошо знали и Николай, и его люди), то дать им такой-то срок, чтоб они прописались там, где их застанет указ, к сельским, городским обществам. По прошествии же данного срока предписывалось всех годных к военной службе отдать в солдаты, остальных отправить на поселение, отобрав детей мужского пола. Этот безумный указ, напоминающий библейские рассказы о избиениях и наказаниях целых пород... сконфузил самого Тюфяева. Он объявил цыганам нелепый указ, написал в Петербург о невозможности исполнения. Для того, чтобы прописываться, надобны деньги, надобны согласия обществ, которые тоже даром не захотят принять цыган, и притом следует еще предположить, что сами цыгане хотят ли тут поселиться. Взяв все это во внимание, Тюфяев, и тут нельзя ему не отдать справедливости, представлял министерству о том, чтоб им дать льготы и отсрочки. Министр отвечал предписанием по истечении срока привести в исполнение навуходоносоровское распоряжение. Скрепя сердце, послал Тюфяев команду, которой велел окружить табор; когда это было сделано, явилась полиция с гарнизонным батальоном, и что тут, говорят, было — это трудно себе представить. Женщины с растрепанными волосами, с криком и слезами, в каком-то безумии бегали, валялись в ногах у полиции, седые старухи цеплялись за сыновей. Но порядок восторжествовал, и колчевский полицмейстер забрал детей, забрал рекрут, остальных отправили по этапам куда-то на поселение...»

Далее А. И. Герцен пишет о том, что, когда забрали детей, выяснилось — девать их некуда, денег на их содержание нет. Тогда маленьких цыганят поместили в богадельню вместе с умирающими стариками и старухами, заставили детей дышать воздухом смерти.

Цитаты из правительственных постановлений показывают, что меры, принимаемые в Российской империи по отношению к цыганам, никогда не были крайними, в отличие от мер, принимаемых в государствах Западной Европы. Не будем обольщаться и объяснять это гуманизмом российского общества. Нет, тому были другие причины. Дело в том, что цыгане, попавшие в Россию, поначалу смогли «раствориться» в ее необъятных просторах. Поэтому и «вспомнили» о цыга-

нах лишь в 1733 году, когда по Европе прокатилась волна Просвещения. Послепетровская Россия жила новыми устремлениями и идеалами. И хотя, как встарь, в борьбе за сферы влияния в междоусобных разорительных войнах гибли тысячи людей, указ, в котором бы черным по белому было написано: «Каждый встреченный на дороге цыган должен быть повешен», оказался бы «несозвучным эпохе». Назовем еще одну причину, объясняющую либерализм русских властей. Дело в том, что цыганское музыкальное искусство дало на русской почве ярчайшие, удивительные всходы, оно привлекло внимание всех культурных слоев общества, в частности — высшего света, что несомненно повлияло на формирование позитивного общественного мнения.

Последняя мощная волна цыганской миграции в Россию приходится на конец XIX — начало XX века. Правда, цыгане устремились не только в Россию, но и в Европу, Африку, Америку,— мигрировали практически по всему миру. Но почему во второй половине XIX века в Банате произошел сильный социальный взрыв, разметавший цыган по всем уголкам земного шара? Найти этому хоть сколь-нибудь убедительное объяснение трудно. В Банате уже давно образовалась многочисленная группа так называемых кэлдэраров (от румынского «кэлдэрар» — котельщик, медник, лудильщик). И вдруг в сороковых годах прошлого века кэлдэрары стали покидать места своего исконного проживания и расселяться по всему миру. Некоторые цыганологи связывают это с изменением социально-экономических условий, с падением спроса на изделия и труд ремесленников. Однако вряд ли это была единственная и главная причина. Ведь и по сей день цыгане этой группы, где бы они ни находились, продолжают заниматься своим традиционным ремеслом, хотя порой — и это естественно! — приспосабливаются к конъюнктуре и меняют род занятий. Так, мы сами видели таборы кэлдэраров, занимающихся изготовлением мягкой кровли. Нет, вряд ли только по этой причине цыгане покинули Банат и распространились по всему свету. Политическая обстановка в Европе в то время была относительно спокойной, до войны было еще несколько десятков лет, социальный фон был для цыган ничуть не мрачнее, чем сто, двести, триста лет назад. Между тем, как уже не раз бывало в цыганской истории, возник мощный импульс, влекущий к перемене мест. «Взрывная волна» миграции кэлдэрарских таборов увлекла и цыган венгерского этнического ареала, хотя и в меньшей степени. Этот взрыв продолжался в общей сложности чуть более полувека,

но даже этого времени было достаточно, чтобы лудильщики из Баната заполнили весь мир. Ныне это самая многочисленная цыганская группа, в нее входит едва ли не половина всех живущих на земле цыган (а по некоторым оценкам и больше).

Нам удалось подробнейшим образом расспросить первых переселенцев из Румынии в Россию, как это происходило. Некоторые из них живы и сегодня. Из разговора с ними стало понятно, что привело в действие механизм цыганского движения.

Когда цыганологи исследуют причины цыганского кочевья, они почему-то не принимают во внимание структурные особенности цыганского общества, те процессы, которые в нем происходят. На наш взгляд, именно в них и кроется разгадка. Что же произошло у румынских цыган к сороковым годам прошлого века? В преданиях кэлдэраров, сохранившихся до наших дней, говорится о том, что в эти годы в цыганской среде образовались так называемые «барэ вицы», то есть большие роды, раздробившие доселе единое цыганское общество по патрилинейному признаку. Каждый стал называться по имени своего почитаемого прародителя. Так, от Ёно Кальдараса идет род цыган «ёнешти», от Мигая — род «мигэешти» и так далее.

Вот какую легенду о своем прародиче рассказывают цыгане «мигэешти»:

«Когда-то давно жила одна бедная цыганка. Выдали ее родители замуж. Прошел год, и родился у цыганки сын. Дали мальчику прозвище Мигай. Подрос Мигай, и настала ему пора жениться. У нас ведь как? Женят уже лет в четырнадцать-пятнадцать. Мигай был парень красивый и трудолюбивый, а еще здоровый был — под два метра ростом. Раньше-то воздух чистым был: ни тебе заводов, ни фабрик. Вот люди здоровыми и росли, подолгу жили.

В старые времена редко встречались богатые цыгане. Обычно даже на большой табор всего-то приходилось две-три богатые невесты. И случилось так, что пришлась Мигаю по душе как раз такая богатая невеста. И вот пошло сватовство. Собрались старики, стали отца невесты спрашивать, согласен ли он дочь за Мигая выдать. А тому что не соглашаться? Парень красивый, работать умеет, лошадей любит, сам не конокрад какой-нибудь. Вот он и согласился.

А тогда, как и сегодня у некоторых народов мира, такой обычай был — за невесту выкуп давать. Даже сейчас кое-где у цыган этот обычай сохранился. И вот, когда разговор о вы-

купе зашел, спросил отец невесты столько денег, что Мигаю нечем было откупиться. И получилось так, что вроде та девушка и не невеста уже, но и не жена Мигаю. Тогда Мигай говорит: «Раз у меня денег не хватает, пойду я на лихое дело».

Собрал он из бедняков человек десять и пошел в лес. С того дня стал он разбойником. Что он делал? Нападал на богатые обозы, грабил богатых людей, а бедных не трогал. Ни одного человека не убил Мигай, а брал только золото и драгоценности. И всегда с бедными делился. С тех пор, как что случится, цыгане говорят: «Это Мигай-поп сделал». Всех богатеев он «окрестил», и потому люди прозвали его Мигай-поп. Бедные не боялись его, а богатые дрожали, едва услышав его имя.

Промышлял так Мигай где-то года два или три. Стало теперь у него столько золота, что и царю не снилось. Тогда приходит он к своему тестю и отдает выкуп. А тесть его вот что сделал. Не стал он ждать, пока Мигай-поп выкуп принесет и жену заберет, а выдал дочь замуж за другого человека. Собрал Мигай табор, и стали старики судить, как поступить. С одной стороны, по цыганскому закону семью разрушать нельзя, а с другой — девушка-то засватана была. Получается, что целый год молодые живут, но как бы незаконно. Никогда такого не было у цыган. Вот и решили старики поступить так, как никогда не поступали. Обычно, когда цыганок замуж выдают, никто не спрашивает их согласия: как родители скажут, так и будет. А тут решили, чтобы цыганка сама выбирала свою судьбу. И та показала на Мигая, потому что давно любила его. Тем и закончился суд.

Сыграли свадьбу. Отец невесты настолько боялся Мигая, что даже выкупа с него не взял. Стал Мигай жить со своей молодой женой. Бросил он лихое дело. Был он очень богатым человеком, но никогда ни в чем бедным не отказывал, всегда деньги давал, а обратно долги не брал. Прожил Мигай семьдесят два года. У него было двенадцать детей — семеро сыновей и пять дочерей: Ергуло, Милош, Милява, Риста, Букоро, Дардияш — всех и не припомнишь. Так пошло наше племя — мигэешти. А начало нации нашей идет от Мигая-попа. Сейчас нас уже многие тысячи: и в Молдавии, и на Украине, и под Ленинградом, и в Туле, на Косой горе...»

Поскольку ареал проживания цыган-лудильщиков не ограничивался Банатом, возникло и «географическое» расслоение цыган на «молдавских», «греческих», «венгерских» и т. д. Уже во втором поколении большие цыганские роды распались на малые. Формирование больших родов закончи-

лось как раз в 40-е годы прошлого века, а расслоение на малые роды — чуть позже. Сейчас трудно сказать, что послужило причиной расслоения. Однако известно, что между родами не было согласия, более того, существовал заметный антагонизм, который и «взорвал» цыган изнутри.

Этот антагонизм нашел отражение и в цыганском фольклоре. Вот дословный перевод одной из народных песен:

Мигэештей было двадцать четыре,
А ёнештей было четыре.
Мы разнесли их шатры
И разодрали рубашки.
И грозятся те цыгане
Побить нас на дорогах.
Побьют они свою голову,
Свою голову глупую.

В 70-е годы прошлого века первые кэлдэрарские таборы появились в России. В качестве «плацдарма» для проникновения они использовали территорию Молдавии[1], где исстари проживало немало цыган этой группы. Из русской истории известно, что Молдавия неоднократно переходила из рук в руки вместе с проживающими там цыганами. Таким образом, она стала своеобразной «помпой», перекачивающей цыган из Европы в Россию.

В наши дни цыган-кэлдэраров можно встретить по всей стране от Молдавии до Сибири. Этнографическая карта нынешнего цыганского населения России довольно пестра. Здесь живут разные этногруппы цыган, переселившихся сюда в разные исторические эпохи. По данным переписи 1979 года на территории СССР насчитывалось 209 тысяч цыган.

Мы попытались собрать, соединить и осмыслить наиболее значимые факты их непростой истории, те, которые внушают доверие, и отбросили мифы, создавшие ореол загадочности вокруг этого народа. Когда речь заходила об образе жизни цыган, рождались поистине фантастические мифы. Вот один из образчиков таких мифов. Некий цыганолог прошлого, описывая казнь цыгана, высказывал предположение, что «...иногда ему (цыгану.— *Е. Д., А. Г.*) в голову приходят шутливые мысли...». Что за «шутливые мысли» могут прийти в голову человека, когда его собираются повесить? Оказывается, цыган просит «повернуть его лицом в сторону от

---

[1] Молдавия была главным, но не единственным «плацдармом», другим, как пишет Ежи Фицовский, была Польша. См. его книгу «Польские цыгане» (Варшава, 1953, изд. 1), которая цитируется и далее.

дороги, так как ему стыдно смотреть в глаза соплеменникам».

Не менее оригинален русский краевед М. И. Пыляев. В своей книге «Старый Петербург» он, в частности, пишет:

«Между цыганами есть немало и уродов. Это случается оттого, что супруги при ссоре дерутся детьми; отец берет малютку и бьет им жену, а жена хватает другого ребенка и отражает им удары».

Чуть ниже он высказывает замечательно смелую гипотезу:

«Современные физиологи уверяют, что потребность к бродяжничеству у них является следствием большого малокровия всей цыганской расы».

Казалось бы — полный бред. Да вот поди же! Любителей «жареных фактов» во все времена предостаточно. За примером далеко ходить не надо. Прочтите роман В. Пикуля «У последней черты», его «цыганские эпизоды».

В утреннем выпуске ленинградского органа «Красная газета» от 12 октября 1927 года был опубликован сенсационный материал:

«Весной этого года в Словакии была обнаружена шайка цыган-бандитов, во главе которой стоял Александр Фильк. Шайка нападала на богатых горожан, грабила их, убивала, а трупы относила к себе в расположенный в лесу табор. Там цыгане устраивали каннибальские пиры и съедали трупы убитых во время налетов горожан. Обглоданные кости они закапывали тут же в лесу».

Если собрать и издать подобного рода «документы», получилась бы довольно объемистая книга душераздирающих историй. Подумаешь, чепуха! — скажет иной читатель. Такая ли уж это чепуха? Ведь именно на этих «фактах» зиждилось общественное мнение о цыганах. Будто и не люди они вовсе, по иным законам живут. А раз так, и отношение к ним соответствующее. Чаще всего — враждебное, в лучшем случае — настороженное. Цыгане своей замкнутостью помогали этому. Между тем истинная жизнь цыган полна красоты и мудрости, их традиции складывались веками, и, как нам кажется, даже цивилизованные народы могли бы у них кое-чему поучиться. Попробуем же приоткрыть полог цыганского шатра и окунуться в цыганскую жизнь.

От рождения до смерти

Прежде чем рассказать о цыганской жизни, еще раз мысленно взглянем на этнографическую карту цыганского населения мира. Каждый раз, описывая тот или иной цыганский обряд или праздник, ту или иную традицию или ритуал, мы должны помнить о ней, просто обязаны иметь ее в виду.

Итак — цыганский народ. А как еще назвать людей, которых в мире по самым скромным подсчетам не менее трех миллионов человек? Прошедшие в течение многих веков десятки стран, соприкасавшиеся со многими народами, цыгане образовали около двадцати этнографических групп, отличающихся друг от друга по целому ряду признаков. Достаточно сказать, что два цыгана, принадлежащие к двум этногруппам, в разговоре вряд ли поймут друг друга, настолько будет непохож на язык. Главной причиной разделения является процесс аккультурации, то есть восприятия чуждой культуры и как следствие — создание своеобразных сплавов культур. К настоящему времени их обнаружено около двадцати. Таково укрупненное деление народа.

Внутри каждой этногруппы существует более мелкое деление на, как их называют сами цыгане, «нации». И этногруппы, и «нации» формировались по географическому принципу, под влиянием местного оседлого населения. Нередко география отражается в самоназваниях этногруппы (русские цыгане, венгерские цыгане) и нации («ромунгры», «грекуря», «сербияйя», «молдовайя» и т. д.). Случается, что название той или иной этногруппы или «нации» может указывать на род занятий: этногруппа «кэлдэраров» занималась лужением посуды, нация «ричаров» некогда специализиро-

валась на дрессировке медведей (по-цыгански «рич» — медведь), нация «ловаров» — на торговле лошадьми и барышничестве (слово «ло» по-венгерски означает лошадь). Следующее деление — на роды. Уже говорилось, что нередко название родов шло от имени прародителя, например, «ёнешти», «петрешти», «мигэешти», «бадони», «букурони» и т. п. Но бывало, что название роду давала кличка, а не имя прародича. Так, вероятно, возникли роды «крестевецони» (от цыганского «крестевецо» — огурец), «рувони» (от цыганского «рув» — волк) и даже «дешудуй шэрэ» (то есть «двенадцать голов»).

Интересную историю о происхождении рода «сапорони» мы записали от Ристо Петровича — барона кэлдэрарского поселения под Калинином. «Раньше,— объяснил нам Ристо,— мы назывались просто «цынорони». И вот жила одна женщина, которой цыгане дали прозвище Кали, то есть Черная. В одно прекрасное время она забеременела, и начались у нее схватки. Стала она жаловаться подругам на боли. А одна из них подшутила: мол, должно быть, не человека ты родишь, а змею. По-цыгански змея — «сап». Когда родился мальчик, цыгане так и прозвали его — Сап. Настоящее же имя его — Гого ла Каляко, он был родным дядей моему отцу. От него и пошел наш род «сапорони». Было это уже в России, лет девяносто тому назад».

Попутно расскажем об одной любопытной традиции кэлдэраров: к имени человека они прибавляют не отчество, а имя матери — Гого ла Каляко, то есть Гого — сын Кали, или Маня ла Параштивати, то есть Маня — дочь Параштивы (по-русски Прасковьи).

А вот какая легенда бытует у цыган о происхождении рода «минешти». Ее поведал нам Джура Махотин из Калинина. Говорят, что, когда цыгане, скрываясь от преследования турок, покидали Сербию, одна цыганка осталась без лошади и была вынуждена запрячь свинью. У свиньи той была кличка Мина. И вот дети цыганки, спасенные свиньей Миной, дали начало роду «минешти».

Подмосковные цыгане из рода «петрушки» занимались огородничеством, выращивали петрушку, отсюда и их прозвище. Одна из наших корреспонденток, Вера Богданенко из-под Ростова, рассказала нам забавную историю о том, как возникло название рода «ямпилей», к которому она сама принадлежит. Дело было в начале нынешнего века. Кто-то из ее предков занедужил и покупал в аптеке ампулы со спиртом для растирания. Труднопроизносимое для цыган слово «ампула» трансформировалось в «ямпиля».

Нынче этот род насчитывает не одну сотню человек, и все — «ямишли».

Мы знаем, что в своем движении по миру цыгане принимали религию того народа, на территории которого проживали. К сожалению, это мало что дает для понимания верований цыган. Чтобы разобраться в них, вернемся к исходу цыган из Индии. Если вспомнить, что они имели статус «неприкасаемых», то становится понятно, насколько они проникли в ведическую религию. К тому же, судя по всему, в то время цыгане были поголовно неграмотны. Веды им были недоступны. Еще более нелепым кажется утверждение, что первые выходцы из Индии были индуистами. Думается, что философские идеи и религия доходили до предков цыган в виде неких отголосков, вероятно, языческое мироощущение было присуще цыганам еще в те давние времена.

В дальнейшем, соприкасаясь с народами, исповедующими те или иные религии, цыгане интуитивно принимали и эти религии. Они, безусловно, понимали, что без этого им не удастся войти в контакт с местным населением. Это было жизненно необходимо. Ведь и без того они были на положении изгоев. Так уж сложилось, что люди, хоть и с трудом, научились терпеть расовую и национальную несхожесть, снисходительны к чужому образу жизни, но всегда принимают в штыки иноверцев. И все-таки одни народы относятся с большей терпимостью к чужой вере, другие с меньшей, сравним, к примеру, приверженцев православия и ислама. Однако ксенофобия по отношению к цыганам даже веротерпимых народов неизменно носила религиозную окраску. Так было легче ее оправдать. Цыгане прекрасно понимали это. К тому же с течением времени у них накопился богатый отрицательный опыт тяжких испытаний и репрессий.

Словом, цыгане принимали различные мировые религии, поначалу это позволяло им чувствовать себя хоть в какой-то мере защищенными. Потому, живя среди мусульман, они исповедовали ислам, в Европе они стали католиками, лютеранами и протестантами, а в России приняли православие. Если зайти в дом российского цыгана, проживающего в селе, там, как правило, можно увидеть тщательно оформленный «красный угол»: висят иконы в дорогих окладах, горит лампада. И во время кочевья цыгане возили с собой иконы. Может возникнуть впечатление, что они — истинные христиане. Но так ли это? Вот что мы услышали от цыган Ленинградской области:

«Бывало, что и не было у нас икон. Тогда брали таз, ста-

новились на колени перед солнцем. Оно у нас — первый бог, это еще по старинушке считается. Молились, молились и говорили: «Развей ты, солнце, счастье мое, если я в чем-то виноват. Накажи мои руки и ноги. Чтобы не было счастья моим детям, чтобы они сгорели в твоем огне». Били палкой по тазу, траву рвали горстями и подбрасывали вверх».

Конечно, дело здесь не в отсутствии икон, а в изначальном языческом мироощущении цыган, их тесной связи с природой, обожествлении ее сил. Русский крестьянин, говоря «хлеб наш насущный даждь нам днесь», смотрит на солнце с мольбой и надеждой, что оно подарит ему пару погожих деньков. Так и цыгане, произнося ту же фразу по-цыгански: «О маро амаро мэ авэл амэнгэ», надеются на судьбу. Своеобразно преломляются в сознании цыган даже образы православных святых. Николай Чудотворец для них — покровитель лошадей. Не случайно конные ярмарки в Николин день, на взгляд цыган, самые удачные. Даже отправляясь «грэн тэ чёрэс» (воровать коней), цыгане берут порой икону Николая Угодника и просят его покровительства: «Николай Угодник, я тебя озолочу, я свечку куплю и для тебя зажгу, я для тебя что угодно сделаю. Скажи своему богу, чтоб он помог...»

Но если дело кончается неудачей, не скупятся и на бранные слова в его адрес. Другой почитаемый святой — Георгий Победоносец. Видимо, потому, что на иконах он изображается сидящим на коне. От сибирских цыган мы записали любопытный заговор, призванный уберечь коня от нечистой силы:

«Ходил Егорий-Храбрый на высокую гору, доставал двенадцать каленых стрел, убивал двенадцать дьяволов: поддужного, подпружного, чересседельного, подседельного, подхомутного, подвожжного, подуздечного, подщеточного, подкопытного, подколенного, подхвостного и подгривного».

В этом заговоре мирно уживаются цыганское суеверие и христианство. Так же, как и у русских, у цыган образ Николая Угодника ассоциируется со сверхъестественным существом — покровителем леса. Но есть и некоторое отличие. Так, цыгане воспринимают и того и другого как одно лицо. Словесный портрет лесового хозяина списан с православной иконы. Разве только одежда у лесового хозяина несколько победнее. Но и Николай Угодник порой являлся в мир в рубище.

Так что же происходило с религиозным сознанием цыган, когда они принимали новую для себя религию? Прежде всего, они использовали внешнюю атрибутику. Что мы имеем в ви-

ду? Цыгане шли в церковь, хотя делали это чисто формально. Они повесили в своих жилищах изображения святых, которые имели для них совсем иное значение. Цыгане активно увязывали любую религию со своим представлением о мире. Возникало то, что не чем иным, как «цыганской верой», не назовешь. Система цыганских верований особенно наглядно проступает в их фольклоре.

Из православия цыгане заимствовали и некоторые обряды и праздники. Впрочем, то же явление можно заметить у цыган, исповедующих другие формы христианства и ислама. Цыгане пышно празднуют такие праздники, как Троицу, Пасху, Рождество и другие святые дни. Эти праздники справляются так же, как и у православных народов, но есть и некоторые отличия. Так, довольно своеобразен обряд встречи Нового года (по старому стилю). Этот праздник считается семейным. Но по традиции принято ждать гостей. Однако из дома никто отлучаться не может. Естественно, поскольку все находятся с семьями, в гости ходить некому. Тем не менее все сидят и ждут. Если наутро на улице встречаются два цыгана, они обязаны бороться друг с другом. Побежденный идет в гости к победителю.

У цыган-ричаров, кроме того, на старый Новый год около полуночи греют воду и бросают в нее монеты. А потом вся семья умывается этой водой. Если этот обряд соблюден, то, как гласит поверье, новый год будет чистым, как вода, и принесет много денег. На Рождество «ричары» варят кутью. Вечером под Рождество (у других цыган — под Крещение) девушки гадают на суженого-ряженого.

Форм святочных гаданий у цыган — множество. Если наутро после Рождества мужчине встретится на улице женщина, это плохая примета. Во избежание всего дурного мужчина обязан обругать ее или даже побить. На Пасху «ричары» пекут хлеб: сколько людей в доме, столько и булок. Семья садится за стол, и каждый разрезает свою булку. У кого она окажется пустой, того ждет несчастье. И еще об одном обычае «ричаров»: на старый Новый год можно проверить, будет ли год счастливым. Для этого надо у кого-нибудь что-нибудь украсть. Если все сойдет с рук, значит, и весь год будет удачливым, а если нет — неприятности начнутся с первого же дня.

У кэлдэраров во время праздника Сим Петри (святого Петра) принято поминать усопших. По поверью, если этого не сделать, души умерших будут преследовать живых. Прижились и такие обряды, как колядование на Рождество,

приготовление блинов на Масленицу и некоторые другие.

Но все это — внешняя сторона цыганского православия. Глубинная часть «цыганской веры» — суеверия и отражающие их воззрения на природу народные приметы. Так, по звездам цыгане умеют определять время, по некоторым приметам ориентируются в пространстве. Ночью они ищут на небе Млечный Путь (Папынытко дром), который указывает направление на юг. Ориентируются они и по Большой Медведице (Дэвлэскирэ колёсы — Божья колесница). Примечают и так называемую «выдрину и хорьковую дорогу». Как говорят сами цыгане, «хорек, выдра, волк, лягушка и всякая гадость перед зарей на восход солнца не идет, а движется на запад». И таких примет множество.

Верят цыгане и в вещие сны. Увидеть во сне мед, рвать орехи или целоваться с красавицей — это все к деньгам. Если приснятся черви — быть пополнению в семье. Если во сне сова закричит — родится девочка. Жди девочку и если приснится плотвичка, а если окунек — будет мальчик. Если горох рвешь, это к слезам, а лук — к горю. Если приснится волк или лисица — жди удачи, а если заяц перебежит дорогу — наоборот. Коня во сне увидать — со злодеем повстречаться, а если удастся на коня вскочить, значит, победишь злодея. Если конь копытом бьет — жди покойника, а если стадо баранов привидится — не миновать мужицкого самосуда. Пчела приснится или медведь — быть обыску, а уж — жди неприятного разговора с начальством. Блины во сне увидать — дурное письмо получить. Если самовар закипает — быть горячей ссоре. Мутная вода — к досаде, а мать родная — к беде. Яблоки снятся к нарывам, а крестный ход — к пожару. Если во сне из носа кровь идет — жди приезда родни. Веревку вить — в тюрьму попасть, а перерезать веревку — от тюрьмы избавиться. На каждый случай жизни — свой сон.

Примерно из той же области суеверий — цыганские приметы, хотя некоторые из них отражают многовековые наблюдения человека за природой. Правда, иногда трудно бывает понять, почему цыгане увязывают явления природы с явлениями человеческой жизни. Например, они считают, что когда в лесу появляется много белок — жди гроз и бурь, будут болезни и эпидемии. Народная примета гласит, что ворон кричит к беде, а сорока прилетает к несчастью. Вообще сорока у цыган птица недобрая, воплощение злой вещуньи. Заяц, перебегающий дорогу наяву,— тоже дурная примета, надо левой рукой сломать ветку там, где он пробежал. Встретить попа на дороге — к слезам. Надо бросить ему вослед пук

соломы. Верят цыгане в счастливую и несчастливую руку. Как и у русских, у них бытует поверье, что полные ведра — к удаче, а пустые — к беде. Если цыгане идут воровать коней, то в доме переворачивают пустые горшки и закрывают печки. Так же, как и у русских, у цыган понедельник — день тяжелый, а пятница — пустой.

Очень стойка и вера во всякого рода фетиши. На шее у крещеных детей висят православный крест и ладанка с кореньями. Фетишем может быть змеиная шкурка, зашитая в бумажник, лягушачьи косточки и так далее. У кэлдэраров бытует поверье о «лилияко» (летучей мыши). Вот его пересказ:

«Кому не хочется быть счастливым? У цыган есть на это своя особая примета — «лилияко». Что такое «лилияко»? Это — летучая мышь. Она где живет? На чердаках, на высоких деревьях. Надо ночью залезть на чердак или на дерево и поймать лилияко. Потом надо чем-нибудь золотым или серебряным отхватить ей голову и положить в карман, чтобы никто этого не видел. Можно сделать и по-другому: вспороть ей живот и зашить туда что-нибудь золотое или серебряное — кольцо, серьгу, монетку. Но это еще не всё. После этого надо шесть недель не произносить ни единого слова. С тобой разговаривают, а ты молчать должен, тебя ругают, а ты — терпишь. Если кто тебя ударит — ты должен отвернуться и уйти, не говоря ни слова. Мы говорим про такого человека, что это его удача бьет. А про удачливого человека цыгане говорят: «Сы лес лилияко» — «Есть у него лилияко». Мол, он — удачей меченный».

Религия является одним из элементов духовной культуры народа на определенной стадии его развития. Так или иначе, она влияет на его образ жизни, на его мироощущение, на его фольклор. Сквозь все века цыгане пронесли языческое видение мира, его не смогла затмить ни одна из религий, воспринятых этим народом. Так, цыганское православие на русской почве предстает как некий странный метафорический образ, когда кажется, будто под нимбом православного святого проступает лик языческого божка.

Когда речь заходит об образе жизни цыган, почему-то всегда возникает эпитет «кочевой». Это определение верно лишь отчасти. В мире проживает немало кочевых народов, но цыгане совершенно не похожи на них. Да и кочевье цыганское совсем иного свойства. Надо знать, что значительное число цыган России издавна вело оседлый образ жизни. Вспомним хотя бы упомянутых русским краеведом В. Н. Добровольским

цыган села Киселевка, что в Смоленской губернии. Они жили в домах и не помышляли о кочевье. И это не единственный пример. Разумеется, не кочевали и те, кто жил в городе. И в других странах, например в Испании, Венгрии, Болгарии, немало цыган постоянно жили оседло. Некоторые этногруппы вели полуоседлый образ жизни, особенно цыгане, которые специализировались на каком-либо ремесле. Их таборы обычно останавливались возле больших городов или в достаточно густонаселенных местах, то есть там, где наиболее вероятен спрос на ремесло. Дома цыгане строили с таким расчетом, чтобы в них можно было прожить достаточно длительное время, и годами оставались на одном месте. Такое передвижение кочевьем назвать нельзя. Это обычная смена места жительства. Мы наблюдали таборы кэлдэрарских цыган в ряде мест СССР. Так, близ станции Пери под Ленинградом цыганский табор проживает во вполне добротных домах уже около пятнадцати лет и не собирается уезжать. В нем насчитывается более пятисот человек, и всем мужчинам работы вполне хватает. Конечно, нашего опыта недостаточно для обобщений, но, думается, вряд ли образ жизни кэлдэраров за рубежом так уж резко отличается от того, который мы могли наблюдать своими глазами. А если вспомнить, что кэлдэрарская группа составляет чуть ли не половину цыганского населения мира, становится понятным достаточно ограниченный масштаб цыганского кочевья не только в наши дни, но и в прошлом.

И все же кочевой образ жизни цыгане ведут и по сей день. Мы не рискнем взять на себя смелость объяснить этот феномен. Однако некоторые объективные причины его назвать можно. Прежде всего, надо помнить, что цыганская история изобилует примерами вынужденного передвижения. Вспомним многовековое преследование цыган в Европе, когда их пытали, рвали им ноздри, отправляли на галеры, вешали и сжигали на кострах инквизиции как еретиков или слуг дьявола. Скрываясь от преследований, цыгане были вынуждены убираться подальше с глаз властей. С другой стороны, необходимость добывать хлеб насущный заставляла их вновь и вновь идти на контакты.

В такой ситуации единственно возможным был кочевой образ жизни, делавший цыган и контактными, и неуязвимыми. Так что в известной мере он был навязан цыганам. Поиск заработка, чаще всего случайного, не давал цыганам засиживаться на месте. Иногда кочевой образ жизни был продиктован тем ремеслом, которым занимался табор.

Кочевье цыган обычно начинается с приходом теплых весенних дней и заканчивается с первыми морозами. На зиму кочевые цыгане останавливаются в деревнях, снимают дома, деревенские бани или другие отапливаемые постройки и там пережидают зиму. Встречается и так называемое «скрытое» кочевье, когда цыгане, живя в постоянных жилищах, летом оставляют в них малых детей и стариков, а сами отправляются в путь по близлежащим окрестностям.

Но вот что удивительно: как бы ни жили цыгане — кочуя, полуоседло или оседло, уклад их жизни оставался практически неизменным.

Внутреннее социальное устройство цыганского табора (оседлой компактной группы, разветвленных семей городских жителей) довольно сложно. Жизнь табора регламентируется системой патриархальных родовообщинных пережитков. В этом смысле прогресс человеческой цивилизации почти не затронул цыган. Лишь несколько меняется атрибутика цыганской жизни, но суть ее остается постоянной.

Что такое цыганский табор? Это либо отдельная семья, либо несколько семей, объединившихся, чтобы совместно добывать средства к существованию. Размер табора зависит от многих причин. Там, где люди живут в достатке, где плотность населенных пунктов велика, цыгане, как правило, объединяются в большие таборы. Наоборот, на севере России, где люди жили достаточно бедно, а расстояния между деревнями и поселками были большими, цыгане кочевали маленькими группами, преимущественно из двух-трех семей. По этой же причине кочевать по северу России нередко приходилось даже зимой.

Особая роль принадлежит в таборе вожаку. Он решает все важные вопросы: осуществляет контакт с властями, играет роль судьи, если в таборе возникают какие-либо недоразумения, определяет время и направление кочевья. Сами цыгане не любят, когда их предводителей называют вожаками, они называют их «пхуро ром» (старый человек) или «баро шэро» (большая голова), кэлдэрары по традиции называют своих вожаков «баронами». Естественно, ничего общего с западноевропейскими помещиками эти «бароны» не имеют, само же название выражает уважение к этому человеку. Фигура вожака вовсе не является обязательной, в малых таборах, состоящих из одной семьи, его функции берет на себя глава семьи. Вожак — лицо выборное, как правило, им становится мужчина и лишь в исключительных случаях — женщина. Чтобы стать им, надо обладать многими

качествами. Вожаки — обычно люди пожилые, умудренные опытом, способные быстро отреагировать на те или иные события и в то же время степенные, уравновешенные, спокойные. Вожак редко повышает голос, что, кстати сказать, не свойственно цыганам, для которых характерен холерический темперамент. Одним из важнейших качеств вожака табора является дар красноречия. Когда мы спросили одного цыганского барона, почему его выбрали на эту «должность», он ответил в шутку: «Надо уметь болтать!» Вот как в одной из цыганских сказок рассказывается о выборах барона:

«Один говорит: «Давайте этого назначим!» «Нет,— говорят,— его нельзя, он — дурак». «Тогда давайте этого»,— говорит другой. «И этого нельзя, он — нехороший человек».— «Тогда давайте того».— «А его подавно нельзя, он — нервный...»

Бывали уникальные случаи, когда во главе цыган становился человек нецыганского происхождения. Мы уже говорили о довольно «подозрительной» в этом смысле личности «графа Малого Египта» Антона Гаджино. Ежи Фицовский приводит еще один исключительный пример, когда королем цыган стал польский дворянчик Якуб Знамеровский. Вот какие сведения сохранились о нем и его «царствовании»:

«Это был человек исключительной красоты, цвет лица темный, похожий на цыганский. С детства он занимался торговлей лошадьми, отсюда у него возникли взаимоотношения с цыганами. Он прекрасно знал их язык и обычаи, обладал исключительным умом и предприимчивостью, недюжинной смекалкой, своим безграничным мужеством и храбростью превосходил все мыслимые цыганские достоинства. Он одевался под цыган по-старопольски, его огромные черные усы делали его лицо похожим на азиатское. Знамеровский получил начальное образование в школе при каком-то монастыре, а затем целиком отдался торговле лошадьми: вначале торговля у него шла удачно, потом пошла хуже, и в конце концов он дошел до такой нищеты, что у него осталась лишь одна лошаденка, да и ту у него украли цыгане из Золотой Орды, то есть из самого богатого цыганского племени в Литве. Прознав об этом, Знамеровский подбирает себе двух оруженосцев из числа смелых цыган и, подобно странствующему рыцарю, пускается на поиски своих обидчиков. После долгих блужданий он находит Золотую Орду, остановившуюся в одной деревушке, расположенной в лесу. Он тут же бросается во всеоружии на банду, состоящую из нескольких сот человек. Внезапное нападение обезоружило цыган, но когда они огля-

делись, то увидели, что противник состоит всего из трех человек. Тогда они поднялись и дали сильный отпор. Но Знамеровский с необычайной отвагой, силой и ловкостью, при поддержке своих оруженосцев, одолел целую орду, привязал пленников к деревьям и заборам и немилосердно отстегал своим кнутом. В конце концов вся орда подчинилась ему и дала присягу в послушании. Собранные старшины из других орд признали его геройство за честь и в полном согласии подняли его на «королевство» вместе с его женой».

Завоевав доверие цыган, Знамеровский выхлопотал представительные документы у предводителя дворянства Казимира Нарбутта и вместе с цыганами отправился во дворец короля Станислава Августа, от которого в 1780 году получил «привилегию», утверждающую его в звании «цыганского короля». Он разбирал споры между цыганами, заступался за своих людей перед населением и властями. Кроме того, с каждой головы он собирал дань по пятнадцать грошей или по половине польского злотого. Резиденцией «цыганского короля» Якуба Знамеровского было местечко Эйшишки. За поясом у Знамеровского всегда можно было видеть цыганский кнут — символ власти. Вот описание этого кнута:

«Это была палка толщиной в обхват руки, длиной в двадцать четыре дюйма, с двух концов она была окована серебром. Эти наконечники искусной работы были делом рук известного цыганского золотых дел мастера: он старательно выделал фигурки коней и цветы. От одного наконечника до другого кнутовище было спирально обвито ремешками. На одном конце кнута был темляк из зеленого шелка, расшитый серебряными нитями и заканчивающийся серебряными кисточками».

Почувствовав вкус власти, «король» Якуб Знамеровский стал ею частенько злоупотреблять. Его решения порой были несправедливыми и пристрастными. Тогда в 1789 году цыганские старейшины собрались, арестовали своего властителя и учинили над ним суд. Вот что об этом пишет Ежи Фицовский:

«Суд вынес такой приговор: отстегать. Подобное наказание при уважении к начальнику производилось следующим образом: Знамеровскому связали руки и ноги, предварительно сняв верхнюю одежду, и впихнули в мешок, который завязали над головой. Затем беднягу подвесили к перекладине в конюшне на таком уровне, чтобы можно было достать кнутом до спины. Цыгане со своими кнутами встали вокруг, и после речи, произнесенной одной старой цыганкой, один из них закопченной кастрюлей ударил «короля» по заду, чтобы обозна-

чить необходимую часть тела, скрытую в мешке, дабы не ошибиться при стегании. После этого баба, севшая под мешком, начала считать удары на цыганском языке: «Глуно, дуито, трито...» Каждый раз при этом она поворачивала мешок, а стоящие отвешивали удары до счета «шэл», то есть до ста. Но и после этого его не выпускали из мешка до тех пор, пока он не получил генеральное прощение и амнистию. В конце концов с достойным почтением уважаемый начальник, угощенный и одаренный, остался опять у власти. И с той поры нес свои обязанности перед народом справедливо и мягко».

В других источниках этот эпизод выглядит несколько иначе. В мешок, куда цыгане сунули Знамеровского, была посажена старая цыганка, которая во время экзекуции должна была своим телом прикрывать голову «короля», дабы тот не потерял разум.

Одним из важных общественных институтов в цыганской среде является суд (крис). Среди цыган нередко возникают конфликты, вызванные, как правило, тем, что кто-то не сдержал слова или не возвратил долг и реже — преступлениями среди своих. В этих случаях потерпевший собирает суд. Приглашаются, порой издалека, пожилые представители родов, пользующихся среди цыган авторитетом. Потерпевший оплачивает дорожные расходы и содержание суда во время разбирательства, организует быт приглашенных. Суд тщательно знакомится со всеми тонкостями конфликта и выносит приговор, который всегда бывает окончательным. Если потерпевший выигрывает дело, расходы, которые он понес, перекладываются на ответчика. Разумеется, не всегда удается точно взвесить все доводы, многое суд принимает на слово. В этом случае (такова традиция) обе стороны должны произнести перед иконой клятву «совэл». Эта клятва имеет для суда решающее значение. Дело здесь не только в суеверии, хотя и оно имеет место. Разоблаченный обманщик и клятвопреступник обычно с позором изгоняется из табора, а весть об этом моментально облетает всех цыган. Клятвопреступника перестают уважать, не вступают с ним ни в какие деловые контакты, что, учитывая замкнутость цыганской среды, грозит ему значительными материальными и моральными издержками. Как правило, приговор суда заключается в наложении штрафа. Если проигравший оказывается неплатежеспособным, суд описывает его имущество и продает с молотка. В суде могут принимать участие все жители табора, включая женщин и детей.

Цыганская клятва «совэл» не только атрибут цыганского суда, но и норма общения между цыганами. Мы уже приводили традиционную клятву русских цыган «розмар ман о кхам» (разбей меня солнце). Известны многие «страшные» клятвы, например, «тэ пьяв мэ мулэнгиро рат» (чтоб я выпил кровь мертвого) или «тэ хав мэ дадэскиро мас» (чтоб я съел тело своего отца) и другие. Но в повседневной жизни, поклявшись в чем-то, чаще всего просто божатся на икону. Ежи Фицовский выделяет два вида клятв польских цыган — «пхарэ совлаха» и «локхэ совлаха» (тяжелые и легкие клятвы). К тяжелым относится и так называемая церковная клятва. Вот что пишет о ней Фицовский:

«Клятва эта происходит в церкви (костеле) во время службы. Часто, для большего эффекта, лицо, дающее присягу, приближается к священнику, когда он брызгает святой водой, чтобы капли падали и на него. В церковной клятве, как и в других, формула присяги содержит желание, чтобы бог наказал лгуна смертью».

Намного реже польские цыгане клянутся такой тяжелой клятвой, как «совлах муликанэ шэрэстыр» (клятва на черепе).

«Для выполнения этого обряда,— пишет Е. Фицовский,— нужен человеческий череп, который обычно цыгане покупают у гробовщиков или кладбищенского сторожа. В череп наливают воду, потом, выпивая ее, произносят следующую формулу клятвы: «Мэ лав до пани муликаны шэрэстыр ки мрэ вушта и пьяв, кай мэ на сом банго. А сыр мэ сом банго, тэ пхагирэс ман Дэвла...» и т. д. («Беру эту воду из черепа в мои уста и пью, что я не виновен. А если я виноват, то поломай меня Бог...»)»

Была распространена среди польских цыган и «совлах гробостыр» (клятва из могилы). Клятва произносится у специально вырытой ямы — «могилы». Вот как описывает этот обряд Е. Фицовский:

«Лицо, которое готовится произнести «клятву из могилы», должно быть нагим, обернутым лишь в простыню. Этот человек забирается в «могилу», рядом с которой ставится икона или распятие. Присутствующие цыгане обыскивают виновного, чтобы тот не спрятал при себе (в простыне или в волосах) шпильки, булавки, сережки или какие-нибудь другие металлические предметы. Цыган, которому бы удалось припрятать у себя какой-либо металлический предмет, может заведомо ложно присягать, так как всякий кусочек металла (кроме искусственных металлических зубов) способен ан-

нулировать клятву. В «могильной» клятве цыган или цыганка произносит следующую формулу: «Дэвла, дикхэс чячипэн миро, кай мэ дава на кэрджём. А сыр мэ кэрджём, то сыкав мангэ, Дэвла, цудо ки трин дивэс, трин чхона, трин бэрш, тэ пхагирэс ман, тэ щучькирэс ман, тэ пашував андрэ до гробо». («Боже, ты видишь мою правду, что я этого не сделал. А если я это сделал, то покажи мне, боже, чудо за три дня, три месяца, три года, сломай меня, иссуши меня, чтобы лежать мне в этой могиле».)»

К числу легких клятв принадлежит «совлах момэлятыр» (клятва со свечи).

«Обвиняемый,— пишет Е. Фицовский,— зажигает столько свечей, сколько лиц замешано в данном конфликте, и, раздевшись, произносит формулу присяги. Затем зажженные свечи он переламывает пополам и бросает на землю. Вот формула этой клятвы: «Сыр хачол до момэли, мэкх хачол аджя мро джи.Ту дикхэс, Дэвла, мро чячипэн. Сыр мэ сом, банго — мэкх ман дэвэл марэл, пхагирэл, щучькирэл; тэ хачола до момэли прэ мро гробо. Тэ явэл цудо ки трин дивэс, ки трин чхона, ки трин бэрш. А сыр мэ сом на банго, то мэкх пэрэл до совлах пэ тутыр, пэ тро чхавэндыр...» («Как горит эта свеча, пусть так горит моя душа. Ты видишь, боже, мою правду. Если я виновен — пусть меня бог бьет, ломает, сушит; пусть горит эта свеча на моей могиле. Да явится чудо за три дня, за три месяца, за три года. А если я не виновен, то пусть падет эта клятва на тебя, на твоих детей».)»

Мы специально так подробно рассказали о клятвах польских цыган, ведь русские цыгане были выходцами из Польши, и две эти группы очень близки.

Довольно часто истцами в цыганских судах оказываются так называемые «тысячники», то есть ростовщики. В жизни цыган нередки моменты, когда им позарез необходима достаточно крупная сумма денег. Обычно такое бывает перед свадьбой, во время похорон, при покупке лошадей и т. п. Критические ситуации возникают часто, особенно в многодетных семьях, где одних свадеб бывает множество. И тогда цыгане обращаются к тысячнику. Имена ростовщиков хорошо известны. Когда цыган приезжает в дом ростовщика, тот в течение нескольких дней приглядывается к нему, оказывая гостеприимство. И неважно, что гость ему незнаком. За это время он наводит справки о нем, по цыганским каналам выясняя, к какому роду принадлежит проситель и насколько он платежеспособен, не является ли изгоем или клятвопреступником. Когда справки наведены и все оказывается в

порядке, тысячник дает ему деньги под немалые проценты. Никаких расписок при этом не берется, но устанавливается примерный срок расплаты. Не позднее этого времени должник обязан вернуть деньги. Иногда бывает, что к этому моменту их у него нет. Но к тысячнику он должен явиться и в этом случае. По цыганскому закону он имеет право на отсрочку, которая не может длиться более чем половину срока займа. На этот раз день расплаты устанавливает сам клиент. Если и в этом случае деньги не возвращаются, вмешивается суд.

Таковы социальные институты цыганской среды. Для решения особо важных проблем по необходимости созывается совет старейшин, а в последнее время за рубежом активно действует Всемирный цыганский конгресс.

В таборе существует имущественное расслоение — есть богатые и бедные. Но нам почти не доводилось слышать о какой-либо эксплуатации. Если она и была, то, скорее всего, среди оседлых цыган, когда бедные нанимались в работники к богатым. Законы таборной жизни противодействовали какой-либо форме эксплуатации. Эти законы нельзя ни идеализировать, ни недооценивать. В сущности, они были вызваны к жизни инстинктом самосохранения. Так, у цыган с давних пор бытует обычай «общего котла». Все, что добывалось, справедливо делилось между членами табора. Не обходили вниманием стариков и нетрудоспособных. Ремесленные табора работали, как правило, артельно. Когда они получали заработок за выполненную работу, в таборе происходил ритуал дележки денег. Это довольно живописная сцена, участвуют в ней все. Происходит дележка довольно бурно. Деньги распределяются согласно доле труда каждого члена артели, как принято сейчас говорить — по коэффициенту трудового участия. Дележка денег имеет огромное нравственное и воспитательное значение. Ритуал этот демократичен, учит справедливости, поощряет трудолюбие, поскольку работа каждого человека становится предметом обсуждения всех.

Таборная жизнь требовала постоянной взаимовыручки. Ведь в критической ситуации мог оказаться любой. Нам доводилось слышать различные истории, говорящие о взаимовыручке. Так, когда цыган терял лошадь или в таборе образовывалась молодая семья из бедных цыган, желающая жить самостоятельно, остальные члены табора собирали деньги и покупали им лошадь или дарили деньги на обзаведение хозяйством. Если внезапно умирал кто-либо из кормильцев, дети его оставались на попечении родни.

Необходимо сказать и о цыганском жилище. Когда вхо-

дишь в дом оседлых цыган, сразу замечаешь, что он похож на цыганский шатер: практически нет мебели, середина комнаты абсолютно пуста, в углу возле стены стоит кровать, на которой горой сложены легкие пуховые перины, возвышается пирамида подушек. На этой кровати никто никогда не спит. Когда семья ложится спать, перины сбрасываются и все устраиваются на полу. Такую же картину можно наблюдать и в кочевой жизни. Жилищем кочевого цыгана служит большая брезентовая палатка «катуны». Именно палатка, а не шатер, как почему-то принято говорить. Сами же цыгане никогда не скажут: жили в шатрах. Традиционное цыганское выражение — «жили на палатках». Палатка устанавливается следующим образом: впереди крест-накрест, буквой «л» забиваются два кола; на них кладется длинная горизонтальная жердь (русские цыгане называют ее «шошкой»); сзади прикрепляется под небольшим наклоном еще один кол; на этот деревянный каркас накидывается брезент, который растягивается с помощью небольших колышков. Обычно под задний кол устанавливают телегу со всеми пожитками. Если в семье есть молодая пара, для них в передней части шатра отгораживают угол, который называют пологом. Так устанавливают шатры, пожалуй, цыгане всего мира. Лишь элементы их называются по-разному, у кэлдэраров горизонтальный кол называется «беранд», передние колья — «коверчи», а задний кол — «бели». Палатки ставятся на высоком сухом месте, как правило, неподалеку от леса, чтобы защищало от ветра. В ветреную погоду палатки устанавливаются входами друг к другу, образуя улицу.

Цыгане пользуются самыми разными средствами передвижения. Русские цыгане в основном ездили на телегах и в шарабанах. Но значительно чаще встречаются крытые повозки. Из веток сгибаются обручи, прикрепляются к краям широкой телеги, сверху натягивается прочный материал. Реже увидишь прямоугольный каркас. Обручи каркаса называются «будами». В задней части повозки цыгане складывают домашний скарб. Это место называется «треба». Широко распространен, особенно на Западе, такой тип цыганской повозки, как кибитка[1]. Цыгане часто ярко и причудливо разрисовывали свои кибитки орнаментами, цветами, встречались изображения животных, нередко — инкрустация.

Важнейшим качеством кибитки считалась ее светонепро-

---

[1] Сообразуясь с техническим прогрессом, цыгане в ряде стран используют вместо кибиток автофургоны.

ницаемость. Покупали кибитку всегда ночью. Покупатель забирался в нее, закрывал двери и окна и зажигал свечу. Цыгане обходили кибитку со всех сторон, и если замечали хотя бы малейшее пятнышко света, покупка срывалась. В южных районах России цыганская повозка для многих служила местом постоянного ночлега, особенно в бедных семьях. Иногда цыгане разъезжали в каретах, украшенных причудливыми гербами, но это было редко.

Когда мы встречаемся с цыганами, они привлекают нас своей красочной одеждой. Городскому жителю и невдомек, что, приходя домой, цыганки сбрасывают с себя эти пестрые наряды и надевают самые обычные платья. Пестрой одеждой гадалка привлекает к себе внимание клиентов. Если посмотреть на старинные гравюры, изображающие цыган в пору, когда они появились в Европе, в них трудно узнать тех цыган, которых мы привыкли видеть. Одежда цыган с того времени изменилась до неузнаваемости. Поэтому вряд ли есть смысл говорить о национальном костюме цыган. Сегодняшняя их одежда — имеется в виду женская — появилась сравнительно недавно. Многие считают, что законодателем цыганской «моды» был граф А. Г. Орлов-Чесменский, который придумал пестрый женский костюм для своего цыганского хора. Другое дело, что цыганам он пришелся по душе.

С кочевой жизнью связана и необходимость в знаках дорожного общения. Ведь бывало, кто-нибудь отставал от табора и был вынужден долгое время его догонять. Дорожные знаки (шпэра) служили ориентиром и для других таборов, пути которых пересекались. Что это за знаки? Связанный пучок соломы, брошенный на перекрестке дорог и указывающий направление движения табора, ветки, перевязанные крест-накрест, тряпка на ветке дерева, кость, на которой делаются насечки. Довольно оригинальный дорожный знак встретился в 1950 году Ежи Фицовскому — это была привязанная к телеграфному столбу метла. Найдя дорожный знак, цыгане могут не только выяснить направление движения того или иного табора, они прочтут в нем и другое, допустим, предостережение о том, что по той или иной дороге ехать не следует. Шпэра показывает, какая дорога удобна, в каких местах к цыганам благоволят, а в каких — нет. Словом, система шпэр позволяет им обмениваться самой разнообразной информацией. Попутно упомянем и о так называемой «цыганской почте» («цыганском радио»). Когда встречаются два табора или даже просто два цыгана, по закону они обязаны обменяться всеми последними новостями. Если же учесть

мобильность цыган, становится понятной та невероятная скорость, с которой распространяется среди них информация. Приведем случай из нашей практики. В конце августа 1986 года нам довелось записывать фольклор в таборе близ села Карловка, что под Николаевом. Экспедиция в тот раз была трудной, изобиловала многочисленными неприятностями: достаточно сказать, что местные власти дважды пытались нас арестовать. Спустя месяц мы поехали в табор под Ленинград, находящийся за тысячи километров от николаевского. И что же? Там уже давно знали о том, что с нами произошло.

Образ жизни цыганской семьи и каждого из ее членов от рождения до смерти достаточно жестко регламентирован бесчисленными ритуалами, подчинен интересным и многообразным традициям. У цыган разных этнографических групп они различны по форме, хотя суть их, как правило, одинакова. Можно удивляться стойкости бытования цыганских ритуалов, пришедших из древности или заимствованных, или недоумевать по поводу тщательности их исполнения, но только благодаря тому, что цыгане неуклонно их соблюдают, они смогли уцелеть как народ, не ассимилироваться, не лишиться своего национального лица, хотя всю свою историю находились на положении изгоев.

В дальнейшем, говоря об обычаях, обрядах и традициях цыган, мы будем иметь в виду в основном жителей Европы, представителей этногрупп, исповедующих христианскую религию. К сожалению, сведения об обычаях цыган, проживающих в окружении мусульманских народов, чрезвычайно скудны и отрывочны. Чтобы избежать возможных ошибок, не будем цитировать работы, посвященные этим этногруппам. Позволим лишь привести отрывок из письма к нам Ю. А. Махотина — представителя группы «созмани» (или «сузмени»), проживающей ныне в основном на территории Ирана и частично Азербайджана.

«...Опишу некоторые привычки народа «созмани» или близкого по языку и крови народа «мазанги» или «каули». Обычаи мусульманских народов основаны на религиозных канонах, поэтому весьма сходны у разных этносов. Однако есть свои черты, свойственные только определенному народу. Вот небольшой цикл бытовых обычаев и традиций, вне цеховых ремесел или укладов мусульманского адата.

Родился ребенок. Община делает для родителей подарок. Маме — сладости и шелковый платок. Отцу, если мальчик, то — нож или камчу-плеть, если же дочка — то Коран либо четки — кыспэ. Это чтобы больше молился, просил у Аллаха

наследника. После рождения десятого сына счастливому отцу укрепляли в правом ухе золотую серьгу и присваивали звание Абудах или Дэшидад, т. е. «отец десятка». Многодочернему отцу шутливо дарят шелковую плетку и шелковые вожжи, чтоб «своих кобылок пас до времени». Это все было очень веселое действо.

Имя девочке дают бабки-тетки. Имя парнишке дает эфенди-мулла. До полугода мальчик просто «бэта» — малыш. Потом собирают стол «сыннио». Азанчи-мулла кричит имена Всевышнего, их около трехсот. На какое имя малыш начинает весело реагировать, такое имя он и будет носить. Но в быту ребенка чаще зовут домашним именем, часто в честь кого-то из родных или друзей. Этот человек будет «кирва» — кум. А для оформления документов мальчику дают имя произвольно. Иногда оно совпадает с домашним именем, реже с природным именем, иногда вообще самостоятельное или созвучное одному из имен. Для примера — мой родич, дядя. Фамилия — Махутдин (по-арабски «Покров веры»). Моя фамилия тщательно переврана на русский лад кем-то в тридцатые годы. Зовут моего двоюродного дядьку Фазиль, по паспорту Василий, природное мусульманское имя Фейдал. Мой пример не очень уместен, я — метис, но тем не менее. Имя мусульманское — Юсуф (красивый). В паспорте — Юрий (земледелец). Домашнее имя — Джура (соратник, друг), созвучное паспортному имени.

В шестилетнем возрасте мальчишкам положено делать сюннэт — обрезание. В четырнадцать лет парня провозглашают взрослым, и отец уже готовит деньги для калыма за невесту. На празднике совершеннолетия именинника подбрасывают на кошме с криком: «Я-алла! Я-рахим! Я-бузурги!» («О боже! О милостивый! О величайший!»)

Приглянувшуюся девушку парень может выкрасть, это очень почетно. И расходов меньше. А можно посватать. Тогда приходится платить калым, а это немалые деньги, зачастую золотом. Правда — это больше символическое действо, так как деньги вернутся молодым в виде подарков и приданого. Но честь обоим отцам, если один запросил сумму, а другой публично ее вручил. Браки часто делают «вперехлест», то есть брат невесты женится на сестре жениха. Это сохраняет капитал семьи, ее обычаи и говор, но генетически — увы! — ведет к вырождению.

На свадьбе абие — жених сидит за одним столом с мужчинами, невеста — с женщинами. Брачное ложе устраивают в шатре — чадыре. Всю ночь у шатра горит костер, и родствен-

ницы жениха вместе с родственницами невесты сидят и чаевничают. Утром они проверяют постель и сообщают мужчинам. Каждому гостю вручают конфетку и цветок. Если же позор, то срам отцу и матери. Но таких вещей практически не бывает, это ведь может испортить молодой всю жизнь. Она лучше убежит с парнем, чем согласится на свадебный позор.

Иные обычаи очень сходны с общемусульманскими».

Не правда ли — любопытный рассказ. А теперь перейдем к обычаям европейских цыган. Они во многом существенно отличаются от обычаев цыган мусульманского этнического окружения.

Рождение ребенка в, как правило, многодетной цыганской семье не является событием из ряда вон выходящим. В отличие от некоторых народов Востока, у цыган нет такой уж ярко выраженной тяги к рождению наследника, с одинаковой радостью воспринимается рождение как девочки, так и мальчика. Нет и особых ритуалов, связанных с этим событием. У кэлдэраров, к примеру, наутро после родов какая-нибудь женщина из семьи роженицы берет ведро с водой, ходит по табору и окропляет жилища. Соплеменники бросают в это ведро деньги: мужчины — золотые, а женщины — серебряные. Ясно, что этот обряд уходит. Цыгане из суеверия считают, что на столе ребенка пеленать нельзя, поскольку на стол кладут покойника. Новорожденного обвязывают красной лентой «от сглаза» и вешают на шею ладанку с кореньями, травкой или корой дерева, в которое попала молния. Цыгане России, исповедующие православие, своих детей крестили в церквях, иногда даже по нескольку раз. Некоторые исследователи объясняют это стремление «пригласить в кумовья весь мир» меркантильным интересом. Что ж, цыганам нельзя отказать в меркантильности. И все же, думается, дело здесь скорее в желании поразить окружающих размахом действа: вы крестите один раз, а я — двадцать один!

Нередко, особенно в старые времена, цыгане, подобно русским, давали детям имена кумовьев. Сейчас иная мода, она коснулась не только цыган. Так, в республиках Закавказья распространилась прямо-таки «эпидемия» на редкие имена, взятые из произведений классической литературы. Особенно не повезло Шекспиру — ныне нет числа восточнолицым Гамлетам, Офелиям и Лаэртам. Цыган эта «эпидемия» затронула несколько раньше. Сначала стали менять фамилии, стараясь их «облагородить». В начале века возникли фамилии Золотарев, Серебровский, Хрусталев, Жемчужный и т. д. В дальнейшем эта мода перешла и на имена. В таборах появи-

лись Золушки, Помпеи и т. д. Называли детей какими угодно именами, лишь бы они были не похожи на другие. Но все это имело для цыган свой смысл.

Когда ребенок подрастал, к его имени добавлялась кличка. Постепенно имя как бы забывалось, в таборе начинали называть человека только по кличке. Не обходилось и без курьезов. Однажды во время полевых записей нам пришлось обойти несколько цыганских деревень в поисках знатока цыганского фольклора по имени Коля. Поиски оказались безрезультатными. Тогда мы обратились к цыганскому «царю» и получили ответ. Коля был известен среди цыган по кличке Ваня. Его настоящее имя было всеми забыто. По кличке мы нашли его сразу. И таких случаев было много. Как правило, кличкой цыгане стараются подчеркнуть какие-то качества, которыми человек выделяется среди остальных. Нередко кличка звучит обидно или резко. Прилепится такая кличка с раннего детства, и носит ее человек всю жизнь. Нам была знакома двенадцатилетняя красавица цыганочка по кличке Баба. Мы удивились и спросили у нее, почему ее так прозвали. «В детстве я была очень хитрой»,— ответила девочка. Эта «детская игра» в клички придумана не цыганами, клички есть у всех народов. Вспомним хотя бы запорожских казаков с их причудливыми прозвищами, нашедшими отражение в современных фамилиях. Неблагозвучие этих фамилий до сих пор поражает. Клички у цыган имеют и практический смысл — они защищают, помогают скрываться от произвола властей, спрятать соплеменника.

Детство у цыган — пожалуй, самая счастливая пора. Взрослые стараются уберечь детей от многочисленных тягот, связанных с кочевой жизнью. На них не распространяются никакие ритуальные ограничения, им позволено все. Неназойливый присмотр за ними ложится на старух, как и все бремя воспитания. Ведь часто случалось, что родители подолгу отсутствовали в таборе, отлучались на заработки.

Именно в детстве закладывается такое важное для цыган качество, как чувство круговой поруки. Нередко в таборе можно наблюдать такую сцену: дети играют все вместе, малые и большие, даже те, кто едва научился держаться на ногах. При этом отчетливо видна ответственность старших за младших. Дети даже ходят гуськом, непроизвольно выстроившись по росту. И довольно редко приходилось видеть, чтобы кто-то из ребятишек был на что-то обижен или чем-то недоволен. Сызмальства они приучаются делиться друг с другом, не капризничать, в общем, быть самостоятельными. С самого

раннего возраста приобщаются дети и к труду. Сначала они наблюдают, как работают взрослые, а потом и сами берут в руки инструменты.

Надо сказать, что цыганские дети, особенно те, кто проживает в деревнях и в поселках, ходят в школы. Но обычно учатся только до пятого класса. Где-то к двенадцати годам сыновья ремесленников начинают серьезно заниматься ремеслом, а значит, им уже не до учебы. В четырнадцать-пятнадцать лет многие, как правило, уже обзаводятся своими семьями.

Едва ли не важнейшее событие в жизни цыган — свадьба. С ней связано наибольшее количество всякого рода ритуалов и обрядов. Именно на свадьбе можно наблюдать всю систему взаимоотношений в цыганской среде. Универсальный обычай для всех цыган мира — женитьба по предварительному сговору. Нередко детей сватают еще с рождения или в раннем детстве. У кэлдэраров бывает даже так, что родители будущего жениха забирают засватанную девочку в свою семью, где она и воспитывается рядом с будущим мужем. Но подобные случаи не так часты. В выборе невесты большую роль играет все та же цыганская почта. Доходит известие о том, что там-то и там-то живет цыганская семья, в которой подросла невеста. Снаряжается сватовской поезд. Цыгане, в отличие от русских, при сватовстве не пользуются услугами посредников. Сватами всегда являются родители. Право выбора невесты всецело принадлежит отцу жениха. Его слово — закон. Известный в прошлом цыганский танцор Саша Черный (А. Н. Ильинский) рассказал нам историю одной женитьбы:

«Еще до свадьбы гулял цыган с одной цыганкой. Его родители знали об этом. Отец не был против этого брака. И вот отправились свататься. Невеста та жила в таборе, в самой дальней от дороги палатке. Когда сваты ехали по табору, из одной палатки раздалось пение. И так красиво звучал женский голос, что отец цыгана остановил лошадей и пошел в палатку. Там тоже жила незамужняя цыганка. Она была старше сына цыгана и особой красотой не отличалась. Но сказал отец сыну: «Она будет твоей женой!» — и слово отца было последним. А в той, дальней палатке сватов так и не дождались. И по сей день живет этот цыган со своей женой, той, которую ему выбрал его отец. Уже внуки есть».

В цыганском языке слово «любить» и слово «желать» звучат одинаково. Сами цыгане говорят: «У нас нет любви, у нас есть привычка». Но это не совсем так. Иногда бывает, что

двое любящих идут поперек воли родителей. Широко бытует и обряд умыкания невесты. Причем нередко все знают о том, что «кража» произойдет, и терпеливо ждут, когда это случится. Тогда и сам обряд — скорее простая формальность. Вот как описывает Е. Фицовский этот обряд у кэлдэраров:

«Будущий муж вместе с друзьями набрасывает на голову невесты занавес и ведет избранницу в свой дом, а его друзья вытряхивают из мешочка на ее голову желуди, что должно гарантировать плодовитость и здоровье. При этом поют: «Тавэ састы тай бахтали...», то есть «Будь здорова и счастлива...»

Далеко не всегда он проходит безоблачно. Бывает, что родители не одобряют выбор сына или дочери. Иногда им трудно смириться с мыслью, что дети пошли против их воли. В этом случае молодых прогоняют из родительского гнезда. Как правило, со временем все кончается общим примирением.

Однако вернемся к традиционному цыганскому сватовству. Этот обряд обставляется пышно и красочно. У русских цыган сваты подъезжают к дому или шатру невесты на лошадях, гривы которых украшаются розовыми лентами. В старое время сваты вносили в дом (шатер) невесты так называемые дрэвца. Сваты спрашивали у родителей невесты: «Ну что, рады гостям?» — и в случае утвердительного ответа вносили дрэвца в дом и ставили в красный угол. Что представляют собой дрэвца? У русских цыган это — березовая ветка, украшенная лентами, бумажными цветами, бусами: к ветке прикреплялись крупные денежные купюры. Дрэвца — символ богатства и благополучия: каковы дрэвца, таковы и сваты. Русский краевед В. Н. Добровольский пишет, что порой дрэвца делали из кнута, обряжая его как куклу. Он приводит характерный образчик разговора во время сватовства[1]:

«Здравствуйте, братцы! Рады ли вы, братцы, гостям? — Рады, братец, рады! — Принимаешь нас, братец? Коли принимаешь, так и дрэвца прими! — (берет дрэвца). Садись, брат, садись, а дрэвца на кут поставь. Будем богу молиться! Жоночка, подай мне водки, горелки, подай стакан серебряный, перепить со сватом по стаканчику, чтобы и слова положить.— Ну, когда, сват, свадьба будет? — Будет около Покрова: тогда и бараны поспеют, и коров поубьем.— Много ли приданого даешь? — Даю я, братец, тебе три сотенных, и шатер с телегою, и коня с хомутом. Ну, коли согласен, чмокнемся.—

---

[1] Здесь и далее цитируется по книге: Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. СПб., 1908.

Смотри, сват, чтобы по слову пришел верно; а если не так сделаешь, ты мне заплатишь тогда пятьсот рублей за бесчестье. Коли меня обманешь, то пятьсот рублей уплатишь».

Как видно, речь у сватов идет о приданом. Но в ней содержится намек и на другой обычай, почти не сохранившийся. Ведь прикрепленные к дрэвцам купюры — не что иное, как выкуп за невесту. Как правило, выкуп имеет чисто символическое значение. Сейчас этот обычай встречается все реже, он становится частью других обрядов. Так, цыгане-ричары дарят невесте во время сватовства дорогой подарок, который является как бы символом того, что девушка засватана.

У кэлдэраров сваты преподносят родителям невесты чашу с вином, обвязанную шелковым платком, к которому прикрепляются золотые монеты. Будущий свекор вешает на шею невестке золотую монету. Часто в цыганских семьях происходил перекрестный обмен невестами — девушки переходили из одного рода в другой и обратно. В этом случае калым как бы возвращался назад, обычай был не более чем формальностью.

Цыганский народ традиционно эндогамен. Но случались браки и с представителями других народов. Как правило, вступали в них мужчины. И лишь в исключительных случаях — женщины. И если нецыганских невест табор все же иногда принимал, то вариант «Алеко» был из ряда вон выходящим. Моногамия у цыган общепринята, но иногда некоторые мужчины, занимающие в цыганском мире особое положение, позволяли себе полигамию. Ежи Фицовский рассказывает, что у одного «баро шэро», верховного цыганского судьи, было, как утверждали цыгане, даже пять жен. Обычно же цыгане выбирают жен раз и навсегда.

«Нас часто спрашивают,— пишет Роза Тайкон Януш из Швеции,— почему цыганки выходят замуж такими молодыми. Этот обычай, до сих пор сохранившийся в Индии, основан на нравственных принципах. По достижении зрелости девушка выходит замуж — только один раз и на всю жизнь».

Свадьба у цыган проходит, как правило, в два этапа. Сначала собираются в доме у невесты на так называемую вечерину, а сама свадьба играется в доме жениха. Иногда свадьба бывает в один прием. Вечерина символизирует прощание невесты с родительским домом. Во время вечерины молодых благословляют, вручают им иконы и хлеб-соль.

Свадьба начинается с обряда проверки непорочности невесты. Прямо посреди пиршества невеста и жених удаляются

из-за стола. Вот что пишет В. А. Лавров в газете «Ярославские Губернские ведомости» (1869 год):

«А тем временем молодые отправляются в кусты, где была приготовлена брачная постель. Раздался пронзительный плач, а затем из-за кустов показались новобрачные: муж держал одной рукой жену за косу, а другой безжалостно хлестал ее ременною плетью... Гвалт в таборе. Сострадания к ней никакого. Оказывается, за минутную прихоть соблазнителя должна она страдать целую жизнь».

Если непорочность невесты не доказана, у русских цыган на шею родителям невесты надевают хомут и все цыгане с проклятиями прогоняют их на виду табора. Расходы, которые понесли родители жениха, перекладываются на плечи родителей невесты, их имя покрывается несмываемым позором, а сама свадьба считается недействительной. У польских цыган несколько иной ритуал. Если выясняется, что невеста была целомудренной, на верхушке шатра вывешивают красные лоскутки или ленты; если нет — худые кастрюли, ржавые куски жести и т. п.

Безусловно, такие случаи очень редки. Русские цыгане в знак целомудрия невесты вывешивают возле дома или над шатром ее окровавленную рубашку. После этого свадьба продолжается своим чередом. Иногда, желая прославить невесту, цыгане заставляют ее плясать прямо на столе[1].

На свадьбе у польских цыган старейшина связывает молодым руки и спрашивает у невесты, добровольно или насильно решилась она на брак. Далее он бросает в воду символический ключ со словами: «Бросаю ключ в воду. Так как никто уж его оттуда не достанет и ничего не будет им открывать, так и вас ничто уж не разлучит».

Кэлдэрары, вручая хлеб-соль, произносят:

«Чтоб вы не стали противными друг другу, как не становятся противными соль и хлеб. Как не могут люди оторваться от хлеба, так чтобы и вы не могли оторваться друг от друга...»

Вот как описывает свадебный обряд у цыган-ричаров В. Богданенко из-под Ростова:

«К свадьбе готовятся обе стороны, хотя главнейшая роль в приготовлениях лежит на родителях жениха. Они полностью наряжают невесту в свадебный наряд, а также готовят подарки для гостей. В назначенный день подруги наряжают

---

[1] Обычай этот очень странен, ибо согласно другому цыганскому закону, стол, на котором плясала женщина, считается оскверненным.

невесту, вплетают ей в волосы ленты. Во время свадьбы гости забирают у жениха фуражку, они как бы возвращают его в беззаботные холостые годы. Жених пытается отнять фуражку, но это ему все равно не удается. И тогда ему приходится платить за нее выкуп. Потом гости крадут у жениха невесту. Ему приходится и за нее откупаться. Гости начинают торговаться, и когда сходятся в цене, то невеста возвращается на свое место. Затем идет процедура дарения: гости одаривают жениха с невестой, а те, в свою очередь, одаривают каждого гостя. В последний день свадьбы на стол подают одни сладости и обязательно варят кисель. В этот день родители с обеих сторон благословляют молодых, мать невесты дарит им иконы. После благословения молодоженов на селе разжигают большие костры и все гости отправляются «поездом» через эти костры. Происходит как бы прощание девушки с родными местами. Вдоль костров выстраивается родня жениха и невесты. Когда процессия движется через костры, любой может остановить свадебный поезд и потребовать выкупа. После этого свадьба продолжается в доме жениха. Во время движения свадебного поезда к дому жениха гости обязательно придумают что-нибудь неприятное для родителей молодоженов. Так, например, на одной свадьбе для свадебного поезда заказали самосвал. Когда машина доехала до речки, то родителей высыпали прямо в воду. Тем, кто это сделал, пришлось бежать...»

Бывают у цыган и «странные» свадьбы. Об одной из таких свадеб рассказывает Ежи Фицовский:

«Это было в 1905 году. Саска Кемпа (под Варшавой) служила почти всегда в летнее время местом для постоя разных цыганских таборов. Однажды здесь разбила свои шатры ватага сербских цыган (так они себя называли). Выделялись они среди других тем, что их женщины не ходили гадать и побираться. Мужчины занимались котельным делом и продажей медных кастрюль, сковородок и т. д. Одеты они были в короткие сапоги и широкие синие шаровары, такие же куртки, украшенные серебряными пуговицами. Старшина выделялся пуговицами величиной с яйцо. Старая цыганка пригласила нас на свадьбу своей дочери. Странная была эта свадьба. По возвращении из костела, куда молодые отправились на извозчике, невеста исчезла в шатре и не показывалась весь вечер. А тем временем старые цыганки развели два костра, над которыми повесили котлы с пищей. Мужики уселись на траве амфитеатром, посредине старшина и жених. В маленьких мисочках цыганки подавали пищу поочередно

всем мужчинам; когда кончили есть, остатки пищи отнесли в шатры женщинам и детям. Затем принесли бочонок пива, который перелили в ведерко. Старшина встал, зачерпнул кружку пива и обратился с речью к собравшимся, потом начал плясать какой-то удивительный танец с необычной ловкостью и подпрыгиванием, без музыки. Это послужило сигналом для общей пляски, которую по очереди исполняли мужчины соло. Молодые женщины не показывались вовсе, оставаясь в шатрах».

Как видим, цыганские женщины участвовали в свадебном пиршестве не всегда. А в обыденной жизни цыганкам вообще запрещается сидеть за одним столом с мужчинами. Дело в том, что, как только цыганка выходит замуж и на особый манер повязывает голову платком, она считается «нечистой». У цыган всего мира существуют запреты ритуального свойства, касающиеся женщин. По всей вероятности, эти запреты сохранились еще с древних времен. Так, у русских цыган женщина не могла перейти дорогу лошади, войти в конюшню, обслуживать домашних животных. Ей запрещалось что-либо переступать (даже лежащую на дороге палку). Особо наказывалась женщина, переступившая оглоблю.

Когда цыганская семья отправляется в дорогу, женщина обязана садиться на телегу сзади. Своеобразную сценку мы увидели под Николаевом, где находился табор котляров. Цыгане из этого табора «штурмовали» местный автобус, мужчины протискивались в него с передней площадки, а женщины только с задней.

Каждый предмет, через который переступает женщина, становится нечистым и негоден к употреблению. Такое священное для цыган орудие, как кнут, всегда вешался на почетном месте. При этом хозяин пуще всего боялся, чтобы он не упал. Ведь он мог быть «опоганенным» женщиной. «Опоганивание» кнута было величайшим позором. Согласно цыганским законам, нечистыми считались юбка и туфли женщины. Фартук, который обязана была носить цыганка, не являлся нечистым, в нем она могла раздавать хлеб, могла прихватывать им посуду и т. д. Но ни в коем случае нельзя было сделать то же самое с помощью юбки. Если цыганка заденет краем юбки тарелку с едой, то и пища и посуда выбрасываются. Если по невнимательности сядет на шапку цыгана, тот уже не может надеть ее, а обязан выбросить. Большим позором считается, если женщина коснется юбкой мужа. Иногда цыганки делают это нарочно, чтобы выставить в неблагоприятном свете обидевшего их цыгана. К примеру, если

цыган нарушает слово, данное при сватовском сговоре, цыганка имеет право осквернить его своей юбкой. В таком случае она набрасывает ему юбку на голову. Чтобы смыть позор, цыган по закону обязан либо жениться на обманутой, либо выплатить ей значительную денежную компенсацию. Это право остается за женщиной и в случае супружеской неверности. Вот что пишет об этом Е. Фицовский:

«В 1949 году к цыганке, проживающей во Вроцлаве, явился ее муж, который за два месяца до того ушел от нее с любовницей. Он отправился вместе с женой в костел и там поклялся, что никогда уже от нее не уйдет и не бросит ее ради другой. Жена простила ему с условием, говоря: «Если еще когда попробуешь искать себе другую, то клянусь, что собственной юбкой дам тебе по морде, и уж ни одна цыганка не пойдет с тобой».

Примерно такой же запретной силой наделены и туфли цыганок.

Особая система запретов действовала по отношению к роженице. Эти ограничения были достаточно жесткими: «Ни цыгану, ни цыганке не дозволено оказывать помощь роженице при родах, нельзя прикасаться к ней или к новорожденному ребенку, запрещается вместе с ней есть». Этот запрет действовал обычно в течение трех недель. Так бывало в большой цыганской семье, не испытывавшей затруднений в добывании средств к существованию. Если же семья невелика или в ней много малолетних детей, срок запрета сокращался до двух недель. Когда помощь роженице становилась остро необходимой, вызывали акушерку из деревни. Этой женщине запрещалось даже подавать руку и сидеть с ней за одним столом. Никакого сострадания к роженице цыгане не испытывали. Даже если ребенку и матери угрожала смерть, табу следовали неукоснительно. Нарушивший запрет становился нечистым. Постепенно, особенно в последнее время, запреты явно смягчились. Так, сейчас в шатер к роженице допускаются пожилые женщины и муж. На время двухнедельной изоляции роженице выделяют посуду, полотенце, простыни и тазик для умывания. Через две недели все, чем пользовалась роженица, выбрасывается.

В этом обычае нетрудно отыскать и долю здравого смысла. В кочевой жизни постоянно поддерживать хорошее санитарное состояние в таборе — задача не из легких. Если бы все члены табора могли свободно входить к роженице и ребенку, велика была бы и вероятность инфекционного заражения. А поскольку получить медицинскую помощь цыганам всегда

было сложно, любая инфекция неминуемо приводила к смертельному исходу. Стоит ли нам, жителям двадцатого века, негодовать по поводу этой жестокости. В суровых условиях цыганского кочевья подобные табу служили гуманным целям.

Многочисленные запреты, касающиеся поведения женщины в таборе, вовсе не делают ее жизнь невыносимой. С раннего детства система запретов входит в ее кровь и плоть, и она не нарушает того, чего не дозволено нарушать. Будущее ее как бы спланировано заранее. Она знает все, что ее ожидает в дальнейшем. И действительно, в жизни цыганской женщины четко выделяются четыре периода.

Первый — детство и юность, жизнь до замужества. Цыганские дети, в том числе и девочки, живут в таборе на привилегированном положении, их ни в чем не ограничивают, нет у них особых обязанностей. Второй период — замужество и несколько первых лет супружеской жизни (обычно пять — десять). Как только цыганка выходит замуж, на ее плечи ложится огромное бремя забот о семье. Молодуха обязана выполнять всю тяжелую домашнюю работу: стирать, готовить пищу, убирать. Встает она раньше всех, а ложится последней. Идешь ранним утром по цыганской деревне и видишь — возле домов уже висят шеренги выстиранного белья. Это — работа молодухи. Над трубой дома уже вьется дымок. Готовится пища.

С раннего детства знакомятся цыганки и с традиционными методами добывания средств существования — гаданием и попрошайничеством. В большой цыганской семье, где работы всегда по горло, в первые годы замужней жизни молодуху не используют в качестве добытчицы. Но вот в семье, освобождая руки предыдущей, появляется новая молодуха. И та вступает в третий период жизни — уходит на заработки. В это время она играет главную роль в обеспечении материального благосостояния семьи. Проблема ежедневного заработка лежит на плечах женщин. В небольших семьях второй и третий этап в жизни женщины нередко совмещаются, а ее нагрузка увеличивается. И последний, четвертый этап — старость. В пожилом возрасте с женщины снимаются все ритуальные ограничения. Старая женщина пользуется всеобщим почетом. Случается, что после смерти главы семьи она становится во главе рода.

Уже говорилось, что основной источник заработка цыганки — гадание. Даже если исключить цыганок, живущих в городах, и тогда вряд ли встретишь цыганку, которая бы не

занималась этим древним ремеслом. Вот что пишет по этому поводу академик А. П. Баранников:

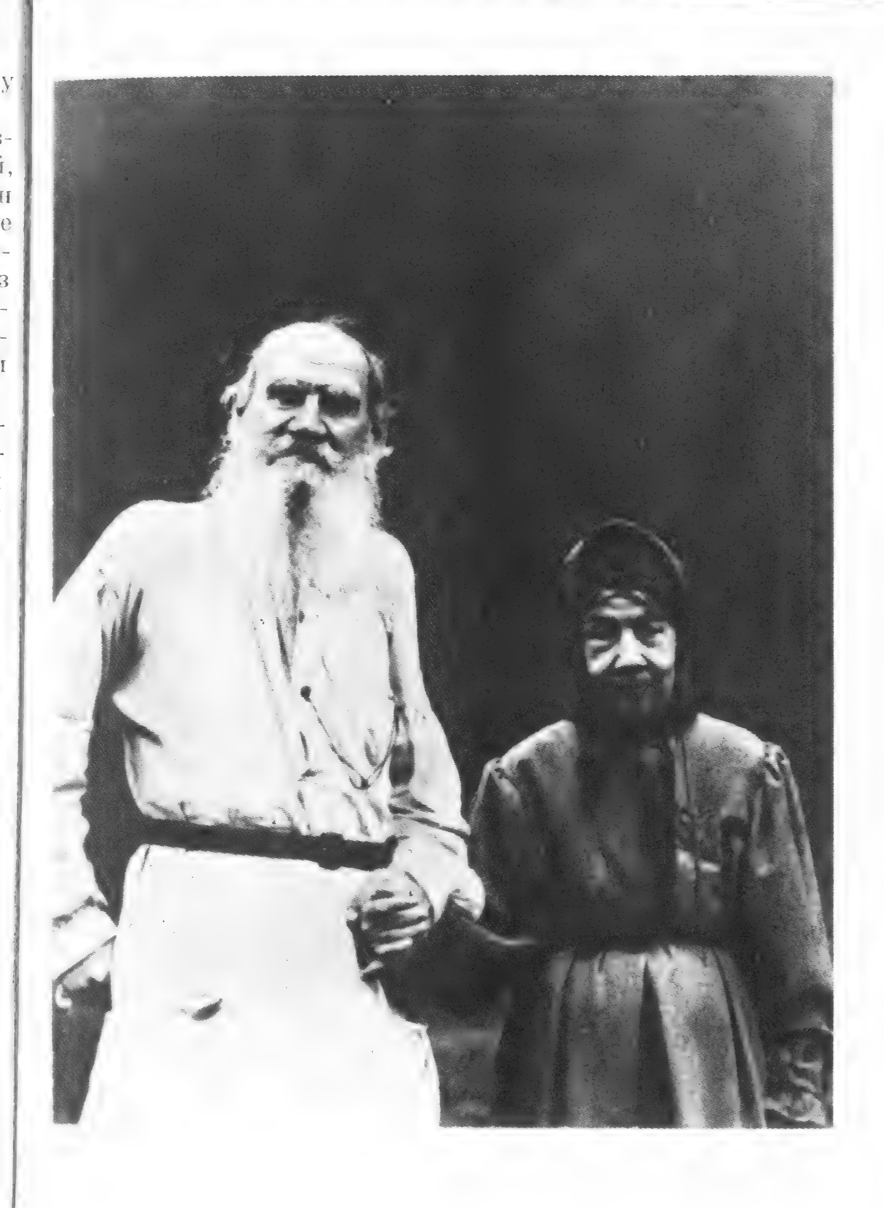
«В Греции (точнее, в Византии) существовала своеобразная секта еретиков-аттинганов, занимавшихся ворожбой, гаданием и колдовством. Весьма показательно, что цыган смешивают с этой сектой. И даже наиболее распространенное в Европе название их, т. е. «цыганы», многие ученые производят от «аттинганов». Цыганки, резко выделяющиеся из окружающей среды, говорящие на непонятном языке и благодаря этому окруженные своеобразной грубой мистикой, повидимому, имели большой успех в Греции как ворожеи и гадальщицы».

Стойкое бытование этого ремесла заставляет нас рассказать о нем подробнее. Существует великое множество различных форм цыганского гадания. Выделим пока два основных вида гадания: для заработка и для себя. Наиболее традиционной формой гадания для заработка является обычный наговор или гадание по глазам. Отличные физиономистки, цыганки сразу выхватывают из массы людей человека, который «хотел бы», чтобы ему погадали. И здесь важную роль играет богатейший жизненный опыт цыганских гадалок, их умение «войти в образ», их великолепная актерская игра и поразительное красноречие, не исключающее, впрочем, и набора штампов. Вот что рассказывала нам одна старая опытная цыганка:

«Вижу, идет женщина. По лицу замечаю, что у нее не все ладно. Кричу ей: «Постой, миленькая, постой, красавица! В тебе красоты хватает, ума хватает, а счастья нету. Ты не через бога страдаешь, а через людей. Тебе нужно погадать, тебе нужно правду узнать». Барышня останавливается: «Ну, сколько вам дать?» — «Сколько тебе не жалко?» Дает рубль, дает два. Ну, погадаешь... И вдруг выпадает, что и вправду выходит. Если тысячу слов наговоришь — всегда на правду нападешь. А человека всегда видно, если он обижен чем-то или в чем-то счастья нет».

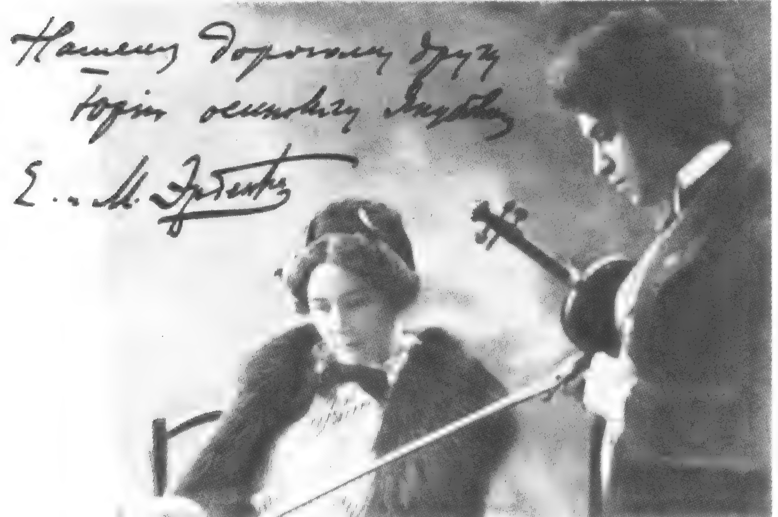
Подобный рассказ-откровение цыганской гадалки приводит Ежи Фицовский:

«Если которая цыганка поумнее, так она сумеет лучше погадать, а которая глупее, та не сможет ни достать, ни заработать. Я, например, гадаю психически: узнаю, когда человек в плохом настроении и когда влюблен, и узнаю по лбу, что это за человек, добрый или злой, глупый или умный, волевой или слабовольный. Я так гадаю, а как другие это делают, не знаю. Когда я раскладываю карты, то делаю серьезное

Л. Н. Толстой и М. М. Шишкина в Порогове (1907 г.). Фото из архива Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве

Семья Панковых. Фото начала XX века

Скрипач Михаил Эрденко с женой. Был в дружбе с Л. Н. Толстым и не раз играл в Ясной Поляне. Фото из архива Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве

М. М. Шишкина — жена С. Н. Толстого, брата писателя. Фото из архива Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве

Михаил Эрденко. Фото из архива Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве

Иван (Жан) Толстой, сын Льва Львовича Толстого и Марианны Сольской. Фото (1924 г.) из архива Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве

Николай Николаевич Соколов — последний представитель прославленной династии хоровых дирижеров

Плясунья Сарра Масальская

Плясунья Вера Пономарева, дочь содержательницы последней «мирской залы» в Москве Марии Васильевны Пономаревой

Устинья Масальская. Фото публиковалось в журнале «Столица и Усадьба», где неверно указывалось, что на снимке известная в прошлом певица Саша-Ветерочек

Пелагея (Палаша) Масальская

Домаша Домна Алексеевна
Масальская

Домна (Домаша) Масальская

Знаменитая петроградская
Солистка любимица публики
Елена Георгьевна Шишкина
Жена известного дирижера
Алексея Вас Шишкина

Знаменитая петербургская певица Елена Егоровна Шишкина

Ольга Андреевна Шишкина — несравненная красавица и «виновница» многочисленных скандалов в петербургском свете

Знаменитая Пиша — Олимпиада Николаевна Федорова

Сестры Панковы (слева — Аграфена)

Александр Петрович Васильев по прозвищу Калганенок

лицо. Как кто умеет, так и гадает. Лишь бы что-нибудь нагадать и идти дальше... Я все умею, когда что-то делаю, а потом сама удивляюсь, откуда у меня берется это гадание. И ум и настроение сразу в голову приходят, когда много денег видишь. Сама не знаю, что со мной творится в это время, поэтому трудно и запомнить. Все само собой получается. Это то же самое, как, к примеру, хороший поэт пишет стихи, когда у него хорошее настроение. Тогда, должно быть, он очень мягкий, и все приходит к нему от его дара и умения. Он даже сам удивляется, откуда это приходит. А потом, может, уже и не помнит. Так вот и я».

Цыганский наговор, безусловно, подчиняется каким-то своим канонам, хотя главное в нем все-таки — импровизация, но многое зависит и от опыта, умения. Цыганки никогда рабски не следуют канонам наговора, в каждом отдельном случае они сообразуются с ситуацией. Всматриваясь в глаза собеседника, цыганка улавливает малейшие оттенки его реакции на слово, скрытые движения человеческой души. Происходит как бы разговор гадалки с собой на темы, волнующие клиента. При этом человек даже не подозревает, что сам «подбрасывает» эти темы.

Наговор сопровождает и гадание на картах и гадание по руке. Ничего специфически цыганского в этих формах нет. Цыганки не раз говорили нам, что они пользуются классической литературой по хиромантии.

Американский писатель Барт Макдоуэл так описывает свою встречу с гадалкой:

«Она предсказывала будущее. Эту английскую цыганку звали мадам Торни. Она крепко держала мою правую руку. Я ожидал, что она будет изучать мою ладонь, вместо этого она наблюдала мое лицо. «Вы что-то пишете,— сказала тотчас же мадам Торни.— Возможно, книгу. И еще вы готовитесь к путешествию». Я изучал гадалку с недоумением и уважением, ее захватывающие глаза под тяжелыми веками и ее строгие мягкие черты лица, которое предполагало драгоценности в носу и сари. Я никогда до этого не встречал мадам Торни, так же, как и она меня. Я сидел в ее повозке — один из сотен американцев, попавших на скачки трехлеток в Энсоме (ежегодный день скачек в Англии). Только, в отличие от большинства, я приехал не из-за лошадей, а чтобы увидеть цыганку, подобную мадам Торни. «Да, очень долгое путешествие,— сказала она.— Куда вы собираетесь?» Я уклонился от ответа. Как я мог рассказать ей о моем плане? В скором времени я должен буду пересечь Английский

канал, и на пути в Индию со мной будут английские цыгане, муж и жена, которых мадам Торни, возможно, знает. Мы разработали план. Мы отправимся, как только будет необходимо. Мы посетим других цыган на своем пути — осевших, кочующих, огненных танцоров, гадалок, скрипачей, медников. В тот самый день в Лондоне я приготовил пояс для денег, так как я ожидал встретить цыган-воров. «Я могу сказать больше за пять фунтов стерлингов. У вас есть вопросы?» — спросила она. У меня абсолютно не было вопросов стоимостью в пять фунтов. «Сколько вы можете дать? — спросила она.— Это должно даваться добровольно, вы знаете, иначе деньги не принесут мне добра». Добровольно я мог дать один фунт. Тогда мадам Торни вытащила хрустальный шар из кармана своего фартука. Шар был маленьким — чуть больше грецкого ореха. Она нежно погладила его, затем совсем забыла о нем, продолжая смотреть на меня своими прекрасными черными глазами. «Сейчас вы работаете,— начала она.— Будьте осторожны, избегайте того, что могут писать или говорить другие. Пишите только то, что вы чувствуете сами». С этим советом мадам Торни легко заработала свой фунт стерлингов».

Конечно, можно поражаться мудрости и прозорливости мадам Торни, смелости ее предположений. Она, как говорится, попала в самую точку. Но вместе с тем обращает на себя внимание и некоторая уклончивость ее ответа. Он не вполне конкретен. Подобная форма наговора связана с проявлением инстинкта самосохранения. В общем-то, эта гадалка ничем не рисковала. Перед ней был явный иноземец, а следовательно, рано или поздно ему предстояло путешествие.

Гадание, о котором рассказал американский писатель, отличается тем, что в нем был замешан некий магический предмет, роль которого играл хрустальный шар. Магическими предметами могут служить кость, специально изготовленный чертик «бэнгоро» и так далее. Как правило, магический предмет, участвующий в гадании, служит цели вызвать у клиента мистический страх, развязывающий кошелек. Косточка обматывается клоком спутанных человеческих волос и прячется в одежде.

Когда цыганские женщины идут на заработок, они надевают множество юбок с потайными карманами. В один из карманов и кладется косточка. При гадании цыганки манипулируют этой косточкой не хуже фокусника: то вытащат ее из-за печки, то из-под порога, то из куриного яйца. Косточка символизирует дьявольские силы, порчу, а манипуля-

ции с нею выдаются за изгнание нечистой силы. А потом произносится примерно такой заговор:

«Это беда засунула вам такую ревматическую кость, чтобы вас крутило и ломало. Нужно отнести это в такое-то место на кладбище в полночь. И как покойник не возвращается с кладбища, так и это не вернется оттуда». Подобный спектакль разыгрывается, чтобы «вылечить» больного. За это гадалки получают от суеверных людей немалое вознаграждение.

Приблизительно по такой же схеме гадают на чертика «бэнгоро». Это — мастерски вылепленная из вара головка черта. Иногда вместо глаз цыганки вставляют бусинки или бисеринки. К головке прикрепляются человеческие волосы пожестче. Если волосы закрутить и, прижав пальцами, положить головку в стакан с водой, она начнет хаотически вращаться, словно живая. Цыганки показывали нам это гадание. Сейчас оно встречается редко, поскольку рассчитано на слишком уж примитивное сознание. Тем не менее раньше гадание на черта практиковалось достаточно часто. Вот как описывает его В. Н. Добровольский:

«Заходит цыганка к мужику во двор: «Подайте, добрые люди, милостыню, Христа ради!» — «Ах, как вы нам надоели,— отмахнулась жена мужика.— И сколько вас таких здесь ходит! Разве на вас напасешься?» — «Не жалей, не жалей, милая, хочешь, я тебе поворожу?» — «А как ворожить будешь?» — спросила баба. «Покажи-ка ручку, красавица!» Поглядела цыганка на руку и говорит: «Э, милая, вижу я, не все у тебя в доме благополучно, ожидай несчастья: с мужем ссора у тебя выйдет. Вот, возьми корешок и травку — это ладан земляной. Разотри этот корешок и травку и всыпь в варево: поест муж твой варева с травкой и станет любить тебя и жалеть». Поблагодарила баба цыганку, дала ей милостыню. «Я приду скоро,— уходя, сказала цыганка.— Если окажется, что в доме твоем какое-нибудь неблагополучие, то я пособлю». В ту же ночь появился около мужицкого дома цыган. Поймал он курицу, отсек ей голову и кровью ворота вымазал. А потом вошел во двор и закопал на самом видном месте эту куриную голову. Наутро встал мужик и видит кровь на воротах. Позвал он жену и показывает ей: «Посмотри-ка, что это такое?! Не иначе как кровь человеческая?» — «Вот и цыганка мне говорила, что в нашем дворе не все благополучно, что злые люди жить нам спокойно не дадут».— «А что же делать?» — спрашивает мужик. «Сам Господь навел на нас эту цыганку. Надо пойти попросить ее, чтобы поворожила». Только сказала

баба эти слова, а цыганка тут как тут. Показали мужик с бабой, что у них приключилось, а цыганка только головой качает: «Говорила ж я тебе, что в вашем дворе нечисто. Смотрите, так у вас и весь скот околеет. Вот видите — и кровь на воротах!» — «А ты поворожи, цыганочка, поворожи, чтобы от напасти избавиться».— «Что ж, я могу. Только и вы обо мне не забудьте».— «Уж мы не забудем, все дадим, что попросишь!» — «А коли хочешь, мужик, я тебе могу даже сатану показать, сам увидишь, какие глаза у него». Обрадовался мужик, а жена испугалась: «Ой, Ванечка! Не хотела б я сатану этого видеть, боюсь от страха умереть». Поставила цыганка мужика и бабу на колени и принялась ворожить. А перед ними книжку свою положила. Потом взяла стакан с водой и незаметно в него яичный белок влила, размешала все и бросила туда головку восковую с настоящими волосами и глазками-бусинками. Как стали волосы раскручиваться, как принялась эта головка в стакане крутиться, бесноваться! «А ну-ка, встаньте, посмотрите, что тут в стакане делается! Вот я куда распроклятого змея заманила. Идите смотрите!» Взяла цыганка стакан, перед окном поставила да сверху ладонью прикрыла, мол, чтобы не убежал нечистый. Поглядели мужик с бабой в стакан да чуть со страха замертво не упали: головка волосатая в стакане так и бегает, так и бесится, глазками так и сверкает. А цыганка приговаривает: «Посмотрите, посмотрите на своего злодея! Этот самый змей и в небесах летает, и у коров молоко высасывает. Нельзя его здесь держать. Надо отнести его на перекресток дорог. А ты, мужик, должен сделать все, что я тебе скажу. Мне твоего ничего не надо, но что от тебя потребую, все исполни. Со мной позже расплатишься. А сделать надо вот что. Возьми свою самую лучшую скатерть, положи на нее ковригу хлеба нерезанную, принеси говядины окорок, горшок масла неначатый и все на скатерть клади, а еще трубку холста принеси. И пойми: не мне все это нужно. Это нужно, чтобы сатану накормить досыта, змея этого проклятого насытить, чтобы он наелся, чтобы принял от тебя подарок и больше к твоему дому не возвращался. И все это надо на перекресток дорог отнести. Где он у вас? Далеко ли?» — «Да вон там,— отвечает мужик,— в таком-то месте».— «Вот там скатерть и положи, а на нее еду и холстину. Оставишь все, а наутро приходи. Если ничего не будет, значит, поел змей все и в доме твоем не появится, а если останется еда, значит, мало ты всего положил, значит, пожалел чего-то. Тогда придется еще вдвое больше на скатерть докладывать. Только моли Бога, чтобы

этот змей все поел». Поблагодарил мужик цыганку, а та не уходит: «Поди-ка, я тебе еще штуку покажу». Повела цыганка мужика в хлев, откопала в навозе головку куриную отрубленную и говорит: «Видишь, что в хлеву твоем делается? Вот так у всего твоего скота головки поотрубят завистники. А эта головка нечистая, надо ее в огонь кинуть, а то она у коров все молоко высосет».— «Говорила я тебе, Ванечка, что буренка наша мычит, что молока не дает, а из глаз ее слезы текут. Да и молоко само какое-то светлое: ни сливочек с него, ни сметаны не соберешь».— «Вот и я замечаю: начну скоту сено давать, а корова как сонная стоит». Стали мужик с бабой цыганку благодарить: «Бери, цыганочка, что хочешь!» — «Да разве я из-за корысти пришла? Я же помочь вам хотела,— отвечает цыганка.— А за платой я в другой раз приду». Под вечер пошел мужик на перекресток дороги и, как цыганка ему повелела, расстелил скатерть новую да положил на нее еды всякой видимо-невидимо: тут тебе и окорок, и масло, и хлеб, и соль, а в придачу еще холста положил. Наутро пришел посмотреть на то же место: глядь — нет ничего. Почесал мужик затылок: «То ли цыганка взяла, то ли сатана поел — кто его разберет?!»

Перед нами целый набор цыганских приемов ворожбы. Здесь и классический вариант обмана, который цыгане сами называют «тэ лав про драб» — «взять на травку». Это когда клиенту в качестве панацеи от нечистой силы вручают какие-то магические корешки. И куриная головка — один из вариантов манипуляции с косточкой.

В старину цыганки нередко пользовались и другими приемами обмана. Вот как описывает Ежи Фицовский цыганский фокус с «шумящей водой»:

«В стакан наливают воду, затем прикрывают платок таким образом, чтобы место, прикрывающее стакан, чуть пригибалось и смачивалось водой и чтобы между тряпкой и водой не оставалось воздуха. Затем цыганка стягивает вниз концы платка, в результате чего круглая «покрышка» напрягается, оставаясь вогнутой. И тогда цыганка переворачивает стакан кверху дном. Вода не выливается, «покрышка», которая стала теперь донышком, в дальнейшем остается вогнутой внутрь стакана. Цыганка придвигает таким образом установленный стакан к уху клиента, не переставая натягивать концы платка, теперь уже кверху. Вода шумит! Попросту это — воздух проникает через ткань и мелкими пузырьками поднимается кверху, вызывая шум. Клиент, а чаще клиентка, не может скрыть удивления и страха. При этом цыганка заранее

предупреждает, что «счастье придет», если холодная вода будет кипеть. Ну и кипит! Радость клиентки безгранична, и она готова щедро наградить цыганку».

На различных манипуляциях основаны такие фокусы, как кровь в молоке, волосы и кровь в яйце, курица, лежащая неподвижно на спине, и так далее. Любой из нас, хорошо потренировавшись, может проделать эти несложные манипуляции. А заснувшей курицей теперь можно поразить воображение лишь закоренелого городского жителя. Но иногда цыгане показывают более изощренные фокусы, в которых главное не ловкость рук, а знание химических законов. Вот как описывает фокус с живым серебром В. Н. Добровольский:

«Известное дело, что цыгане на всякие проделки большие мастера. Ради того, чтобы выманить деньги, они пускаются на разные хитрости. Есть у цыган «живое серебро». Это вот какая штуковина: соберешь «живое серебро», ртуть стало быть, закатаешь в перышко гусиное, а когда в печку его замажешь да разожжешь огонь как следует, тут по всей избе такой стон да оханье пойдет, что хоть святых выноси. Подошел цыганский табор к деревне. Пошли цыганки гадать, а заодно стали высматривать, где мужик побогаче живет. Приглядели. Заходит цыганка в дом этого мужика и, улучив момент, замазывает свое изделие в печку. Сделала свое дело и ушла восвояси. Стал мужик печку топить, и поднялся тут стон, оханье. Орет кто то диким голосом, а кто — не поймешь. Нет никого. Мужик весь дом обшарил. «Не иначе как сатана,— решил он.— Что будем делать, жена?» Уж как ни пытались они выгнать сатану из дома, как ни хлопотали: и молились, и попа домой приглашали, и свечку Николаю Угоднику ставили, а нечистая сила все охает да охает. И никаких сил нет выгнать ее. Три ночи не спал мужик со всем своим семейством, три ночи нечистая сила не давала глаз сомкнуть. А на четвертое утро стучат во двор цыгане, а чтобы мужик чего-нибудь не заподозрил, та цыганка, которая «живое серебро» ему в печь засунула, в таборе осталась, не взяли ее с собой цыгане. Выходит вперед старая гадалка и ворожить начинает мужику. Ворожит, ворожит, а потом говорит: «Смотри, мужик, в твоем доме сатана завелся. Сживет он тебя со свету коль не выгонишь». «Ой, не говори, милая,— отвечает мужик,— уже которую ночь не сплю, не дает мне нечистая сила покоя. Я бы все добро отдал, кто бы помог мне в этом горе».— «Смотри, мужик, от слов своих не отступайся, а горю твоему помочь можно. Я смогу сатану из дома выгнать».—

«Милая, бери у меня все, только помоги с сатаной справиться». Заставила цыганка всех на колени встать, мужика поставила печку растапливать, а сама принялась книжку свою колдовскую читать. Как растопилась печь, так пошел по дому стон от цыганского зелья. «Слышите, люди, как сатана стонет до охает? Слышишь, мужик, это он грозится тебя из дома выгнать, а избу твою и двор прахом пустить».— «Слышу, слышу»,— со слезами на глазах испуганно отвечает мужик. «Молись Богу! Да не бойся! Знаешь, почему он теперь стонет? Он теперь стонет оттого, что я стала выгонять. А ну-ка ложитесь, мужики, падайте ниц, пока я буду с сатаной справляться». Упали все на колени, лбом об пол ударили, а двое цыган выбрались потихоньку в сени, открыли сундук и все деньги у мужика утащили. «Сейчас я буду крестить сатану, на печке кресты ставить!» Залезла цыганка на печку, отковыряла ножичком замазанное в печке «живое серебро», прочистила все аккуратненько — сразу стон и прекратился. Сошла цыганка с печи да крикнула мужику· «Вставай, мужик, все вставайте, да за меня Богу молитесь. И знайте, что в моей книжке есть все средства, как с нечистой силой бороться — и с чертом, и с дьяволом. Молите Бога, что сатана не выжил вас, а то бы все вы поумирали да пропали со своими семействами. А если думаете, что я вас обманула, так смотрите — остаюсь я с вами ночь переночевать. И если хоть один раз сатана вздохнет или охнет, то можете голову мне рубить». Осталась цыганка ночевать. Крепко спал мужик со своей семьей в эту ночь. Никто его больше не тревожил. Словно и не было никакого сатаны. Вот наутро цыганка мужику и говорит: «Видишь, мужик, я свое слово выполнила. Так и ты от своего не отступайся. Ты уж заплати мне, не обидь».— «Говори, цыганка, свою цену, все отдам, что ты попросишь». Недорого взяла цыганка. Погрузил мужик на ее телегу коврижку хлеба, говяжью лопатку, сала кусок, фунт соли, меру крупы — вот и вся плата. Поблагодарила цыганка мужика и сказала: «А за сатану, мужик, не беспокойся, больше он в твоем доме не появится. Я ему надолго дорогу отвадила». Сказала так цыганка и отправилась в свой табор. А мужик, почуяв наконец, что все сошло благополучно, что нет больше в доме нечистой силы, что все успокоилось, решил выпить на радостях. Подошел он к сундуку, чтобы денег на водку взять, открывает его ключом, глядь — денег нету. «Где деньги наши? — спрашивает мужик у жены.— Сундук заперт, а денег как не бывало. Неужто это сатана проклятый, убегая из дому, деньги наши захватил? Да пусть

он сгорит с нашими деньгами! Был бы покой в доме да была бы семья жива-здорова!»

Нам доводилось слышать от цыган, как они порой обманывали деревенских жителей. Случаи эти казались просто анекдотическими. Запомнилась история с переодеванием. Одна опытная гадалка, наметив жертву, переодела цыгана в тулуп, вывернутый наизнанку. А цыган тот был черный и страшный, ну вылитый черт. А тут еще мех наружу. Спрятался он под крутой бережок и стал ждать. А цыганка та взяла деревенскую бабу за руку и под вечер ведет, приговаривая всякие заклинания. Этот «черт» как выскочит да как заверещит! Баба со страху чуть не умерла. Ну и, конечно, выложила перед той гадалкой все свои деньги.

Надо сказать, что среди цыган существует поверье, что гадание не имеет силы, если в него «вмешалась хоть одна копейка». И поэтому цыгане обставляют гадание таким образом, чтобы деньги выступали в нем как атрибут. Другое дело, что потом они бесследно исчезают в потайных карманах многочисленных юбок.

Здесь суеверие цыган смешивается с суеверием тех, кто становится их жертвой. Нередко при этом цыганки втихомолку молятся: мол, Боже, ты видишь мою правду, что я не хочу обижать этого человека, но мне нужно заработать, не со зла я, а по нужде.

В чем смысл цыганского профессионального гадания и имеет ли оно силу? Этот вопрос мы часто слышим от своих читателей. Не будем говорить о случайных жертвах цыганского обмана, о тех, кто обращается к цыганкам в силу праздного любопытства. Кто же остальные? Как правило, это люди несчастные, перенесшие горе, обиженные судьбой, обделенные житейскими радостями. Окружающие не могут дать им душевного успокоения. Никакие доводы не действуют. Так устроена человеческая психика. Что в таких случаях можно сделать? Сильные духом могут справиться с бедой сами, время лечит самые тяжелые раны; слабые же, наоборот, ищут утешения. Можно пойти к врачу-психотерапевту, но не каждый на это решится, кто-то идет в церковь, но не все верят в Бога. Надломленные, слабые люди и становятся клиентами цыганских гадалок. Ведь, по сути дела, залогом исцеления душевного недуга является вера в слово целителя, кто бы им ни был. И цыганки, прекрасно знающие человеческую психологию, легко добиваются доверия у своих клиентов.

Теперь посмотрим на цыганское гадание с другой стороны. Мы уже видели, что к своему ремеслу цыгане относятся

достаточно скептически. Между тем в самой цыганской среде гадание распространено довольно широко, хотя порой принимает совсем иные формы. К примеру, среди русских цыган укоренились так называемые святочные гадания, заимствованные у русских. Имеются в виду гадания на кольцо и на зеркало. Цель такого гадания — увидеть лицо суженого-ряженого. Чаще всего гадают на них молоденькие девушки. Гадают обычно в полночь на старый Новый год, на Рождество или на Крещение.

Цыгане садятся вокруг стола, ставят стакан с водой и бросают в него золотое колечко. Потом кто-нибудь берет стакан в руки и начинает пристально всматриваться, смотрит до тех пор, пока в круге кольца не покажется лицо будущего жениха. На время гадания свет выключается, и помещение освещает только тусклое пламя свечи. Среди цыган бытуют страшные истории, связанные с этим гаданием. Они верят, что предсказание исходит от нечистой силы, и если слишком долго глядеть в лицо суженого, то он превратится в черта и когтями может расцарапать щеки. Когда цыгане рассказывают такие истории, они непременно приводят примеры, мол, там-то и там-то живет такой-то и такой-то человек, на лице которого видны следы когтей черта. Этот же ритуал соблюдается при гадании на зеркало.

Специфически цыганским гаданием является гадание на пиковую даму. Вот что рассказала нам одна молодая цыганка из-под Ленинграда:

«Пиковая дама всю правду о будущем говорит, все тебе предсказывает и даже на вопросы отвечает. А случается это так: перед полночью надо положить карту — пиковую даму — за порог, сесть около двери и говорить: «Пиковая дама, приходи, хотим мы на тебя погадать!» А около порога надо стул поставить. Войдет Пиковая дама и сядет на этот стул. И вот тут-то и надо ее спрашивать о своей судьбе. Да только не дай Бог ее перебить, когда она говорить начнет, или задержать, когда она захочет уйти. Задушить может. И попусту вызывать ее тоже нельзя, если уж позвал Пиковую даму, так сиди и жди, а иначе — беда!.. Вот гадали мы на Пиковую даму. Собралось много народу, молодежь все. Положили карту за дверь, а дверь не прикрыли плотно, чтобы она пройти смогла. Сидим и ждем, а ее все нет и нет. Полночь прошла — нет Пиковой дамы, два часа ночи — нет ее. До трех часов ждали Пиковую даму, а она не появилась. Ну сколько еще можно ждать? Решили разойтись. А парень, что жил в этом доме, немножко задержался: «Вы подождите меня, я сей-

час вас догоню». Пошли цыгане, остановились на перекрестке и стали того парня дожидаться. Вдруг слышим стон. Смотрим: ползет этот парень на коленях и руки протягивает, на помощь зовет. Бросились цыгане к парню, на ноги его поставили, а он еле живой: лицо бледное, как полотно, и язык отнялся — ни слова сказать не может. Только когда рассвело, пришел парень в себя и рассказал, что с ним случилось: «Когда все ушли, я прибрал немного в доме и вышел в коридор. Отец закрыл за мной дверь, запер ее. Смотрю я и вижу: дергается дверь на крыльце, да так сильно, что того и гляди с петель слетит. Подхожу я к двери и спрашиваю: «Кто?» Нет ответа. Только дверь еще сильней дергается. Отпрянул я назад, и в эту минуту дверь рухнула, а на пороге показалась она».— «Кто это она?» — «Пиковая дама! Красоты неописуемой. Как в темноте стояла, то казалось, будто белое платье на ней, а как на свет вышла, гляжу — в черном стоит! Высокая, метра два ростом, смотрит на меня и молчит, ничего не говорит. Испугался я, а она медленно-медленно плывет ко мне, все ближе и ближе, и руки протягивает. Хотел я в комнату вбежать, рванулся — дверь заперта; тогда я разбежался, с размаху пробил головой окно и кубарем скатился на улицу. А Пиковая дама уже с крыльца спускается и за мной плывет. Я сперва бежал, потом от страха ноги подкосились. Как услышал ваши голоса, закричал и упал без сознания...» Недаром цыгане говорят, что судьбу свою надо пытать осторожно».

Еще одним распространенным видом святочного гадания у русских цыган является гадание на след брошенной обуви. Как тут не вспомнить балладу В. А. Жуковского «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

Об этом гадании рассказывал нам Виктор Ездовский, уроженец города Ревды Свердловской области:

«У нас в Сибири молодые цыгане еще так гадали. Становились спиной к своим воротам, снимали валенок и, не глядя, бросали через голову. Упадет на снег валенок и след оставляет. Куда тот след покажет, там и живет твоя суженая, твой жених будущий. Если же в этот момент собаки залают, то искать надо в другом городе, а носок покажет, в какую сторону идти. Ну, как-то раз собрались мы гадать. Нас-то, не-

женатых ребят и незамужних девушек, много было. Вот выбежали все на улицу. А с нами одна замужняя увязалась — просто ради смеха. Ну, стали все бросать. У одного в одну сторону валенок упадет, у другого — в другую. С нами была одна кривая девчонка, так ее валенок вверх подметкой встал,— значит, ей замужем не бывать. Вот и та цыганка решила валенок бросить. Стала спиной к воротам и кидает валенок. Высоко кинула, крутится валенок в воздухе. И тут — надо же такому случиться! — выходит из дому ее муж, открывает ворота, и валенок попадает прямо ему по лбу. Вот уж вправду — от судьбы не уйдешь!»

Гадание на след брошенной обуви распространено не только среди русских цыган, существует оно, к примеру, и у цыган-ричаров. Разница только в том, что ричарская молодежь бросает валенок через избу.

Еще одним видом мистического цыганского гадания является так называемое «гадание на рубашку». Вот что поведала нам одна старая цыганка, проживающая в Гатчинском районе под Ленинградом:

«В старину такой обычай у цыган был: когда мужчины уходили коней воровать, брали цыганки их рубашки и шли в лес с лесовиком разговаривать. Зайдут они в чащу, вобьют в землю колья, привяжут к ним цыганские рубашки и давай лесного человека спрашивать: « Нечистая сила, выходи, скажи, что с нашими мужьями будет? Приедут ли они? Дай нам знать, лесной человек, все ли будет в порядке, или беда с ними приключится?» Присядут цыганки на землю, притихнут и начинают прислушиваться, какой знак им лесовик подаст. Если удачным будет цыганское дело, то слышат цыганки голоса мужей своих или песни цыганские, а то еще свист раздастся, щелканье кнутов. Хороший это знак — с удачей вернутся цыгане. Но если вдруг собака залает,— значит неудача у их мужей, с пустыми руками вернутся. А еще хуже, если ключи забренчат: значит, забрали их мужей в казенный дом. Но хуже всего, если выстрелы раздадутся: это беда лютая идет по цыганскому следу — погоня и смерть».

Безусловно, у многих читателей описание этих гаданий вызовет ироническую улыбку. Не будем вдаваться в рассуждения о природе мистических гаданий цыган. Отметим только, что сами цыгане в них верят. Возможно, это сеансы коллективного гипноза или какие-то еще неизвестные науке явления, связанные с человеческой психикой. Но нельзя не отметить, что в цыганской среде достаточно часто встре-

чаются люди, обладающие гипнотической силой. Порой пользуются этим даром цыганские гадалки, хотя в профессиональной деятельности достаточно редко. Ежи Фицовский рассказывает, как один крестьянин под гипнозом «по доброй воле» дал цыганке пару лошадей и телегу, сам запряг, а потом еще пожелал ей счастливого пути, когда та отъезжала. Известен случай, когда кассирша на почте отдала цыганке все содержимое кассы, а потом привела ее домой, отдала все свое золото, двое часов, хрусталь, костюмы мужа и его офицерские сапоги. Причем даже сама упаковала тяжелые вещи. Вот как Ежи Фицовский описывает ощущения жертвы цыганского гипноза.

«Вошла цыганка в комнату, погадала. А мне как-то очень хорошо было, как будто я во сне, как будто пьяная... Я видела, как цыганка кружит по комнате, как юлит, достает из шкафа, из сумки, забирает деньги. Я смотрела на все это как-то равнодушно, как бы не понимая. Цыганка ушла, вбежала служанка, подняла крик. А у меня как будто что-то оборвалось, я все поняла и стала истерически плакать. На руках не осталось ни колец, ни браслетов, ни часов».

Нам не раз приходилось слышать от цыган подобные рассказы. Как правило, рассказывали они по слухам, и гораздо реже удавалось записать свидетельства потерпевших. Между тем, от самих гадалок, в общем-то не скрывающих своего отношения к профессиональному гаданию, мы о таких случаях не слышали ни разу. Не обнаружили мы подобных сведений и в литературе. Стало быть, гипноз в цыганском профессиональном гадании используется либо редко, либо он не осознается как профессиональный прием. Так что отнесемся к разговорам об этом с некоторой долей скептицизма.

Знакомясь с приемами цыганского гадания (профессионального и для себя), обращаешь внимание на целый ряд удивительных противоречий. Странная получается картина: с одной стороны, цыгане относятся к профессиональному гаданию с откровенным пренебрежением, лишь как к средству добывания денег, а с другой — налицо их предрасположенность к мистике, вера в «настоящее» гадание, когда оно происходит внутри табора. Умение всучить за хорошие деньги клиенту «корешок на счастье», «взять на травку» вызывает у цыганок горделивую усмешку, дает повод для высокомерного хвастовства перед соплеменницами. Однако тот же самый корешок вешается на шею собственного ребенка с твердой верой, что он убережет его от беды и болезни. Наговор для

посторонних, бросание карт — чепуха, но тот же наговор и гадание на картах делается и для себя. Другим самодельного или переодетого «черта» показывают, а сами вешают на ветку мужнину рубаху, кладут пиковую даму на порог дома, бросают золотое кольцо в стакан и вызывают нечистую силу.

В чем же тут дело? Оно — в важной особенности цыганской психологии, о которой коротко можно сказать так: для нас — одно, для вас — другое. С подобным раздвоением цыганского сознания мы встретимся еще не раз. Важной частью цыганского гадания является ворожба. И она делится на профессиональную, для заработка, и для себя. Профессиональная ворожба нас не интересует. В конце концов, любой одержимый жаждой избавиться от лишних денег может обратиться к «первоисточнику». А уж что ему скажут гадалки, попросят ли выдернуть волос из головы, завернуть копейку в платочек, воткнуть иголку в притолоку дома соперницы или что-нибудь другое, позаковыристей,— это, как говорится, «дело фирмы». Нас гораздо больше интересует та ворожба, в которую верят сами цыгане, поскольку в ней в известной степени кроются, через нее раскрываются тайны цыганского бытия.

В повседневной жизни цыгане нередко пользуются всякого рода заговорами. Их условно можно разделить на две группы: магические и, да простят нас врачи, «медицинские». Примером магического заговора может служить приведенный заговор для коня от нечистой силы. Подобных заговоров у цыган множество, на любой случай. Это и заговоры от змей, чтобы они в палатки не заползали, это и разного рода заговоры, направленные на то, чтобы принести удачу в делах, и так далее. Магические заговоры нередко сопровождаются соответствующими ритуалами. Вспомним хотя бы обряд с «лилияко». Надо сказать, что тексты цыганских заговоров — тайна за семью печатями. По цыганскому поверью, если передашь заговор постороннему, он тебе самому перестанет помогать. Так что цыгане сохраняют их в строгой тайне и передают друг другу «по наследству».

То же самое можно сказать и о «медицинских» заговорах. Заметим, что «медицинские заговоры» распространены не только в цыганской среде. Людей, умеющих заговаривать, можно встретить и среди русских, они есть в каждом народе. Заговаривают кровь при порезах, есть заговоры от ячменей, от горячки и т. д. Не беремся объяснить механизм действия заговора, может быть, дело здесь опять же в психологии

человека, однако нам не раз доводилось наблюдать, сколь эффективен может быть заговор, это тем более необъяснимо, что сам «пациент», как правило, текста заговора не слышит, он проборматывается еле внятно. Возможно, секрет в том, что иногда встречаются цыганки, обладающие экстрасенсорными качествами. Так, мы знали цыганку, о которой по всей округе ходила слава целительницы от грудницы. Лечила она наложением рук. Из разговора выяснилось, что когда-то она сама переболела этой болезнью и вылечилась «своими же руками». Впоследствии она излечила свою невестку, а потом к ней стали ходить крестьянки из близлежащих деревень.

Кстати, цыгане — блестящие знатоки лекарственных трав. Оторванные от профессиональной медицинской помощи и зачастую ей не доверяющие, они нередко прибегают к средствам народной медицины, особенно к траволечению.

Завершая разговор о цыганском гадании, хотим высказать важную мысль, которую мы почерпнули у самих цыган. Однажды мы спросили у опытной гадалки: «Кому вы больше любите гадать дуракам или умным?» И услышали неожиданный ответ: «Конечно, умным, ведь дурака ничем не прошибешь, а умный легко откликается на слово». Подобное же признание можно найти и у Ежи Фицовского. Вот что ответила ему гадалка на аналогичный вопрос:

«Если в доме есть какая беда, болезнь, смерть, тогда легко людей отуманить. А когда покой и довольство — то уж нет. И легче оцыганить человека хоть чуть грамотного, чем совсем темного как ночь. Совсем простой человек на это не пойдет, а такой, что уже «лизнул света и книжек», того легко поймать, так как у него ум более деликатный и сердце более слабое». Пусть это признание предостережет любопытствующих умников, которые обращаются к цыганкам из праздности, уверенные, что их-то не облапошат. Нет, именно их как раз и облапошат...

До сих пор мы подробно рассматривали роль женщины в цыганской среде. А что же мужчины? Они в течение всей своей жизни находятся на привилегированном положении: имеют право целые дни напролет ничем не заниматься и пользоваться тем, что приносят в дом их жены. Мужчина занимался лошадьми и ремеслами, часто выполнял роль защитника женщины, занимавшейся гаданием и попрошайничеством. Но у цыган есть система запретов и ограничений, касающаяся и мужчин. Нарушивший эти запреты считается оскверненным Один из запретов гласит: нельзя вводить в грех жену цыгана,

находящегося в тюрьме. Нередко запреты имеют чисто ритуальный характер. Надо сказать, что в настоящее время о многих запретах помнят лишь старики, а в реальной жизни они практически не применяются. Ежи Фицовский называет такие запреты, как «чхуритко», «товэритко», «састэритко» то есть запреты на применение ножа, топора и железа. Он пишет:

«Во время драки цыгану запрещается пользоваться ножом, топором и железом. Единственно в случае, когда цыган для самозащиты выступает при нападении по крайней мере двоих Тогда ему разрешается пользоваться железом. Не позволяет ся также ударить ножом собаку или лошадь».

Заметим попутно, что у цыган с давних пор существует запрет на приготовление пищи из конины и мяса собаки. Строжайше действует запрет на воровство у своих.

Чем же занимаются цыганские мужчины? До недавнего времени излюбленными занятиями русских цыган были торговля и обмен лошадьми, так называемое барышничество. Это давало им основной заработок во время кочевой жизни. Скупая лошадей в тех местах, где они дешевы, цыгане потом перепродавали их или меняли с прибылью.

Кочевая жизнь, постоянное общение с лошадьми сделали цыган превосходными знатоками этих животных. Как правило, цыгане — великолепные наездники, они хорошо разбираются в повадках лошадей, лечат их от многих болезней только им известными способами. Авторитет цыган-лошадников и коновалов был высок, к ним часто обращались за советом и помощью, состоятельные люди приглашали их работать на конюшнях. Сами цыгане с гордостью вспоминают своих специа листов в этой области, хотя не всегда эти специалисты поль зовались дозволенными методами.

Вот характерный эпизод продажи лошади, о котором рассказывал нам М. И. Волков из деревни Левашово Ленинградской области:

«Приехали в наш табор лошадей покупать. Вывели кобылицу. Она была белая, в крапинках, старая, лет шестнадцати, но склада красивого, рисунок чудесный, длинная, со шкаф ростом. Красавицей когда-то была, а теперь век свой отжила. Но у цыгана она выкормлена. И вот цыган начинает свою лошадь описывать. Сам он как купец, борода огромная. Как описал лошадь — заслушаешься. А у покупателя только один вопрос: «Как она в упряжке ходит?» Тогда цыган зовет сына: «А ну, Ваня, запряги!» Сели. Натянул цыган вожжи. Чует лошадь цыганскую хватку, слушается хорошо. Так и продали

за большие деньги. За промышленную сошла, за тяжеловоза. А бывало, лошади зубы поправляли. Брали веревку, закидывали лошади через голову. Она падала. Валили лошадь быстро — глазом не заметишь. Как повалят, отец кричит: «Ложись на шею!» Вся сила лошади в шее, когда она лежит. Потом брали маленькую стамеску и начинали зубы долбить. Если лошадь молодая, то у нее в нижних зубах ямочки. Старая лошадь эти ямочки забивает, у нее чистые зубы, гладкие. Так вот, эти ямочки надо вынуть. Потом между верхними зубами выбирают мясо. У молодой лошади между верхними зубами мяса нет. Потом замазывают, чтобы не кровоточило, дегтем. Ямочки замазывают тоже дегтем или сажей — она в зубы впитывается. У нас был гнедой конь лет пятнадцати. Старый был, но имел хороший ход, не рысак, конечно, а по-цыгански — краснобежка. Староват он был по зубам. И вот выменяли. За восьмилетнего сменяли. И никто не сказал, что конь старый. Это только цыган может отличить».

Однако не надо думать, что подобные формы обмана были так уж распространены среди цыган. Эпизод покупки дедом Щукарем дохлой клячи у цыгана в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» дан с определенной гиперболизацией. Бывало, что цыгане за бесценок покупали больных лошадей, лечили их и продавали с барышом. Если же лечение не приводило к результатам, они прибегали к испытанному средству: перед продажей поили лошадь водкой, отчего глаза у нее начинали блестеть, а сама она возбуждалась и какое-то время сохраняла живость.

Иногда цыгане брали у крестьян в обмен измученных пахотой лошадей. Животные на вольном выгуле приходили в норму, отъедались, набирали силу. После этого они снова могли участвовать в выгодном обмене. Однако стабильный заработок давала обычная нормальная перекупка лошадей. Цыгане рассказывали нам о своих довольно протяженных маршрутах, об изнурительных поездках, в которые они отправлялись с этой целью. Так, цыгане, жившие под Ленинградом, ездили за лошадьми, как правило, в Прибалтику, а на обратном пути заезжали в центральные области России, например в Новгородскую.

Менка лошадей была распространена и внутри цыганской среды. Она сопровождалась довольно живописным ритуалом. В случае согласия на менку участвующие в ней становятся друг против друга и долго попеременно не то что хлопают, но соприкасаются ладонями. Сначала сверху рука одного, а потом

рука другого. Эта процедура продолжается несколько минут.

Умелые барышники пользовались у цыган громкой славой. Их имена остались в народной памяти. И сегодня под Ленинградом рассказывают всякого рода бывальщины, связанные с образом реального человека, цыгана по кличке Шелуха[1]. Его называли «Грэнгиро дад», то есть лошадиный отец. По всей видимости, он жил в начале XX века. Про таких умельцев цыгане говорят: «Он с вязовой палки начнет меняться, а закончит конем». А про неудачников наоборот: «Дойти до вязовой палки». Это означает — дойти до крайней степени нищеты.

Цыганам известен целый комплекс средств народной медицины для лечения лошадей. У В. Н. Добровольского приводятся некоторые рецепты. Так, от болезней желудка применяли смесь капустного рассола с яйцами, хромоту лечили купоросом, травами — кожные болезни.

В произведениях художественной литературы встречаются рассказы о том, как при продаже лошадей цыгане обманывают своих покупателей. Невольно возникает вопрос: а практикуется ли подобное в случае менки лошадей между цыганами? На этот счет у них есть довольно-таки забавный закон. Все, что сказал цыган, расхваливая свою лошадь, должно соответствовать действительности. Если он сказал, что лошадь ходит в упряжке, то так и должно быть. Если сказал, что лошадь — трехлетка, то она не может быть старше или моложе. Но если он этого не сказал, а покупатель не задал ему вопроса, понадеявшись на собственное знание лошадей, то всякая ответственность за возможный обман с продавца полностью снимается. Если цыган продает больную лошадь и спрашивают, не больна ли она, он обязан признаться. Но если этот вопрос не прозвучал, он имеет право продать и больную лошадь. Если обманутый таким образом цыган «возбуждает дело» в крисе — цыганском суде, суд не принимает во внимание его обвинения. Аргумент очень простой: «Раз у тебя есть глаза, ты должен смотреть, раз у тебя есть язык, ты должен спросить».

Прекрасное знание повадок лошадей принесло цыганам заслуженную славу отличных объездчиков. У них целый набор «фирменных» цыганских приемов укрощения. Нередко

---

[1] Ю. А. Махотин из Калинина рассказывал: чтобы изменить масть краденых лошадей, цыгане варили луковую шелуху и использовали отвар как краситель. Лошадь после окраски становилась гнедой. Таково происхождение клички этого барышника.

эти приемы довольно жестки, но всегда весьма эффективны. Думаем, читателям интересны воспоминания бывшего кавалериста, участника гражданской войны Федора Кудрявцева, в которых есть эпизод, связанный с цыганами. Впоследствии Кудрявцев стал замечательным спортсменом-конником и на своей знаменитой Амбе завоевал немало призов на скачках. А началась его спортивная карьера вот с чего. Сразу после гражданской войны в Россию привезли партию молодых норовистых лошадей из Канады. Животные были настолько своевольны, что никто к ним не мог даже подойти. И тогда Кудрявцев предложил пригласить кочевых цыган, что стояли возле Новой Деревни в Ленинграде. Вожак цыган по имени Степан Авивович подобрал десяток мужчин посмекалистей и пришел в манеж. Впрочем, предоставим слово самому Кудрявцеву:

«Там, как всегда, между рядами коновязей носились сорвавшиеся лошади, но двое дневальных сидели, как воробьи, на перилах трибуны.

В чем дело? Почему не вижу порядка?

— Амба сорвалась. Вас ждем, вы ж приказывали.

Опять Амба! Я показал ее Степану Авивовичу. Он сказал что-то своим помощникам, и началось цирковое представление! Цыгане кричат, кони отвечают им ржанием! Свистят кнуты, взвизгивают лошади. Цыгане били их очень метко и поразному: изо всех сил, с «оттяжкой» по брюху и очень осторожно, едва касаясь, по храпу, самому чувствительному месту у лошадей. Они пропустили сквозь свой строй всех других буянок, а Амбу оттеснили в конец манежа. Несколько раз она поднималась на дыбы, чтобы броситься на людей, но два, иногда три кнута мигом опоясывали ее светло-рыжий живот, и она, визжа, как кошка, отскакивала. Вскоре, злобно озираясь, она стояла в углу. Цыгане — полукругом перед ней, угрожая сложенными кнутами. Потом двое быстро подошли, схватили за уши. Степан Авивович ловко поставил закрутку.

Меньше получаса потребовалось, чтобы справиться со всеми другими дебоширками. Лошади действительно «уважали» цыган.

— Посмотри, начальник, почему они срываются. Недоуздок хороший, и цепь к нему тоже хорошая. А кольцо — дрянь, расползается по сварке. Замени все кольца сыромятью. Еще прикажи пять крепких мешков с битым кирпичом приготовить. И еще деньги давай, будем репу покупать.

— Зачем репу?

— Отучать кусаться.

— Как же это будете делать?

— Цыганские секреты, начальник, даром не отдаются, позолоти ручку.

— Нечем мне позолотить. И на репу денег нет.

— Можно в Новой Деревне овес на репу обменять. Только, начальник, пусть ветеринары не вмешиваются. Лечение строгое, но вреда не будет.

Мешки с битым кирпичом повесили над стойлами в соседней пустовавшей конюшне. Цыгане сами, без подсказки красноармейцев, определили лягающихся. Подходили к хвосту, окликали, кричали что-то, очевидно, обидное для лошадей,— они сразу же прижимали уши. Если оскорбления принимались относительно спокойно, тыкали в зад кнутом. Иногда канадки отодвигались в сторону — таких переставали дразнить. Но чаще канадки отвечали ударом задних ног, и тогда Степан Авивович командовал:

— Под мешок!

Молодой цыган ужом проскальзывал к голове лошади, зажимал ее верхнюю губу закруткой, вел на конюшню. Поставив в стойла пять «пациенток», опускали мешки с кирпичом пониже, снова начинали дразнить: колоть кнутом, дергать за хвост. Лошади лягались, вскидывая задом, колючий, тяжелый мешок бил по крупу... «Лечение» было эффективным. Большинству понадобилось всего два «сеанса», более упорным — три-четыре. Некоторые, в том числе Амба, уже после первого опыта проявили незаурядную смекалку: «под мешком» терпели, стояли смирно. Едва мешок убирали — быстро пятились назад, доставая копытами до середины прохода конюшни!

— Придется «ежа» попробовать,— сказал Степан Авивович.

«Еж» — маленький мешочек, наполненный мелкими гвоздями,— пристраивали на удочке. «Еж» колол до крови. Через неделю уже ни одна канадка не лягалась. Окончательную проверку проводили на плацу перед штабом: вели лошадь вдвоем, третий нес «ежа» на удочке над крупом.

— А когда же будем лечить репой? Все сроки прошли.

— В воскресенье, начальник, в воскресенье. Ветеринары будут дома со своими бабами пироги кушать, а мы — репой коней угощать.

...«Лечение репой» первой должна была проходить самая

свирепая лошадь — Амба, но Степан Авивович предупредил:

— Тебе, начальник, я вижу, эта кобылка нравится? Не ходи смотреть: она тебя запомнит, будет зло на тебя иметь.

Действительно, она мне нравилась своим неукротимым нравом. Я послушался старого цыгана. Смотрел, как «лечили» уже других лошадей. В закоулке у манежа дымил маленький костерок — варилась в котелке репа. Рядом стояла привязанная лошадь. Цыган снял верхнюю рубаху, вновь ее надел, оставив один рукав пустым. Продел в него прут с заостренным концом. Держа руку под рубахой, выловил из котелка крупную желто-розовую репу, стал водить ею перед мордой лошади. Она не раздумывая цапнула «руку» нахального человека...

Плеваться лошади не умеют. Канадка бешено мотала головой, но разваренная репа залепила ей рот и не вываливалась. Десны, губы, нёбо, язык покрылись пузырями, сошла кожа. Больше недели «прошедших лечение» кормили насильно, вливая из бутылки в рот болтушку — отруби на воде. Когда ожоги прошли, пропало и желание кусаться: под дружный хохот красноармейцы крутили перед мордой лошади кулаком, а она испуганно отворачивалась.

Амба, укусив «кулак», широко раскрыла рот и так энергично трясла головой, что бо́льшая часть горячей репы вывалилась, и ожоги были несильные. Но кусаться все же перестала.

— Хитрая,— качал головой Степан Авивович.

— Думаешь, снова станет кусаться?

— Нет, не будет, но она не сдалась, она беспременно что-то выкинет. Она матка гонористая. Прикажи быть с ней поосторожнее.

Отученных лягаться и кусаться красноармейцы гоняли на корде. Затем начали приучать взнуздываться, седлаться — все по уставу. Наконец самые опытные конники осторожно садились в седло. Канадки упрямились, пытались козлить, но постепенно привыкали, становились послушными.

Амба тоже позволяла себя седлать, взнуздывать. Но едва почувствовала человека на спине, мгновенно «дала свечку» — встала на дыбы и опрокинулась на спину! Красноармеец едва-едва уцелел.

— Отучим ее и на спину падать, начальник...

Там же, где «лечили репой», настлали на землю солому.

Двое цыган крепко держали взнузданную Амбу. Поседлали ее сложенной попоной: соскочить легко.

— Ну, давай, начальник! Сиди крепче!.. Яков, Сашка пускайте!

Красивые свечки давала Амба! Я соскользнул с ее спины, когда она падала. Цыгане бросились к ней коршунами, прижали к земле голову, веревками стали связывать ноги...

— Теперь уходи, начальник, будто ты ни при чем. Она это тоже запомнит.

В четыре кнута хлестали бедную канадку. Не торопясь, ритмично, как цепами на молотьбе. Отдохнули. За ноги перевернули преступницу на другой бок. И его «обработали» на совесть.

Затем они оставили ее лежать связанной. Один сел рядом сторожить: если лошадь начнет стонать, требовалось немедленно развязать ей ноги, иначе может погибнуть.

Амба оказалась в самом деле «гонористая». Лежала до ночи, не пикнув. И я не мог уйти, сидел в манеже. Если бы что-нибудь случилось — я в ответе. Поздно вечером Степан Авивович пришел ко мне.

— Крепкая кобылка, начальник. Другая бы давно покаялась, покорилась человеку, а эта не хочет. Сахару нужно, начальник. Разведи фунт на полведра воды и приходи. Но стой за углом, пока я не кончу выть...

— Как выть?

— Волком. Как перестану, ты подходи, развяжи ей ноги, дай напиться сладкой воды, огладь, тихонько веди в манеж и примечай, как она пойдет. Если станет рваться из рук — не помогло лечение, а если к тебе станет жаться — вылечилась! Ну, пойду...

Я стоял за углом и слушал тоскливый, подлинно волчий вой. Артистически выл старый цыган. В манеже забились в испуге лошади, дневальные метались, их успокаивая...

— Иди! — шепнул Степан Авивович, выходя из-за угла.

Я подошел к Амбе. Она мелко дрожала всем телом — в Канаде волков много! Я развязал ей ноги. Она встала, пошатываясь. Жадно стала пить подслащенную воду. Я повел ее в манеж неторопливо, успокаивая голосом и похлопывая рукой по шее. Не шарахалась, «лечение» подействовало! В кормушке для нее был приготовлен хлеб и сахар. Она не сразу стала есть. При скупом свете конюшенного фонаря я видел, что она внимательно смотрит на меня. Потом вздохнула, нащупала губами кусок сахара, захрустевшего на зубах. Сгрызла

все. Подняла голову и неожиданно положила ее мне на плечо.

— Иди, начальник, домой! Ты для нее теперь первый друг. Ты от волков спас и пожалел. Кобылы, как бабы, любят, чтобы их жалели...»

После войны возможностей заниматься лошадьми у цыган становится все меньше и меньше. К совсем недавнему времени и лошадей почти не осталось. Однако в наши дни в связи с тем, что разведение домашних животных стало поощряться, у цыган вновь появились лошади, древняя «цыганская профессия» возрождается.

Когда речь заходит о цыганах-ремесленниках, в памяти чаще всего возникает довольно стереотипный образ цыгана-кузнеца. Это естественно, так как кузнечное дело, особенно в прошлом, было широко распространено в цыганской среде. Сейчас эта старинная цыганская профессия по понятным причинам исчезает. Цыгане-кузнецы есть лишь в Прикарпатье и в некоторых районах Молдавии. Они, как правило, изготавливают самые простые орудия — серпы, косы, топоры, куют подковы и гвозди, зубья для борон. Значительно реже встречаются кузнецы, занимающиеся художественной ковкой. В старое время кузнецы даже в кочевье возили с собой инструменты и приспособления. На стоянках подставкой для наковальни служил обычный пень. Передвижение таборов всецело зависело от спроса на ремесло. Сейчас в кочевых таборах редко встретишь кузнецов, они по большей части живут оседло.

Одно из самых традиционных цыганских ремесел — изготовление посуды из металла, котлярство. Этим промыслом занимается самая большая в мире цыганская этногруппа кэлдэраров. И в наше время кэлдэрары ведут полукочевой образ жизни. Они надолго останавливаются возле больших городов и живут компактными группами. Живописен вид кэлдэрарского табора: стоят временные дома, а между ними кое-где пестреют цыганские палатки. Возле многих домов — мастерские, рядом валяются листы железа, поодаль громоздятся огромные кастрюли — котлы, сверкающие серебряными боками.

Мастерская ремесленника на редкость проста: под навесом на деревянных чурбаках прикреплен кусок рельса, на котором обрабатывают будущее изделие. Обычный молоток, паяльная лампа да ведро краски серебрянки — вот весь нехитрый набор лудильщика. Цыгане изготовляют котлы таким образом, чтобы они входили один в другой подобно матрешке, так удобнее

перевозить готовую продукцию, ведь порой приходится ездить на довольно далекие расстояния. В таких емкостях хорошо хранить зерно и другую сельскохозяйственную продукцию.

Однако спрос на эти изделия, по-видимому, начинает падать. И поэтому сейчас в СССР цыгане-лудильщики постепенно меняют свою профессию. Они, к примеру, подряжаются на изготовление мягкой кровли. Работа эта очень тяжелая, вредная для здоровья и сопряжена с риском. В связи с возникновением кооперативов многие цыгане-кэлдэрары занялись электросварочными работами. Ремеслом у цыган кэлдэраров занимается едва ли не каждая семья. У нас главе семьи местные власти выдают патент. Ежемесячно он вносит в казну налог с дохода.

На Западе среди кэлдэраров встречаются и золотых дел мастера, но достаточно редко.

Одно из самых излюбленных цыганских ремесел, особенно в прошлом,— обработка древесины. На Украине, в Закавказье и в Средней Азии некоторые цыганские таборы специализировались на производстве сит и решет. У нас и в некоторых странах Западной Европы цыгане плетут корзины и изготавливают деревянную кухонную утварь: миски, тарелки, ложки. Реже встречаются цыгане — сапожники и портные.

Как это ни покажется странным, иногда цыгане занимались и земледелием, преимущественно огородничеством. Вполне вероятно, что это было следствием многочисленных запретительных мер по отношению к ним.

В прошлом было широко известно искусство дрессировки медведей. Сейчас оно совершенно забыто. Показательно, что, когда мы спросили цыганку из рода ричаров, что означает название этого племени, она не смогла ответить. Между тем слово «ричары» производное от слова «рич», что по-цыгански — медведь. Предки этой цыганки когда-то давно зарабатывали на жизнь тем, что устраивали представления с дрессированным медведем. Ричары попали к нам из Западной Европы через Молдавию. Но и в Европе сейчас дрессировщики медведей встречаются исключительно редко. Возможно, исчезновение этого вида цыганского искусства объясняется едва ли не полным истреблением медведей в Европе. Раньше же добыть медвежонка для обучения было сравнительно легко. Интересные сведения о цыганах-медвежатниках приводит Ежи Фицовский:

«Гетман Карл Радзивилл взял на себя заботу о некоторых

группах цыган, пребывающих в его поместьях в Литве. Многие из них поселились в XVIII веке и даже раньше и жили оседло в окрестностях города Сморгоня[1], прославившегося своим медвежьим городком. В то время Сморгонь состоял из мелких, разбросанных по лесу деревушек. Именно там осело много цыган. Занимались они разными ремеслами: кузнечеством, делали цепи, замки, другие обрабатывали дерево, выделывали ложки, квашни, веретена, прялки, третьи плели лапти и рогожи. Под господством назначенных Радзивиллом цыганских «королей» Сморгонь развивался и разрастался. В обязанности одного из таких начальников входило: организация медвежьей академии в Сморгоне, подбор способных цыган, которые бы учили этих зверей танцам и другому искусству, а также устройство соответствующих помещений для медведей. Из княжеских лесов в «Сморгоньскую академию» привели молодых медведей, пойманных с целью их обучения. Манеж был в действии ежедневно, а несколько десятков цыган, постоянно здесь работающих, занимались уходом за животными и дрессировкой. Занятия в этом учебном заведении продолжались около шести лет. Цыганские медвежатники с разрешения «короля» вместе с другими выпускниками академии уходили в мир, «чтобы забавлять людей своим искусством и собирать денежки, полученные от спектаклей, на содержание себя и животных, а также для уплаты в сморгоньскую кассу». После летнего бродяжничества с медведями цыгане были обязаны возвращаться в Сморгонь и здесь зимовать. В конце зимы, от середины февраля до середины марта, медведи под руководством цыганских мастеров закрепляли свои акробатические познания, после чего цыгане, вместе с новоиспеченными воспитанниками академии, весной отправлялись в новое странствие. Заботясь о животных, цыгане создавали медведям благоприятные условия для зимней спячки, а для своих воспитанников академия устраивала каникулы с 1 ноября по 15 февраля. К этому времени для медведей приносили листья и еловые ветки, из которых они устраивали себе удобные берлоги».

Безусловно, история, рассказанная Ежи Фицовским, посвоему уникальна. В обычных условиях «академией» для цыган была сама жизнь, а секреты мастерства передавались из поколения в поколение. Известно, что в Польше, и это подтверждено документально, искусство вождения медведей было знакомо цыганам гораздо раньше, еще в XVI веке, то

---

[1] Ныне город Сморгонь относится к Гродненской области БССР.

есть задолго до открытия «сморгоньской академии». Медвежатники-академики составили как бы элиту среди цыган, культивировавших этот промысел. Это объясняется тем, что их профессиональный уровень был, безусловно, выше, а кроме того, им покровительствовала польская знать. Медвежатники же «из простых смертных» нередко с трудом сводили концы с концами. Нам доводилось беседовать с цыганами, бывшими некогда дрессировщиками медведей. Вспоминается рассказ одного из них:

«Другой год, когда бывал неурожай и когда люди голодали, нам приходилось особенно туго. А жить-то как-то надо! Вот, бывало, подойдем к деревне табором, встанем неподалеку в лесу и делимся на три части. Коней не распрягаем, держим наготове, а с ними стариков и детей оставляем. Берем медведя и в деревню идем. Перед деревней бабы наши на зады сворачивают, а мы — прямиком на центральную улицу села. Ну, народ, пусть он даже работает, все равно смотреть нас идет. Все дома свои оставляют и на улицу высыпают. Ну, начинаем свой цирк. Медведь работает, люди глаза вытаращат и смотрят — все довольны. Потом мужики нас спрашивают, мол, сколько вам заплатить. А мы к медведю подойдем и как будто слушаем, что он нам скажет. «Нет,— говорим,— медведь денег брать сегодня не велит, сказал, чтоб вы завтра расплатились». А мужикам только того и надо — чтобы задаром. Ну, мы тут скорее из деревни вон. Ведь пока медведь работал, бабы наши тоже не спали. А скажи мужикам, чтобы расплатились за представление, так они пойдут рыскать по сундукам. А найдут ли чего? А так мы, пока до деревенских дойдет, не только до повозок добраться успеваем, но уехать куда подальше, чтобы нас не догнали».

Сохранились и воспоминания одного из воспитанников «сморгоньской академии». Из них можно узнать о некоторых методах дрессировки медведей в этом учебном заведении. Вот что он пишет:

«Если в других городах улицы, на которых расположены институты, назывались Академической или Гимназической, то тут она была названа и до сих пор называется Медвежьей. Там был такой большой склеп каменный: на окнах решетки, внутри корыта для еды и солома для сна. Он был предназначен для пребывания в нем животных в свободное от учения время. Те, кто отдавал туда медведя на обучение, договаривался обычно о помещении, о питании и о гувернере для него... Мы вошли в учебный зал, где цыган учил медведя подниматься под звук дудки на задние лапы. Это была большая изба,

в которой вместо пола была кафельная печь, а посреди — столб, к которому на длинном канате был привязан «ученик». Печь натапливалась докрасна. Задние лапы медведя обматывали в онучи и лапти. Когда впускали туда «ученика», он, обжигая передние лапы, невольно поднимался на задние. В то же мгновение цыган начинал дуть в дудку. Таким образом медведь приучался и потом при звуках дудки всегда поднимался на задние лапы, думая, что передним будет горячо».

Не знаем, какими методами дрессируют медведей сегодня, но описанный здесь кажется жестоким, даже если он и очень эффективен.

Сморгонь была не единственным местом в Польше, где существовала «медвежья академия». Да и помимо Польши было немало мест, где цыгане жили этим ремеслом, в частности, дрессировали медведей и некоторые цыганские группы, кочевавшие по Балканам, а впоследствии перебравшиеся в Россию. Как правило, медвежатники хорошо владели кузнечным ремеслом, постоянно возили с собой передвижные кузницы. Ведь профессия дрессировщика требовала знания кузнечного дела, чтобы ковать железные цепи и кольца, которые вставляли в нос животным. Кроме того, это ремесло приносило дополнительный заработок, который иногда становился основным.

Ежи Фицовский упоминает еще об одной старинной, но давно утратившей свое значение цыганской профессии — о крысоловстве. Вполне возможно, что гамельнский крысолов, герой старинной немецкой баллады, был цыганом. Легенда об этом крысолове варьируется в фольклоре многих народов. История, которая произошла в городе Гамельне, датируется июнем 1284 года. Не исключено, что эта легенда еще заставит ученых-цыганологов изменить предполагаемую дату появления первых цыганских таборов в Европе на более раннюю.

В старые времена крысы были сущим бедствием для населения, поэтому профессия «заклинателя крыс» была и популярной, и остро необходимой людям. Традиции заклинателей крыс складывались еще в Индии. О том, что ими владели цыгане, говорят лишь поздние свидетельства. Приведем одно из них:

«Мой отец всю жизнь занимался мукомольным делом, так что он постоянно соприкасался с крысами. Один цыган произвел следующий эксперимент средь бела дня и при очевидцах. Он вошел на мельницу, взял в рот какую-то свистуль-

ку и держал обе ладони сложенными у рта. Он начал свистеть так пронзительно, что у всех мурашки пошли по телу, даже собаки на дворе начали выть. Мы почувствовали, что под полом как сумасшедшие забегали крысы. Через пятнадцать минут он прекратил свой концерт. И тогда мы все услышали писк и возню под полом. Цыган получил плату и пошел, заявив, что крысы уйдут сами. Этот способ, пожалуй, был наилучшим, так как крысы действительно целую неделю боялись высунуться из-под пола».

Вот как объясняет это явление Ежи Фицовский:

«Часто заклинатели шепчут во время процедуры какие-то магические формулы и заклинания, желая придать всему сверхъестественную таинственность. Этот способ, очевидно, не имеет ничего общего с «чародейством» и опирается на те самые принципы воздействия некоторых звуков на определенных животных, подобно искусству заклинателей змей в Индии».

Сразу же после войны, в 1946 году, в варшавской прессе сообщалось о подобном случае. Дело в том, что разрушенная до основания Варшава стала прибежищем несметных полчищ крыс.

И вот что об этом писали местные газеты:

«Прошлой ночью запоздавшие прохожие были свидетелями необычного зрелища на Панской улице. Посреди мостовой шел пожилой человек в шляпе с широкими, закрывающими почти все лицо полями, рядом с ним были два мальчика, одетые в такие же головные уборы. Пожилой человек играл на пищалке, а два малыша выбивали такт, ударяя тоненькими палочками в маленькие бубны. В небольшом отдалении от этого странного оркестра бежала громадная стая крыс. Можно было насчитать несколько сот животных. На перекрестке улиц Панской и Хлодной стояла небольшая грузовая машина с ведущим к ней от земли помостом. Играющие вошли по этому помосту на машину, а потом уселись на крыше кабины, не переставая играть. Крысиная армада задержалась сначала на мостовой в нерешительности, но потом крысы, беспрестанно приманиваемые звуками странной музыки, ритмичной мелодии, напоминающей гудение огромного волчка, начали сперва поодиночке, а затем всей армадой входить на машину. Когда все крысы оказались в автомобиле, стоящие наготове люди захлопнули вход и накрыли верх деревянной крышкой. Наш сотрудник, заинтересованный этим явлением, завязал беседу со старым проводником группы: ему семьдесят четыре года, он — цыган Юзеф Бек, двоюродный брат умершего в од-

ном из концлагерей цыганского короля Квека. Во время оккупации он также находился в концлагере со всей семьей. Только благодаря своему умению заклинать крыс, которые устроили набег на эсэсовские бараки, он избежал смерти в газовой душегубке вместе с другими цыганами. В настоящее время он принял крысоловство в качестве профессии. Из шкурок крыс он производит изделия для повседневного обихода: кошельки, портсигары и т. п. Бек занимается этой профессией с сорока лет. Умение свое унаследовал от отца, который был известным заклинателем в Румынии. Отец Бека нанимался в передвижные цирки, а также принимал ангажементы в различные румынские города, которые подвергались набегам крыс. Его сыну, который до войны славился своим умением за границей, только недавно пришла в голову мысль использовать крысиные шкурки для изготовления различных изделий. И тогда он открыл предприятие. Старик этот весьма таинственный, он не захотел объяснить своего места жительства и не дал адрес помещения, где занимается производством. Он утверждает, что крысы очень легко поддаются гипнозу музыки, только надо постичь тайну тонов, на которые чувствительно крысиное ухо».

Были у цыган и довольно оригинальные виды промыслов. От одного петрозаводского цыгана мы узнали, что в прошлом существовали так называемые таборы мачтаков. Кто такие мачтаки? Это — наемные драчуны. Русские нанимали их, когда хотели свести с кем-то счеты. Драчуны затевали ссоры и жестоко избивали намеченную жертву, а потом клали в карман свой гонорар. У мачтаков был даже своеобразный устав. Они не пользовались ни ножами, ни какими-либо другими орудиями убийства, единственным их оружием было кнутовище, по-цыгански «кхия» (то есть палка). Иногда через «кхию» пропускалась железная пластина, и тогда это оружие называлось «ратаври», что можно перевести как «кровь — вон!». Иногда в рукоятку «ратаври» запаивался свинец. Цыгане рассказывали, что порой конкурирующие таборы мачтаков устраивали грандиозные междоусобные побоища. Нередко такие драки кончались трагически. То было подлинное самоистребление. Эти побоища можно объяснить желанием устранить конкурентов, мешающих заработку, стремлением выжить.

Мы уже говорили, что еще в древней Индии цыгане относились к касте «дом», которой ее законами предписывалось заниматься музыкальным искусством. Приметы такой изначальной кастовой ограниченности цыган мы наблюдаем и в

наши дни. Во все времена, вплоть до сегодняшнего дня, цыгане дарят миру великое множество профессиональных певцов, музыкантов и танцоров. Каждый раз, соприкасаясь и взаимодействуя с культурами других народов, цыганская музыкальная культура создавала удивительный и неповторимый синтез. В России это воплотилось в цыганском хоровом исполнительстве. Но о цыганских хорах России мы расскажем подробно и обстоятельно в отдельной главе. Сейчас же мы коснемся цыганского профессионального музыкального искусства в Европе.

Цыганские музыканты обрели здесь широкую популярность, их можно было встретить и на ярмарках, и при дворах богатеев, и в маленьких оркестриках, играющих в различного рода увеселительных заведениях. Излюбленными инструментами их были скрипки и гитары, а также редко встречающиеся сейчас цимбалы, лютни или арфы. Из цыганских певцов богатые вельможи собирали певческие капеллы, они участвовали и в ритуальных песнопениях. Приведем в этой связи впечатляющий, на наш взгляд, пример. В еврейских местечках Молдавии на похороны часто приглашались певчие из цыган. Мы полюбопытствовали, как же они поют еврейские молитвы? Может, они знают язык? Оказалось, что языка они не знают, а поют по бумажке, на которой текст молитвы выписан русскими буквами. Как говорится, комментарии излишни.

Но вернемся к вещам более серьезным. За многие века цыгане создали в Европе две наиболее выразительные музыкальные системы: характерный музыкальный строй венгерско-цыганской инструментальной музыки и музыкально-хореографическое искусство фламенко в Испании. Существовали и другие цыганские музыкальные системы, в частности, искусство так называемых «лаутаров», но эти две были особенно яркими.

В 1859 году в газете «Фигаро» была опубликована статья великого венгерского композитора Ф. Листа, посвященная музыке цыган. Вот что он писал:

«Если бы пожелали анализировать музыку цыган, разложить ее, рассечь, раздробить, чтобы судить о ее построении и сравнить с нашею, то прежде всего потребовалось бы поставить на вид, что отличает ее от нашей; в этом случае прежде всего следовало бы упомянуть о ее системе модуляции, основанной на некоторого рода полном отрицании всякой системы».

Чуткое композиторское ухо Ф. Листа сразу же уловило

тесную связь музыки венгерских цыган с традициями народной венгерской музыки. Но он ясно увидел и коренные отличия, правда, при этом не без удивления отметил отсутствие системы в музыке цыган. Безусловно, такая система была. Она родилась на стыке двух различных музыкальных традиций. В том-то и состояла ее прелесть, что она рождала непривычные уху сочетания звуков. Для этой системы требовались иные законы. И они были интуитивно созданы цыганами.

Далее Ф. Лист пишет:

«Последовательность, связь, сплетение ритмов чудесно приспособлены к возбуждению поэтических образов в уме. Они характеричны, полны огня, гибкости, увлечения, колебания, поэзии и фантастических капризов, то жгучи, как любовное признание, то томительны, как скачка дикой лошади, грациозны и нежны, как прыжок птички при ярком солнце, болтливы и быстры, как ропот группы молодых девушек, или громки и неистовы, как натиск конницы, идущей в атаку. Эти ритмы гибки, как ветви плакучей ивы, склонившейся под дуновением вечернего ветерка; правило их — не подчиняться никаким правилам; они вообще имеют открытый вид, и также откровенны их украшения. В них вы не находите колеблющихся нерешительных и тревожных раскачиваний, свойственных вальсу или мазурке. Но зато их разнообразные прыжки и изгибы асклепиад, которые двигаются всегда не равным ходом. Невозможно не указать на редкие красоты, проистекающие от этого богатства ритма, и назначение, которое следует придать ему при оценке цыганской музыки. Мы не знаем ничего другого, где европейское искусство могло бы научиться столько по части изобилия ритмического вымысла. Впрочем, различие это можно без труда понять, если принять в соображение, что цыган воспроизводит обширность страсти, с которою он предается впечатлениям самым разнообразным, часто противоположным в самое короткое время, вследствие жизни, которую он ведет в постоянном сношении с природой все изменяющеюся, в противоположность другим народам, которые стремятся воспроизвести в искусстве только одну страсть, одно чувство, одну фазу души, у них преобладающую»[1].

Такова, по мнению Ф. Листа, философия музыки венгерских цыган. Ему нельзя отказать ни в образности сравнений,

---

[1] Цитируется по кн.: Герман А. В. Библиография о цыганах. М., Центриздат, 1930.

ни в точности ассоциаций. Но к подобного рода рассуждениям все же надо относиться критически. Ведь если сравнивать между собой цыганские музыкальные системы, можно заметить, сколь они различны, скорее речь может идти о поиске едва заметных объединяющих начал. Между тем эти музыкальные системы — продукт творчества одного и того же народа. И второе важное замечание: цыганские музыкальные системы, созданные профессиональными цыганскими музыкантами, лишь очень отдаленно соотносятся с национальным фольклором цыган. И здесь различие проступает более явственно, нежели сходство.

История сохранила для нас имена многих прославленных музыкантов из венгерских цыган. Наибольшая слава выпала на долю легендарного цыганского скрипача Бихари. Вот что о нем пишет Ф. Лист:

«Бихари довел до крайних пределов славу цыганского искусства. Давно уже венгерская аристократия покровительствовала ему и отличала его, но с этой минуты он сделался как бы нераздельной частью национального представительства. Он был как бы присоединен к обычному персоналу Прейсбургского сейма, фигурировал в качестве национального искусства на бале коронации, словом, считался как бы бриллиантом короны, патриотическою гордостью. Между 1820-м и 1830 годами Бихари достиг такого блеска, что сама Вена пришла от него в восторг. Ко двору неоднократно приглашалась труппа, состоявшая под его управлением: она играла там на различных празднествах, а также и у иностранных послов, в том числе у английского. Концерты, которые она давала в различных театрах, были в большой моде. Уверяют даже, что император, увлеченный этим потоком восторга, расположен был оказать исключительные милости Бихари, который в особенности привлек к себе внимание высших особ императорской фамилии; но однажды вечером, когда его спросили, что желал бы он получить от императорской милости, готовой даровать ему даже дворянское звание, Бихари сделал невозможным исполнение этой милости, потребовав дворянского звания для всей своей труппы. Великодушная щедрость к своим, суровая гордость парии, налагающего условие на отречение от своей нищеты, или остроумный предлог уклониться от благодеяния, несовместимого с его независимостью,— во всяком случае, черта эта прекрасна».

Обратимся теперь к искусству испанских цыган — фламенко. Сами испанцы считают, что фламенко — своеобраз-

ное искусство народного танца и пения — зародилось в южной провинции Испании — Андалусии. Даже сейчас, когда фламенко завоевало весь мир, не утихают споры о его истоках. Само его название исследователи трактуют по-разному. Одни считают, что оно идет от названия птицы фламинго, другие — что от латинского слова «фламма», что означает «огонь», по мнению третьих, фламенко было занесено в Испанию цыганами, пришедшими из Фландрии в XVI веке, еще во времена Карла V, что будто бы от слова «Фландрия» и произошло это название.

Большинство исследователей сходятся на том, что искусство фламенко возникло из слияния традиционного андалусского народного пения «канте хондо» с цыганским фольклором, что есть в нем и элементы мавританского фольклора. Но в том-то и заключается своеобразие искусства фламенко, что оно — не результат напластования различных культур, заимствований, а органичный их сплав с совершенно отличными от первоисточников особенностями. Вот какое яркое впечатление произвело оно на великого испанского поэта Ф. Г. Лорку:

«Цыганская сигирийя рисовала моему воображению (ведь я неисправимый лирик) дорогу без конца и начала, дорогу без перекрестков, ведущую к трепетному роднику «детской» поэзии, дорогу, на которой умерла первая птица и заржавела первая стрела. Цыганская сигирийя начинается жутким криком, который делит мир на два идеальных полушария, это крик ушедших поколений, острая тоска по исчезнувшим эпохам, страстное воспоминание о любви под другой луной и другим ветром».

«Когда я пою от души, то чувствую вкус крови во рту», — сказала одна цыганская певица. А испанский поэт и писатель Феликс Гранде так охарактеризовал фламенко:

«Словно эхо печали и борьбы далекого прошлого, песни фламенко, музыка гитары фламенко и отточенные, необычайно экспрессивные движения танца фламенко воплотили страдания и гордость обездоленного народа».

В этих высказываниях содержится сугубо эмоциональное впечатление от искусства андалусийских цыган. И Феликс Гранде удивительно точно подметил самую его суть. Искусство фламенко родилось в глубинах жизни наиболее угнетенных народов Испании. Дело в том, что к концу XVI века Андалусия стала прибежищем для изгоев: через эту провинцию вытеснялись из страны арабы и евреи, здесь же проживали многочисленные колонии цыган, на полях Андалусии

Жена знаменитого **Ив. Васильева** *Аграфена с внуком А. П. Васильевым (Калганенком)*

Александра Никитична Масальская (справа) с хористкой

Знаменитая петербургская певица Ольга Петровна Панкова — Лёдка

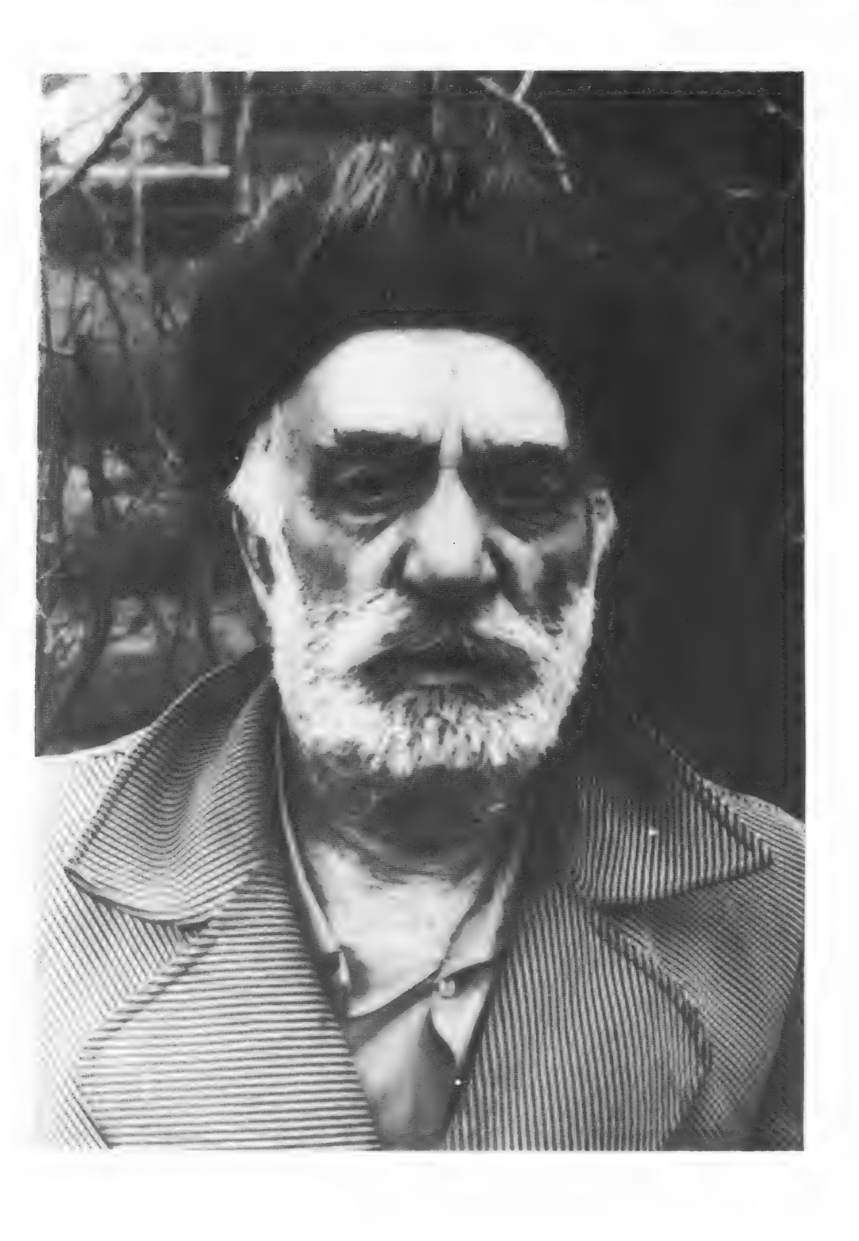
Плясунья из хора Алексея Никитича Масальского, выступавшего в ресторанах «Вилла Родэ» и «Самарканд» (Петербург). Фото из Ленинградского Гос. архива кинофотофонодокументов

Группа участников хора А. Н. Масальского. Справа стоит М. Н. Масальский, рядом с ним плясунья Сарра Масальская. Фото из Ленинградского Гос. архива кинофотофонодокументов

Цыганка с картами (участница хора А. Н. Масальского). Фото из Ленинградского Гос. архива кинофотофонодокументов

Тима Виноградов (ныне покойный) — барон табора кэлдэраров близ ст. Пери под Ленинградом. Фото авторов

Истрати Янош с женой — барон кэлдэрарского табора. Снято возле села Карловка Николаевской обл. Фото Е. Доманского

Изготовление котла (табор барона Истрати). Фото Е. Доманского

Утро в кэлдэрарском таборе. Фото авторов

Беседа с бароном (Е. Друц, Истрати и его сыновья). Фото А. Гесслера

Табор еще спит. Карловка Николаевской обл. Фото авторов

Цыганка из рода «мигэешти». Фото Е. Доманского

Наряд невесты. Фото Е. Доманского

Оживленный разговор. Фото Е. Доманского

Трубка с чертом. Фото Е. Доманского

трудились наемные рабочие «пайос» — наиболее обездоленная социальная группа испанского народа. Здесь и родилось самое демократичное по тем временам искусство фламенко. Потому-то оно вобрало в себя многие культуры, что служило в равной степени представителям разных народов. Это предопределило и разнообразие его форм. Не случайно, что создателями и наиболее яркими выразителями фламенко были цыгане: они обладают способностью быстро адаптироваться не только в социальном смысле, но удивительно восприимчивы и к художественному творчеству. Фламенко стало искусством для народа, оно пришло в таверны и маленькие сельские кабачки, то есть места, доступные простому народу. Да и темы песен фламенко были близки и понятны простым людям Испании.

Вот что поется в одной из них:

«Их выпускают из тюрьмы,
Чтобы увести в Баратило.
От сочувствия плакали
Мужчины, женщины и дети».
«Скажи мне, что ты везешь
В своей повозке
И кто тебя заставляет идти так медленно?»
«Я везу моего бедного брата,
Которому взрывом в шахте
Оторвало обе руки».

Еще раз подчеркнем, что фламенко является профессиональным искусством цыган Испании. Мы специально обращаем на это внимание, потому что некоторые исследователи склонны ставить знак равенства между профессиональным искусством цыган и их фольклором. Безусловно, цыганский фольклор динамичен, меняется, обновляется, нередко вбирает в себя и произведения профессионального искусства, однако различий между профессиональными жанрами и фольклорными все-таки гораздо больше, чем черт сходства.

Кочевье, постоянные перемещения с места на место обусловили своеобразный образ жизни цыган. Их день начинается достаточно поздно. Если молодуха встает чуть свет и хлопочет по хозяйству, то остальные цыгане пробуждаются часов в одиннадцать, не раньше. День завершается с наступлением темноты. Каждый вечер цыгане собираются семьями у костров и обсуждают итоги минувшего дня. Нередко все кончается концертами без заранее намеченной программы. По традиции тон в таких концертах задают женщины. По цыган-

ским законам женщина должна развлекать мужчин. Но притягательная сила этих концертов столь велика, что через некоторое время в них вовлекается весь табор от мала до велика. Никто никого не упрашивает, каждый делает то, что может. Ночные бдения нередко длятся до рассвета.

Поражает удивительно бережное отношение цыган к песне. Приведем один, на наш взгляд, ярчайший пример, свидетельствующий об этом. Во время какого-то праздника цыгане затянули старинную песню, которую подхватил весь табор. Дело было зимой, и все собрались в просторном деревенском доме. И вдруг по неизвестным причинам дом загорелся, повалил дым. Все видели это, но ни один человек не двинулся с места и не кинулся тушить пожар. Лишь когда закончилась песня, прозвучал ее последний звук, все вскочили, похватали ведра и бросились за водой.

Расскажем еще один случай. Устав от долгого праздника, цыгане расстелили перины и легли спать на полу. Вскоре все затихло — все уснули. И тут мы обратили внимание на какие-то непонятные звуки. Приглядевшись и вслушавшись, мы вдруг поняли — звучала песня, которую цыгане пели во сне.

Как-то, разбирая свой домашний архив, мы прослушивали пленки с записями таборных песен. На одной было записано пение женщины. Мы вспомнили, что вели эту запись в тот момент, когда цыганка кормила грудью своего ребенка. И тут, в миг, когда мать выводила напряженную ноту мелодии, прозвучал громкий вскрик младенца. Поразительным было то, что грудной ребенок, как говорится, попал в тон и в ритм.

Наряду с пением большое место в цыганском досуге занимает танец. Его народные формы также во многом отличаются от форм профессионального танца. Цыганский танец организуется следующим образом: обычно собирается группа цыганок и садится рядышком с площадкой для танцующих; эти женщины поют без сопровождения и хлопают во время пения в ладоши, создавая музыкальный фон, ритм пляски. Попеременно, то один, то другой танцор выходит в круг и выдает все, на что способен. А вот что пишет о цыганском танце Ежи Фицовский:

«Характерной чертой цыганского танца является его сольность; цыгане не танцуют ни парами, ни коллективно. В мужском танце, быстром, стремительном, маневренном, танцор отбивает ритм каблуками, сопровождая ударами ладоней о

бедра, голени и подошвы. Танец женщины менее угловат, мягче, более плавный. Танцовщица дробит ногами почти на месте, незначительно подвигаясь вперед и в сторону, стан остается в вертикальном положении, а подвижны, собственно, лишь плечи, руки, ладони, воздеваемые над головой, симметрично опускаемые, складываемые вместе и разрываемые выбрасыванием вперед. Цыганские танцовщицы сосредоточенное внимание обращают на игру ладоней и пальцев, собирая их, расправляя и создавая из них разные фигуры, знакомые нам из индийских статуэток. Одна из типичных фигур цыганского танца женщин следующая: по мере возрастания темпа мелодии движения рук становятся всё более быстрыми, пока, наконец, в кульминационный момент не останавливаются и не опадают вниз, а плечи танцовщицы при этом начинают дрожать, как в экстазе. Этот танец известен еще и поныне в Индии».

Сохранив многие характерные движения индийского танца, цыгане потеряли его символику, поэтому сходство цыганского танца с индийским чисто внешнее.

Цыгане не только вместе проводят ежедневный досуг, но и собираются вместе в праздники, на которые сходятся десятки людей. Если дело происходит в доме, ломаются перегородки и создается пространство для всеобщего веселья. Здесь пляшут и поют все, и самые юные и седоголовые старики. Цыганский малыш еще едва ползает, а уже поводит плечиками, заслышав пение взрослых, начинает подпевать сам.

Нам доводилось записывать цыганских детей, которые уже в два года выдерживают музыкальный строй при пении на два голоса. Записывали мы и великолепную игру на гитаре совсем маленьких музыкантов, которых едва разглядишь за инструментом. На праздниках и происходит своеобразный смотр будущих профессиональных музыкантов и танцоров. Стихийно организуются семейные школы цыганского искусства. Деятельность одной из таких школ нам доводилось наблюдать самим. Музыканты и танцоры сплотились вокруг известного в прошлом цыганского танцора Александра Николаевича Ильинского (Саши Черного).

Представители рода Ильинских проживали преимущественно под Ленинградом — в селе Сусанино и в городе Волхове. В самодеятельный цыганский ансамбль А. Н. Ильинского входило до ста пятидесяти человек. Из него вышло немало профессиональных артистов, таких как Б. Шашков, А. Савельев и других. Нелишне сказать, что руководитель извест-

ного танцевального ансамбля «Ритмы планеты» Б. Санкин — племянник А. Н. Ильинского. Он — заслуженный артист РСФСР.

Теперь, когда мы подробно рассказали о цыганских профессиях и ремеслах, коснемся весьма деликатной темы цыганской нравственности. С ней связана и тема цыганской преступности. К этому вопросу надо подходить с позиций исторических и социальных. На протяжении всей своей истории народ гонимый, преследуемый, цыгане выработали своеобразный этический стереотип. Что это означает? Это этика группы, которой в полной мере свойственны все общепринятые нравственные ограничения, и потому внутри цыганской среды преступность чрезвычайно редка. Но по отношению к окружающим некоторые моральные запреты легко переступались.

Необходимо сказать, что воровство как профессия было характерно лишь для некоторых цыганских этнографических групп. Другим этногруппам противоправные деяния были свойственны в той же мере, что и остальным народам. Как правило, воровали те цыгане, которые специализировались на занятиях лошадьми. Не надо думать, что конокрадство было распространено только у кочевых цыган. С неменьшим успехом промышляли им и оседлые цыгане. Конокрадство отнюдь не считалось преступлением, наоборот, в нем видели проявление удали, молодечества, даже геройства, а неумение воровать презиралось. Не случайно в достаточно бедном цыганском языке есть около десятка синонимов слова «тюрьма». Воровство, тюрьма, ссылка, бегство из неволи — излюбленные темы многих народных песен. Мелодически богатые, они полны трагизма и отчаяния, и ничем не напоминают блатные песни. Годы, проведенные в тюрьме, цыгане воспринимают как трагический период в своей жизни, как некое «профессиональное заболевание». На воровство их нередко толкали неудачи в основной профессии, нищета и невезение. Приведем рассказ одного цыгана-барышника, записанный в 1928 году А. П. Баранниковым:

«Вот ожидаем базара. В неделю дважды встаю, иду, ругаю себя. Зачем я иду и почему иду, и проклинаю свою жизнь. Куда я иду — на ветер. Когда я подхожу к мужику, тот смотрит на меня чертом. Хожу с мужиком, во рту пересохло. Хожу, хожу до той поры, пока ноги отобью. И что же — приходится только за рубль язык бить. А как я понимаю в своем деле! Специалист! Вот когда подходит базар, в тот день, когда мне идти на базар, я ругаю самого себя. Это не

я иду, а черти во мне играют. А чем же я буду жить на свете?»

Не в силах ответить на этот вопрос, многие цыгане шли воровать.

Приемов воровства и хитростей при продаже ворованных коней было множество. В 1937 году «Курьер Варшавский» писал:

«На территории Варшавского и Пултуского уездов некоторое время свирепствовала неуловимая банда конокрадов. И только вчера попала в руки полиции (под Вавром) целая банда под водительством 14-летнего цыгана Чеслава Цыбульского. Помощницами конокрада были его сестры: 28-летняя Ванда и 23-летняя Анна. К услугам банды был также десятилетний Евгений Хорн, племянник Цыбульских. Приглядев какую-нибудь конюшню, воры прокрадывались ночью, ловкий Хорн забирался через окно внутрь, тихо открывал дверь конюшни, а оттуда уже без труда выводили коней. С помощью краски Цыбульский ловко изменял масть украденных лошадей, обрезал им хвосты, а затем продавал животных скупщику краденого. В момент ареста цыгане вели на продажу украденную под Минском лошадь...»

Надо сказать, что история эта по-своему уникальна, потому что кражей лошадей женщины занимались крайне редко — это было чисто мужское дело. «Работа» была опасной и часто заканчивалась трагически. Хозяева нередко устраивали самосуды. Вот как описывает это В. Н. Добровольский:

«Поехал отец с сыном лошадей воровать, и подъехали они к месту ночлега. Окружили их мужики и схватили сына. А отец из-за куста глядит, что они с сыном делать будут. Один мужик говорит: «Давайте глаза ему выколем!» А другой говорит: «Давайте в землю живого закопаем!» А третий говорит: «Давайте лучше повесим!» Взяли и повесили. Ну, висит он. Отец, видя это, давай плакать, а потом отправился домой. Спустя неделю запряг он лошадей и приехал туда к нему (трупу), снял его с петли, в телегу бросил и привез домой. Жена и дети заплакали и закопали труп в землю».

Доведенные нуждой до отчаяния, цыганки занимались попрошайничеством, учили этому и детей. Во многих случаях попрошайничество становилось основной профессией цыганок.

Среди противоправных деяний особое место занимает членовредительство. Делали это, чтобы избежать воинской

повинности. Отношение к ней у цыган во все времена было отрицательным. И не только потому, что они никогда не вели войн, не интересовались политикой — по своей природе они аполитичны. К моменту призыва в армию молодой цыган, как правило, имел свою семью, нескольких детей, которых он должен был содержать. Кроме того, до революции срок воинской службы был чрезмерно большим, что не увязывалось с цыганскими представлениями как о свободе, так и о жизни вообще. Это и побуждало их под любым предлогом уклоняться от службы в армии.

Единственное преступление, которое в цыганской среде не подвергалось остракизму,— кровная месть. Как и многие народы Востока, обычай кровной мести цыгане сохранили с древности.

Итак, мы познакомились с основными вехами цыганской жизни, начиная с рождения. Как же цыгане покидают этот мир, в котором они живут столь насыщенно?

Похоронный обряд у каждой цыганской этнографической группы имеет специфические черты. Расскажем о том, как хоронят у русских цыган.

Похороны, особенно почитаемого человека,— всегда многолюдное действо, объединяющее не только родственников и жителей близлежащей округи. Зачастую на них съезжаются цыгане из самых дальних мест. По обычаю, хоронят на третий день после смерти человека. Тело покойного все это время остается в доме или в шатре. Первые два дня с усопшим прощаются его близкие родственники. В ночь на третьи сутки возле покойного собираются все, кто захочет с ним проститься. Непосредственно возле гроба находятся только женщины. Мужчины либо в отдельном помещении, либо перед шатром. В эту ночь никто не имеет права спать. Чтобы скоротать время, цыгане рассказывают сказки, бывальщины, различные истории, вспоминают наиболее яркие эпизоды из жизни умершего. На третьи сутки покойного отпевают и хоронят по христианскому обряду. В традициях русских цыган оплакивать скончавшегося, правда, в отличие от русских у цыган нет профессиональных плакальщиц. И поэтому известных нам сейчас традиционных цыганских плачей не так уж и много.

Вот один из них:

Что ж ты сделал, мой родной,
Милый мой сынок?
Что же ты наделал,

Ах, боже мой?
Бросил нас одних,
А сам навек ушел!
Пропала я, бедная!
Без тебя не мил мне
И белый свет!
Ты открой скорей свои черные глаза,
Ты скажи хотя бы словечко мне!

А в ответ на это могут прозвучать слова другого причитания:

Не плачь! Что же ты поделаешь?!
Бог дал, Бог взял.
Царство небесное ему.
Надо было ему пожить год-два.

Потом снова идет плач:

Сыночек маленький,
Не забудь нас, бедненьких,
Помогай нам с того света.

После похорон самые близкие родственники покойного надевают траур, который продолжается в течение года. Наиболее строго соблюдается траур жены по умершему мужу. Во время траура женщина должна ходить в темной одежде, повязав голову черным платком. В течение года ей запрещается петь, танцевать, веселиться вместе со всеми. Как и у русских, у цыган принято справлять девяти- и сорокадневные поминки.

У цыган кэлдэраров погребальный обряд несколько иной. Один из самых интересных моментов его — так называемая «поменка», или «помана». Это не традиционные христианские поминки. Отличие вот в чем: хотя бы один раз в течение года (обычно на годовщину смерти) цыгане кэлдэрары находят в таборе человека, фигурой похожего на покойного, и одевают его с ног до головы во все новое. По цыганскому поверью, подаренная одежда в равной степени служит как живому, так и мертвому. С этим любопытным обрядом связано много легенд:

«Вот был такой случай. Умер в таборе один человек. Не старый он был, лет пятидесяти. Роста он был под два метра, плечи имел широкие. И вот на шесть недель делают ему поменку. А где же второго такого богатыря отыскать? Во всем таборе ни одного похожего цыгана не нашлось. Что делать? Пришлось одевать того, кто под руку попал. И вот на следующую ночь приходит покойник к жене и кричит: «Что ты наделала? Ты посмотри, на кого я похож!» Смотрит

жена, а на покойнике брюки до колен, пиджак до локтей, сапоги на ногах полопались, а шапка на макушке сидит...»

Вот еще одна легенда:

«Когда началась война, много цыган поднялось со своих мест и стали убегать от немцев. А во время войны голод был, хлеб по карточкам выдавали — всем по двести граммов. Но это тем, кто прописан, а если на палатках стояли, то хлеба не полагалось. И вот был такой цыган Тома. Его жена умерла с голоду в то время. Оставила она ему пятерых детей. Что делать? Стал Тома, как баба, по деревням ходить гадать. Утром уйдет, пока дети спят, просит у людей картошку, капусту, что кто даст, а возвращается — детей кормит. Тяжело ему было жить: палатка прохудилась, перина порвалась, пух из нее летит, денег совсем ни копейки нет. Скоро самому с детьми за женой отправляться надо. Один раз пошел Тома в город, заработал там полбуханки хлеба и идет назад. Вернулся, смотрит: в палатке все убрано, чистенько, перина зашита, палатка залатана. Думает: «Неужели это мать моя сделала?» Пошел к матери, спросил, а та рассердилась: «Иди, дурак! Я сама с голоду умираю, а ты хочешь, чтобы я еще у тебя в палатке убиралась». И вот ночью к нему жена приходит и говорит: «Зачем ты у мамы спрашиваешь? Это я к тебе приходила, это я за детьми смотрела, это я все убрала, перины зашила, на палатку две латки поставила». Удивился Тома, а покойница говорит: «Скоро шесть недель, Тома, надо поменку мне устроить, одеть человека надо...» — «Что ты говоришь? — рассердился Тома.— Разве ты не знаешь, что наши дети голодают, что у меня ни копейки денег нет?» Говорит покойница: «Я тебя научу, как быть. Завтра пойдешь в такой-то и такой-то дом. Там живет женщина. Ты будешь ей гадать, а я рядом с тобой встану, подскажу тебе, что ей говорить. Знаю я причину, отчего печаль у нее. Ты возьмешь денег, сала возьмешь, а еще ситцевые занавески, чтобы сшить мне одежду для поменки. Потом пойди к такой-то женщине, чтобы она на свой рост сшила себе юбку, фартук и рубашку. На те деньги поминать меня будешь, а сало для всех на стол поставишь...»

Дальше рассказывается о том, как покойница помогла мужу пережить трудное голодное время.

Надо сказать, что годовой траур у кэлдэраров соблюдается строго не только женщинами, но и мужчинами, не только близкими, но и дальними родственниками. В это время не только запрещается петь и танцевать, но даже хоть малейшим

образом развлекаться, даже рассказывать сказки, что очень осложняло наши фольклорные экспедиции. Понятно, что год так прожить трудно, и после воздержания цыгане сбрасывают с себя черную одежду, танцуют на ней, льют на нее вино, а затем сжигают. На поминках не выпивают рюмку до дна — остатки вина выплескивают на стол либо на пол. Если поминки происходят на кладбище, часть недопитого вина выливают на могилу. У кэлдэраров не принято подавать острую и горькую пищу. Как гласит поверье — чтобы не было горько покойнику. Перед едой на поминках моют руки. Хозяин первым пробует каждое блюдо. Одно место за столом остается свободным. После поминок все встают из-за стола одновременно.

Своеобразен похоронный обряд и у цыган-ричаров. Тело умершего лежит в доме двое суток, а на третьи, днем, хоронят. Пока покойник находится в доме, его оплакивает родня. Для приготовления пищи приглашают посторонних людей. Родственники этого делать не имеют права, они только дают указания. Одевают и переобувают покойного родные. Одежда должна быть новой. Все драгоценности, которые носил покойник, отправляются с ним в могилу, туда же кладут и все его носильные вещи. Гроб принято на руках нести к кладбищу. Его кладут рядом с могилой, а вокруг садятся родственники. Могилу роют не прямую, а с боковым углублением, куда задвигают гроб. Перед тем как опустить гроб, постилается ковер, в который его и заворачивают. Вместе с первыми горстями земли в могилу бросают деньги. В это же время цыгане просят покойника передать поминальные слова тем, кто умер раньше. На поминках ричары также оставляют за столом одно свободное место, ставят лишнюю тарелку, стакан, кладут ложку и вилку. На девятый день покойника поминают пышками с медом или пирожками. Родственники раздают их соседям или знакомым. Сорокадневные поминки начинаются на кладбище, где собирается только родня. Продолжаются они в доме покойного. В этот день у ричаров принято петь те песни, которые любил умерший.

Довольно оригинальный обычай связан с годовым поминовением. Эти поминки вовсе не обязательно справлять именно через год, можно и позже. И нередко покойника, умершего зимой, поминают через полтора года, летом. В обычае ричаров — исполнение последней просьбы умершего. Нам рассказывали, что один молодой парень перед смертью просил родных, чтобы на его похоронах никто не плакал, чтобы все пели и веселились. Так и произошло: все три дня пе-

ред похоронами в доме этого парня звучала веселая музыка.

Вот и пройден нами, вместе с цыганами, их путь от рождения до смерти. Что-то в нем могло показаться знакомым, что-то необычным. Но ритуалов и обрядов, о которых мы рассказали, у цыган не отнять, с ними они рождаются и умирают. Цыгане сохранили свои обычаи, чтобы не сгинуть в веках, не пропасть среди других народов земли. Они — неотъемлемая часть цыганского бытия. Так же, как и их легенды, предания и песни.

Сказки и песни, рожденные в дороге

1881 год. Императорское Русское Географическое общество. Небывалая сенсация: не кто иной, как ученый секретарь ИРГО А. В. Елисеев, предложил на суд ученой публики небольшую брошюру под неброским названием «Материалы для изучения цыган, собранные М. И. Кунавиным». О чем поведал читателям А. В. Елисеев?

Российская история знала немало примеров самоотверженного труда ученых на ниве различных наук. Их имена достаточно известны. И вот — новый подвижник: русский врач М. И. Кунавин. Вот что пишет о нем А. В. Елисеев:

«...Неутомимый труженик на поле филологической науки, Михаил Иванович Кунавин родился в 1820 году... Еще смолоду интересовавшийся исторической наукой и этнографией вообще, г. Кунавин из научного любопытства получил возможность побывать в нескольких цыганских колониях в Германии и в Австрии. Беседы с выдающимися представителями цыганской интеллигенции навели его на мысль, что в народной памяти этого племени должна сохраняться богатая сокровищница исторических и этнографических данных, в виде произведений народного творчества... М. И. Кунавин начал с того, что остался в качестве врача при одной из цыганских колоний в Южной Германии. В продолжение 5 лет он изучил язык этого племени настолько, что не только объяснялся на нем свободно, но даже простер свои знания до того, что начал критически относиться как к лексическим, так и к этимологическим его данным... Прежде всего он посетил цыганские таборы Германии, Австрии, Южной Франции, Италии, Англии и Испании. Потратив на это более 8 лет, Михаил Иванович начал изучать цыган Турции; следуя географи-

ческому распределению цыганских таборов, он сперва изучил цыган балканских, потом Северной Африки и Малой Азии и, наконец, углубился в середину Азии. Таким образом, г Кунавин проехал Армению, Месопотамию, Курдистан, Иран и провел два года в изучении бродячих цыган Индустана и Декана. Вернувшись в Европу после 12-летнего путешествия по цыганским таборам Азии, Михаил Иванович, не приводя в порядок собранных материалов, принялся за изучение цыган русских, на что употребил около 10 лет. Через Кавказ он проследил переход европейских цыган в цыган Курдистана, а через Приуралье — в цыган русской Средней Азии и Турана; при этом г. Кунавин снова побывал в Индии и на хребтах горного узла Тянь-Шаня и Гималая. Всего, таким образом, Михаил Иванович употребил около 35 лет для приведения в исполнение заветной мечты, считая в том числе и время, проведенное им во вторичном путешествии в Индустан. В 1876 году г. Кунавин принужден был окончить свои странствия по цыганским таборам Европы, Азии и Африки, так как здоровье его было уже сильно понадорвано кочевою жизнью, и отдохнуть после многих трудов, пользуясь минеральными источниками г. Старой Руссы, где я и имел случай познакомиться с почтенным тружеником три года тому назад».

Воистину А. В. Елисеев рассказал о легендарном человеке. 35 лет жизни, отданных цыганам, 12-летнее странствие по миру в тяжелейших условиях цыганского кочевья с трудной, но благородной миссией врача — подвиг! Но не только жизнь и странствия М. И. Кунавина привлекли внимание русских ученых. К моменту издания А. В. Елисеевым его брошюры уже вышли в свет многочисленные труды по цыганологии, в том числе фундаментальные работы Г. Грельмана, А. Ф. Потта и другие. Был накоплен некоторый багаж сведений по этнографии и фольклору цыган. Все исследователи сходились на том, что культура цыган сравнительно молода, что элементы индийской культуры в ней присутствуют в виде далеких отголосков. В чем тут дело? Ведь убедительно доказано, что родина цыган — Индия. В то же время в цыганском фольклоре такая связь почти не прослеживалась.

Конечно, цыганологи понимали, что накопленного материала явно недостаточно для обобщений, не исключалось, что исконный фольклор утерян цыганами в кочевьях. И вдруг — такая редкая удача. Ведь А. В. Елисеев сообщал о том, что М. И. Кунавин собрал 123 народных сказки, 80 преданий, 62 песни и более 120 различных мелких произведений цыган-

ской поэзии. И даже не в количестве материала дело. В брошюре А. В. Елисеева приводились фрагменты цыганских мифов и легенд, которые вызвали радостное оживление в ученой среде: наконец-то найдено недостающее, потерянное звено! В этих мифах упоминались цыганские боги Барама, Джандра, Лаки. Не требовалось большой фантазии, чтобы заметить сходство имен этих богов с индуистскими Брахмой, Индрой и Лакшми.

«Барама, в Омони сокрытый, как луч солнца блистающего, ты отражаешься в глубине мира, тобою сотворенного. В Омони — твое тело и твое могучее слово. Поведай нам, отец мира, кто виновен перед тобою, что солнце скрылось в глубине вод и не освещало больше темную землю...»

«Омони — всесильный, давший и землю, и воду, и воздух для мира, и свою жизнь для живущего, да поразит духом своим, сотворившим все видимое на земле, и на воде, и на небесах, того, кто осмелится нарушить покой этого святого места! Пусть Барама великий покажется в сиянии своем из Омони сокрытого, пусть дух его, как звезда лучезарная, выйдет и наполнит светом своим всю землю, если это место не пребудет неоскверненным».

Это примеры цыганских молитв-заговоров, а вот отрывок из мифа:

«Оберцши (герой многих сказаний — цыганский Геркулес), странствуя по белому свету, попал нечаянно в жилище солнца. Самого хозяина дома не было; героя встретила мать солнца, которую он спросил: «Где твой лучезарный сын, где ясные внучата твои, где серебряные кони твоего сына?» И получает ответ: «Сын мой давно уже на золотой колеснице уехал погулять по небу; внуки мои светлые на серебряных конях поехали проведать своих сестер». И много чего еще расспрашивал Оберцши у солнцевой матери, но не мог узнать одного: куда пропадает сын ее в ночное время, так как старуха не хотела отвечать. Тогда Оберцши сам решил допытаться до этого и попросил позволения переночевать в доме солнца. Хозяйка ему позволила, и он забрался в угол, где и стал дожидаться солнца, притворяясь спящим. Поздно приехал Джандра на золотой колеснице; тотчас снял с себя блестящую лучезарную одежду, омылся чистой водой, облачился в одежду темную, как ночь, и исчез».

Взбудораженная сообщениями А. В. Елисеева научная общественность выразила желание встретиться с легендарным исследователем. Была назначена дата. В этот день Кунавин не явился. Встречи назначались еще не раз, и всегда вместо

М. И. Кунавина перед публикой появлялся А. В. Елисеев и сообщал о том, что по тем или иным причинам русский врач М. И. Кунавин прибыть не может. В конце концов он сообщил, что М. И. Кунавин скончался. И тут же с горечью добавил, что архив его сгорел.

Еще долгое время имя М. И. Кунавина будоражило умы ученых. Они сокрушались по поводу безвозвратной утраты уникального материала, о ценности которого определенно говорила тоненькая брошюра А. В. Елисеева. Но постепенно страсти поутихли, и все настойчивее зазвучал вопрос: а существовал ли М. И. Кунавин вообще? Не вымышлена ли вся эта история А. В. Елисеевым? Тогда цыганологи внимательно и критически прочли статью ученого секретаря ИРГО.

Первое, что бросилось в глаза,— огромная протяженность маршрутов мнимых путешествий М. И. Кунавина. Даже если предположить, что у него не было адаптационных трудностей, что он без труда изучил множество столь различных диалектов цыганского языка (а цыгане, проживающие на территории государств, которые посетил Кунавин, говорят на многих диалектах и подчас не понимают друг друга), даже в этом случае (оставив в стороне многое другое) география его странствий, с учетом способа передвижения, чересчур грандиозна.

Припомним, что Кунавин изучал цыганский язык в Южной Германии, стало быть, он ознакомился с диалектом цыган «синти». Каждый раз, переходя границу, Кунавин оказывался на территории, где цыгане говорили на других диалектах. Он сталкивался с совершенно новыми группами цыган, с которыми ему приходилось налаживать контакты заново. Эти контакты должны были быть весьма тесными, поскольку он не просто общался с цыганами, но и разделял их образ жизни, а самое главное — лечил их (цыгане могли лечиться только у человека, которому безгранично доверяли). У Кунавина физически не могло хватить времени на все это.

Еще больше вопросов возникает при знакомстве с фольклорными материалами (пусть и фрагментарными), которые приведены А. В. Елисеевым. Странно уже то, что, обладая, пусть и недолго, столь богатой коллекцией, Елисеев выписал лишь короткие отрывки из мифов цыган, а по большей части ограничился их более чем сухим изложением. В это с трудом верится. Кроме того, не подлежит сомнению, что, записывая фольклор, Кунавин в основном мог сталкиваться с произведениями позднейшего времени, которые и должны были составить его собрание. Однако о них в брошюре сказано два слова,

будто речь идет об издержках, неминуемых в работе фольклориста.

Конечно, фольклор живет и развивается. Какие-то формы его уходят в прошлое, забываются имена мифических богов и героев, на смену одним сюжетам приходят другие. Но трудно поверить, что внутри одного народа ни один из исследователей ни до Кунавина, ни после него не нашел ни единого произведения народного творчества, в котором, хотя бы отдаленно, звучали мотивы кунавинских мифов. Где он отыскал этих цыган? Да и были ли они вообще? За долгие годы работы в цыганской среде мы тоже не смогли обнаружить ни одного произведения, подтверждающего подлинность кунавинской коллекции, хотя сказок и мифов собрали едва ли не вдвое больше, чем легендарный врач. Что же из этого следует? По всей видимости, личность Кунавина была выдумана А. В. Елисеевым в непонятных для ученого мира целях.

Коротко расскажем еще об одной мистификации. В 1922 году в Москве вышли две небольшие книжки под названием «Сказки цыган» (всего 21 сказка, их написал, а точнее, пересказал — Н. А. Кун, хорошо знакомый русским читателям по его популярной книге «Мифы и легенды Древней Греции»). Основой для этих книг Н. А. Куну послужили записи австро-венгерского исследователя XIX века Х. фон Влислоцкого, которые тот якобы сделал в Трансильвании. Анализируя эти фольклорные записи, ученые были поражены обилием грамматических ошибок в текстах, которые никак нельзя было отнести на счет невнимательности или спешки. Ошибки были в падежных окончаниях, в спряжении глаголов и т. п., то есть такие, которые обычно выдают иностранца. Можно точно сказать, что «цыганские тексты» были придуманы Х. фон Влислоцким, а раз так, то не исключено, что они не имеют отношения к фольклору цыган Трансильвании.

Как и мифы Кунавина, сказки Х. фон Влислоцкого абсолютно не имеют аналогов в фольклоре цыган других этногрупп. Но дело не только в этом. Главное, что реальная жизнь цыган, их религиозные воззрения вступают в вопиющее противоречие с тем, что сказано об этом у Х. фон Влислоцкого. Не разобравшись в сути, за Х. фон Влислоцким послушно пошел Кун, в интерпретации которого эти сказки приняли ярко выраженный литературный характер.

Можно бы и не упоминать об этой мистификации (да мало ли их было в литературе, а сколько из них превосходных!), если бы Н. А. Кун, решив, по-видимому, что опубликованное им имеет научную ценность, не поместил в Энцикло-

педическом словаре статью «Цыгане», где представления о цыганах, почерпнутые у Х. фон Влислоцкого, подал как научное сообщение. А Энциклопедический словарь — не место ни для мистификаций, ни для веселых дружеских розыгрышей.

Мистификации бывают разные. Мы рассказали о довольно «грубой работе» А. В. Елисеева, об Н. А. Куне — «жертве неосведомленности». Хотя, по правде говоря, причиной конфуза послужила научная всеядность ученого, не имеющая оправданий. Существует и другой род мистификаций, которые, собственно, мистификациями назвать трудно.

В 1963 году в Ленинграде вышла в свет книга Инды Романы Чяй (псевдоним И. М. Андронниковой) «Сказки идущих за солнцем». Не будем долго говорить об этой работе. От первой до последней буквы она — плод творческой фантазии автора. Несомненно, что И. М. Андронникова прекрасно знает цыганский фольклор, но он послужил ей лишь основой для создания авторских произведений. Таких примеров в литературе немало. Не надо только при этом выдавать мнимые ценности за истинные.

Однако закончим разговор о мистификациях и расскажем о серьезных ученых и истинных любителях и собирателях цыганского фольклора. Ведь цыганская фольклористика имеет богатую историю. В 1852 году в Петербурге в одном из академических изданий была опубликована статья академика Бетлинга о языке цыган. Как указал сам автор, материалом для его исследования послужила коллекция, собранная неким московским любителем М. Григорьевым. Статья как-то забылась, о ней ни разу не упоминалось в трудах цыганологов. Ну, был такой любитель, ничего в этом особенного нет. И вот сто тридцать лет спустя, работая в архиве ленинградского отделения Института востоковедения, абсолютно случайно мы наткнулись на уникальную рукописную книгу. На титуле ее красовалось название: «Формы и словарь цыганского языка». На обороте титула была сделана следующая запись: «Составил московский мещанин Михаил Григорьев, живущий в Москве в Пресненской части 5-го квартала в доме под № 512-м (г-жи Барнашвейлевой)». Рукопись датирована 1851 годом. Очевидно, страстный поклонник цыганского искусства, быть может, имевший какие-то деловые связи с цыганами, этот человек составил довольно представительный словарь цыганского языка. Но это не все. В книге есть краткий грамматический раздел, а в конце ее — образцы цыганских народных песен на цыганском и русском языках. Многие из этих песен были нам совершенно неизвестны. И пусть книга не лишена

ошибок, когда видишь кропотливый труд автора, на них не обращаешь внимания. Ценность этой рукописи прежде всего в том, что она — первое собрание цыганского песенного фольклора в России.

Я лесом шел, я бором шел,
Я весь промок, я весь продрог,
Голодный и холодный,
На кочку я прилег,
Большую думу думая:
Где же мне, бедняжечке,
Свою головку приклонить?
Приклоню свою головушку
К дубу зеленому.
Да только дуб зашумел,
И страх меня прошиб.
Где ж бедному цыгану
Головку приклонить?
Зайду-ка я ко вдовушке,
Ко вдовушке-сиротушке,
У нее спрошу подушечку.
Да только я во двор зашел,
Как залаяла собака,
И страх меня прошиб[1].

Такова цыганская песня в ее истинном звучании, со всеми присущими цыганскому фольклору особенностями. Научное значение работ, подобных книге М. Григорьева, в том, что они позволяют проследить развитие фольклора во времени, из них мы можем узнать о тех песнях, которые пели цыгане в то или иное время, о том, что из фольклорного репертуара сохранилось до наших дней, а что было утрачено.

В 1900 году в Москве вышла совершенно уникальная книга. Ее автор — П. Истомин (Патканов). Она называется «Цыганский язык». По сути дела, это первый и единственный до нашего времени русско-цыганский разговорник. В предисловии Патканов пишет:

«Предпринимая это (насколько мне известно) первое издание на русском языке по предлагаемому предмету, я руководствовался в данном случае единственною целью — дать любителям возможность практического изучения разговорного языка современных русских цыган».

Можно только представить, какие сложности испытывал автор при работе над этой книгой. Мучили его и некоторые этические проблемы. Вот что он пишет:

«Я знаю — цыгане мне за нее не будут благодарны. Скрыт-

[1] Здесь и далее перевод цыганских текстов Е. Друца и А. Гесслера.

ные по природе, согласно исторических причин, сами они весьма неохотно посвящают новичка в тайны своего языка, который, при их теперешней, почти общей, обруселости в России, является единственным еще надежным щитом, оберегающим от любопытства постороннего все сокровенное, интимное, всю, так сказать, общность интересов их единоплеменников».

Примечательно, что в качестве примеров разговорной речи Патканов приводил не только образцы стандартной беседы, но и примеры из произведений народного творчества. Именно из книги Патканова мы узнали ранний вариант народной песни «Шэл мэ вэрсты», которая впоследствии вошла в драму Л. Н. Толстого «Живой труп»:

Сотни верст я, молодец, прошел,
Нигде я милой не нашел,
А в Москву я заглянул
И нашел себе жену.
Пожалей, о боже, паренька!
Сядь, красавица, возле меня!
Для серого готовы
С клеймами подковы:
Задние — из золота,
Передние — серебряные.

Пожалуй, наибольший вклад в изучение фольклора русских цыган внес известный ученый-краевед В. Н. Добровольский. В 1908 году в Петербурге вышла его фундаментальная работа «Киселевские цыгане». Добровольский включил в нее и образцы цыганского фольклора — 15 сказок и 26 песен. Кроме того, в книге опубликован обширнейший материал по этнографии цыган с описанием обычаев, нравов, воззрений на природу, толкований снов и т. д. Объектом изучения В. Н. Добровольского были оседлые цыгане Смоленской губернии. Среда, в которой работал ученый, была крайне тяжелой, основным занятием киселевских цыган было конокрадство. Им было не до собирателя фольклора. И тем не менее В. Н. Добровольский, преодолев отчуждение, сумел достичь поставленных целей. Собранные им песни удивительно красивы. Вот одна из них:

Не летай, не летай ты, журавушка,
В этой речке ты воду не пей.
Молодые ребята подстрелят
Тебя, журавля, из ружья.
— Я напрасного страха не ведаю,
Крылья быстрые есть у меня.
Поднимусь высоко, полечу далеко.

На родимую на сторонушку,
И родне своей я закричу:
— Собирайтесь-ка, ромалэ,
На мой светлый огонек.
Я вам дам, ромалэ, хлеба-соли.
Золотыми вас одарю,
Серыми билетами.
Ай ты, женушка, ай ты, барыня,
Подай черного коня,
Ясна сокола мне дай.

В советское время собиранием цыганского фольклора стали заниматься не только в связи с историческими или этнографическими исследованиями, но и специально. Кроме того, к работе впервые привлечены и представители цыганской интеллигенции.

Несколько слов хочется сказать о советском индологе, академике А. П. Баранникове, занимавшемся южными цыганами — так называемыми южнорусскими и украинскими. Он вел фольклорные записи на границе двух республик — в Курской, Белгородской и в прилегающих областях. Благодаря трудам академика А. П. Баранникова до нас дошли в полном виде тексты многих цыганских песен и баллад, отыскать их в первозданном виде сейчас очень трудно. Особенно это касается цыганского эпоса, в основе которого лежит сюжет о Вайде и Руже. Еще никому, кроме академика А. П. Баранникова, не удавалось найти его поэтический вариант.

Прослышал, разузнал
Вайда о Руже.
— Благослови меня, матушка,
Поеду Ружу забирать.—
Закричал Вайда,
Приказал работникам:
— Подайте-ка мне серого коня,
Уздечку серебряную,
Да повод шелковый,
Да седло черкесское серебряное.

Примерно в одно время с А. П. Баранниковым фольклор цыган записывал цыганский просветитель и писатель Н. А. Панков, отдавший много энергии и сил культурному возрождению своих соплеменников. Его яркая подвижническая жизнь стоит того, чтобы о ней сказать подробнее.

Николай Александрович Панков (1895—1959) происходил из известной в прошлом цыганской артистической семьи Панковых-Масальских, представители которой блистали в цыганских хорах Петербурга и Москвы в XIX — начале XX

века. В прошлом веке в России были хорошо известны имена многих талантливых певцов, танцоров и музыкантов из этого рода, таких как Ольга Петровна Панкова — прославленная Лёдка, Устя и Палаша Масальские, А. А. Панков, Валентина Панкова и многие другие. Читателям небезынтересно узнать, что Н. А. Панков находился в троюродном родстве с женой Льва Львовича Толстого, сына великого русского писателя. Сам же Н. А. Панков не был ни хоровым дирижером, как многие из его рода, ни музыкантом, ни певцом. Сын своего народа, он всю жизнь отдал служению ему.

В 20-х годах началось просветительское движение в цыганской среде, непосредственным участником которого был Н. А. Панков. Совместно с профессором МГУ М. В. Сергиевским и при участии Н. Дударовой и Т. Вентцель он работает над созданием цыганской письменности. Многогранная деятельность Н. А. Панкова еще найдет отражение на страницах этой книги, а пока скажем, что, среди прочего, он самым активным образом занимался поисками и собиранием произведений цыганского народного творчества. В семье писателя сохранился его богатейший архив, в котором мы обнаружили большую подборку цыганских народных песен и сказок. Среди других материалов есть запись любопытного семейного предания, связанного с историей знаменитой соколовской гитары. Из него мы узнаем о судьбе прославленного инструмента с того момента, как он попал в руки первых цыганских хореводов из рода Соколовых, и до момента его гибели. Гитара передавалась из поколения в поколение, переходила в руки лучших музыкантов. Вот окончание этого семейного предания:

«Когда умер Григорий Соколов, руководить хором стал Николай Шишкин — курский цыган, любимец писателя Куприна. А от Николая Шишкина знаменитая гитара перешла к дочерям Григория Соколова — Капе и Кандралюше. Обычно на соколовской гитаре играла Капа, у нее и оставалась гитара до самой ее смерти. По наследству соколовская гитара должна была перейти к племяннику Коле по прозвищу Паяла. Это прозвище получил он за свой вечно сизый нос. Да не решилась Капа отдать гитару Паяле. Хоть и прекрасно играл он, но был горьким пьяницей, и боялась Капа, что променяет он инструмент на бутылку водки. Так и перешла гитара в другой род — род Панковых. Досталась она Валентине — виртуозной гитаристке. От Валентины гитара должна была перейти к Александру Панкову. Сам Федор Губкин дал путевку в артистическую жизнь этому парню. Много раз Александр Панков

заменял Николая Шишкина и дирижировал хором. Но шла первая мировая война, и все считали Александра Панкова пропавшим без вести... В 1919 году случилось это: хоронили Валентину. Собрались на кладбище цыгане. Оплакали покойную, а потом, по завещанию, разломали знаменитую соколовскую гитару на щепки, зажгли костерок и сварили на этом костерке кисель. Так и закончилась история соколовской гитары».

С годами собирание цыганского фольклора становится все более углубленным: коллекция пополняется фольклором различных цыганских этногрупп. Около ста народных песен опубликовал старейший работник цыганского театра «Ромэн» композитор С. М. Бугачевский, который в течение 35 лет руководил его музыкальной частью. Народные песни русских цыган записывали такие прославленные цыганские артисты, как Н. Н. Кручинин и Н. А. Сличенко, фольклор кэлдэраров собирала известная цыганская семья Деметров. Фольклором цыган Прибалтики плодотворно занимался академик П. Аристэ, а цыган-урсаров — Г. Кантя. Интересные образцы фольклора различных цыганских этногрупп Сибири найдены В. И. Санаровым из Новосибирска, уникальные образцы сказок крымских цыган собрал советский ученый В. Г. Торопов. Сегодня в нашей фольклорной коллекции более двухсот прозаических произведений и примерно столько же песен цыган самых разных этногрупп, проживающих на территории СССР.

Работа фольклориста и его образ жизни чем-то похожи на цыганский: все время в дороге, в непрестанно меняющейся ситуации, которую ты обязан, во избежание неприятностей, контролировать. К этому можно добавить, что в цыганской среде ощущение надвигающейся опасности — постоянно. Вроде бы все тихо и спокойно, но опасность уже рядом, ее надо суметь предвидеть и, по возможности, предотвратить. Так уж исторически сложилось, что цыгане враждебно относятся к нецыганам и всех их, независимо от национальности, называют довольно презрительным словом «гадже».

Сложность заключается еще и в том, что в полевой практике ситуации не повторяются. Есть здесь и особые, весьма грустные моменты: как правило, приходится иметь дело с людьми преклонного возраста. Воистину, вослед фольклористу смотрят могилы его информантов. Многие из тех, кого нам доводилось записывать, не дожили до выхода наших книг. Но память об этих встречах жива, и голоса этих людей остались на магнитофонной ленте.

Много лет назад «цыганская почта» привела нас в неболь-

шую уютную квартиру в центре Ленинграда. Дверь открыла невысокого роста седая женщина с живыми, горящими глазами. Это была Зоя Эммануиловна Ильинская. Узнав, что нас интересует, она тут же взяла инициативу в свои руки. Мы и предположить не могли, какие «мытарства» ждут нас с этой минуты. Больше мы себе не принадлежали. Через пару часов мы уже звонили в дверь ленинградского коллекционера-филофониста Ю. Б. Перепелкина, у которого в тот вечер собрались люди, чтобы почтить память прославленной цыганской певицы Катюши Сорокиной. А на следующее утро, встретившись на Витебском вокзале, отправились в Сусанино. «Садимся в цыганский вагон»,— сказала Зоя. Тогда мы еще не знали многих тонкостей, не знали и того, что цыгане всей страны предпочитают ездить в третьем вагоне. В поезде то здесь, то там мелькали разноцветные цыганские шали, слышалась гортанная речь. Скоро мы были окружены цыганками. Зою узнали. Пока поезд добирался до Сусанино, мы знакомились с историей рода Ильинских:

«В 1865 году петербургский цыган Николай Ильич Ильинский взял в жены полевую новгородскую цыганку Агапию, сестры которой, Лёля и Домаша Масальские, стали знаменитостями того времени. Сам Николай Ильич был превосходным гитаристом и работал в хоре выдающегося цыганского дирижера Николая Шишкина. В семье Н. И. Ильинского было 16 детей, многие из которых работали в цыганских хорах и ансамблях. Особо надо отметить замечательного дирижера Алексея Николаевича Ильинского. Наш род дал миру немало видных артистов. К роду Ильинских, например, относится популярнейший эстрадный певец и мой двоюродный брат Вадим Алексеевич Козин...»

А потом мы узнали, что едем к родне знаменитого хоревода Алексея Ильинского — Лидии и Александру Ильинским.

Нам, городским жителям, трудно представить, насколько жива и естественна цыганская среда. И мы были немало удивлены тем, что у цыган в равной мере пользуются уважением и заслуженные артисты и самые простые люди. Мы шли по деревенской улице, и тут Зоя спросила нас: «Сможете отыскать цыганский дом? — И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Нет ничего проще. Для этого есть свои приметы: телега во дворе, много стираного белья, развешанного возле дома, лошади на выгоне, а еще — гуси. Теперь русские гусей почти не держат, а у цыган есть. Ведь гуси — это лучшие сторожа!»

Переступив порог цыганского дома, мы попали в совершенно другой мир. Впечатление такое, будто ты оказался в

многомерном пространстве: одновременно на ограниченной территории совершаются десятки дел. В одном углу гадают пришедшей за советом женщине, которой не везет в любви, в другом углу о чем-то совещаются мужчины, шумят дети, им время от времени дают подзатыльники; примерно через каждые полчаса откуда-то выходит молодуха с веником и прямо у тебя из-под ног выметает мусор, при этом все остальные, нимало не смущаясь, бросают на пол окурки, куриные кости и прочее. Чистота в доме восстанавливается за считанные секунды. Через мгновение на кухоньке зажигают огонь в печи, и необъяснимо быстро готовится еда. Собственно говоря, мы едва успели познакомиться, а стол был уже накрыт. Во главе его восседала Лидия Николаевна — старейшина рода Ильинских (тот самый уникальный случай, когда женщина, а не мужчина становится во главе рода). Потом мы узнали, какую многотрудную жизнь прожила Лидия Николаевна. Достаточно сказать, что она — мать-героиня, родившая и воспитавшая десятерых детей. Перед нами предстала еще не потерявшая красоты пожилая цыганка с величественной осанкой и удивительно добрыми глазами. Все в доме повиновалось не только ее словам — жестам, даже движениям глаз.

Весть о том, что приехали гости, тут же облетела все село. Поминутно хлопали двери, и вскоре дом заполнился людьми. Казалось, что уже и стоять негде. Но вот по знаку Лидии Николаевны цыгане непонятным образом уплотнились, и образовался круг. И началась цыганская пляска. Праздник продолжался допоздна. В Ленинград мы вернулись с последней электричкой.

Потом мы встречались десятки раз, но запись первой сказки запомнилась нам надолго. «Что вы хотели узнать?» — спросила нас Лидия Николаевна. «Расскажите сказку»,— попросили мы. «Да что вы, нет у цыган никаких сказок,— ответила она.— А вот расскажу я вам один случай. Только это не сказка, это на самом деле было». И она начала:

«Ехал табор. Вечерело. Уже ночлег нужно искать. Видят цыгане: огни большие горят. Встали. Хотели костер разложить, а дров нет. Вот и послали одного цыгана в деревню за дровами. Пошел он, пошел, пошел... Наткнулся на изгородь. Хотел ее разобрать на дрова. Вдруг видит: женщина стоит за оградой. Красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать. Волосы длинные-длинные, распущенные, и платье на ней белое, длинное. Цыган поближе подошел. Он подумал, что человек стоит, а пригляделся получше — понял, что русалка. За-

хотела она его схватить, да не перешел он через изгородь. Тогда русалка ему и говорит: «Ты перешагни, все у тебя будет хорошо, а не пойдешь — нигде тебе пути не будет». Испугался цыган. «Нет, не пойду я»,— говорит русалке, а сам ходу. Через вторую изгородь перескочил. Тут русалка и скрылась. Прибежал цыган в табор, упал в шатре, отдышаться не может. Две недели в себя не приходил, чуть было богу душу не отдал. Еле его отходили».

Потом мы не раз слышали подобные заявления, мол, нет у нас, цыган, сказок. Конечно же сказки у цыган есть, но огромное место в их фольклоре занимает такой жанр, как былички. Вот что о них пишет советский ученый В. Я. Пропп:

«Языческие представления о мифических существах и людях, наделенных сверхъестественными способностями, отразились в жанре, который народ называет словом «были», «былички», «бывальщины». Это рассказы, отражающие народную демонологию. В большинстве случаев это рассказы страшные: о леших, русалках, домовых, мертвецах, привидениях, заклятых кладах и т. д. Уже название их говорит о том, что в них верят. Сюда относятся также рассказы о чертях, об оборотнях, ведьмах, колдунах, знахарях и т. д.».

Через Лидию Николаевну мы познакомились с ее братом, Александром Николаевичем Ильинским. Появление его в Сусанино вызвало всеобщее оживление. Во всяком случае, большего весельчака среди цыган, чем Саша Черный (так они его называют), мы не встречали. Когда он начинает рассказывать, вокруг него всегда собирается толпа любопытных. «Дядя Саша, расскажи про это».— «Нет, лучше про это». Со всех сторон слышатся просьбы, советы. Должно быть, уже не раз и не два слышали эти люди забавные рассказы Саши Черного, но готовы слушать их снова и снова. Обычно это истории из жизни самого рассказчика. Как это ни странно, героического в его рассказах было мало, наоборот, они были сплошь пронизаны самоиронией, что и вызывало восторженную реакцию. Для такого гордого и самолюбивого народа, как цыгане, это большая редкость. Личная жизнь Саши Черного изобиловала историями, служившими ему основой для устных рассказов. Давным-давно его, исконно городского жителя, женили на таборной цыганке, и он должен был резко изменить образ жизни. С ним случались всякие казусы. Вот что он поведал, говоря о себе в третьем лице:

«Стояли цыгане шатрами. Было в таборе двое братьев с молодухами. Как-то раз приехала к ним в гости семья — родня дальняя, муж да жена. Один из братьев говорит гостю: «Зна-

ешь что, ты помоги нам. Мы хотим за сеном поехать. Травы пока еще нету, а лошади должны что-то есть. Знаю я, что у соседней деревни, у самого края леса, стога стоят».— «Да что это ты говоришь? Что предлагаешь? Это значит, мне с вами сено воровать?» — «Да ничего, братец ты мой, что ты боишься, поедем». «Ничего, морэ...» — поддержал второй брат. Решили поехать поближе к ночи, а днем братья и их жены задумали напугать гостя. Поняли они, что тот никогда в таких делах не участвовал. Незадолго перед этим померла в таборе старуха цыганка, тетка их родная. Вот все и боялись покойницы. Слухи ходили, что гуляет она по ночам во всем белом. Сговорились братья, что жены их наденут на себя белые простыни и сядут под мостом, а на обратном пути, когда телега по мосту поедет, выскочат они да напугают парня. Сказано — сделано. Как только наступил вечер, поехали братья и гость за сеном, а цыганки оделись во все белое и спрятались под мостом. Сидят там и ждут, когда цыгане поедут обратно. А один из братьев забежал вперед и под стогом затаился. Идет гость, вожжи распустил, к сену подходит — как свое берет. На вожжи сено накладывает. Вдруг из-под стога голос раздается: «Сено-то не бери... не бери сено!» Как пустился цыган бежать, а голос опять ему вдогонку: «Не бери сено!.. Не бери сено, а садись на лошадь да поезжай с богом!» — точь-в-точь старухи-покойницы голос. Бросил цыган вожжи да бегом к шурину. «Братец ты мой, старуха умершая не велит мне сено брать. Ей-богу, она под стогом прячется».— «Да что ты, морэ, господь с тобой, откуда взяться старухе? Похоронили ее, отпели, как полагается. Иди за сеном».— «Не пойду, хоть убей меня, не пойду».— «Ну так хоть вожжи обратно принеси, вожжи-то, гляди, оставил». Попросил цыган шурина, чтобы тот с ним вместе пошел, а он не хочет. «Иди,— говорит,— сам, не бойся, я подожду тебя здесь». Делать нечего. Пришлось цыгану за вожжами красться. Ухватился за самый конец да наутек. Прибежал к лошади запыхавшись. «Родной мой, давай гони скорее! Сердце бьется, того и гляди из груди выскочит».— «Ну что ж, садись, поедем». Едут они, и приводит их дорога к мосту. Глядь — из-под моста фигура белая вылезает, а за ней еще одна. «Смотри-ка, старуха-то вперед нас забежала. Вот грех-то какой».— «Что ты, морэ, с ума сошел, что ли? Кабы старуха была, то она одна, а тут целых две! Езжай, морэ, дальше...» Только захотел цыган на мост заехать, глядит — поперек моста жердь протянута, дорогу перегораживает. «Пускай коня,— говорит шурин,— ломай жердь».— «Да что ты, морэ, это старуха нарочно дорогу перегородила,

пропускать не хочет».— «Езжай, что боишься?» — крикнул шурин и хлестнул лошадь. Как понесла лошадь, как взвилась! Сломала она жердь грудью и скачет на косогор. Шурин спрыгнул с телеги и под обрыв покатился, к шатрам побежал. Оглянулся цыган и аж сердцем обмер. Привидения за ним бегом бегут. «А ну, родимый, выручай, бога ради!» — вскричал цыган, и лошадь пошла еще шибче. Въехал цыган в деревню, а там мужик ходит, в колотушку бьет, сторожит, стало быть. «Миленький,— подбежал к нему цыган,— родненький мой, ай, дело-то какое...» — и все рассказал ему: и как сено брали, и как старуху-покойницу встретили, да не одну, а целых две. «Сена-то много взяли?!» — «Какое тебе сено? Разве тут до сена было?» Засмеялся мужик. «Ты что дурака валяешь? Ты что смеешься? — заголосил цыган.— Тут плакать надо. Ты уж будь любезен, миленький мой, доедь со мною до нашего табора. Гостем будешь. Уж я, миленький мой, тебя угощу». А сам цыган думает про себя: «Только бы не отказался. Отдам ему три целковых, пусть обратно идет, будь он проклят!» Еле уговорил мужика. С той поры цыган воровать зарекся. И слово свое сдержал».

В фольклоре цыган есть не только былички, но и превосходные сказки с традиционными сюжетами. Работа фольклориста во многом зависит от удачи. Найти человека, рассказывающего сказки,— задача непростая. Казалось бы, кто из нас не знает сказок. Но попробуйте рассказать сказку, к примеру, своему ребенку, а тем более — постороннему слушателю. Такое под силу далеко не каждому. Для этого нужен особый дар, столь редкий в наше время. Ведь навыки устного рассказа давно утрачены. Вот и нам встречались рассказчики по большей части неумелые, случайные. И тем более ценна была для нас встреча с Анастасией Михайловной Лобановой со станции Михайловка Ленинградской области...

Как же, на наш взгляд, возникает фольклорное произведение, как становится оно народным достоянием и живет на протяжении столетий?

В фольклоре, как в зеркале, отражается национальная психология, преломляется видение окружающего мира. В фольклорном произведении находят отражение обычаи и нравы народа. Именно поэтому фольклор консервативен. Но это — если смотреть на него как на систему.

Необходимо иметь в виду, что каждое отдельно взятое фольклорное произведение имеет свои истоки, своего создателя — конкретного человека, яркую творческую личность. Без них, этих людей, фольклор бы исчез.

Важна не только фигура создателя песен и сказок, но и тех, кто передает фольклор следующим поколениям. Таких людей в народе немного, и они приметны. В излагаемых ими произведениях чувствуется творческое лицо автора. Поэтому невозможно от двух исполнителей записать одинаковые варианты одного произведения.

Подобную же мысль не раз высказывал нам писатель и фольклорист Д. М. Молдавский, вспоминая таких выдающихся знатоков русского фольклора, как Илья Богатырев или Анастасия Вавилова.

Своеобразие творческого развития цыганского фольклора связано со спецификой той среды, в которой он рожден.

Каждый цыган живет как бы в трех измерениях: в мире реального знания, замкнутого на узкопрактическом интересе, в мире внутреннего самопознания (мистифицированного до предела) и в мире звуковых ощущений, что, вероятно, имеет генетические корни.

Особо надо отметить и четкое понимание каждым цыганом своего места во времени и в пространстве. Он ощущает себя принадлежащим к семье, к роду, к родовой группе, которая могла возникнуть за сотню лет до его рождения.

Поэтому фольклор передается в строго заданном направлении, определенном сложной этнографической структурой народа...

Мы поджидали Анастасию Михайловну прямо на станции: каждый день, кроме субботы — цыганского выходного, она спозаранку отправлялась в город и возвращалась в середине дня одним и тем же поездом. Путь от станции до дома Лобановой занимал не более пятнадцати минут, но даже за это время наша компания обрастала цыганскими ребятишками. Они облепляли нас в предвкушении удовольствия послушать сказки.

Биби Варя — так прозвали Лобанову цыгане — относилась к этому спокойно, но нам было не по себе, поскольку понятия «тишина» и «цыганские дети» совершенно несовместимы.

«Какие сказки? Не знаю я никаких сказок...» — так неизменно начиналась наша работа. И тут же, попирая элементарные законы логики, она начинала свой рассказ. Ей не надо было ни собираться с мыслями, ни что-то вспоминать. Все она делала как бы походя. Мы с трудом освоились с этой

ее манерой и старались включать магнитофон сразу же, едва переступив порог ее дома.

Рассказывая, она постоянно что-нибудь делала: вот она переодевается с дороги, вот ставит самовар, расставляет чашки, заваривает крепчайший цыганский чай. Присесть в этот момент не удается, все время приходится бегать за ней и «совать в рот» микрофон: голос у нее тихий, мягкий и удивительно ласковый. Уже потом мы узнаем, что в молодости она певала в цыганском хоре и имела успех у публики. А пока замечаем, как она вынимает из кармана стаканчик с черненькой фигуркой и прячет его в шкафу. Глазам не верится — «бэнгоро»! «Неужели и сегодня чертик в работе?» — спрашиваем. Улыбается: «Ношу на всякий случай».

Много лет прошло с нашей последней встречи, но в память врезался один неприятный случай.

Тогда, записав от Анастасии Михайловны несколько сказок, мы вышли на крыльцо и стали ее фотографировать. То ли она сама вела себя несколько необычно, то ли внутренний голос нам что-то подсказывал, так или иначе, закончив фотографировать, мы тотчас отправились на станцию. На повороте навстречу нам попался автобус, в котором ехали цыгане — с десяток дюжих молодцов. Лишь потом мы узнали, что несколько лет назад между цыганами вспыхнул какой-то конфликт, муж Анастасии Михайловны был жестоко избит, а потом скончался. И тогда вступили в силу законы кровной мести. За отца кому-то отомстил сын. И вот уже поднялась третья волна «цыганской вендетты» — цыгане ехали «выяснять отношения». Выйди мы из дома Лобановой хотя бы пятью минутами позже — как знать, может, мы и не написали бы этих строк...

Какая может быть связь между зданием Карельского музыкально-драматического театра и цыганским тысячником? Ее вряд ли отыщет человек даже с самой богатой фантазией. Тем не менее она есть, и весьма интересная.

Цыганского тысячника мы отыскали на Куковке, под Петрозаводском. Этот район был известен всем жителям.

Николай Александрович Новиков встретил нас доброжелательно, чего не скажешь о его жене, которая не скрывала своей неприязни. Впрочем, какая могла быть радость от незваных гостей, если тяжкая болезнь так скрутила ее мужа, что

он с трудом носил на ногах свое могучее тело? Однако он сказал хозяйке пару решительных слов, после чего мы больше ее не видели.

День подходил к концу. Уже полностью иссяк запас магнитофонной ленты, и мы мысленно проклинали себя за непредусмотрительность. Так или иначе, пришлось переводить разговор в иное русло. Потекли разного рода воспоминания о прежней жизни цыган. И тут хозяин спросил: «А вы знаете, что в нашем таборе был Конёнко?» Фамилия была произнесена неправильно, и это сбило нас с толку. Но тысячник не дал нам и минуты на размышление. «А ну-ка, Нюша, принеси!» — обратился он к дочери.

На столе появилась пачка фотографий, перевязанных шпагатом. «Вот, смотрите»,— он показал одну из них. Лицо седобородого старца, взиравшего с фотографии, не вызывало никаких сомнений — это был выдающийся советский скульптор Сергей Тимофеевич Коненков. Детали просматривались с трудом, это говорило о том, что съемка производилась в цыганской палатке. На переднем плане четко запечатлена жена скульптора Маргарита Коненкова. Рядом с ней, спиной к фотографу, сидел какой-то мужчина. Потом мы выяснили, что это — замечательный советский архитектор и художник Савва Бродский. Рядом с Коненковым сидит пожилая цыганка, стоят цыганские ребятишки. В глубине — стопа перин и подушек, икона Божьей Матери с младенцем. Мы с трудом выпросили у тысячника эту редчайшую фотографию, пообещав вернуть ее в ближайшее время и поклявшись самой страшной клятвой.

Копия этой фотографии ныне хранится в музее Коненкова в Москве. 7 ноября 1982 года она была опубликована с коротким комментарием в газете «Московские новости». Незадолго до этого мы звонили Савве Бродскому, хотели встретиться по этому поводу. Но спустя считанные дни после публикации до нас дошла трагическая весть о том, что С. Г. Бродский скончался. К счастью, сохранились его воспоминания о «цыганском эпизоде» из жизни двух ярчайших представителей советского изобразительного искусства.

В 1954 году они оба работали в Петрозаводске на строительстве музыкально-драматического театра. С. Бродский был автором проекта, а С. Коненков выполнял скульптурный фриз, украшавший фасад здания. Вот что пишет С. Г. Бродский:

«Однажды, ранним утром, мы выехали из отдаленного ле-

сопункта. Ехали молча, захваченные красотой просыпающегося леса, и вдруг в просветах между деревьями замелькали пестрые пятна, послышалась гортанная речь. Машина останавливается, мы выходим и немножко возвращаемся назад. На укрытой густой листвой поляне стоят шатры, повозки, пасутся лошади, горят костры. «Я так и думал, что это цыгане,— говорит Сергей Тимофеевич,— идемте к ним». Появление Сергея Тимофеевича в таборе вызвало полный восторг у цыган. Его обступили, и казалось, что они всегда были с ним хорошо знакомы. Сергей Тимофеевич сказал, что мы остаемся на день в таборе, и попросил цыган показать, «что они умеют». Цыганки повскакали с мест и скрылись в шатрах. Мы были в недоумении. Но скоро все прояснилось. Они вышли из шатров, разрядившиеся в пух и прах — в городских, сшитых по тогдашней моде крепдешиновых платьях, в модных туфлях и в шляпках — словом, абсолютно современные горожанки. К тому же они вынесли патефон с пластинками — Ляля Черная, Тамара Церетели. Надо было видеть в тот момент Сергея Тимофеевича! Мы с Маргаритой Ивановной давились от смеха. «Немедленно переодеваться»,— пророкотал Сергей Тимофеевич. Он был совершенно вне себя. Недоразумение было улажено. Все опять переоделись, патефон унесли, и мы услышали множество красивых грустных и веселых песен и увидели настоящие цыганские танцы. Сергей Тимофеевич сиял. В глазах молодой блеск. После чая из самовара началось прощание, Сергея Тимофеевича зацеловали, нагадали ему жить до ста лет счастливым и богатым с молодой женой Маргаритой Ивановной. Последней подошла старая цыганка с орденом на груди. «Это за что у тебя орден?» — спрашивает Сергей Тимофеевич. «Я мать-героиня, у меня шестнадцать детей»,— отвечает она. «Это хорошо, значит, цыгане не переведутся»,— смеется Сергей Тимофеевич. Мы снова мчимся по лесной дороге. Сергей Тимофеевич открывает еще один «ящичек» своей памяти, и мы слушаем, слушаем — о шальной молодости, о том, как старые цыганки из «Стрельны» и «Яра», прослышав о его приезде, пришли обнять Сергея Тимофеевича, вернувшегося на родину, об удивительном самобытном искусстве цыган, которое он знал и любил. А еще читал на память «Цыган» Пушкина».

А мы слышали отрывки из этой поэмы в другом исполнении. Обнаружилась интересная закономерность: в каждом цыганском таборе или поселении непременно живет свой «интеллектуал». Если в обычном цыганском доме книги не отыскать, то у «интеллектуала» их несколько. Народ этот

весьма въедливый и дотошный. Встреча с одним из них происходила весьма оригинально.

Дом Пилича мы нашли сразу. Хозяин — невысокий сухощавый и шустрый цыган довольно солидных лет — вышел к нам, поигрывая топором. Он отстраивал свой дом. Внизу деловито похаживали его сыновья, время от времени дававшие ценные указания двум трудившимся на крыше «химикам». Пилич уже знал, зачем мы приехали, и повел нас к лесу. «Ну что, зарубить вас, что ли?» — сострил хозяин. Мы оценили его шутку.

Рассказ его был любопытен. Так, мы выяснили, что великого русского поэта он считает художником. Он уверял нас, что рисунки Пушкина бережно хранились в его таборе, пока однажды не погибли во время пожара. Потом он поведал романтическую историю жизни Пушкина среди цыган, в которой образ поэта идентифицировался с образом Алеко. К этой легенде мы еще вернемся в другой главе, а сейчас послушайте, сколь необычным образом закончил Пилич свое повествование:

«После того как прогнали Пушкина из цыганского табора, пошел он дальше по России скитаться. Вот сидит он в кустах и видит: по поляне девушка идет. Он как выскочит из кустов да как схватит ее. «Ты кто?» — спрашивает. «Я — свинарка!» — отвечает девушка. «А я — пастух!» — говорит Пушкин. Вот так на экраны страны вышел фильм «Свинарка и пастух».

Мы были ошарашены такой трансформацией сюжета, но, глянув на топор Пилича, возражать не стали.

Далеко не всегда встречи с «интеллектуалами» оставляли столь веселые воспоминания. Валентина Александровна Иванова по прозвищу Варя — великолепная исполнительница старинных обрядовых песен, забытых даже цыганами из глубинки. Мы частенько навещали ее, когда возвращались в Ленинград из своих поездок. Из всех наших знакомых цыган она жила ближе всех к городу, да и дом ее был виден даже из окна электрички: посмотришь, вспомнишь о ней и невольно сойдешь с поезда.

Дом ее охраняли несколько черных маленьких и злющих собачонок: чуть зазевался — брюки порваны. На шум выходила Варя, прикрикивала на собак, и те, поджав хвост, отходили в сторону. В молодости она была очень красивой (мы видели фотографию), отличная наездница, она замечательно играла на гитаре и пела. Цыгане часто приглашали ее, особенно на свадьбы. А сейчас астма буквально замучила ее: спо-

ет песню и глотает воздух, как выброшенная на берег рыба.

Мы быстро с ней подружились, и в этом немалую роль сыграла Шурочка, одна из ее родственниц, постоянно бывавшая у нее. Сразу же приятно удивили образованность и начитанность этой девушки. Странно было лишь, что для ее (по цыганским меркам) вполне зрелого возраста она до сих пор не замужем. Увидеть двадцатилетнюю незамужнюю цыганку большая редкость. Будь она уродлива или больна... Но нет, все, как говорится, было при ней: мила и обаятельна. Ее глубокие и умные глаза скрывали потаенную грусть, какую-то невысказанную тоску. Она с радостью помогала нам, это не только доставляло ей удовольствие — помочь нам она считала долгом.

Роли обычно распределялись так: Варя пела, а Шурочка мгновенно переводила слово в слово и очень точно комментировала текст. Так мы и работали.

Как-то в один из приездов мы не застали Шурочку. Да и Варя ходила сама не своя. Все выяснилось довольно скоро. Варя спросила: «Вот вы записывали меня и Шурочку. Осталась у вас пленка с голосом?» Мы недоуменно переглянулись. «Конечно. Мы ничего не стираем». С какой-то печалью и в то же время облегченно Варя вздохнула. На глазах у нее проступили слезы. Она уже не проговорила, а почти прошептала: «Привезите, я ничего не пожалею ради этого».— «Конечно, привезем. Только расскажите, в чем дело?» — «Нет больше Шурочки».

Мы были ошеломлены историей, услышанной от Вари. В тот год к родителям Шурочки приехали сваты. Отец согласился, но девушка не пожелала выходить замуж за человека, которого в глаза не видела. И наложила на себя руки...

Путь от Ленинграда до Большой Вишеры неблизкий. Городок этот довольно большой, так что отыскать деда Фину нам удалось чуть ли не под вечер. Дом его стоял на самой окраине, вплотную к лесу. На выгоне паслись стреноженные кони. Много мы повидали цыганских стариков, но, признаемся, такую колоритную личность встретили впервые.

Значительно позже некоторые московские цыгане говорили нам: «Если бы вы не опубликовали фотографию этого старика, мы бы вам никогда не поверили». Достаточно сказать, что Афиноген Егорович Михайлов родился еще в прошлом веке. Он — невысокого роста, сухощавый старик с вели-

колепной окладистой седой бородой и поразительно живыми, глубокими шоколадными глазами, покрытыми какой-то перламутровой патиной. Несмотря на почтеннейший возраст, дед Фина сохранил и ясность ума, и живую память. Уважение родных к нему было безмерным: они чуть ли не пылинки с него сдували. И надо сказать, что дед Фина вполне заслуживал такого отношения. А какой это был рассказчик! Заслушаешься. Когда-то давно богачи подарили деду Фине лошадь за его умение рассказывать сказки. Эта история стала семейной легендой.

Старик поначалу смущенно поглядывал на микрофон, который ему явно мешал, но постепенно пообвык, ушел в атмосферу сказки и перестал замечать не только аппаратуру, но и окружающих. Во всяком случае, поначалу нам так казалось, но вскоре мы убедились в обратном. Запись шла уже около часа, как вдруг старик резко остановился, почесал затылок и решительно приказал: «Остановите эту штуку и давайте все сначала!» Мы спросили, в чем дело, и тут выяснилось, что Афиноген ошибся при описании цвета дерева. «Не важно,— пытались мы его успокоить,— поправьте сейчас, а потом мы вставим». Но дед был непреклонен. Пришлось останавливать магнитофон, перекручивать пленку и записывать снова. Таково было его отношение к цыганской сказке. Все ему казалось важным, он придавал значение каждому произнесенному им слову.

Но не только сказки рассказал нам Афиноген. Он прекрасно помнил разные эпизоды из былой жизни и, излагая, живописал их. Запомнился его рассказ о ссоре двух купцов: цыганского и русского. Цыганский купец разбогател на том, что делал фальшивые деньги, а русский — на том, что драл со всех три шкуры. А тут сын цыганского купца загулял с дочерью русского. Вот и встретились эти купцы и стали ругаться. Народ собрался — для него это развлечение не хуже балагана:

«А тут (какой грех его занес?) заходит в лавку отец Петрий. Он был благочинным, этот поп. На двенадцать церквей хозяин. Отец Петрий и говорит: «Нехорошо выражаетесь. Не богохульствуйте». Рассвирепел богатый купец, под горячую руку ему поп подвернулся. «Отец Петрий, попрошу выйти!» У попа глаза на лоб полезли. «Не вмешивайся, не твое дело! — подхватил цыган.— Дай нам поговорить». Тогда отец Петрий говорит богатому купцу: «И охота тебе с цыганом спорить?» «Ах, я — цыган!» — вскричал цыганский купец, схватил с полки кнут и давай попа охаживать. А богатый

купец кричит: «Эй, остановись, тюрьма — двенадцать лет».— «За что?» — «За попа».— «За такую собаку ничего не дадут, да он и не скажет, ведь на мои деньги живет».— «Какие у тебя деньги, цыган? Была бы у тебя лавка — другое дело». «Да тебе такие деньги и не снились, какие есть у меня».— «Мне? Смотри. Вот я возьму тыщу рублей и сожгу их у тебя на глазах. Если у тебя есть больше — сожги, я тебе разницу верну».— «Ах, так? — вскричал цыган.— Ну, ладно. Ты тысячу рублей сжег, а я десять тысяч сожгу...» Достает цыган из кармана бумажник, вынимает пачку фальшивых денег, машет ими и кричит: «Смотрите, люди добрые, всё без обману, ровно десять тысяч. Как говорил, так и делаю. Эх, горите, мои денежки!» Сжег цыган фальшивые деньги, а потом кричит: «Не купец ты. Это я — купец, а ты мне в работники годишься». Исхлестал цыганский купец бумажником, полным денег, богатого купца и говорит: «Мне такой сват и задаром не нужен. Ты мне приплати, я к тебе в родственники не пойду. А дочь забирай, зачем она нам».

Понятие «цыганский барон» обычно ассоциируется у читателя с образом стройного красавца в смокинге и цилиндре, распевающего популярную песенку композитора Иоганна Штрауса (сына): «Я — цыганский барон, я в цыганку влюблен...» и т. д. И хотя мы были хорошо знакомы лишь с несколькими цыганскими баронами, хочется несколько уточнить этот стереотипный образ. Прежде всего, придется резко состарить молодого опереточного франта — лет эдак до восьмидесяти. Оставим ему усы, но пышные, тронутые сединой. Вместо цилиндра наденем на барона потертую велюровую шляпу, а смокинг заменим обычным цивильным костюмом. А все остальное, как говорится в одном анекдоте, очень похоже на правду.

«Должность» барона существует у цыган-котляров. Справедливости ради скажем, что у котляров, проживавших в России, была более простая социальная иерархия, чем у их соплеменников в Европе. У тех, в частности, время от времени во главе кланов вставали так называемые цыганские короли, которых не надо путать с теми королями, что назначались из нецыган. Трудно сказать, выделяла ли этих лидеров среда, или они были самозванцами. Многое говорит в пользу последнего. Так или иначе, лидеры котлярских кланов постоянно пребывали в непримиримой вражде. Внешне это сильно напоминало вражду мафиозных группировок, не случайно клано-

вые стычки порой выливались в самую заурядную поножовщину.

Как к этому относился простой народ? Убеждены, что ничего, кроме горя, такие сражения ему не приносили. Цыганские «мафиози» занимались неприкрытым мздоимством, и их власть, насаждаемая извне, держалась на страхе и на силе оружия. Всего этого, повторяем, в России не было и нет. Но по традиции и у нас в стране котляры называют своих старших баронами.

Когда мы подходили к табору котляров на окраине села Карловка в Николаевской области, сразу обратили внимание, что он расположен таким образом, чтобы было удобно «держать круговую оборону». Он как бы прилепился к задворкам села. С одной стороны его защищал сплошной ряд домов, с другой — голая степь, изрезанная многочисленными глубокими балками. Машина здесь не проедет, зато легко спрятаться.

Прямо напротив единственного прохода к табору стоял дом барона. Его хозяин, мощный старик лет восьмидесяти, сидел на вращающемся стуле и видел всех, входящих в табор. Позже мы на собственной шкуре поняли, чем вызвана такая осмотрительность. А пока наше внимание привлекла совершенно невероятная трубка, которую курил барон. Она едва умещалась в его огромном кулаке. Накануне своего отъезда из Москвы, перебирая архив, мы натолкнулись на любопытную заметку в газете «Ижевская правда» от 8 декабря 1936 года.

Вот что в ней, в частности, говорилось:

«У барака артели разбросаны металлические обрезки, мусор. В длинном узеньком коридоре липкая грязь. Не лучше и в жилом помещении. Здесь под непрерывный стук молотков по пыльному полу ползают смуглые черноглазые дети. Их родители заняты. Женщины приготовляют обед, чинят одежду. Мужчины из жестяных отходов мастерят ведра, кастрюли и тазы. В семье Тамаш Гога не занят работой только его отец — седой старик Тамаш Стева. Покрывшись мягкой периной, он лежит на постели и, заунывно напевая, убаюкивает внучку. Тамашу Стеве 68 лет. Много он повидал городов Европы и Азии. В 1914 году, перейдя румынскую границу, Стева очутился в России. Старик перечисляет названия южных городов Кавказа, Украины, холодного Севера и Дальнего Востока, где ему приходилось скитаться. Сейчас он освобожден от работы, нянчит детей. Председатель артели — Янко Истрати. «Надоела нам кочевая жизнь,— говорит он.— В 1930 году все

мужчины нашего табора работали в разных мелких мастерских, а в 1936 году я их собрал в одну артель в Кирове...»

Перед нами сидел тот самый Истрати Янко, который и пятьдесят лет спустя все так же стоял во главе табора. К великому нашему сожалению, барон держал годовой траур по случаю смерти жены. О пении старинных песен не могло быть и речи. Да и разговорить его удалось с большим трудом. Хоть и не считается это большим грехом, но все же... «А знаете ли вы, почему цыгане так живут?» — спросил Истрати, показывая рукой на табор. И рассказал интересный вариант хорошо знакомого нам сюжета:

«Эту сказку цыгане по-разному рассказывают. Вот как наши деды ее говорили. Примерно две тысячи лет назад это было. Народ на земле тогда в несогласии жил. Никак люди не могли землю поделить. И вот созвал Господь Бог святых, и решили они устроить собрание, чтобы решить — кому что дать. Послал Бог святого Георгия, чтобы тот собрал всех людей, что живут на земле. Объехал святой Георгий все страны: у американцев был, у англичан, у французов... Созвал все нации на собрание. Едет святой Георгий обратно. Вдруг видит: у кузницы цыган стоит. «Ты чего дома сидишь?» — спрашивает святой Георгий. «А в чем дело?» — «Да вот в таком-то месте собрал Бог всех людей. Будут решать, что кому делать, как кому жить, как на всех землю разделить и что каждому народу от земли достанется».— «Нет,— говорит цыган,— я идти не могу. Мне тут два колеса принесли из деревни, просили к завтрашнему дню сделать. Раз ты едешь туда — узнай, что будет с нами, цыганами».— «Хорошо, узнаю»,— говорит святой Георгий. «Нет, ты, наверное, забудешь. Оставь мне свое седло. Когда будешь у Бога и увидишь, что нет у тебя седла, да вспомнишь, кому его отдал, и спросишь про нас, про цыган».— «Ну ладно, бери седло». И он оставил. А седло у святого Георгия красивое, все золотом украшено. Вот приехал святой Георгий на собрание, а там народу видимо-невидимо. Долго решал Бог, как какому народу жить. Американцам велел так, а французам так. Разделил Бог моря и сушу, все земные богатства: одним поля оставил, другим сады, одним пшеницу, другим яблоки, третьим — виноград. Поделил Бог реки, леса, озера — всё. На том собрание и закончилось, и все люди пошли на свои земли. Собрался и святой Георгий в дорогу. Вдруг смотрит — седла-то нет! Кинулся он к Богу. «Совсем забыл! — кричит.— А как же цыганам быть? Что им делать, где жить?» «Цыганам? — нахмурился

Бог.— Их у меня в списках не было. Что же с ними делать? Ведь всю землю я поделил, ничего не осталось. Ладно. Скажи им, что остались для них только тернии да бесплодные поля. Пускай там и живут. Не оставил я им никаких даров земли, зато разрешаю брать все, что другим нациям досталось. А как возьмут, по спросу или без спроса,— это их дело. Если обманут кого, разрешаю моим именем божиться. Не буду я цыган за это карать, потому что у меня ошибка вышла. Украдут — прощу, обманут — прощу». Поехал святой Георгий обратно. Приезжает к цыгану. «Ну как, узнал у Бога, как нам жить?» — «Узнал,— говорит святой Георгий.— Вы в список не попали. Вот разве что когда-нибудь другое собрание соберется...» — «А что же нам делать?» — «А вам остались только тернии да бесплодные поля. А чтобы с голоду не умереть, разрешил вам Бог и украсть и обмануть. А если что, то можете его именем прикрываться. Не покарает он за это». «Вот спасибо, святой Георгий!» — обрадовался цыган. «Пожалуйста! А теперь отдавай мое седло!» — «Какое седло? Разве я его брал? Ей-Богу, я его и в глаза не видел. Богом клянусь!» Понял святой Георгий, что нет ему смысла теперь с цыганом спорить, и пошел своей дорогой. Так и осталось седло святого Георгия у цыган».

Весь день мы записывали песни и сказки, сотни две цыганских ребятишек облепили нашего фотографа Евгения Доманского и совершенно не давали ему работать. Приходилось прибегать к цыганским хитростям: один из нас брал в руки незаряженный фотоаппарат и, делая вид, что снимает, уводил за собой всю ватагу. Другой же в это время, пользуясь секундными паузами, фотографировал.

А когда настал вечер, цыгане разожгли костры и устроили нам прекрасный концерт. Пение и пляски продолжались чуть не до рассвета. Совершенно обессиленные, мы уснули в цыганской палатке. А утром нас разбудил странный шум. Мы выглянули наружу и увидели, что весь табор высыпал из своих жилищ и оживленно что-то обсуждает.

Сообразили мы, что к чему, только когда милицейские «Жигули» в сопровождении почетного эскорта из семи машин, начиная с самосвала и кончая армейским вездеходом, увозили нас в Варваровское РОВД города Николаева. Нас, попросту говоря, арестовали. Нашего фотографа без всяких разговоров затолкали в КПЗ, освободив его брюки от ремня, а ботинки от шнурков, а к нам отнеслись с пиететом, снизошли до приватных бесед, продолжавшихся до позднего вечера.

Мы узнали о себе немало интересного; было приятно услышать, что мы, например, не находимся во всесоюзном розыске, не являемся особо опасными рецидивистами. Наши удостоверения личности никакого впечатления на местного начальника, подполковника Чабаненко, не произвели. «Что вы мне показываете? — возмутился он.— Да эту печать цыгане в минуту подделают». Потом долго и нудно прослушивались магнитофонные записи. Песни начальнику не понравились. Он поспешил удалиться, дав распоряжение не отпускать нас ни под каким видом. Хорошо, что мы догадались уникальные фотопленки со сценами таборной жизни оставить у цыган. А вдруг бы ему пришла идея просмотреть непроявленный фотоматериал? Что же так напугало подполковника Чабаненко? Мы не думаем, что чутье подвело его, он понимал, что перед ним — не махровые агенты ЦРУ или беглые рецидивисты. Человеческого опыта ему не занимать, и физиономист он хороший. Тогда что же? Ведь не праздного любопытства ради прослушивал он наши записи.

Нет, не фольклор интересовал его, а то, что говорят цыгане о порядках на подведомственной ему территории. А цыгане говорили о произволе, несправедливости, о том, что «скорая помощь» приезжает в табор после десятого вызова, и то не всегда, о том, что более двухсот цыганских детей вообще не имеют медицинской помощи.

Подполковника Чабаненко, вероятно, интересовало, как относятся цыганские женщины к тому, что их, с грудными детьми, держат в отделении милиции до тех пор, пока не уйдет последний рейсовый автобус на Карловку, и они вынуждены тридцать верст шагать пешком. Он прав, этот начальник, подобных историй, да еще и похлестче, мы наслушались в таборе предостаточно.

На следующий день мы вернулись в табор, и цыгане встретили нас понимающе и сочувственно. Но «милая шутка» удельного князька возымела действие: никто больше песен не пел и сказок не рассказывал. «Вы уедете, ребята,— сказал барон,— а нам еще здесь жить». Работа по собиранию цыганского фольклора была сорвана.

Когда мы впервые увидели барона Тиму Виноградова, его лицо нам показалось знакомым. И, только вглядевшись, мы поняли: глаза! — они очень напоминали глаза деда Фины, такие же глубокие, шоколадного цвета, будто покрытые патиной, живые и горящие. Вот он садится по-турецки на ковер, сминает пальцами сигарету, лукаво улыбается и начинает говорить сказку — неторопливо, размеренно, приковывая

к себе внимание. Время от времени он тычет пальцами в микрофон и восклицает: «Только чтобы все точно написали!» — словно магнитофон в состоянии отредактировать его речь.

Заботится старик о цыганской сказке и песне, знает, что не так много осталось среди цыган людей, которые ее знают. Характерная деталь: балладное пение кэлдэраров сопровождает красочная жестикуляция. Кэлдэрарские баллады сюжетны, действия, в них происходящие, передаются мимикой и жестами. Если в песне цыганка достает ведро воды, если рубят дерево, исполнитель жестами показывает это. Дед Тима был прекрасным актером. Для пущей убедительности он вставлял в рассказ бытовые детали, эпизоды из реальной жизни табора. Так устанавливалось взаимопонимание. В каждой сказке, которую он говорил, главный герой — цыган — требовал от царя письменного подтверждения своих прав. В этих случаях Тима грозно сдвигал брови и решительно произносил: «Пиши договор!» Поначалу это вызывало у нас улыбку, но потом, привыкнув к его манере, мы поняли: все имеет жизненную основу. Ведь кэлдэрарские ремесленники, подряжаясь на работу, вступали в договорные отношения. Это отразилось и в фольклоре.

Фольклор, как и язык цыган, складывался веками. Соприкасаясь с различными народами, цыгане заимствовали из чужеродного фольклора те элементы, которые приходились им по душе, были близки. Это вовсе не означает, что цыганский фольклор состоит из одних заимствований. Много в нем и сугубо национального. Даже те элементы, которые были заимствованы цыганами, своеобразно трансформировались в их сознании.

«Вдруг видит цыган: навстречу ему старичок идет — росточка невысокого, борода до локтей, сам в черный кафтан одет, веревкой подпоясанный».

Так обычно рассказываются сказки, повествующие о лесовом хозяине. Как и русский леший, этот персонаж цыганской демонологии вершит свою власть в лесу. Захочет — так запутает человека, в такую чащу его заведет, что и не выбраться. Но вот что удивительно: у цыган этот персонаж имеет облик реального человека, а не какого-то фантастического существа. Почему так произошло? По не совсем понятным причинам образ лесового хозяина в сознании цыган переплелся с образом Николая Угодника. Их языческое мировосприятие наделяет православного святого несвойственными ему функциями. Подобное явление можно найти и у русских, но у

цыган оно, вероятно, имеет более глубокие корни. Обратите внимание — совпадают даже портреты. Как ведет себя лесовой хозяин (он же — Николай Угодник) в тех случаях, когда хочет употребить свою власть?

«И тут,— читаем в одной из цыганских сказок,— лесовик стал расти, расти, выше берез вырос, а потом захохотал, захлопал в ладоши и пошел через лес».

У цыган существует множество способов задабривания лесового хозяина. От него можно откупиться серебряными деньгами, его неплохо бы как следует накормить, а еще лучше — спеть для него красивую песню. Любит лесовой хозяин цыганские песни! Если и это не помогает, можно обойтись с ним иначе: отругать его, это один из способов избавиться от лесовика. Лесовой хозяин не любит бранных слов, уходит.

Есть в фольклоре цыган и такой персонаж, как домовой. Понятное дело, он придуман не цыганами. Образ домового присущ мировому фольклору вообще, но у цыган он как бы раздваивается: с одной стороны — это обычный домовой, а с другой — это дворовой хозяин, покровитель домашних животных. Нередко в этой своей ипостаси домовой обретает обличье зверька ласки.

Почему цыгане считают ласку покровительницей домашних животных? На этот вопрос трудно дать определенный ответ. У многих народов, занимавшихся земледелием, ласка или горностай считались священными зверьками. Ласка отождествлялась с домовым (но не с дворовым). Выставлять в сенях съестное и блюдечко с молоком для домового реально означало приманивать ласку. Дело в том, что животные семейства куньих являются заклятыми врагами мышей и крыс. Здесь ласка дает фору целой кошачьей стае. Вспомним, что одна из причуд домового — его страсть бренчать посудой и опрокидывать горшки. Действительно, во время ночной охоты ласка устраивает в кладовых и амбарах настоящий погром. Однако реальная польза от них значительно перекрывает ущерб от всяких мелких неприятностей. Поэтому в старину у русских считалось преступлением убить ласку или горностая. Позднее этих животных погубил их ценный мех. Кроме того, им приписывали «грехи» их более крупных сородичей, например, хорьков, которые отнюдь не прочь полакомиться домашней птицей. Так или иначе, на смену ласкам в доме сельских жителей пришли обычные кошки, а домовые остались лишь в быличках и сказках.

Однако какой реальный прок от ласки был цыганам?

Может, культ поклонения этому животному перенят от других народов. Не исключено, что он был взят потому, что напоминал какой-то древний индийский культ. Иногда домовой становится оборотнем и принимает обличье какого-либо человека, вводя людей в заблуждение. У сибирских цыган домовых принято называть Антипка Беспятый и Акулька Кривая.

К оригинальным персонажам цыганского фольклора можно отнести так называемых спорников. Это маленькие человечки, дети, мальчик и девочка. Одеты спорники в голубые штанишки и красные рубашечки навыпуск, подпоясанные расшитыми кушаками. Спорники — заядлые модники, их любимое занятие — сидеть перед зеркалом и заниматься своим туалетом. Неизменные атрибуты спорников — пудра, помада, расческа, гребешки. Само присутствие спорников в шатре или в доме приносит их хозяевам неслыханную удачу. Спорники не выносят неуважительного к ним отношения, грубости, бранных слов. В этом случае они покидают своих хозяев, а вместе с ними уходит и удача. Можно сказать, что, в известной мере, спорники — символ некоей награды за доброту и за перенесенные в жизни страдания.

В цыганском фольклоре есть огромное количество самых разнообразных сказок, легенд, быличек, действующие персонажи которых — оживающие покойники. Почему эти персонажи столь популярны у цыган? Это самым тесным образом связано с их мировоззрением. Однажды мы разговорились с одной старой цыганкой.

И вот что она поведала:

«У покойника душа жива! Ведь как по божьему предписанию дано человеку? — тюрьма, суд и начальство. Как в этой жизни, так и в той. Когда человек умирает, то он шесть недель как бы под следствием сидит: судьба его не определена. И вот ждет человек сорок дней своего суда. А когда наступит сороковой день, приходит суд божеский и выясняет, куда его душе отправляться следует. Ежели он простой человек, ежели покаялся перед смертью своей, то, считай, от него половина грехов уйдет, а ежели человек не покается в грехах своих, то душу его черту отдают, и будет это для человека хуже всякой казни. На этом свете как? Натворил дел много — за это осудят, и страдания принимает человек, а если мало сделал — пострадаешь мало. Вот и на том свете так же. Бывает, что и ошибаются, конечно, но Бог разберется и в огонь сразу никого не бросит. И на земле ведь пересуды бывают Вот как душа человека устроена! А когда умирает человек не

своей смертью и его не отпевают, он чудится. Не принимают его в другую жизнь, отворачивается Бог от него, ангел уходит, и властелином его черт становится. Каждую ночь черт по покойнику колесом катается, каждую ночь мучает его. Вот и ходит человек неотпетый по ночам, страдает: из этой жизни он ушел, а в ту жизнь войти не может. Когда покойник чудится, надо дорогу перебежать или канаву перейти, иначе он тебя догонит. Ни пешему, ни конному от покойника не убежать. Все время он будет за тобой гнаться и стращать тебя. А вот через дорогу или через канаву покойник не пойдет. Не знаешь этого — будешь наказан. А пуще всего не любят покойники пуха и перьев, мучаются они от этого. Тяжело человеку умирать на перьях, оттого перья и считаются верным средством от нечистой силы. И если покойник пойдет на табор, надо огонь разжечь да пух и перо в него бросить. Начнет перо гореть — сразу убежит покойник...»

Такова «философская» подоплека цыганских сказок о покойниках. Как видим, произошло своеобразное напластование языческих и христианских воззрений. Из сказок мы узнаем о всевозможных «верных средствах» от нечистой силы. Мирно уживаются христианские (кресты на воротах и дверях, молитвы, крестные знамения, иконы) и языческие (хомут над дверью, осиновый кол в могилу, дороги и канавы) «средства». Покойник не сможет подойти к тебе, если ты пятишься от него, глядя ему в глаза. Магическая сила перьев, как убеждают цыгане, заключена в том, что отдельные лучики образуют со стеблем пера крест.

Сказки и легенды об оживающих мертвецах создаются цыганами и в наше время. Одна из легенд широко бытует среди цыган Ленинградской области. Она связана с Великой Отечественной войной. Фактическая основа ее такова. В 1941 году в Гатчинском лесу, в районе Пулкова, Горелова, Красного Села, фашисты взяли в плен огромный цыганский табор (около 20 семей, приблизительно 700 человек). Мужчин заставили рыть траншею, а женщин — петь и плясать. После концерта весь табор был расстрелян, людей сбросили в эту траншею и наскоро забросали землей. Убитыми оказались не все, и потому из-под земли долго раздавались стоны раненых. Тогда фашисты пригнали танк и гусеницами «отутюжили» траншею. Лишь после этого стоны прекратились. По окончании войны, как рассказывают цыгане, все таборы, останавливавшиеся в этих местах, сталкивались с загадочным явлением: с заходом солнца в лесу раздавалось

цыганское пение. Старожилы этих мест якобы признавали знакомые голоса расстрелянных цыган, среди которых были известные в цыганской среде исполнители.

Отчего цыгане наполнили свой фольклор всякой нечистой силой, в том числе оживающими мертвецами? Одна из причин этого явления — условия бытования цыганской былички, то есть ежедневные сборы у костра, затягивающиеся до рассвета, и ритуальные ночные бдения возле покойника накануне его отпевания. Можно сказать, что сама жизнь подсказывала тему. Покойник в быличках приходит либо в полночь, либо в полдень. Ночные покойники, как и любая другая нечистая сила, боятся третьих утренних петухов, прокричат они — исчезает видение. Этому тоже можно найти реальное объяснение. Дело в том, что ночью покойник является человеку во сне, петухи кричат и будят его, отгоняют сон, а с ним и призраков. Как правило, видеть покойника — не к добру.

В фольклоре многих народов оживающий мертвец становится вампиром. Но в сказках цыган покойник редко выступает в подобной роли. Цыганские сказки более реалистичны. Чаще всего цыганские покойники — это недавно погибшие или умершие родственники. Зло от них только в том, что они изводят своих близких. Но иногда покойник в быличках творит и добрые дела — помогает найти кратчайший путь к цели, спасает от преследования, предупреждает об опасности. Концовка всех цыганских сказок о покойниках одинакова: «хорошего» покойника отпевают по христианскому обряду и хоронят, а «плохому» — забивают в могилу осиновый кол, чтобы он не вставал.

По цыганскому поверью, как полдень, так и полночь в равной мере считаются временем разгула нечистой силы. Кстати говоря, полдень для цыган — некий рубеж, до которого имеет силу дурной сон, приснившийся в ночь на воскресенье, понедельник и вторник. Такой сон может «сбыться» только до полудня. Сны же, приснившиеся в ночь на другие дни недели, имеют силу в течение всего дня. Сказок про дневных оживающих покойников намного меньше. Все они мрачны и трагичны. Дневной покойник не знает пощады даже к самым близким людям.

О таких персонажах цыганского фольклора, как русалки, мы уже говорили. К сказанному можно добавить только то, что русалки бывают речные, полевые, лесные и пещерные. Есть и легенда о том, как они появились на свет. В ней говорится, что жили на свете три сестры, и никак не могли они

выйти замуж. Тогда пошли они на лесную поляну, где под высоким дубом сидела старуха-вещунья. Она-то и предсказала им судьбу.

«Пусть старшая сестра ко мне подойдет»,— приказала старуха. Подходит старшая сестра и спрашивает: «Скажи, бабушка, что мне судьбой назначено?» — «У тебя, милая, на роду написано свой век в пещере провести, твоя судьба стать женой пещерного колдуна. Будешь ты связана с человеком нечистым, станет он тебя водить по своему царству, свои богатства показывать. Очень богат этот человек, богаче его никого нет на всей земле. Да только не увидишь ты больше света белого. К этому и приготовься».— «А как же сестры мои?» — взмолилась старшая сестра. «Забудь о них, милая, больше ты их не увидишь».— «Э, нет, старая колдунья! — рассердилась цыганка.— Не будет по-твоему. Не пойду я в пещеру, не стану женой пещерного колдуна, не хочу я с сестрами своими да с белым светом разлучаться».— «Как знаешь, только смотри, не простит тебя пещерный колдун, накажет тебя».— «Пусть будет что будет»,— сказала старшая сестра и пошла прочь от дуба. Подходит к колдунье средняя сестра: «Скажи, бабушка, а какая мне в жизни судьба предназначена?» — «А у тебя такая судьба, милая: быть тебе женой лесного человека. Пойдешь ты в лес, а он уже тебя ждать будет. Нет никого на свете сильнее лесного человека. Если уж он полюбит кого, так сделает этого человека счастливым, но если его прогневить, то не жди добра. Будет он тебя по лесам водить, от глаза людского хоронить, о жизни лесной рассказывать. Только звери и птицы будут твоими друзьями, а от людей тебе придется подальше держаться».— «А как же сестры мои?» — «Позабудь о сестрах, доченька. Что поделаешь, раз судьба такая?» — «Не бывать тому, старая колдунья! — рассердилась средняя сестра.— Не будет по-твоему, не стану я жить с лесным человеком!» — «Зря судьбе своей перечишь, доченька, бойся лесного человека прогневить, накажет он тебя за слова такие».— «Пусть будет что будет»,— сказала средняя сестра и пошла прочь от дуба. Подходит к колдунье младшая сестра: «А мне какая судьба, бабушка? Только всю правду скажи, не таи ничего».— «А твоя судьба вот какая,— ответила колдунья.— Пойдешь ты к морю, сядешь на берег и будешь ждать. Поднимется море, и выйдет на берег морской царь со своими двенадцатью сыновьями. Так вот, милая, судьба твоя жить у этого морского царя. Море твоим домом станет, доченька. Все богатства морские твоими будут, да только не увидишь ты людей больше, одни мертвые будут в твой дом за-

ходить. А с ними какой разговор?» Вздохнула младшая сестра: «Ну что ж, бабушка, раз судьба такая, что делать? От судьбы ведь не скроешься. Пусть будет что будет».

За то, что ослушались, старшие сестры превратились в русалок, а младшая стала морской царевной. Так и появились, по цыганскому поверью, на свете русалки. Они не имеют отношения к утопленницам, наложившим на себя руки. Русалки для цыган — персонаж более сказочный, нежели реальный, потому-то о них быличек не так много.

О чертях в цыганском фольклоре разговор особый. Как ни покажется странным, такой суеверный народ, как цыгане, не испытывает никакого трепета перед этим воплощением зла. Очевидно, цыгане верят в более реалистические символы. С чертом же они ведут себя порой просто панибратски. Как и в фольклоре других народов, черт в цыганских сказках тот персонаж, единоборство с которым требует смелости, удали, ловкости, хитрости и смекалки. В этой борьбе неизменно побеждает человек. Пожалуй, единственно, в чем проявляется «уважение» к черту,— то, как его называют цыгане некоторых этногрупп. Дело в том, что по цыганскому поверью в разговоре слово «черт» произносить нельзя, иначе он может появиться и принести беду. Поэтому они называют его Мануш Лоло, то есть Человек Красный. Что значит такое странное словосочетание? Цыгане объяснили нам так: черт всегда появляется в отблесках огня, красные блики пламени отражаются на его лице и окрашивают его в красный цвет — отсюда и название.

Однажды, когда мы отправились в одну из наших многочисленных экспедиций, в одном купе с нами оказались две пожилые цыганки. Они, конечно, не подозревали, чем мы занимаемся. Сдержанно поздоровавшись, цыганки стали разговаривать между собой, не обращая на нас никакого внимания. Тогда мы достали пленку с записями цыганского фольклора и стали прокручивать ее, словно бы проверяя готовность аппаратуры к работе. Зазвучала цыганская речь. Наши соседки разом прекратили беседу и насторожились. «Откуда это у вас?» — спросила одна из них с заметным акцентом. И тут мы заговорили с ней по-цыгански. Скованность исчезла. Прослушав пару сказок, женщины стали обсуждать услышанное. «Так вы, наверное, тоже знаете цыганские сказки?» — спросили мы у них. Одна из женщин улыбнулась. Мы мгновенно поставили чистую кассету и нажали кнопку записи.

«Жила в одной деревне колдунья. Все боялись ее, потому что много вреда она людям делала. Никто не мог на нее управу найти. А все потому, что никто не знал, в чем ее сила заключалась. Вот однажды в ту деревню цыганский табор прикатил. Дело к зиме было. Стали цыгане в дома проситься: зимой-то они не кочевали — холодно. Добрые люди принимали их, помогали чем могли. И надо было тому случиться, что попал один молодой цыган в дом этой колдуньи. Чем понравился ей молодой цыган — сказать не могу, но только пустила она его в дом, сказав: «Ночуй одну ночь и уходи своей дорогой». Как узнали люди в деревне, что цыган у колдуньи остановился, стали его отговаривать. «Зачем,— говорят,— парень, на свою голову беду ищешь?» А тот отвечает: «Не бывать тому на свете, чтобы цыган какой-то ведьмы испугался».— «Ну, как знаешь, парень». Настала ночь. Завернулся цыган в перину и притворился, будто заснул. Вдруг слышит — словно поросенок хрюкает: «Чух-чух, чух-чух!» Открыл глаза цыган и видит: колдунья вокруг него вертится. Повертелась, повертелась, а потом в печку прыгнула и через трубу улетела. Вскочил цыган и на крыльцо. Притаился, ждет, что дальше будет. Тем временем ведьма слетела на землю, воткнула в ряд двенадцать ножей, прошла через них и сразу же обернулась собакой — злющей-презлющей. Залаяла собака и прочь со двора побежала. Смекнул тут цыган, в чем сила колдовская этой ведьмы. Выскочил он поскорей на двор, вытащил из земли все двенадцать ножей и припрятал. Наутро воротилась собака: лает, воет, ножи ищет, хочет обратно человеческий вид принять, да не может. А цыган и говорит ей: «Много ты горя людям сделала, словно злая собака была ты для них, вот и оставайся собакой навек».

Всю ночь мы записывали сказки. Уставала одна цыганка, ее сменяла другая. Мы вспомнили этот эпизод в связи со сказкой о ведьме. Удивительное дело: цыгане, которых окружающие постоянно преследовали за их мнимую связь с нечистой силой и за колдовство, сами испытывают суеверный страх перед колдунами и ведьмами. Кстати, в роли колдуна или ведьмы, как правило, выступают нецыгане. Колдовской силой награждаются люди другой национальности. Дидактический смысл цыганской сказки о колдунах заключен в том, что она учит человека бороться с колдовскими силами. Расплата за причастность к колдовству — утрата жизненных радостей. Но разве можно отнять эти радости у цыгана!

В одной сказке говорится о том, что к колдуну обратилась

за помощью молодая цыганка, у которой сбежал муж, оставив на ее руках кучу малых детей.

«Сошел колдун с печки, достал большую книгу, полистал ее и говорит цыганке: «Разрежь палец безымянный, дай мне крови своей. А потом должна ты будешь отречься от солнца, от земли и от воды. Будет твоею душою нечистая сила владеть. Тогда только получишь ты обратно своего мужа. Выйдем мы с тобой в полночь, и я покажу тебе все твое прошлое, настоящее и будущее». Отшатнулась цыганка, бросилась к дверям и крикнула: «Да будь ты проклят снизу и доверху. Ишь чего захотел, проклятый! Чтобы я отреклась когда-нибудь от солнышка красного, от земли и воды? Не бывать этому никогда!» Вернулась цыганка в табор и зареклась с той поры к колдунам ходить».

Извечный сюжет мирового фольклора, на котором строится бесчисленное множество сказок и быличек,— случайно свалившееся богатство. Не надо усматривать в этом выражение стремления к праздной, сытой жизни, скорее наоборот: нечаянное богатство — это награда добрым людям за пережитые горе и страдание, символ надежды на изменение жизни к лучшему. Потому-то в фольклоре цыган так много сюжетов о явленых кладах.

Нравственная подоплека этих сказок очевидна: клад дается в руки только хорошему человеку. Если же он явился человеку с дурной репутацией, взять его тот не сможет. Клад поманит его и исчезнет. Важным персонажем в сказках о кладах является так называемый «вестник» клада. Им может быть какое-либо животное, например рыжая лошадь или собака. Но цыганскому поверью, если ударить «вестника» кнутом, он рассыплется на золотые монеты. В роли «вестника» может выступить волшебный цветок. У кэлдэраров роль «вестника» клада играет так называемая «комара» — огонек, загорающийся на том месте, где зарыт клад. Этот огонек, по мере приближения к нему, разрастается, меняет цвет, приобретает причудливые устрашающие формы. Нужно подойти к этому огоньку и прикрыть его своей одеждой. Тогда клад дается в руки. Плохого человека «комара» метит — обжигает ему лицо и руки, оставляет клеймо на всю жизнь. Помимо «вестников» клада есть в сказках и хозяин клада. Это — призрак человека, некогда зарывшего клад. Он не всегда является тому, кому хочет отдать свои сокровища, иногда он дает о себе знать лишь голосом, предупреждая, отпугивая, в конечном счете испытывая, насколько нравственный человек его избранник.

До сих пор мы вели речь о тех персонажах цыганской сказки, которые, как правило, знакомы нам по фольклору разных народов мира. Но есть и исключительно цыганские персонажи. У них цыганские имена, и, в известной степени, они принадлежат цыганскому эпосу. Здесь прежде всего надо сказать о таких героях, как Вайда и Ружа. Сказки на сюжет о Вайде и Руже бытуют у цыган разных этногрупп. Собственно говоря, Вайда — даже не имя, а, скорее, кличка. Так называют цыгане своих предводителей. И не случайно в сказках разных этногрупп этот персонаж выступает под разными именами: у русских цыган его иногда называют Демоном или Бэнгом (Чертом), у крымских цыган — Ек-опре-дюняс (Единственный в мире). Неизменным остается только имя главной героини — Ружа.

Цыганологи считают, что сюжет о Вайде и Руже возник у венгерских цыган — ловаров. Так или иначе, но этот сюжет пришелся по душе всем цыганам и быстро распространился по свету. В сказке о Вайде и Руже содержится история любви богатыря Вайды к красавице Руже, которую тот похищает из табора, совершая подвиги во имя любви. Как и полагается в эпическом произведении, разворачивается подробная картина жизни героев, их родителей. В ряде вариантов концовка сказки романтически-печальна. Вайда взял в свой дом молодую жену, но свекровь невзлюбила ее и, улучив момент, когда Вайды не было дома, накормила невестку мясом ядовитой змеи.

«Пошла Ружа Вайду встречать, подошла к воротам и только за ограду перешла, как превратилась в рябину — кусты, букеты. Воротился Вайда домой, смотрит — нет Ружи. «Где жена моя?» — спрашивает он у матери. «Она,— отвечает мать,— пошла тебя встречать». Подошел Вайда к воротам, смотрит — что такое? Сколько раз ездил — не было рябины, а сейчас стоит. «Эх,— вздохнул Вайда,— отломаю-ка веточку рябины да отнесу жене своей Руженьке». А рябина отвечает ему человеческим голосом: «Мой молодой муж Вайда, не ломай ты мои кости». Испугался Вайда, руки к рябине протянул и превратился в дуб раскидистый. Заржал конь Вайды Самуйла, вскинулся на дыбы и обернулся вереском. Упало седло на землю и стало калиною. Отец и мать ждут, когда вернутся сын с невесткою. Нет их. Стали искать. Подошел отец к воротам и удивился: «Я на этом месте постарел. Никогда здесь не росло ничего, а теперь смотри, жена: вот дуб и рябина стоят, вереск и калина рядом». Посмотрел отец на все это и понял, что за беда на его голову свалилась. Что

делать? Невестка погибла, сын погиб. Дают весть Ружиным родителям. Понаехали цыгане, устроили цыганский суд. Не хотела свекровь сознаваться, да только перед цыганской клятвой не выдержала, рассказала обо всем: как змею поймала, как накормила Ружу ею и что после этого приключилось. Привязали цыгане свекровь к лошадиному хвосту, хлестнули лошадь кнутом и пустили в чисто поле. Ничего от злодейки не осталось. Так и стоят с тех пор у ворот: рябина — Ружа, дуб — Вайда, вереск — конь Самуйла и калина — седло цыганское».

В фольклоре разных этногрупп встречаются только ему присущие персонажи. Так, у кэлдэраров есть сказка, где главными действующими лицами выступают Бусуек и Тыминок — герои, имена которых происходят от названия растений — базилика и тимьяна. Там, где ступает нога этих героев, вырастают цветы. В сказке про Илифу и Адила речь идет о божьих крестниках, которые никак не могут связать свою судьбу. Интересными персонажами кэлдэрарских сказок являются помощники главного героя, способствующие тому, чтобы он в своих странствиях достиг желаемой цели. Имена этих помощников совпадают с названиями дней недели — Тэтради (среда), Параштуйи (пятница) и Курко (воскресенье). Первые два персонажа — старые женщины, а третий — старик. Все они братья и сестры. Особенно колоритна фигура Курко. Он самый старый из всех и наиболее осведомленный. Все живое в мире платит ему дань — и звери и птицы. Своеобразен внешний вид Курко, он — горький пьяница, носит поношенную и заляпанную одежду, его лицо покрыто синяками и ссадинами. Словом, он полностью оправдывает свое имя: главное в его жизни — погулять, повеселиться.

Особого внимания заслуживает вопрос о заимствованиях в цыганском фольклоре. Вопрос этот достаточно деликатный. Ведь иногда доводится слышать, будто цыганский фольклор представляет собой (чуть ли не полностью) совокупность заимствованных элементов. Все сказанное ранее, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствует об обратном.

Фольклор — универсален. Тому есть много подтверждений. Даже у африканских народов есть сюжет, напоминающий сюжет русской сказки о Морозко. Взаимовлияние культур — процесс настолько сложный, что сводить все к примитивному заимствованию просто ненаучно.

И тем не менее некоторые примеры заимствований при-

вести можно. Так, в фольклоре венгерских цыган порой встречается такой характерный персонаж венгерского фольклора, как «старуха с железным носом» — аналог русской Бабы Яги. До сих пор у европейских цыган бытуют авантюрные истории о короле Брунсвиге (или Брунслике) — герое немецких лубочных рассказов. Вообще у цыган заметна какая-то страсть к лубочным сказкам и легендам.

Нас не покидает мысль, что в цыганской сказке «Богатырь Гувалик и красавица Велевума» трансформировались сюжеты некоторых мифов Древней Греции. В самом деле: тут и состязание с амазонками, и некая «островная» волшебница, загоревшаяся пламенной любовью к главному герою, которую тот отверг, и сражение с тигром. Невольно вспоминаются знакомые сюжеты. Кстати сказать, вызывает ассоциации и имя отца главного героя — Гувака. Слишком много совпадений, чтобы они могли быть случайными. Но о прямом заимствовании не может быть и речи. Цыгане, безусловно, древнегреческих мифов не знали. Вероятно, заимствование было многоступенчатым. На последней «ступеньке» было какое-то произведение русского лубка.

Очень распространены в цыганской сказке всякого рода змееборческие мотивы. Вот уж где разгулялась народная фантазия! Сказочные змеи — воплощение зла и несправедливости, причем отнюдь не абстрактной. Так, в кэлдэрарских сказках змееборческие сюжеты отражают извечную борьбу балканских народов против турецкого ига. Змеи в них — предводители турецких армий, не случайно они нередко теряют свои бесчисленные головы и принимают человеческое обличье. Тема борьбы за счастье и справедливость порой рождает удивительные по красоте образы. Например, главным героем одной из кэлдэрарских сказок становится цыпленок, родившийся из слез матери, потерявшей всех своих детей.

Соотношение элементов, традиционных для фольклора всех народов, и элементов самобытных и составляет суть цыганского фольклора. Потому-то мы так много места уделили его характерным деталям, тонкостям, оригинальным сюжетным поворотам. Казалось бы, как еще можно видоизменить сюжет, тысячекратно повторенный в огромном количестве сказок? Но вот поди же... Уж и не упомнить, сколько есть различных способов оживления главного героя в сказках разных народов мира. А у кэлдэраров возникла своя версия:

«Лежит себе мальчик под деревом мертвый. А на этом де-

реве вороны со всего света устроили собрание. Собрались и каркают между собой. Вот французская ворона говорит: «Ой, у нас во Франции костюмы красивые, продукты дешевые». А другая ворона, китайская, хвалится: «А у нас золото, шелк красивый». А наша молдавская ворона говорит: «У вас есть то, что у всех есть, а у нас есть то, чего ни у кого нет». «А что у вас есть?» — стали все спрашивать. «Эх,— говорит,— если б вы только знали! Мальчик трех дней от роду, красивый, а ему голову отрубили. А он сам — богатырь». «Ты врешь!» — не поверили вороны. «Да вот, идите и сами смотрите». Спустились вороны на землю и смотрят на мальчика. Тогда говорит американская ворона: «Так его же можно вылечить!» «А как?» — говорит наша ворона. «Давайте пойдем в лес, срубим себе дубинки и будем драться. Ты ударь меня, а я тебя. Разобьем мы себе головы, пойдет кровь. Надо взять перо с крыла, приставить голову к телу и помазать мальчика нашей кровью. И тогда он будет еще красивее, чем был». Пошли они в лес, сделали себе дубины, подрались как следует, головы себе поразбивали, обваляли перышко в крови своей и помазали ею мальчика. Тот вскочил...»

Подобными живописными деталями полнится цыганская сказка, они во многом определяют ее красоту и самобытность.

Заканчивая разговор о цыганской сказке, расскажем о двух романтических легендах. Они были записаны нами с интервалом чуть ли не в двадцать лет. Первая — у русских цыган, а вторая — у кэлдэраров, в первой воплощен символ цыганского горя, а во второй — символ счастья. Но по сути своей это одна и та же легенда. В обоих случаях символом оказывается волшебная птица, приносящая несчастье или счастье.

«Давно это было. Кочевал по свету цыганский табор, и когда встречался с другим табором, то часто между цыганами стычки происходили. А все из-за вожака. Как он скажет, так и будет. Случалось, убивали цыгане друг друга ни за что ни про что. Вражда возникала между таборами. И был в этом таборе один цыган. Не мог он на все это смотреть равнодушно и однажды решил прекратить вражду. Пошел он к вожаку табора и сказал: «Зачем братьев убиваем? Неужели мирно жить не можем?» «У каждого табора своя дорога, все должны по своей дороге ехать, и нельзя дорогам пересекаться, иначе несчастье будет»,— ответил ему вожак. «Почему ты так думаешь, баро?» — спросил цыган у вожака, но тот ничего ему не

ответил. Убежал тогда цыган из табора, пошел к другим цыганам. «Чей ты, морэ, какого племени?» — принялись расспрашивать его в другом таборе. «Так и так, так и так,— рассказал он о себе,— хочу узнать я, откуда у нас вражда идет, почему мы братьев убиваем». Не стали отвечать ему цыгане. Ненавидели они племя злого вожака. Много слез они пролили из-за этого племени. Но не тронули они чудака-цыгана, только выгнали его из табора. Много еще таборов обошел цыган, но нигде его не слушали, нигде не мог он сыскать ответа, отовсюду изгоняли его. Тогда зажил этот цыган один в лесу, а когда умер, превратилась его душа в черную ночную птицу. Добрым он был смолоду, а как в лесу одиноко зажил, опустела его душа, жестокой стала, злобой наполнилась. Начал он после смерти мстить. Крикнет птица ночная, и тотчас умирает кто-то...»

Так начинается легенда русских цыган о ночной птице, приносящей несчастье. А вот начало легенды кэлдэраров о птице счастья:

«Есть такая волшебная птица, только к цыганам она прилетает, только цыганам она помогает в беде и горе. Днем эта птица летает по лесам и степям, а когда ночь настает, превращается птица в красивую цыганку — молодую и стройную. Собирает она цыган, песни им поет, разные истории рассказывает. А еще говорит, как жить цыганам. Сначала цыгане не знали, что она — птица, но та сама рассказала им свою историю. Была она раньше прекрасной девушкой. Но жила в ее таборе злая колдунья. Из зависти к красоте и доброте девушки превратила колдунья красавицу в куницу. Долго бегала куница следом за цыганскими повозками, пока наконец не повстречалась ей добрая колдунья. Рассказала куница колдунье свою историю, а та ей говорит: «Не в моих силах сделать тебя вновь человеком. Но я могу тебе помочь. Сделаю я тебя доброй феей. Днем ты будешь птицей летать по свету, а ночью к тебе будет возвращаться человеческий облик. Будешь ты приходить к цыганам, разговаривать с ними и помогать им в трудную минуту».

Как видим, глубинный смысл легенд один и тот же: исстрадавшаяся душа не нашедшего справедливости цыгана превратилась в птицу, стала мстить вожаку, погубила сначала его внука, затем сына, а потом и его самого. И хотя в легендах рассказывается о прошлом человека, в ночной птице видится символ и возможных будущих страданий. Здесь, пожалуй, яснее всего проступает суть цыганской философии, которая

может быть выражена в словах: «Человек от человека живет, человек от человека страдает». В противовес этой, на первый взгляд, жестокой истине цыганами придуман образ птицы счастья, воплощающий иную концепцию бытия, иную истину. Эта птица — цыганская по самой сути своей. Она понимает цыган, она справедлива, она возникает в тот момент, когда крах кажется неизбежным, когда жизнь становится безысходной, когда смерть представляется лучшим средством избавления от страданий. Она появляется и круто поворачивает судьбу, как бы подхватывает на краю пропасти. Наивно? Быть может. Но, наверное, есть смысл посмотреть на эти легенды сквозь призму многовековых страданий цыганского народа.

Песенный фольклор цыган столь грандиозен по объему, что нет возможности охватить его полностью. Дело в том, что, как и профессиональное искусство цыган, цыганский фольклор надо воспринимать как некую совокупность различных музыкальных и поэтических систем, порой отличающихся коренным образом. Число этих систем едва ли не равно количеству цыганских этно-диалектных групп. Поэтому мы расскажем лишь о двух резко контрастных музыкально-поэтических системах, созданных цыганами,— о фольклоре русских цыган и кэлдэраров.

Если попытаться сравнить песни русских цыган и кэлдэраров, уловить в них хотя бы малейшее сходство трудно. Никогда не скажешь, что они принадлежат этнографическим группам одного народа. В чем здесь причина, сказать сложно. Может, в том, что в далекие от нас годы пути развития культуры некогда единого народа разошлись. Но это далеко не полное объяснение... Фольклор чрезвычайно консервативен, меняется крайне медленно, его темы и сюжеты, как правило, с течением времени не исчезают, они видоизменяются, проникают друг в друга, на них оставляют свои меты разные исторические эпохи. Иногда это проявляется даже в одном произведении. Когда же это случилось? Учитывая нынешнее состояние цыганского фольклора, приходится отодвигать эту дату все дальше и дальше.

Что прежде всего бросается в глаза при сопоставлении народных песен русских цыган и кэлдэраров? Их музыкальная основа. Мелодии народных песен русских цыган на редкость причудливы, глубоко эмоциональны, богато орнаментированы, широки, распевны. В песнях русских цыган — упое-

ние музыкой. Поется не только каждая отдельная фраза как смысловое целое, но каждое отдельное слово, каждый слог в ней. То есть пропевается все, что может пропеться: если попадается гласная, то она непременно обрамляется орнаментальным узором, но если ее нет — поются и согласные звуки; да что там согласные, даже мягкий знак, даже звук «й» и то пропевается. Оригинальна и стилистика песен русских цыган, где заметная на слух «ориентальность» гармонично сочетается с приемами русского распева. При подобном отношении к пению, при такой музыкальной «зацикленности», естественно, поэзия уходит на второй план, она проста и непритязательна. Недаром академик А. П. Баранников сказал о песнях русских цыган: «Тематика этих песен весьма однообразна и бедна, как и жизнь цыгана». Это было написано в 1931 году. С тех пор собрание цыганских фольклористов увеличилось во много раз, но мало что изменилось в его оценке. Разве что менее категоричным стало мнение о тематической бедности.

Народная поэзия русских цыган, как верно заметил А. П. Баранников, целиком опирается на конкретную жизнь, в ней практически отсутствуют отвлеченные темы (за исключением любовной лирики), совершенно не отражена тема историческая, почти нет эпоса, слабо развита балладная форма. В то же время высочайшего уровня достигает эмоциональный накал, возникающий на стыке слов. Для нецыган это трудно различимо, особенно если читаешь цыганскую поэзию. Она становится гораздо понятнее при слушании музыки, в ней досказывается то, что не смогли выразить слова. Для цыган же за словами простейших текстов встает огромная насыщенная жизнь. Когда после записи песен мы просили исполнителей рассказать их содержание, то в ответ слышали длинные, подробные, богатые деталями повествования, в которых сюжета было намного больше, чем в самой песне. Возьмем, к примеру, песню «Кон авэла», использованную в драме Л. Н. Толстого «Живой труп». Ее любил А. Блок. Вот дословный перевод этой песни без повторов строк:

Ай, да кто
Лошадей гонит?
Ай, да рысак
Позади пляшет.
Ай, да билеты (деньги)
Он выбрасывает.
Ай, да молодая жена
Да подбирает,
Ай, да в бумажник
Прячет.

Уверены, что ни один из непосвященных читателей не в состоянии понять того исполненного конкретным смыслом действия, о котором идет речь в песне. А смысл вот в чем. Молодой цыган возвращается домой с конной ярмарки. Он удачно провёл день и поменял свою лошадь на породистого рысака. Мало того, в итоге сделки отхватил приличный куш. Вот он возвращается домой и куражится перед женой — кидает деньги ей под ноги. В этом — выражение его удали, удачливости. Собственно говоря, цыган хочет покрасоваться, похвастаться не столько перед женой, сколько перед соплеменниками. А довольная жена, выражая покорность мужу, идет следом и собирает деньги в бумажник. Эта широкая картина создана четырнадцатью смыслообразующими словами, все остальное лишне для цыгана, он легко воссоздает картину на основании личного опыта.

Подобное возможно лишь при использовании ограниченного круга тем и сюжетов, теснейшим образом связанных с жизнью. Естественно, что тексты песен при этом клишируются, то есть в них появляются устойчивые словесные конструкции, переходящие из песни в песню. Это явление характерно для мирового фольклора, но в песнях русских цыган оно заметно особенно.

Каковы же основные темы народных песен русских цыган? Едва ли не самая излюбленная — тема конокрадства.

Ай, вот он едет,
Коней он гонит,
Братец мой.
И вот он чувствует погоню за спиной
Хозяев лошадей.

Кричит сестра:
«Ты оглянись-ка,
Братец мой,
И ты услышишь гром погони за спиной
Хозяев лошадей».

Я задремал,
А мне не спится,
Матушка моя,
В глазах мерещится погоня каждый раз
Хозяев лошадей.

Тема конокрадства варьируется: бывают песни со счастливым концом и трагическим. Не случайно с этой темой тесно связана и тюремная тема. Но тюремные песни русских цыган нельзя сравнивать с блатными песнями и песнями городского

«дна». Цыганские тюремные песни полны глубочайшего трагизма, поются на высоком эмоциональном накале. Ведь отсидка в тюрьме — тягостное наказание для цыгана, невероятные страдания испытывает и его семья, эта цыганская святыня. И не случайно основной мотив тюремных песен — обращение к жене с требованием сохранить семью и сберечь детей, и лишь потом в них звучат личные переживания. Такие тексты особенно жестоки, герой грозно предостерегает, клянется отомстить:

Ай, бог даст, и выйду я на волю —
Тебя, молодуха, я разрежу на куски,
Ай, разрежу, побью тебя, молодка,
За то, что неверно,
За то, что неверно жила, побью.
Малых детей,
Малых детей по белу свету,
Ай, да умереть мне,
По всему свету ты поразбросала...

Одним из вариантов тюремной темы является тема возвращения или бегства из мест заключения или ссылки. В таких песнях настойчиво варьируются два мотива: неверность жены и воспоминания о матери, не дождавшейся сына. Не случайно литературной подосновой таких песен в ряде случаев стали песни русских каторжан. Процитируем одну из них:

Вот лягу спать, а мне не спится —
Во сне приходит мать ко мне:
Перед иконою святою
Стоит и плачет, как дитя.
Стоит и плачет, как дитя.

Вы поглядите на лохмотья
И на истерзанную грудь.
Я много лет прожил бродягой
Вдали от родины своей,
Вдали от родины своей.

Уеду в дальнюю сторонку,
Где мать моя погребена.
Я много лет прожил бродягой
Вдали от родины своей,
Вдали от родины своей.

Тюремная тема в какой-то мере сливается с темой бесправия, нужды, тягот кочевой жизни. Отсутствие паспортов у цыган делало их беззащитными перед властями. Это отражено во многих народных песнях.

И куда теперь идти,
Где мне голову склонить?
Нету денег у меня,
Нету паспорта...

Удивительно, что приведенный кусочек песни — часть сугубо лирического, любовного текста. Это говорит о мозаичности песен, о том, что они во многом представляют собой набор клише. Но дело не в этом. Мозаичность отражает и «многомерность» жизни цыгана, в разных ипостасях которой одновременно происходят разные события.

Разговор о цыганской лирике мы не случайно начали с воплощения в ней «негативных» тем. Мало сказать, что в лирических песнях цыган почти не встретишь хотя бы отголосков каких-то светлых переживаний,— поражает их мрачный трагизм, ощущение безысходности, безрадостности жизни, идея предопределенности судьбы. И если тяготы жизни цыган-мужчин в основном отражены в тюремной тематике, то жизнь женщины... Впрочем, обратимся к самим песням.

Как пошла я в лес,
Собрала я там грибов,
Воротилась их варить —
Пьяный муж пришел,
Выбросил грибы,
Рассердился на меня,
Принялся меня он бить.
А куда мне бежать?
Умер батюшка мой,
Матушка уже стара,
Матушка совсем слепа.
Он мне руку сломал,
Серьги — прочь из ушей.
Он ребенка убил,
Руки все поломал,
Выдрал волосы мне —
Голова моя гола.
Я в больницу пошла,
Там никто не помог.
Голова моя гола.
Мать к себе не берет,
Мои братья в тюрьме —
Бедная я девочка!
Что поделать мне?
Молодой, мне жизни нет.
Старый батюшка, прими!..

Что прежде всего поражает в этой песне? Ее интонация. Это скорее даже не песня, а причитание, разговор с самой

собой — воспоминание сквозь слезы. Строка набегает на строку, порой путаясь, повторяясь. Но какая достоверность! Как зримо предстает картина цыганской жизни! Какая беспощадная правда! Но в этом-то и заключается притягательная сила фольклора. В этой песне — море выплаканных и невыплаканных слез цыганских женщин. Текст ее, казалось бы, говорит о страданиях семейной жизни, но стоит задаться вопросом, что стоит за ними, и станет ясно — речь в ней о глубинах социальной жизни.

Тема семейной жизни цыганской женщины, ее бесправного положения нашла широкое отражение в фольклоре.

Кабы знала свою долю,
Я бы замуж не пошла,
Голову б не повязала...

Так начинаются многие песни на эту тему. Выйти замуж, повязать голову платком — значит для цыганок навсегда потерять свободу, полностью подчиниться мужу и его родным. Они могут сделать с невесткой все, что захотят. Нет дома денег — и посылают ее побираться:

«Иди к брату-богачу,
Возьми уздечку серебряную!»
Брат уздечки не дал,
Из шатра меня прогнал.
Ах, боже мой, что мне поделать?

«Иди к богатому отцу,
Возьми перину пуховую!»
Отец перины не дал,
Из шатра меня прогнал.
Ах, боже мой, что мне поделать?

Сами сели есть да пить,
А меня послали за водой.
Покуда воду я несла,
Ведро слезами долила.
Ах, боже мой, что мне поделать?

А вот новый аспект той же темы: плач матери, когда забирают в тюрьму ее сына:

Из дома радость улетела,
И не вернешь ее назад.
Ай, знать, судьба моя такая
На роду написана...

Одна из основных «женских» тем цыганской лирики — тема страха цыганок перед соплеменниками, когда целомудрие невесты не доказано.

Выйти страшно,
Выйти страшно,
Все-то я боюсь
Да на улице показаться,
Ай, ромалэ.
Стыдно мне,
Горько и стыдно
Людям глаза показать,
Ай, ромалэ.

В связи с тем что социальное расслоение в цыганской среде выражено слабо, в фольклоре почти отсутствуют социальные песни. Лишь изредка упоминается о цыганах богатых и бедных. Причем, как правило, слово «богатый» употребляется в позитивном значении, в качестве синонима слов «достойный» или «уважаемый». И тем не менее есть и песни с заметным социальным оттенком.

Ай, как у цыган, ромалэ, у богатых
Коней по семь, по восемь, родная.
А как у нас, ромалэ, как у бедных
У нас, ромалэ, в кармане ни гроша.

Ай, да к цыганам богатым я зашел.
За их столом и спеть не дали мне.
Из-за стола, злодеи, выгнали меня,
И даже клячу, даже клячу они украли...

Можно, конечно, оспаривать утверждение, что внутреннее устройство цыганского общества было настолько демократичным и справедливым, что не давало повода для критики. Но в фольклоре цыган мотив социальной несправедливости — большая редкость. Как правило, причину своих бед цыган видит в том, что такова его участь, ее он и винит во всех своих несчастьях. Вспомним классическую цыганскую народную песню «Нет у меня рода-племени». Безродность — злой рок цыганский, расплата за грехи прошлых поколений. И не на кого тут рассчитывать, кроме как на самого себя.

Цыган всегда предъявляет счет либо судьбе, либо самому себе:

До чего я докатился —
До вязовой палочки,
До клячи-лошаденки...

В бытовой лирике цыган во многом повторяется тематика протяжных песен. Разница в том, что и текст, и музыка песен настраивают слушателя скорее на мажорный лад. На мелодический строй бытовых песен русских цыган огромное влияние оказал русский городской романс, который у нас принято называть цыганским. Подчас они на редкость сентиментальны. И еще одно интересное свойство: в орбиту бытовой лирики цыган нередко вовлекались некоторые русские народные песни. Любителям русской народной песни, должно быть, знаком «жестокий романс» про Катю-пастушку:

По деревне она гнала стадо овец,
Деревенская Катя-пастушка,
И понравился ей покоритель сердец —
Чернобровый красавец Андрюшка...

Далее речь идет о коварстве соблазнителя. Через год, с младенцем на руках, Катя направляется в город на поиски возлюбленного.

Научилась она водку горькую пить.
В это время ребенок скончался.
Научилась она по театрам ходить.
В это время Андрей повстречался.

Ясное дело, такая встреча ничего хорошего Андрею не сулила. Так и случилось.

Закипела в ней кровь во груди молодой,
И кинжал она в сердце вонзила.
— За измену твою, за неправду твою
И за сына тебе отомстила.

И вот такая песня попала к цыганам. Какие изменения она претерпела? Прежде всего, довольно серенькая мелодия обрела широту и заливистость. А текст? По цыганским законам, ничего криминального в поступке Кати-пастушки нет. А потому ничего криминального в тексте не осталось. Особо же подчеркивалось, какие шикарные подарки делал Андрюша своей возлюбленной: «Я куплю тебе темно-синий пиджак и шляпу с полями». Невольно вспоминаются светящиеся радостью глаза одной из цыганских певиц, когда она исполняла этот куплет. Все забыто, все отброшено — кинжал в сердце коварного изменщика, мертвый младенец, главное — шляпа и пиджак.

Особое место среди бытовых песен цыган занимают обря-

довые песни. Подавляющее большинство их — свадебные, точнее сказать, сватовские.

— Добрый день, братья-ромалэ!
На миру беседа краше.
Знаем мы о дочке вашей.
Дочку с богом отдавайте
Или в доме запирайте.
Счастье лишь не прозевайте!
Коль возьмете — позабудете,
А не возьмете — вспомните.
— Ай, да кнутик есть у нас,
Ну а счастье — у вас...

Так и поются подобные песни — в форме диалога двух сговаривающихся сторон. И в воображении довольно живо встает картина сватовского торга.

Среди других жанров и видов обрядовых бытовых песен назовем плачи, причитания, календарные песни, особенно колядки, широко распространившиеся среди православных цыган.

Как это ни покажется странным, в цыганском фольклоре мало шуточных и плясовых песен. Казалось бы, с эстрады только такие песни и поются! Можем вполне ответственно сказать, что цыганская эстрада почти полностью исчерпала запас фольклорных плясовых цыганских песен. Более того, испытывая «голод» на этот жанр, цыганские эстрадные певцы порой идут на явный подлог, исполняя протяжные песни в несвойственных им ритме и темпе. Так, в частности, произошло с песней «Малярка», изначальное содержание которой вовсе не располагает к веселью. В быту же цыгане исполняют минимальное число плясовых напевов — не более десятка.

Картошка, жарься на жаровне,
А мы подыщем парню ровню.
Не тараторь-ка, не тараторь-ка,
Не выйду замуж, ты не беспокойся!

Эти четыре строчки повторяются бесконечное число раз. Цыгане поют песню без сопровождения, громко хлопают в такт ладошами, а в это время идет буйная пляска.

Мы уже говорили о том, что цыгане часто использовали слова и, реже, мелодии русских народных песен. Порой они становились своеобразными хранителями русского фольклора. Вспомним хотя бы песню «Не вечерняя». Нынче она считается цыганской классикой. Между тем эта старинная русская народная песня встречается в песенниках еще

XVII века. Но и цыганский фольклор питал русскую культуру. Мелодии цыганских народных песен не раз цитировались в произведениях русских композиторов. Однако мы хотим привести иной пример, на наш взгляд, он говорит о многом. У цыган и по сей день очень популярна шуточная песенка «Комарик». И мелодию, и текст этой песни цыгане заимствовали из украинского фольклора. Однажды эту песню услышал Демьян Бедный. Вспомним, что жена его, Вера Придворова, происходила из известного рода петербургских хоровых цыган Ильинских. Песня настолько понравилась поэту, что он взял ее в качестве подосновы самого популярного своего стихотворения «Проводы». И родилась песня «Как родная меня мать провожала». Могла ли она не стать народной? Какому народу она принадлежит? Эти вопросы не требуют ответа. А нам остается лишь поражаться: воистину, пути фольклора неисповедимы.

Читатель, должно быть, помнит, что, начиная рассказ о фольклоре русских цыган, мы в известной мере противопоставили его фольклору другой цыганской этногруппы — кэлдэраров. Действительно, мелодии песен и баллад кэлдэраров несравнимо беднее. В них не найти причудливой узорчатости рисунка, они просты, несколько монотонны, ритмически на редкость однообразны. Достаточно сказать, что подавляющее большинство народных песен кэлдэраров написано в ритме молдавской «дойны», что в поэтической метрике соответствует четырехстопному хорею. Если же учесть, что объем кэлдэрарской поэзии поистине грандиозен — буквально сотни тысяч строк,— то может показаться, будто эти цыгане живут в ритме дойны, думают четырехстопным хореем. Изредка, словно «подарок судьбы», встречается трехстопный хорей. Но уже скоро начинаешь понимать, что это — та же дойна, только, если можно так выразиться, «хромоногая». Ничего общего с «безразмерным» стихом песен русских цыган поэзия кэлдэраров не имеет. Но ощущение однообразия и унылости мгновенно улетучивается, едва начинаешь вникать в суть и образную ткань поэзии кэлдэраров. Если про русских цыган справедливо сказать — народ музыкантов, то про кэлдэраров — народ поэтов.

Подлинными жемчужинами в своде кэлдэрарской поэзии являются баллады. Под жанром баллад подразумеваются и героические легенды, и сказки, облеченные в поэтическую форму, исторические предания. Героями баллад порой выступают некогда популярные в народе люди. Так, широко распространен у кэлдэраров сюжет о некоем бароне Душано

или сюжет о Корбе — ловком воре, или о Мануйле-каменщике. Попытаемся пересказать последний сюжет.

«Великий мастер-каменщик Мануйля с двадцатью тремя помощниками стали поднимать монастырь. Что за день поднимут — за ночь теряют. Год прошел, а работа ни с места. Тогда говорит мастер Мануйля своим рабочим: «Оставляйте работу и ложитесь спать. Может, бог пошлет нам хороший сон, подскажет, как поднять монастырь». Послушались его рабочие и легли спать. Назавтра все встают, и Мануйля спрашивает: «Говорите всю правду. Если солжете, то себе хуже сделаете. Что вы видели во сне?» Стали все по очереди рассказывать. И вышло так, что всем приснился один и тот же сон, будто надо пойти в деревню к старухе-ворожее, мол, она подскажет, как поднять монастырь. Тогда Мануйля-каменщик говорит так: «Правду сказали, и мне снился тот же сон». Взял Мануйля с собой двоих рабочих и пошел в деревню к старухе-ворожее. Та говорит им: «Слушайте меня, я научу вас, как поступить. Идите и работайте. А ту женщину, что первой для вас еду принесет, поставьте в стену и замуруйте». Вернулись трое и рассказали всем. Назавтра все снова вышли на работу. А Мануйля-каменщик знает, что его жена раньше придет, чем другие женщины. Просит он у бога: «Боже святой, пошли ей навстречу большого волка, чтобы она испугалась и еду опрокинула, чтоб обратно домой пошла». Так бог и сделал, послал он ей навстречу волка. Испугалась женщина, еду опрокинула и домой пошла. А еда была у ней готова. Снова наполнила она посуду и отправилась нести еду своему мужу, Мануйле-каменщику. А тот снова бога просит: «Боже святой, пошли ей навстречу большую змею, чтобы она испугалась, еду опрокинула и домой пошла». Выползла навстречу женщине змея, испугала ее. Но та не опрокинула пищу, стороной змею обошла. Вот приходит туда, где кипит работа. Говорит Мануйля жене: «Спасибо тебе за еду. А теперь пойди посмотри, как мы работаем». Подходит она к стене. Говорит Мануйля: «Встань-ка сюда». Та встает. Кричит Мануйля-каменщик рабочим: «Давайте мне извести, кирпича и мелкого камня!» Стал он жену замуровывать в стену. До колен замуровал. Та думает, что шутит муж, и говорит: «Что ты делаешь, муж мой?» А тот знай кричит: «Извести давайте, кирпича и мелкого камня!» Когда по бедро ей было, поняла женщина, что не шутка это. Говорит она: «Что ты делаешь, муж? Что раньше ласкал, то теперь муруешь!» А тот не слушает ее, лишь кричит: «Извести, кирпича, мелкого камня!» Вот уже одна голова осталась незамурован-

ной. Тогда говорит жена Мануйли: «Теперь, муж мой, я понимаю, зачем ты меня муруешь. Ты хочешь так монастырь поднять. Прерви работу и послушай меня. Может, бог и поможет тебе поднять монастырь. Получи свои деньги и живи долго. Но монастырь этот пустым останется. Только свиньи из деревни будут сюда приходить и об эти стены чесаться. Люди не будут ходить сюда. А когда придут священники службу служить, то они онемеют». Выслушал Мануйля слова жены и крикнул: «А ну, извести мне, кирпича и мелкого камня!» Замуровал он жену, построил монастырь. Взялись в монастыре службу служить двенадцать священников и двадцать четыре дьякона, да все разом онемели, по домам разошлись. Опустел монастырь. Только свиньи из соседней деревни стали ходить сюда чесаться о его стены».

«Помилуйте! — воскликнет читатель.— Да это же пересказ сюжета фильма «Сурамская крепость» Сергея Параджанова!» Да, действительно, очень похоже. Кэлдэрарский фольклор — едва закрашенное пятно на карте фольклористики. Но тем интереснее знакомство с ним.

Обратите внимание, сколько места занял наш пересказ. В нем нет ни единого придуманного нами слова, это сокращенный подстрочник баллады. Если продолжительность звучания песни — пять, от силы десять минут, то кэлдэрарские баллады поются в среднем полчаса, а бывает и до часа. Но сюжет их настолько динамичен, так ярок их образный язык, что о времени забываешь. И нет никакого дела до монотонной мелодии.

Трудно говорить обобщенно о кэлдэрарской балладе, поскольку здесь каждое произведение уникально. Чего стоят хотя бы удивительные «разбойничьи» легенды или «гайдуцкие песни» кэлдэраров.

Нам не раз приходилось сталкиваться с интересным и важным фактом: некоторые кэлдэрарские баллады создавались на основе подлинных событий, в них сохранены подлинные имена живших некогда людей. Так, в книге «Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей» приводится «Песня о ребре». Содержание этой шутливой баллады сводится к следующему:

«Было два цыгана. Одного звали Бандула, а другого — Гэрица. Однажды Гэрица сговорился с крестьянкой, что та продаст ему свиное ребро. Но следом за ним пришел Бандула и перекупил мясо. Время было голодное, и Гэрица возмутился поступком Бандулы. Но тот успокоил его: «Ничего, Рождество придет, я сварю ребро и накормлю тебя». Пришло Рождество, и Бандула попросил отсрочки до кануна поста, потом

попросил передвинуть это событие до Пасхи. Пришла Пасха, цыгане тронулись с места, и повозка Бандулы застряла в грязи. «Помоги, Гэрица,— кричит он,— и я сварю тебе ребро». Но тот крепко обругал ребро и оставил Бандулу сидеть в грязи».

Барон Ристо Петрович из-под Калинина уверял нас, что речь в балладе идет о подлинном случае и что Гэрица был родным братом уже упомянутого нами Гого ла Каляко — основателя рода «сапорони». Завершая рассказ о кэлдэрарском песенном фольклоре, скажем несколько слов о лирических балладах. И здесь постоянно натыкаешься на маленькие шедевры. Вот краткое содержание популярной кэлдэрарской баллады о красной змее:

«Лег цыганский паренек под деревом и заснул. В это время подползла к нему красная змея и залезла за пазуху. Вскочил парень и к матери побежал: «Мама, ради бога, залезь ко мне за пазуху и вытащи красную змею». «Не могу, сынок,— говорит мать,— лучше сына лишиться, чем руки своей». Пошел парень к отцу с той же просьбой, но и он ему ответил так же. Тогда он пошел к сестре, но и она ему отказала, сказав: «Иди к любимой своей». Побежал цыган к любимой: «Милая, сунь мне руку за пазуху, вытащи красную змею». Подбежала любимая к сундуку, вытащила шелковый платок, обвернула им руку, полезла парню за пазуху и вытащила красную змею. Потом швырнула ее на землю, и та рассыпалась на золотые монеты. Сказал ей парень: «Не та мать, что родила, а та, что спасла!» Пошел он в церковь и повенчался с девушкой».

Так счастливо закончилась эта история, грозившая обернуться бедой. И остается только жалеть, что поздно, очень поздно был начат широкомасштабный сбор материала в среде цыган, живших в СССР. Вот бы века полтора назад, вместе с В. Далем и А. Афанасьевым! Даже если сравнивать записи, разнящиеся по времени на полвека, потери заметны невооруженным глазом. А собирание кэлдэрарского фольклора и вовсе началось у нас в стране лет двадцать назад. Правда, здесь мы не опоздали, хотя, если можно так выразиться, «вскочили на подножку уходящего поезда». Нам довелось общаться с первыми переселенцами из Румынии в Россию. Но они очень стары, покидают этот мир один за другим. И надо спешить, ибо следующее поколение цыган знает фольклор на порядок хуже, а третье и вовсе им не интересуется. Так что пройдет еще лет сорок — пятьдесят, и с кэлдэрарским фольклором будет покончено, он сохранит-

ся лишь в глубинке, собирать его будет крайне затруднительно.

Собирание фольклора — так уж повелось у нас — зачастую отдавалось на откуп энтузиастам-любителям. Они прокладывали первые, самые трудные пути, на их плечи обычно ложилась наиболее сложная работа. Думается, что грядущие поколения цыган, да и мы с вами, дорогие читатели, отдадим должное цыганской семье Деметров, Григорию Канте — цыгану из Молдавии, вспомним Екатерину Александровну Муравьеву, дочь знаменитых Ашукиных, которая в годы войны собрала прекрасную коллекцию народных цыганских песен, помянем добрым словом наших коллекционеров-филофонистов Ю. Б. Перепелкина из Ленинграда, киевлянина В. П. Донцова и других. Энтузиазм — дело прекрасное. Но где же наши профессионалы? Они обращаются к цыганской теме, как правило, эпизодически и делают это порой на весьма невысоком уровне.

Это тем более обидно, если обратиться к опыту наших зарубежных коллег. В Венгрии фольклористикой занималась целая группа исследователей — братья Ченки, Йожеф Векерди, Ласло Сегё и многие другие; в Чехословакии — Милена Хюбшманнова; в Италии — Джулио Соравиа; а в Великобритании и Франции исследователей-цыганологов было столько, что даже перечислить их невозможно. Упомянем о неутомимой издательской и популяризаторской деятельности доктора Риши из Индии, главного редактора журнала «Рома», составителя цыганского словаря с параллельным переводом на многие языки мира (в том числе и на русский). Журнал «Рома» многие свои страницы отдает цыганскому фольклору. Как, впрочем, и специальные издания в Италии, Франции и Югославии. Долгое время аналогичный журнал издавали англичане. В ГДР, где цыган проживает чуть ли не в десять раз меньше, чем у нас, вышла в свет четырехтомная антология цыганской сказки. Нет, мы нисколько не умаляем наших достижений в цыганологии, однако в СССР работа идет слишком уж хаотически, самостийно.

В последнее время все чаще слышишь о том, что фольклор умирает. Чем это вызвано? Почему устное творчество, многие века спасавшее душу народа, теряет свое значение? Объяснять этот процесс все возрастающей ролью средств массовой информации — значит чрезмерно упрощать проблему. По-видимому, причина — в изменении образа жизни, сознания, философии и психологии человека наших дней, приведших к разъединению общественных связей. Этот распад в наши

дни дошел до своей критической точки, отдельная семья стала чуть ли не самым крупным общественным формированием, ощущаемым человеком. Произошло опасное разобщение человеческого общества. В такой ситуации некоторые формы общественного сознания (в том числе и фольклор) теряют свое значение и на передний план выступает индивидуальное творчество. Так или иначе, в наши дни фольклору грозит вымирание. Даже в цыганской среде, где все еще велика роль крупных общественных форм, где самосознание отдельного человека охватывает весь спектр общественных связей, многие из которых начисто стерты в сознании других народов, даже здесь в наши дни заметен процесс индивидуализации творчества. Среда все чаще выдвигает талантливые и творчески яркие личности, произведения которых становятся предметом общественного потребления.

Эти слова могут удивить читателя. В самом деле, что в этом плохого? Можно только радоваться, если у цыган появятся свои Роберты Бернсы и Жаки Брели. Да, конечно. Более того, нет сомнения, что у истоков любого фольклорного произведения стоял неизвестный нам талантливый человек. Опасность в другом. Давайте попробуем заглянуть в историю, например, русской и советской эстрады. Много ли произведений ее стали любимы народом, остались в памяти? Ничтожно малая толика! А ведь создавались тысячи, десятки тысяч произведений. Какие-то из них жили день, какие-то — дольше. Но чтобы на века? Таких считанные единицы. Но весь этот поток авторской продукции таким тяжким прессом обрушился на фольклор, что безжалостно раздавил его, превратил в тончайший, едва заметный слой русской культуры.

Не знаем, сколь долгая жизнь суждена произведениям таких самобытных цыганских композиторов, выходцев из народа, как Николай Жемчужный, Виктор Бузылев, Виктор Ездовский, Гога Томаш и другие. Нам хотелось бы, чтобы время было милостиво к ним. Песни этих авторов поются нынче цыганами и в городских квартирах, и у таборного костра. Попутно отметим, что в фильме «Табор уходит в небо» наряду с народными цыганскими песнями звучит песня Н. Жемчужного «День и ночь», а лейтмотивом в фильме «Мой ласковый и нежный зверь» звучит песня В. Бузылева «Пятеро сыновей». Композитор Евгений Дога к этой музыке не имеет никакого отношения. Мы говорим это для того, чтобы читатель знал — песни Виктора Бузылева и других цыганских бардов давно стали нашим всеобщим достоянием.

Однако человек живет сегодняшним днем, определяющим

его духовные потребности. Отлично помним повальное увлечение цыган прекрасным греческим певцом Руссосом лет эдак десять назад. Теперь — тяжелый рок. Что будет завтра, не знает никто.

Такова сегодняшняя жизнь. Никого невозможно заставить петь в быту народные песни, рассказывать сказки на досуге, если к этому не лежит душа, если социальные условия меняются настолько, что пропадает среда, питающая атмосферу бытования фольклора: уходят в прошлое национальные обычаи и обряды, расшатываются прежде незыблемые традиции, способствовавшие сохранению национального единства. Не будем прогнозировать дальнейшее развитие человеческого общества, хотя люди все чаще обращаются к своим истокам — к истории народа, его древней культуре. А потому и считаем, что в наши дни одной из важных задач является сохранение для будущих поколений драгоценнейшего культурного наследия народов — фольклора.

Цыганский миф

Согласно энциклопедическому словарю, миф — это рассказ, повествование о богах, героях, демонах, духах и др., отражающее фантастические представления людей о мире, природе и человеческом бытии. Под цыганским мифом мы прежде всего подразумеваем систему представлений о цыганах. Долгие годы работая над цыганским фольклором, многочисленными литературными источниками, изучая жизнь этого народа изнутри, мы пришли к выводу, что в своем подавляющем большинстве литература прошлых лет, посвященная цыганам,— набор небылиц. Этому есть одно оправдание: сами цыгане с первых же дней исхода из Индии активно способствовали рождению мифов о себе. Но вот парадокс: чтобы существовать в мире, который был враждебен к ним, в атмосфере активного неприятия, порой доходившего до крайних форм, цыгане были вынуждены окружать себя тайной. От тайны до мифа — один шаг. С другой стороны, миф постоянно оборачивался против цыган. Вот так и прожили они на земле полтора тысячелетия: окруженные романтическим ореолом загадочности и вечно погруженные в жестокие реалии собственной жизни, закрытой для постороннего взгляда.

Цыганский миф многообразен. В нем и попытки представить себя потомками фараонов, выходцами из Египта, или найти в христианстве «своих» святых, и опасное самоутверждение в роли колдунов, чародеев, ясновидящих, предсказателей судьбы. Мы уже говорили об этом. В этой главе мы хотим рассказать о мифе, который сложился на русской почве и принял яркие очертания именно в России. Миф культивировался в продолжение двух последних столетий и оставил неизгладимый след в русской культуре. Крайне необходимо

объяснить это явление — для понимания большого периода русской культуры, неразрывно связанного с цыганами.

Мы уже рассказывали об истории русских цыган, цитировали правительственные указы, документы, целью которых было — «навести порядок» среди этого народа. Своей цели эти указы не достигли, но способствовали возникновению в сознании обывателя стереотипного образа цыган. Образ этот был резко негативным. И тем не менее цыганам удалось выжить и сохранить свою национальную общность. Немалую роль здесь сыграли их врожденные способности к музыкальному творчеству, их искусство, которое всколыхнуло русское общество, заставило его обратиться к своеобразной цыганской культуре, прислушаться к ней. Цыганская тема заняла прочное место в русской литературе и искусстве, что плодотворно повлияло на развитие обеих культур. Но цыганское искусство не только эмоционально возбуждало русское общество, двигало творческую мысль, оно нередко способствовало образованию чисто житейских связей.

По-разному можно смотреть на эти связи. Существовали как бы три точки зрения: взгляд общества, который по прошествии лет легче всего выявляется через прессу или «массовую литературу» того времени: взгляд литературно-творческих кругов, то есть взгляд значительно более зоркий, но зависящий во многом как от глубины постижения цыганской жизни, так и от состояния общественного мнения, ибо искусство не только ведет общество, но и служит ему; взгляд самих цыган, о котором говорить было как-то не принято, но который всегда существовал. Эти три точки зрения, как правило, не совпадали. Именно поэтому цыганская жизнь представала перед обществом в виде штампованного набора душераздирающих мифов. Сложность развенчания их заключается в том, что многие, писавшие о цыганской жизни прошлого, брали за основу достаточно хорошо знакомые факты (как правило, эпизоды из жизни известных людей), что создавало иллюзию достоверности. То, что обществу было неизвестно, попросту извращалось. Именно тут буйная фантазия мистификаторов работала вовсю. Кажущаяся правдивость цыганских мифов и сегодня затрудняет попытки отделить правду от лжи. Многого теперь не проверишь, и все же попытаемся отнестись к подобного рода материалам критически.

Один из наиболее ярких и распространенных цыганских мифов, созданных на русской почве, был связан с именем А. С. Пушкина.

О великом русском поэте написано много. В своей работе

мы неоднократно сталкивались с материалами, имеющими самое непосредственное отношение к жизни Пушкина. Поэт не раз соприкасался с цыганами. Он любил этот народ. Цыгане оставили глубокий след в душе Пушкина и в его творчестве. И эта духовная связь породила целый ряд мифов, имевших хождение как в русском обществе, так и у цыган. Вольно или невольно эти мифы преломились и в исследовательской литературе. Причина здесь одна: пушкиноведы, касаясь цыганских периодов в творчестве поэта, забывали о самих цыганах, не знали и не понимали их жизни.

Прежде всего — что это были за цыгане, с которыми встречался Пушкин? Вопрос этот не праздный. Мы говорили, что цыганская среда неоднородна и что только на территории России существует несколько этнографических групп цыган, отличающихся друг от друга по многим признакам. Кроме того, немаловажно и деление на цыган оседлых и таборных. Задаваясь вопросом, с какими цыганами встречался Пушкин, мы выделяем два периода жизни поэта: молдавский и московский. В Москве Пушкин общался с хоровыми цыганами, солистами прославленного цыганского хора под руководством Ильи Осиповича Соколова. Это были так называемые «русские цыгане». В Молдавии же поэт был знаком с цыганами другой этнографической группы. Теперь трудно сказать точно — какой именно. Ясно одно: и язык, и обычаи, и искусство этих цыган резко отличались. Это очень важный момент, в дальнейшем читатель убедится в этом.

Обратимся к молдавскому периоду жизни поэта. Во время ссылки в Молдавии (1820 — 1823) Пушкин имел возможность не только слышать игру профессиональных цыганских музыкантов, но и жить среди оседлых сельских цыган, которые в силу традиции не оставили привычки к кочевью и летом отправлялись в путь по ближайшим окрестностям. Все в кочевой жизни было для поэта необычным, все будило воображение и оставляло след в душе. К тому же поэт был молод, а положение ссыльного было невыносимо для его свободолюбивого сердца.

Молдавский период в жизни и творчестве Пушкина изучен и описан досконально. Благодаря работам наших замечательных пушкиноведов М. Цявловского и Б. Трубецкого теперь с большой достоверностью установлено, что с 28 июля по 20 августа 1821 года в районе села Долна А. С. Пушкин повстречал кочующий цыганский табор и жил в нем. Даты были определены на основании анализа переписки Пушкина. Это вовсе не значит, что Пушкин провел в таборе все время. Это

период, когда поэт **мог** жить в нем. Единственным достоверным источником на этот счет стали воспоминания Замфира Ралли-Арборе (1848 — 1933), русского революционера и молдавского писателя. Его отец был в дружбе с Пушкиным. Именно с его крепостными цыганами встречался поэт в Молдавии. Вот отрывок из его воспоминаний:

«Однажды,— рассказывала мне тетушка Екатерина Захаровна,— твой отец собирался посетить одно из отцовских имений — Долну. Между этим имением и другим, Юрчены, в лесу находится цыганская деревня. Цыганы этой деревни принадлежали твоему отцу. Вот, помню, однажды Александр Сергеевич и поехал с твоим отцом в Долну, откуда они поехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика булибашу (старосту, вожака табора.— *Е. Д., А. Г.*), известного своим авторитетом среди цыган; у старика булибаши была красавица дочь. Я прекрасно помню эту девушку. Ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и вьющимися длинными косами...»

Не только красота Земфиры пленила воображение Пушкина, но и весь ее необычный вид: по воспоминаниям, она курила трубку и ходила в мужской одежде. Тем, кто знает обычаи и нравы цыган, внешний облик Земфиры может сказать, что, во-первых, она была незамужней, а во-вторых, что у старика булибаши не было сыновей. В этом случае забота о лошадях и домашних животных падает на плечи одной из дочерей, обязательно незамужней. Подобное встречается у цыган довольно редко.

Однако продолжим. Оставив К. З. Ралли, Пушкин ушел в цыганский табор и поселился в шатре старика булибаши. Почему-то до сих пор ни один пушкиновед не задался простым и естественным вопросом: на каком языке общался Пушкин с цыганами? Бессарабия отошла к России по Бухарестскому миру в 1812 году. С тех пор прошло всего девять лет. Трудно представить, что цыгане к тому времени владели русским языком, хотя знали молдавский. Но Пушкин не знал ни цыганского, ни молдавского. Можно даже допустить, что какие-то азы русского языка знал старик булибаши, но уж безусловно не знала его Земфира. Так на каком же языке они общались? Скорее всего, это был выразительный, но бедный язык мимики и жестов.

Нет большей нелепицы, чем миф о свободе нравов в цыганской среде. С трудом верится, что любовная история поэта и Земфиры (да и была ли она?!) имела какое-либо развитие.

Неожиданной выглядит и ее развязка. Вот что пишет об этом Замфир Ралли-Арборе:

«В одно раннее утро Александр Сергеевич проснулся в шатре булибаши один-одинешенек, Земфира исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в Варзарешты, куда помчался вслед за ней Пушкин, однако ее там не оказалось, благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили ее».

Стало известно, что Земфира бежала из табора вместе со своим возлюбленным — цыганом, которого любила задолго до знакомства с Пушкиным. Ходили также слухи, что некоторое время спустя Земфира была убита из ревности. Мы приводим эти факты с одной целью: показать ту реальую жизненную основу, которая послужила материалом для поэмы «Цыганы», вышедшей в свет в 1824 году. О жизни Пушкина среди цыган знали многие, и вполне естественно, что версия об адекватности образа Алеко самому поэту моментально всплыла на поверхность. И тогда на свет появились всякого рода мифы о пребывании Пушкина среди цыган. Обратим внимание на один из них.

В журнале «Русское обозрение» (Москва, 1867, т. 43, 44) были опубликованы воспоминания Елизаветы Францевой «А. С. Пушкин в Бессарабии (Из семейных преданий)». Отец Е. Францевой, молодой дворянин Д. Кириенко-Волошинов, вместе с Пушкиным служил в Кишиневе в канцелярии начальника края Инзова. По свидетельству Е. Францевой, молодые люди были дружны, хотя и находились порой в сложных отношениях. Совсем юная в то время Е. Францева была свидетельницей этих отношений. И вот спустя сорок шесть лет после описываемых событий на свет всплывают «семейные предания», сюжет которых вполне мог лечь в основу хорошего детектива. Вероятно, чтобы придать воспоминаниям бóльшую достоверность, Е. Францева привела массу живописных подробностей. Однако благодаря именно этим подробностям ясно, что весь рассказ Е. Францевой — абсолютный вымысел. Так Е. Францева рассказывает, как цыганка предсказывала Пушкину его судьбу. Она нагадала ему и блестящую карьеру, и намекнула, что в будущем он будет близок к царю, и предсказала женитьбу на красавице, которая «и старого сапога его не стоит» и из-за которой он погибнет на дуэли, причем именно зимой. Но Е. Францева не ограничилась этим, она пустилась в пучину этнографических изысканий и, естественно, немедленно там утонула. Она нарисовала сцену цыганского венчания, изобразила другие обряды. Ничего общего с подлинно цыганскими обрядами они не имеют.

Предлагаем на суд читателей рассказ Е. Францевой про обряд цыганского венчания, который она якобы записала со слов некоей цыганки:

« — Венчает у нас обыкновенно старейший изо всех цыган табора, и к нему же все обращаются за советами во всех затруднительных случаях жизни. Он же у нас разбирает всякие ссоры и несогласия в таборе и решает беспрекословно все важные начинания и общие всем нам вопросы. Для всяких таких случаев у нас имеется отдельный шатер, в котором никто не живет. И вот, когда нужно венчать кого-либо, внутренность этого шатра убирается красною материей, а посредине его ставится также красным обитое возвышение с таким же подножием. Старейший в таборе накидывает сверх своей одежды красный плащ и такую же высокую красную шапку с белым конским хвостом надевает себе на голову. Потом, взяв в руки длинную плеть, он садится на приготовленное для него возвышение, прежде чем входят жених и невеста, которые приносят с собой связанного по ногам черного петуха и белую курицу и кладут их у подножия возвышения с глубоким поклоном старейшему, целуя в то же время обе красные туфли его. Затем оба становятся перед ним на колена и ждут его первого слова, скрестив на груди руки и опустив перед ним голову. Тогда старейший берет в зубы несколько ниток разноцветного шелка и начинает их скручивать в шнурок, неразборчиво бормоча в то же время некоторые, одному ему известные, слова заклинанья. Потом он велит жениху и невесте повернуться на коленях друг к другу лицом и привязывает их одного к другому за шею только что скрученным шнурком разноцветного шелка. Связав их таким образом, старейший обращается к брачующимся с такими, громко сказанными словами:

— Поведайте оба, предо мной во прахе стоящие: какому высшему существу принадлежат тела ваши и все, чем вы обладаете здесь, на этой подлой земле, так далеко отстоящей от того священного места, где находилось когда-то наше царство цыганское?

Здесь старейший высоко приподнимает в воздухе свою огромную ременную плеть и, со всего размаха ударяя ею по голой земле, говорит с яростью:

— Сгиньте все чуждые нам владетели этой подлой земли, которая должна вскоре разверзнуться и поглотить все народы, за исключением одного лишь цыганского племени, где бы ни находились разбросанными его единственно заслужившие жизнь сыновья...

Тогда жених и невеста крепко бьют себя в грудь кулаками и отвечают с рыданиями:

— Тела, жизнь и имущество наши все без остатка принадлежат не нам, недостойным, а тебе одному, о великий король наш и царь, Альтруин многомилостивый.

Старейший возлагает тогда обе руки свои на низко склоненные перед ним головы жениха и невесты и опять говорит:

— Значит, тот, кого вы видите нынче восседающим на золотом троне сем, не есть обыкновенный простой человек, как вы все, а кто-то иной, до кого смертным всем так же трудно подняться в нравственном отношении, как до звезд, плавающих в необозримом воздушном пространстве над нами?

— Так есть; ты сказал истину,— отвечает жених, тогда как невеста должна теперь только лишь плакать.

— Ну, и кто же, по-вашему, тот, кто по воле своей соединяет теперь ваши обе жизни в одну неразрывную? — снова спрашивает старейший, снимая руку с головы одной только невесты, которая тотчас же должна опустить свою голову на подножие трона.

В тот же самый момент спрашивающий кладет на неподвижно лежащую таким образом голову свою левую ногу, которую уже не снимает с нее до самого окончания свадебного обряда. Жених же говорит в это время такие слова:

— Тот, кто соединяет меня нынче с этою подлою, не заслуживающей такой высокой чести, коварною и низкою во всех отношениях женщиной, есть не кто иной, как сам великий король и царь бесславно погибшего царства цыганского, Альтруин беспорочный и чистый.

— Что же стало с этим царством моим?

— Погибло оно, безвозвратно погибло и исчезло бесследно с лица земли во веки веков! — с рыданием должен воскликнуть при этом жених, много раз ударяя головой о ступени подножия трона.

— Я забыла сказать,— заметила тут внезапно рассказчица,— что шнурок делается очень длинный, для того чтобы обе головы могли в нем свободно отдалиться при случае одна от другой.

И вот вскоре после того,— продолжала Смаранда (так звали мнимого информанта Е. Францевой.— *Е. Д., А. Г.*) свое описание,— как жених выговорит последнюю фразу и стукнется несколько раз головой о дерево, старейший внезапно и грозно вскрикивает, приподнимаясь на троне:

— Презренная гадина, встань и ответствуй!

Невеста вскакивает как ужаленная опять на колени и, ни слова не говоря, выжидает продолжения речи.

— Кто виновен в погибели славного царства цыганского? — во все горло вскрикивает снова старейший, тогда как невеста, рыдая, ему отвечает:

— Увы мне несчастной, то была такая же гнусная, продажная тварь, как и я, пред тобою стоящая...

— А, ты созналась, презренная, в подлой вине своей,— изо всех теперь сил должен выкрикнуть мнимый царь и, тут же схватив лежащую плеть на земле, три раза нещадно обязан ударить ею по спине плачущей девушки...

Смаранда опять прервала здесь описание свадебного обряда и, закурив свою неизменную трубку, с искренним смехом заметила удивленному отцу моему:

— Знаешь, милый мой господин, я уверена, что большинство наших женщин слишком уж рано сходятся с мужчинами единственно потому только, чтобы не иметь уже надобности подвергать себя такой жестокой и унизительной пытке, как весь обряд венчания нашего... Я не раз говорила старикам нашим об этом, советуя выпустить хоть удары кнута и еще последнюю подробность, которая, пожалуй, и того больше заставляет девушек наших бояться венчания по закону цыганскому. Но, однако, несмотря на то что все согласны в этом со мной, никто не решается не только выпустить, но что-либо изменить во всем этом страшном издевательстве над бедными молодыми цыганками нашими...

Ну, слушай дальше и удивляйся теперь еще больше,— засмеялась снова Смаранда, медленно продолжая рассказывать: — После того как сильно избитая девушка целует побившую ее руку и кнут, который благоговейно кладет у ног жениха, Альтруин ее опять вопрошает такими словами:

— Как звалась эта гнусная женщина, да будет навеки проклято имя ее?

— Калиóстой она называлась, и никто больше не назовется подлым именем тем...

— Расскажи, что ты знаешь о ней.

— Калиоста была,— начинает невеста, продолжая рыдать и держаться за спину,— любимою женою Альтруина, которой он верил безмерно и которую обожал больше жизни своей. Но, прельстившись драгоценными камнями персидского царя, соседа недальнего, она вздумала тайно обменять на них царство супруга своего Альтруина, которому замыслила отрубить во сне голову. Однако на первый раз убийство это не удалось преступной жене, и вот почему: когда она уже

занесла свою секиру над головой спящего царя и супруга, собираясь убить его, спавшая рядом с ним собачка по имени Фе́ска так сильно впилась ей в ногу зубами, что она вскрикнула как бешеная и этим сама разбудила супруга. Тем не менее она успела оружие свое скрыть под ночными покровами и каким-то обманом вывернуться из грозившей опасности, требуя смерти укусившей ее, будто бы без причины, собачки. Безгранично любивший Калиосту супруг поверил ей и исполнил ее гнусное требование той же ночью. На другую ночь все было ею покончено, и таким-то образом персидский царь уже беспрепятственно завладел царством цыганским, откуда все подданные убитого разбрелись в разные стороны, рассыпавшись по горам, по долам, селеньям и городам инородным, где скитаются без постоянного пристанища и поныне...

Едва невеста заканчивает последнюю фразу, как старейший быстро спускается с трона, велев подняться на ноги жениху и невесте, вместе с которыми начинает громко проклинать и бранить на чем свет стоит Калиосту и соседа ее, персидского царя, имени которого, впрочем, при этом ни разу не произносят, затем он велит жениху и невесте рвануть головы в разные стороны. Тогда тонкий шнурок разрывается и остается на шее одного из молодых. Если он висит на более нежной шее молодой женщины, то иногда оставляет от себя едва заметный кровавый след вокруг нее; последний признак считается верным предзнаменованием измены жены и кровавой за это расплаты от мужа, который в задаток должен тут же хлестнуть ее плетью еще несколько раз не шутя... После этого старейший закалывает у подножия трона принесенных молодыми людьми черного петуха и белую курицу; невеста обязана высосать кровь из разрезанной шеи петуха, а жених со своей стороны проделывает с курицей то же самое, пока не перестанет литься кровь. Тогда старейший уже в последний раз громко обращается к повенчанным с такими словами:

— Теперь, когда, напившись крови друг друга, вы этим как бы смешали вместе оба свои существа, тела ваши и жизни уже не имеют ничего в себе, единственно одному из вас принадлежащего лично. Нет, дети мои, оба вы ныне, по воле многострадального Альтруина, пролившего за святость брачного договора безвинную кровь свою, уже составляете вместе одно целое, нераздельное, не допускающее ничего в себе лично особенного... Грядите же, взявшись за руки, в один общий шатер, и да будет вечно над вами и детьми вашими благосло-

вение великого мученика Альтруина, короля и царя бесследно исчезнувшего царства цыганского...»

Альтруин и Калиоста — Агамемнон и Клитемнестра... Не так уж и оригинальна фантазия Е. Францевой, если попытаться разобрать ее «произведение».

«Ну и что? — спросит иной читатель.— Обычная мистификация, каких немало было в литературе». Да так ли это безобидно, как кажется? Та же Е. Францева утверждает, что якобы существовал ранний вариант поэмы «Цыганы», написанный по следам событий, о которых идет речь в ее «предании»,— убийство цыганки и польского дворянина. Кроме того, она приводит стихи Пушкина, которые тот написал в их семейный альбом. Пусть пушкиноведы решают, подлинны ли те стихи; что же касается самих «преданий», мы твердо скажем, что они — малоталантливая ложь.

Удивительно, но и в наши дни миф Е. Францевой продолжает жить. Если читатель окажется в доме-музее М. Волошина в Крыму, от экскурсовода он услышит эту историю как семейное предание дома Волошиных. Дело в том, что дворянин Д. Кириенко-Волошинов (о котором мы говорили раньше), друживший с Пушкиным во время ссылки поэта в Молдавию, был родственником М. Волошина.

В 1980 году на станции Семрино Ленинградской области от русского цыгана И. М. Федорова («Пилича») нам довелось записать легенду о жизни Пушкина среди цыган. О нашей встрече с ним мы уже писали. Здесь же несколько подробнее остановимся на самой легенде. Как и все мифы, посвященные жизни Пушкина среди цыган, эта легенда основывается на версии об адекватности образа Алеко и поэта. Когда Пушкин оказался в таборе, его вожак предложил ему «жить по собственному разумению». Далее в легенде говорится:

«...Да только не стал Пушкин ни кузнецом, ни цыганским барышником. Сидел он себе на пеньке да книги свои писал. А еще — рисовал много: детей цыганских рисовал, коней, как пляшут цыгане, как поют для богачей, как милостыню просят, как гадают — всё как есть рисовал. Жаль только, что не дошли эти рисунки до наших дней — в таборе погибли при пожаре».

Итак, упоминается про излюбленную пушкинскую привычку делать быстрые зарисовки и даже приводятся их сюжеты. Вряд ли такая подробность придумана полуграмотным цыганом. Рисунки Пушкина, изображающие цыганский табор, хорошо известны тем, кто знаком с творчеством поэта. Пушкин нарисовал цыганскую палатку с повозкой, стоящей

в дальнем конце шатра. Такую деталь придумать невозможно. Нарисовал он и цыганку, кормящую грудью младенца, и медведя с ошейником, которого, впрочем, вполне можно принять и за собаку.

Информация у цыган распространяется быстро, и спустя некоторое время после посещения Пушкиным цыганского табора наверняка многие цыгане России знали, что поэт жил там-то и там-то, у тех-то цыган; узнали они и о смерти Земфиры. Когда же появилась на свет пушкинская поэма, которую прочитали (среди цыган были грамотные люди) и передали из уст в уста, то в сознании цыган события, о которых в ней говорится, трансформировались в факты биографии поэта. Что-то было присочинено. Так создавалась легенда. Особенно интересна ее романтическая концовка. По цыганскому закону, убийство из ревности жены, изменившей мужу, считается справедливым. Но Пушкин «убил своего соперника», а в этом случае собирается цыганский суд. Вот что говорится об этом в легенде:

«...Долго совещались старики и решили осудить Пушкина по старинному обычаю: посадить его на камень, а потом изгнать из табора. Только за убийство была эта кара. Когда сажали человека на камень — сердце его (так верили цыгане) должно было окаменеть для цыганского рода... Посадили Пушкина на камень, а табор снялся с места и укатил в степь».

Но пусть читатель не думает, что у цыган сохранились столь мрачные воспоминания о поэте. Та же легенда начинается со слов признательности и уважения к нему:

«Издавна имя Пушкина среди цыган в почете за то, что он их добрым словом поминал, за то, что любил их, за то, что жил среди них, что книги о них писал...»

Перейдем теперь к московскому периоду жизни Пушкина. В 1915 году в журнале «Столица и усадьба» (№ 48) была опубликована статья пушкиноведа Н. Лернера «Пушкин и цыгане», в самом начале которой автор описывает свою находку — автограф Дениса Давыдова (небольшое, в 12 строк, стихотворение). На обороте листка рукой Пушкина приписаны четыре строки. Вот они:

Так старый хрыч цыган Илья,
Под лад плечами шевеля,
Глядит на удаль плясовую
Да чешет голову седую.

Н. Лернер пишет: «Илья, о котором говорит Пушкин,— самый выдающийся цыганский певец и хоровой регент той эпохи. Хотя Пушкин застал его уже «старым хрычом», он

пережил поэта. Он был настоящей знаменитостью, этот Илья, или как его не без почтительности называли даже в печати, Илья Осипыч».

Нет никакого сомнения, что этот «старый хрыч цыган Илья» не кто иной, как Илья Осипович Соколов — один из самых знаменитых цыганских хоровых дирижеров (но не певцов) прошлого века.

Забавной оказалась и судьба пушкинской приписки: несколько видоизменив, Давыдов закончил этими строками одно из своих стихотворений и опубликовал его. Начинается оно строкой: «Люблю тебя, как сабли лоск...»

В той же статье Н. Лернер говорит о незабываемом впечатлении, которое произвело на Пушкина пение цыганки Тани. Да и не только на Пушкина! Сколько пламенных строк посвятил этой певице Языков!

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный — журчит и замирает,
Как он кипит — веселый и живой...

Имя Татьяны Дмитриевны Демьяновой встречается во многих воспоминаниях той поры. Вот, к примеру, что писал П. Киреевский в письме к Н. Языкову от 10 января 1883 года: «...Я наконец первый раз слышал... тот хор цыган, в котором примадонствует Татьяна Дмитриевна, и признаюсь, что мало слышал подобного!»

В 1875 году журналист и беллетрист Болеслав Маркевич посетил уже престарелую певицу. Свою беседу с ней он включил в очерк «Цыганка Таня», опубликованный в собрании его сочинений. Вот как описывает она свои первые встречи с Пушкиным:

«Поздно уже было, час двенадцатый, и все мы собирались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались... Бежит ко мне Лукерья и кричит: «Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят». Я только косы расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало — трое знакомых (потому наш хор очень любили, и много к нам езжало): Голохвастов Александр... Протасьев-господин и Павел Войнович Нащокин,— очень был он влюблен в Ольгу, которая в нашем же хоре пела. А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: «Поваренок,— кричит,— поваренок!» А на мне, точно, платье

красное ситцевое было и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескири!» — «Гляди,— значит,— гляди, как нехорош, точно обезьяна!» Они так и залились. А он — приставать: «Что ты сказала, что ты сказала?» «Ничего,— говорю,— сказала, что вы надо мной смеетесь, поваренком зовете». А Павел Войнович Нащокин говорит ему: «А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!» ...Были тогда в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: «Друг милый, друг милый, сдалека поспеши». Как я его пропела — Пушкин с лежанки скок! — он как приехал, так и забрался на лежанку, потому на дворе холодно было,— и ко мне. Кричит: «Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал,— ты бесценная прелесть, не поваренок!»

С той поры Пушкин часто стал наведываться к цыганам, чтобы насладиться пением Тани. А после того как друг Пушкина П. В. Нащокин перевез к себе на Садовую красавицу цыганку Ольгу, поэт стал заходить к нему и затем, чтобы послушать цыган, пение Тани Демьяновой, которая частенько навещала свою подругу по хору. Вот как описывает Таня одну из этих встреч:

«Тут узнала я, что он жениться собирается на красавице, сказывали, на Гончаровой. Ну и хорошо, подумала,— господин он добрый, ласковый, дай ему бог совет да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видеть, потому говорили, все он у невесты сидит, очень в нее влюблен. Только раз вечерком,— аккурат два дня до его свадьбы оставалось,— зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжко, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне,— говорит,— Таня, что-нибудь на счастие; слышала, может быть, я женюсь?» «Как не слыхать,— говорю,— дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну спой мне, спой!» — «Давай,— говорю,— Оля, гитару, споем барину!» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть. Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору: потому у меня был свой предмет,— женатый он был человек, и жена увезла его от меня, в деревне заставила на всю зиму с собой жить,— и очень тосковала я оттого. И, думаючи об этом, запела я Пушкину песню, она хоть и под-

блюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?
Государыня, что так пыльно?
— Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?
— Кони Александра Сергеича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую — и голосом то же передаю, и уж как быть, не знаю, глаз от струн не подыму... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет... Кинулся к нему Павел Войнович: «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» «Ах,— говорит,— эта ее песня все во мне перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И недолго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не попрощавшись».

Какую роль сыграли цыгане в жизни Пушкина? Какое воздействие оказали они на его творчество? Мимолетное знакомство Пушкина с цыганами, когда он пожил в шатре булибаши, не позволило ему сколько-нибудь глубоко изучить этот народ. А из общения с городскими цыганами поэт воспринял только их великолепное пение и блестящую игру на музыкальных инструментах. Пушкин любил это «счáстливое племя», и цыгане любили «своего» поэта. Они гордились тем, что он написал о них, воспринимали его по-цыгански запросто.

Но вот в чем парадокс: если соотнести реальные жизненные факты, которые легли в основу поэмы, и ее содержание, легко заметить, что Пушкин не принимал участия в создании мифов о цыганской жизни. На любой пушкинской строке лежит печать достоверности. Думается, Пушкин нарочито избрал столь нехарактерную для цыганской жизни ситуацию. Он преследовал чисто творческие цели. Цыганский табор у него — это фон, на котором проявляются сильнейшие человеческие страсти. Цыгане Пушкина ведут себя вполне естественно, хотя и поставлены в неестественную ситуацию. Современники Пушкина поняли поэму иначе, в их сознании ситуация Алеко — естественная, даже типичная. Необходим был минимум фантазии, чтобы создать миф о свободе нравов у цыган. В какой-то мере пушкинская поэма «спровоцировала» появление этого мифа. Как раз в это время в высшем свете стали распространяться небылицы о жизни цыганских хоров, о несметных богатствах цыганских примадонн, о благородных господах, устраивавших счастье цыганских хористок. Немалую лепту в создание мифа внесли и русские лите-

раторы, а впоследствии эстафету подхватили историки и литературоведы. Воистину, дурной пример заразителен.

Давала ли жизнь цыган основания для мифа? Безусловно. Вот только подоплека связей представителей русской аристократии с цыганскими хористками была несколько иной. Нет сомнения, блеск высшего света слепил глаза цыганских примадонн. Но можно ли эту причину считать в числе главных, толкавших цыганок множить подобного рода связи? Давайте не будем тут открывать Америк и отведем главную роль естественным человеческим чувствам. А восхищение русских аристократов цыганскими певицами, плясуньями в немалой степени объяснялось всеобщим восторгом перед их искусством. В конце концов, это даже стало модным: взять да жениться на цыганке. Предметом обсуждения всегда становилась внешняя сторона таких связей. Кто-то застрелился (повесился, утопился) из-за несчастной любви, кто-то промотал миллионы казенных денег, бросив их к ногам цыганской возлюбленной, кто-то подарил своей наложнице дворец, кто-то стакан бриллиантов и так далее в том же духе. Обыватель очень падок до всякого рода сенсаций. Ему, однако, невдомек, как они возникают.

В том же очерке Б. Маркевича цыганка Таня Демьянова вспоминает эпизод, связанный с поэтом Н. Языковым. Мы уже приводили ее слова, что где-то в начале 30-х годов прошлого века у нее был «свой предмет» — женатый дворянин. В знак любви этот человек подарил Тане фамильный перстень, которым очень дорожил. Языков увидел перстень и захотел, чтобы Татьяна Дмитриевна подарила его ему. Та отказалась, со дня на день она ждала своего возлюбленного и боялась, как бы тот не заметил пропажи. После долгих споров Языков чуть ли не силой стащил перстень с пальца цыганки. Правду об этом эпизоде публика узнала несколько десятилетий спустя. А в то время ей стало известно стихотворение Языкова, в котором говорилось о том, будто цыганка в знак любви подарила поэту перстень. Только вмешательство Пушкина помогло цыганке Тане избежать многих неприятностей, связанных с утратой перстня.

Вернемся к московскому периоду жизни Пушкина. Посмотрим на людей, которые окружали поэта, были самым тесным образом связаны с цыганами и которые прямо или косвенно были причастны к возникновению цыганского мифа. Естественно, взгляд сразу же устремляется на близкого друга Пушкина Павла Войновича Нащокина. Баловень судьбы, «наследник всех своих родных», П. В. Нащокин был широ-

ким человеком. Он не обладал художественными способностями, но у него был редчайший, уникальный по нынешним временам дар — он был щедрым и беззаветным другом, готовым всегда прийти на помощь. И неудивительно, что его друзья — а среди них были многие выдающиеся русские писатели, музыканты и артисты — платили ему ответной любовью.

На протяжении нескольких лет (с 1829-го по 1834 год) его фактической женой была Ольга Андреевна Солдатова — певица цыганского хора, которым руководил знаменитый Илья Осипович Соколов. Об этом союзе написано немало. Имя Ольги Солдатовой всегда упоминается в связи с биографией П. В. Нащокина. Нам понятно желание пушкиноведов идеализировать образ близкого друга великого поэта, но, думается, объясняя мотивы разрыва Нащокина с Ольгой Солдатовой, не стоит наделять цыганскую певицу теми эпитетами, которые, например, употребил пушкиновед Н. Раевский: «совсем малокультурная женщина», «капризная», «ревнивая и взбалмошная», «неверная» и уж вовсе высокомерно — «к тому же цыганка». И это об Ольге Солдатовой, дочери прославленной Степаниды Сидоровны Солдатовой, знаменитой Стеши, о которой мы еще подробно расскажем, когда речь пойдет о цыганских хорах России. Называть цыганок совсем малокультурными — по меньшей мере несправедливо. Естественно, как правило, они не знали грамоты (хотя к Ольге Солдатовой это не имело отношения), но от природы были наделены тактом, у них было свое особое мироощущение.

Не будем вникать в подробности, в общем-то, тривиальной любовной драмы П. Нащокина. То, что рассказывает о ней Раевский, не делает образ Нащокина более привлекательным, как этого хотел бы автор.

Напомним о том, что традиции цыганской жизни, многочисленные неписаные законы цыганской среды, регламентирующие поведение женщины, в частности, требуют беспрекословного подчинения и уважения к мужу. Поэтому странными кажутся эпитеты, которыми Н. Раевский наделил Ольгу Солдатову. Теперь никто точно не скажет, насколько она следовала «параграфам» цыганского нравственного устава, но очевидно, что на суждения Н. Раевского в какой-то мере повлиял миф о доступности цыганок, зародившийся во времена Пушкина и получивший свое развитие в дальнейшем.

В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи», говоря о русском купечестве и его отношении к цыганским хорам, писал: «Реже приглашался цыганский хор Федора Соколова

от «Яра» и Христофора из «Стрельны», потому что с цыганками было не так-то просто ладить. Цыганку деньгами не купишь».

О сложности взаимоотношений Нащокина с Ольгой написано немало, в частности, об этом можно узнать из переписки Пушкина с Нащокиным. Мы же хотим привести цитату из книги М. Пыляева «Замечательные чудаки и оригиналы» (СПб., 1898), где эта история рассматривается в несколько ином аспекте. Почему-то пушкиноведы, надеемся — без злого умысла, обходят это свидетельство стороной:

«Дорогие причуды, да вдобавок карточная игра, в которой он являлся, впрочем, не игроком, алчущим выигрыша, а страстным любителем сильных ощущений, в 30-х годах сильно порасстроила его состояние, тем более, что он обзавелся цыганкой, известной в то время в Москве красавицей Ольгой Андреевной, дочерью «Стеши», прозванной Каталани. В то время любовь к цыганке была самая разорительная, песни чернооких красавиц разнеживали и одуревали всех кутящих богачей. На вечерах гитара такой цыганки наполнялась по нескольку раз золотом и ассигнациями, и много раз была опоражниваема и потом снова наполнялась. Эти приношения носили названия «угольковых» и многим опустошили карманы. Н-н (Пыляев избегает называть имя Нащокина.— *Е. Д., А. Г.*) для цыганки держал экипаж с парой вяток и шведок; за нее он дал крупный выкуп хору; у нее собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заезжал и Пушкин слушать цыганские песни. Постоянным гостем ее был и известный князь Гагарин, тоже чудак большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»; он был бретер и храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону 2 фунта чая. И доставил, и только по благосклонности императора благополучно возвратился в русский лагерь. У Н-на от цыганки был сын, дворняжка, ненавидевший комнаты. Находя в мальчике сходство с квартальным надзирателем их квартала, он велел портному сшить на мальчика полный мундир квартального того времени, заказав и треугольную шляпу, и оправдывался в этой проделке, говоря: «...Ведь наряжают же детей гусарами, черкесами, казаками, почему же мне не нарядить его квартальным, когда я так уважаю полицию».

Однажды у цыганки Н-н проиграл все, что него было,— часы, столовое серебро, наконец, карету с лошадьми и даже Оленькины сани с парой вяток. Выигравший, захватив серебро, вещи и в выигрышной карете еще темным утром поехал

домой, приказав сани с вятками отправить за ним. Н-н добродушно посмеивался над подобной аккуратностью игрока. Цыганка, узнав утром об исчезновении вяток, нисколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится к ней, и, действительно, скоро зажила прежнею роскошною жизнью. Любовь к цыганке Н-на послужила Куликову сюжетом для его водевиля «Цыганка». Н-н сам рассказывал, что, сидя в театре, он видел на сцене себя и свою сожительницу. От этой цыганки он освободился тем, что, оставив ей весь свой дом в Москве, вместе с хорошей суммой денег в шкатулке, сам тайком уехал в подмосковную, к приятелю, где перевенчался на своей однофамилице и поселился на некоторое время в Туле...»

Многое в этом рассказе (как, впрочем, во всех произведениях Пыляева) неточно. В частности, никакого дома Нащокин Ольге не оставлял, поскольку, спустя некоторое время, он вновь поселился в нем с новой женой, с которой познакомился еще в свой «цыганский период» и которая была не однофамилицей, а просто-напросто его троюродной сестрой, такой же незаконнорожденной, как и двое цыганских детей Нащокина.

Примерно в это же время развивался и роман влюбленного в цыганку графа Федора Ивановича Толстого, за которым в свете закрепилось прозвище Американец. Это на него намекал А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума»: «...В Камчатку сослан был, вернулся алеутом». Об этом человеке ходило великое множество легенд. Его похождения постоянно эпатировали русское аристократическое общество. Сошлемся на воспоминания одной из его родственниц, М. Ф. Каменской, которая опубликовала их в журнале «Исторический Вестник» (1894, т. 52):

«Ф. И. поселился в Москве, и, по-моему, эта вторая его русская жизнь чуть ли не интереснее американской... В Москве он завел страшную карточную игру и сделался ярым дуэлистом. Убитых им он насчитывал одиннадцать человек. И он, как Иоанн Грозный, аккуратно записывал имена их в свой синодик».

Несмотря на то что высший свет предал анафеме Федора Толстого, у него сохранилось немало друзей, и среди них прежде всего А. С. Пушкин. Кстати, Ф. Толстой приходился поэту сватом. Одним из поступков, эпатировавших общество, была женитьба Ф. Толстого на плясунье из цыганского хора И. О. Соколова — Пашеньке Тугаевой. Любопытна история этой женитьбы. Вот что пишет М. Ф. Каменская:

«Дядюшка мой в Москве вскоре влюбился в ножки молоденькой цыганочки-плясуньи Пашеньки и начал с ней жить. И верно никогда бы не подумал на ней жениться, если бы эта любящая его женщина своим благородным поступком не привела его в совесть. Раз он проиграл в клубе большую сумму денег, не мог их заплатить и должен был быть выставлен на черную доску. Графская гордость его не могла пережить этого позора, и он собирался всадить себе пулю в лоб. Цыганочка, видя его в возбужденном состоянии, начала выспрашивать: «Что с тобой, граф? Скажи мне! Я, быть может, могу помочь тебе».— «Что ты ко мне лезешь? Чем ты можешь помочь мне? Ну, проигрался! Выставят на черную доску, а я этого не переживу!.. Ну, что ты тут можешь сделать? Убирайся». Но Пашенька не отставала от него, узнала, сколько ему нужно денег, и на другое утро привезла и отдала их ему... «Откуда ты достала эти деньги?» — спросил удивленный граф. «Откуда? От тебя! Разве ты мало мне дарил?! Я все прятала, а теперь возьми их, они твои...» После этого Ф. И. расчувствовался и женился на Пашеньке. От этого брака у них было 12 человек детей, которые все, кроме двух дочерей, умерли в младенчестве. Довольно оригинально Американец-Толстой расплачивался со своими старыми долгами: по мере того как у него умирали дети, он вычеркивал из своего синодика по одному имени убитого им на дуэли человека и ставил сбоку слово «квит». Когда же у него умерла прелестная умная двенадцатилетняя дочка, по счету одиннадцатая, он кинулся к своему синодику, вычеркнул из него последнее имя и облегченно вскрикнул: «Ну, слава Тебе, Господи, хоть мой курчавый цыганенок будет жив».

Кого имела в виду М. Ф. Каменская, говоря о прелестной умной 12-летней дочке Ф. Толстого? Несомненно, эти слова относились к Сарре Федоровне Толстой (1821 — 1838). М. Ф. Каменская ошибалась, Сарра была старшей дочерью Ф. Толстого, хотя и скончалась предпоследней из его детей в 16-летнем возрасте. Сарра Толстая была исключительно одаренным человеком: писала талантливые стихи, рисовала, сочиняла музыку, знала много языков, переводила. Ее современники отмечали, что она обладала необычайной гипнотической силой. В одном из писем о ней упоминает А. С. Пушкин: «...почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями, переводит с греческого Анакреона и лечится омеопатически...» Литературное дарование С. Толстой было отмечено В. Белинским. При жизни С. Толстой был издан сборник ее стихотворений.

Однако вернемся к союзу Федора Толстого и Пашеньки Тугаевой. Это был, несомненно, брак по любви. Они прожили вместе всю жизнь. Толстой-Американец умер в 1846 году, Пашенька Тугаева пережила его на 15 лет. Единственная оставшаяся в живых дочь Федора Толстого и Паши Тугаевой — Прасковья Толстая; впоследствии она вышла замуж за близкого друга Льва Николаевича Толстого, Василия Степановича Перфильева, будущего московского губернатора.

Образ Пашеньки Тугаевой был воплощен А. Ф. Писемским в его романе «Масоны». Она стала прототипом одной из героинь романа — Аграфены Васильевны, «сенаторши». Надо сказать, что в этом романе выведены многие исторические личности — либо под собственными фамилиями, либо фамилии слегка изменены. Роман Писемского «Масоны» во многом хроникален. Именно из него мы узнаем об удивительных дружеских и творческих отношениях «сенаторши» и известного русского композитора А. А. Алябьева (в романе он выведен под фамилией Лябьев). Судьба композитора была трагической, но на протяжении всей его жизни ему помогала, преступая все сословные запреты, «сенаторша» — Пашенька Тугаева.

В роду графов Толстых, тех, к которым относился великий русский писатель Л. Н. Толстой, можно найти по крайней мере трех человек, которые связали свою судьбу с цыганками. Федор Иванович Толстой-Американец, история любви которого прошла перед нашими глазами, являлся двоюродным дядей Л. Н. Толстого. Родной брат Льва Николаевича, Сергей Николаевич Толстой, также был женат на цыганке, солистке цыганского хора, работавшего в Туле, Марии Михайловне Шишкиной. Братья Толстые были дружны между собой, активно переписывались. Можно предположить, что отношения Сергея Николаевича с цыганами в какой-то мере повлияли и на отношение к ним Льва Николаевича Толстого. Судя по всему, знакомство С. Н. Толстого с М. М. Шишкиной произошло во второй половине 1850 года. Заглянем в «Дневники писателя» того периода. Приводимые ниже строки писались в то время, когда, по-видимому, Л. Н. Толстой не знал о романе своего брата. В дневнике писателя мы читаем:

8 декабря 1850 года: «...ежели же будет свободное время, напишу повесть из Цыганского быта...»

26 декабря 1850 года: «...Плохо провел, был у Цыган...»

28 декабря 1850 года: «...К вечеру с Николаем Горчаковым ехать к Цыганам и укладываться...»

29 декабря 1850 года: «...Утром писать повесть, читать и

играть или писать о музыке, вечером правила или Цыгане...»

В течение только одного месяца несколько раз упоминается о цыганах. Естественно, под «цыганами» подразумевается посещение цыганского хора и общение с цыганскими артистами. Очевидно, уже в то время (Л. Н. Толстому было тогда 22 года) Лев Николаевич заинтересовался цыганским искусством. Он еще не знал, что вскоре в его семью войдет цыганка, и впервые услышал об этом от своего брата Николая (служившего в армии), который с 22 декабря 1850-го по апрель 1851 года был в отпуске и посетил родню. В письме В. П. Толстого к Льву Николаевичу от 21 января 1851 года можно обнаружить следующую приписку Н. Н. Толстого:

«У меня для тебя плохая новость. Сергей сделал величайшую в мире глупость, он взял к себе Машу, не знаю точно, сколько он заплатил за нее, около 3 — 4 тысяч рублей ассигнациями, но в этом деле мне жаль не его денег, а его самого, ему никогда не удастся отделаться от этой девицы, он не покинет теперь Пирогова и совсем опустится».

Трудно сказать, какова была первая реакция Л. Н. Толстого на это сообщение. Во всяком случае, он отреагировал на нее в своих дневниках далеко не сразу. Среди записей, датированных 7 апреля 1851 года, читаем: «...Сереженька живет с Машей...» — кажется, эта новость нимало не смутила Льва Николаевича. Чего никак не скажешь о некоторых других его родственниках, в первую очередь о Николае Николаевиче. Приведем фрагмент его неопубликованного письма к Л. Н. Толстому, оригинал которого хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

«Сережа все продолжает цыганерствовать, ночи там, а днем сидит по целым часам немытый и нечесаный на окошке. Он оживляется, только когда кто-нибудь из цыган приносит ему известия о Маше, он уверяет, что влюблен в нее, но я уверен, что это только результат привычки и праздности...»

Письмо это датировано 1851 годом, но, скорее всего, Л. Н. Толстой получил его до 20 мая 1851 года, поскольку в этот день он делает следующую запись в дневнике: «...В Пирогове Маша. Сережа падает морально...»

И все же, несмотря на это, можно предположить, что Л. Н. Толстой достаточно спокойно относился к роману своего брата с М. М. Шишкиной, не видел в нем ничего предосудительного. Кроме того, его, вероятно, раздражала реакция окружающих на происходящее, которые нет-нет, а порой задевали и его самого. В письме Т. Ергольской к Л. Н. Толстому от 17 января 1851 года читаем:

«...в Туле ты предпочел проиграть всю ночь в карты. Ах, Левочка, неужели ты не бросишь эту проклятую страсть, которая может привести тебя к беде. Все это происходит от праздности и безделья; примером тому Сережа; будь у него служба, которая заняла бы его серьезно, он не отдался бы безумной страсти к цыганке».

Между тем интерес Льва Николаевича к цыганам не ослабевал. Его не только привлекало цыганское искусство, он пытался в это время освоить азы цыганского языка. 10 августа 1851 года он делает такую запись в дневнике:

«...Кто водился с Цыганами, тот не может не иметь привычки напевать Цыганские песни, дурно ли, хорошо ли, но всегда это доставляет удовольствие... Я пел с большим одушевлением, застенчивость не сдерживала моего голоса...»

А в его письме к С. Н. Толстому от 23 декабря 1851 года находим такие строки: «По Цыгански я совсем забыл, потому что выучился по Татарски (но лучше, чем я говорил по Цыгански), так что я сначала, говоря по Татарски, дополнял фразы Цыганскими словами, а теперь, встретив Цыганку, заговорил с ней по Татарски...»

Любопытно, что в одном из более поздних писем к Сергею Николаевичу писатель по забывчивости, обращаясь к Марии Михайловне Шишкиной, употребляет татарские слова, считая их цыганскими. Судя по всему, знали братья цыганский язык неважно. И тем не менее сохранилось несколько писем С. Н. Толстого брату, написанных на смешанном русско-цыганском языке. Эти письма не опубликованы и находятся в Государственном музее Л. Н. Толстого.

Как видим, в записях Л. Н. Толстого второй половины 1851 года вновь звучит тоска по тем временам, когда он общался с цыганами. Писатель тогда был на Кавказе. А дома родня пустилась во все тяжкие, дабы разрушить и без того поначалу не очень прочный союз С. Н. Толстого с М. М. Шишкиной. Его постоянно знакомят с потенциальными невестами, надеясь, что когда-нибудь такая тактика приведет к успеху. О том, что в это время происходило в Пирогове (имении С. Н. Толстого), лучше всего видно из письма (неопубликованного) М. Н. Толстой к братьям Л. Н. и Н. Н. Толстым в Тифлис от 23 декабря 1851 года:

«...Сергей все время в Пирогове. Его красавица еще у него, но говорят, что она совершенно покинута; она больше не выходит из своей комнаты, как птица в клетке; но птичка больше не поет, так как увы, когда тяжело на сердце, не поется; бедная девушка, я жалею ее от всего сердца, ее погубил не ма-

териальный расчет; видно, что она его любила. Ты правильно предсказал, дорогой Николенька, тетенька Туанета провела в Пирогове месяц и даже не видела Маши, считает это доказательством деликатности со стороны Сережи, который запретил ей показываться, я же думаю, что это доказательство его равнодушия к бедной девушке...»[1]

Как повлияло на Сергея Николаевича такое отношение родственников? Минуло более шестнадцати лет (за это время у С. Н. Толстого и М. М. Шишкиной родилось семеро детей, всего их было двенадцать), пока Сергей Николаевич не без колебаний оформил свой брак с певицей цыганского хора. Его венчание с М. М. Шишкиной состоялось лишь 7 июня 1867 года. А до этого их союз не раз, как говорится, «висел на волоске». Вот что можно, например, найти в письме Сергея Николаевича к Л. Н. Толстому от 12 апреля 1853 года:

«...или у меня дурной вкус, или пора влюбляться прошла, или все «Слышишь разумеешь», «Молодость», «Улетай соколик» и др. (которые я до сих пор не могу равнодушно слышать) причиною, только верно для меня то, что мне после твоего отъезда никто еще хорошенько не понравился, не говоря уже о барышнях, даже и П о л ь к а, не полька танец, а Полька, Федорова дочь (имеется в виду Прасковья Федоровна Толстая, о которой шла речь выше.— *Е. Д., А. Г.*) не делает на меня никакого эффекта, а замужество без любви... должно быть скверно. Я это по себе испытал отчасти, и естьли бы моя Маша, которая добрая девка, не была цыганка и могла бы меня отчасти понимать и сколько-нибудь мне сочувствовать, то я почел бы самым большим счастием окончить дни мои с нею и иметь много детей. Но увы, несмотря на ее доброту, с ней можно только говорить о бурнусах, да о том, какой московский купец наградил свою Грушу или Таню и т. п.».

Пожалуй, в этом письме, как ни в каком другом документе, обнажается трагическая суть связей русской аристократии с цыганскими певицами. Их красота и волшебное пение — вот все, что привлекало русских аристократов в цыганках. В дальнейшем их останавливали от разрыва лишь природная добродетельность цыганок, их безропотность, уважение и беспрекословное подчинение мужу. Против неравных союзов яростно восставал свет, и они, как правило, распадались.

Как же относился к тому, что происходило в семье, брат Лев Николаевич? Его реакция на происходящее выражена в письме к С. Н. Толстому от 7 января 1852 года:

---

[1] Оригинал находится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

«...Поздравляю тебя с прошедшими и будущими призами, с праздником, с новым годом, с сыном (хоть и выблядок, но все-таки сын) и с будущей женитьбой. На ком? не на Канивальской ли?..»

Прервемся ненадолго и поразмышляем. Возможно, в тот момент Л. Н. Толстой не очень-то благосклонно относился к развитию романа брата, но он самым решительным образом не одобряет и действий своих родных. Кто такая Канивальская? Одна из дочерей генерал-майора И. М. Канивальского, очередная кандидатура в невесты «блудному» брату писателя. В этом письме Л. Н. Толстой не без иронии говорит о будущей женитьбе Сергея Николаевича, воображение его рисует довольно грустные картины:

«...Третья картина. Маша сидит в известном переулке в Туле с М. В., Сережей и всей кликою — голосу и молодости у нее уже нет, но есть сын Н[икол]ай Сергеич и 3 т. сер. (тысячи серебром.— *Е. Д., А. Г.*).— Несмотря на это, она тебя продолжает любить и заливается горькими слезами.— 4-я картина.— Ты вырвался от жены и прикатил в Тулу в известный переулочек. Ты вспоминаешь старину, щупаешь Машу, а Финашка прискакал верхом на рыженькой и приносит тебе записочку от Графини...»

Как видим, в письме выражена и вполне определенная нравственная оценка происходящего. Нам кажется, женитьба С. Н. Толстого на М. М. Шишкиной произошла во многом благодаря увещеваниям брата.

Интересные подробности об истории женитьбы С. Н. Толстого находятся в мемуарах известной в прошлом цыганской певицы Екатерины Александровны Сорокиной, которые были опубликованы в журнале «Наш современник» (№ 3, 1966) под названием «Записки цыганской певицы». Вот небольшая выдержка из этой публикации:

«...Мать моя, Екатерина Дмитриевна Дулькевич, происходила из старинного рода цыган-песенников Шишкиных. Моя прабабушка и ее сестра пели в хоре. Обе обладали хорошими голосами, были очень красивы. На сестре моей прабабушки, Марии Михайловне Шишкиной, женился Сергей Николаевич Толстой, родной брат великого писателя. Об этом рассказывает в своей книге «Очерки былого» сын Льва Николаевича, Сергей Львович Толстой. Ольгу Михайловну Шишкину, мою прабабушку, выкупил из хора известный поэт Афанасий Афанасьевич Фет-Шеншин. Человек очень практичный, он не помышлял о женитьбе на цыганке, хотя, по-видимому, любил ее. Связь их длилась несколько лет, поэт почти не скры-

Старая цыганка. Фото Е. Доманского

Современная Земфира. Фото Е. Доманского

Руководитель «Цыганского аттракциона» в Госцирке А. А. Панков

Колоритная плясунья Рая Золотарева (работала в хоре И. Г. Лебедева) держит на руках будущего засл. артиста РСФСР Сергея Золотарева («Ромэн»)

Видный цыганский поэт и общественный деятель Михаил Безлюдский

Собрание колхоза «Трудовой цыган»

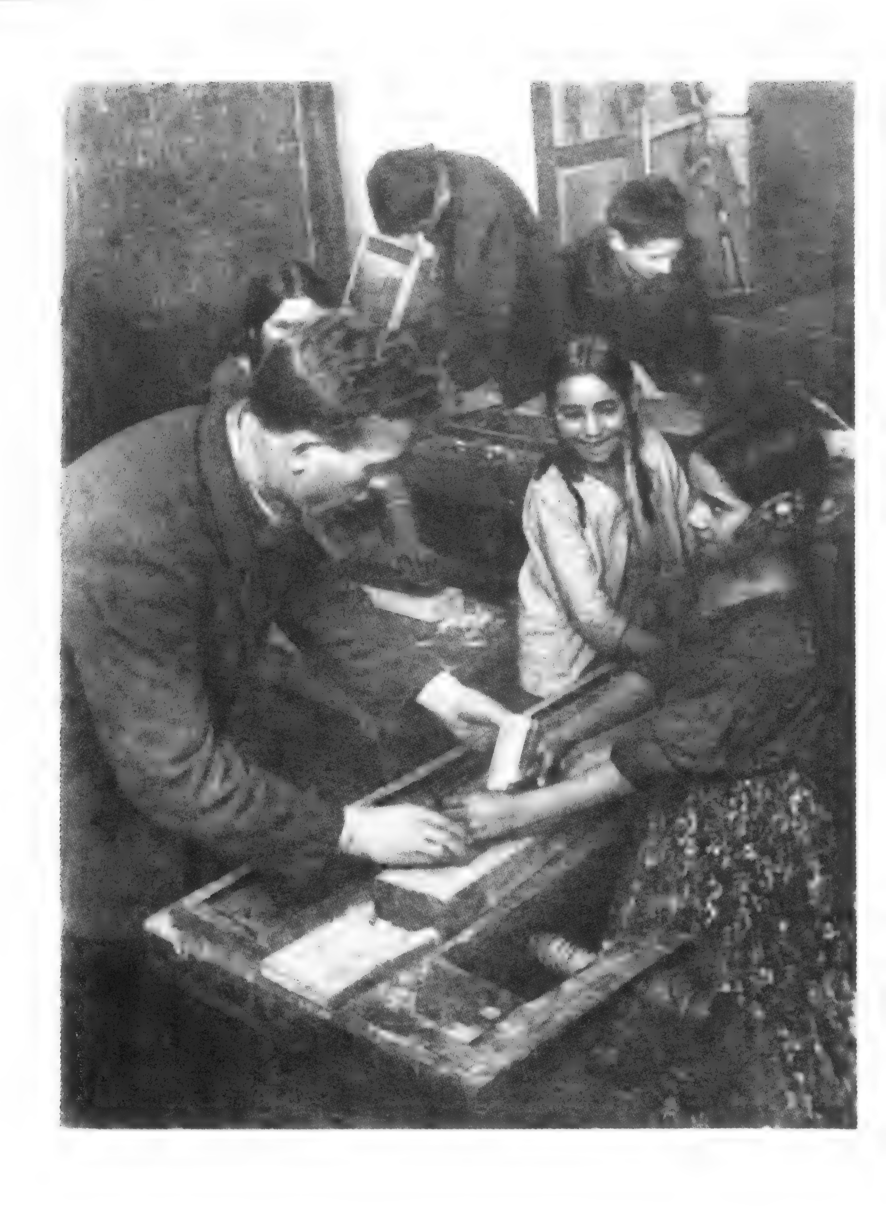
Выпускники цыганского педагогического техникума (1934 год)

Помоги нам не крест, так ладанка. Фото Е. Доманского

На занятиях в цыганской школе

Цыганочка на уроке труда. В начале 30-х это был не сон

В кабинете М. В. Сергиевского (в центре) — Н. А. Дударова (слева) и Н. А. Панков. Фото 1926 года. Через год будет узаконена цыганская письменность

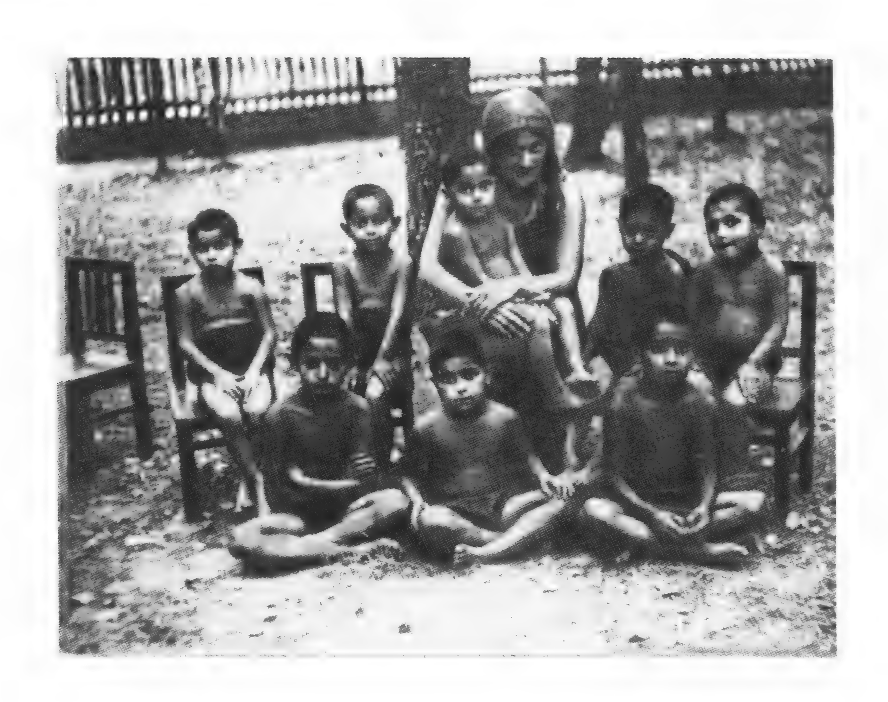
Собрание цыганского колхоза в Мин. Водах

У истоков театра «Ромэн». Слева направо — Бройдо, С. М. Бугачевский (зам. муз. театра), Файль, А. В. Герман (первый автор театра), А. С. Таранов (цыганский общественный деятель, инициатор создания театра), Симонин, Сантина Андреева (ведущая артистка), М. В. Сергиевский (проф. МГУ), М. И. Гольдблат (первый худ. рук. театра) и Г. П. Лебедев (первый директор театра). Фото 1930 г., «Ромэн» начнет работу через год

На уроке кройки и шитья

Цыганский детский сад в Москве.

Лидия Николаевна и Александр Николаевич Ильинские. Фото авторов (1981 год)

вал ее от родных и друзей. Единственным ребенком Ольги Михайловны Шишкиной от Фета была дочь Гликерия (моя бабушка). Рожденная вне брака, она получила отчество по крестному отцу — Александровна, фамилию ей дали Шишкина. Отец никаких забот о дочери не проявлял, мать растила и воспитывала ребенка так, как было принято в ее семье».

Нет никаких оснований не верить этим мемуарам. Толстые с Фетом были в те годы в приятельских отношениях. Если Фет и увел сестру М. М. Шишкиной из хора, то только благодаря влиянию Сергея Николаевича.

Завершая рассказ о браке С. Н. Толстого, отметим, что Лев Николаевич до конца своей жизни тепло относился к Марии Михайловне (даты ее жизни — 1832 — 1919).

Удивительны повороты судеб! В 1824 году были написаны «Цыганы» Пушкина. Почти полвека спустя один из дальних родственников Натальи Николаевны Гончаровой, принадлежащих к роду Загряжских, вступает в брак с цыганкой из рода, к которому принадлежала знаменитая цыганская певица Таня. И вновь как бы соприкасаются, преодолевая бег времени, судьбы Пушкина и любимых им цыган.

После смерти Л. Н. Толстого была найдена его незаконченная драма «Живой труп». Одной из первых исполнительниц роли Маши была Е. И. Тиме. Кто занимался постановкой цыганских песен с актрисой? Прекрасный хоровой дирижер Николай Дмитриевич Дулькевич, потомок О. М. Шишкиной, то есть дальний родственник писателя «по цыганской линии». Должно быть, и в этом есть свой смысл...

Третьим из семьи Толстых женился на цыганке сын Льва Толстого, Лев Львович. За границей он женился на Марианне Сольской, дочери знаменитой Лёдки, Ольги Петровны Панковой, примадонны цыганского хора Григория Ивановича Соколова. Нет смысла подробно останавливаться на этом неудачном, несчастливом браке. Но мы не можем не сказать об отношении цыган к подобным фактам. Раньше об этом как-то было не принято писать. Имена цыганок, вступавших в связь с русскими аристократами, упоминались лишь рядом с именами их знаменитых мужей. Тех, кто злословил по этому поводу, цыганки не интересовали. Приведем не опубликованное письмо Марианны Сольской Татьяне Львовне Сухотиной-Толстой[1]. Оно было отправлено 25 июня 1924 года из Ниццы.

«Дорогая и многоуважаемая Татьяна Львовна, надеюсь, что это письмо дойдет до Вас. Я Вам писала из Парижа не-

---

[1] Оригинал хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

сколько месяцев тому назад (то письмо было отправлено 25 октября 1923 года.— *Е. Д., А. Г.*), но не получив никакого ответа, думаю, что мое письмо пропало. Я столько много хорошего слыхала про Вас от Ольги Мек, которая мой большой друг и которая теперь находится в Ницце, что заочно Вас полюбила и стремлюсь всеми силами с Вами познакомиться. Лева (мой муж) тоже часто говорил о Вас. Вы наверное знаете, что Ваш брат Лева развелся с Дорой (Дора Федоровна Вестерлунд — первая жена Льва Львовича.— *Е. Д., А. Г.*) и что я его вторая жена. Леву я три года не любила, но боготворила. Для меня он был вся моя жизнь, вся цель. Всё, что женщина может дать сердечного, душевного, я дала Вашему брату. Вся духовная жизнь, вся энергия, все надежды были в нем. Вашего отца и Вашу мать я любила и люблю и ко всей Вашей семье меня тянет душевное и родное. Мы с Левой жили три года. Много спор[ов], много неладов. Лева всё больше и больше втягивался в игру... От всего отчаяния уехала к моей матери в Ниццу. Что я пережила, как я скучала, сколько я слез пролила, один Бог только может знать. Одно утешение, это мой мальчик, сын Левы, которому теперь 3 года и который даже не знает своего отца. Посылаю Вам карточку моего маленького Вани. После долгих и больных размышлений я решила вернуться в Париж и переговорить с Левой, что-нибудь решить и хоть для ребенка нашего остаться друзьями. Но приезда в Париж Лева не только не принял, но когда его умоляла письменно и когда сама пришла в отель, и он меня даже не принял, тогда я только поняла жестокость его души и его разума. Дорогая Татьяна Львовна, я пишу всё пережитое, открываю всю мою душу и умоляю, откликнитесь на это письмо. Я так больна морально, так одинока, что каждое хорошее слово от Вас мне дорого. Лева же в Париже никогда мне не напишет даже о Ванечке. Бог с ним! Мне так надоела заграница, так хочется на родину в Россию. У меня проект приехать к Вам в Москву с Ваней. Что Вы мне на это советуете? Чем-нибудь заняться хотела бы, работать. Жду с нетерпением Вашего ответа. Напишите мне, что Вам надо выслать и что Вам там недостает. Для меня будет большая радость послать Вам посылку. Посылаю Вам мой самый душевный и сердечный привет. Марианна».

В это же письмо была вложена фотография трехлетнего ребенка, в лице которого легко угадываются черты Толстых. На обороте фотографии можно прочитать надпись, сделанную, скорее всего, рукой матери Марианны, Ольги Петровны Панковой, и адресованную, видимо, дочери. Надпись гласит:

«Эта фотография будет помещена в газете, а такую же, только увеличенную, сделали для монакской принцессы, которую будут просить, чтобы она сделала для него концерт. Мадам Прево так о нем заботится, что мне удивление. Напиши ей».

Отбросим в сторону причины разрыва Льва Львовича с Марианной Сольской. Заметим только, что внук великого писателя Ваня Толстой, или, как его называли во Франции, Жан Толстой, вынужден был жить на сборы от благотворительных концертов.

Письмо Сольской от 25 июня 1924 года — последнее из ее писем. О судьбе ее ничего не известно. Но вот проходит несколько лет, и в парижской газете появляется сообщение:

«Париж, 29 августа. Последний номер «Пти Паризьен» сообщает из Кана, что полицейские на Азурном берегу поймали молодого человека, который занимался кражей часов. На допросе этот семнадцатилетний молодой человек, не имевший при себе никакого удостоверения личности, заявил, что его имя Жан Косен. После внимательного следствия было установлено, что этот молодой человек носит имя Толстой и рожден в Биарице. Согласно сообщения «Пти Паризьен'а», этот молодой человек должен быть внуком знаменитого русского писателя Льва Толстого...»

Чтобы у читателей не закрались какие-либо сомнения, скажем, что перевод сделан внуком Льва Толстого, Ильей Толстым, и был частью его письма к Т. Л. Сухотиной-Толстой от 7 сентября 1937 года, оригинал которого хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

Малоприятно читать эти строки. Но такова неприглядная изнанка цыганского мифа, и это — ярчайший его пример. Приведем еще один доселе не опубликованный документ — письмо М. М. Федорова — президента находившегося в Париже Центрального комитета покровительства русской университетской молодежи — к Т. Л. Сухотиной-Толстой. Оно датировано 21 июня 1938 года.

«Глубокоуважаемая и дорогая Татьяна Львовна,

Очень Вам признателен за Ваше милое письмо от 17-го сего июля и за доброе Ваше и Вашей дочери Т. Альбертини обещание принять участие в оплате учения и содержания Вани в интернате... ежемесячными взносами в 200 франков. Он учится хорошо, несомненно интересуясь изучаемым им предметом (радио). 1-го августа он уезжает в Колонию витязей и кадет в Напуль на Средиземное море для отдыха, им вполне заслуженного, а с 1-го сентября его адрес будет

(приводится парижский адрес И. Л. Толстого.— *Е. Д., А. Г.*). Сообщаю Вам этот адрес, чтобы просить Вас написать Ване доброе, ласковое письмо. Он в этом нуждается, в особенности со стороны своих родственников. Это важно для него и в моральном отношении. Его прошлое оставило на нем тяжелый след обиды за пережитое и недоверия к людям и своим родным, но о прошлом ему напоминать не надо; ему оно неприятно. Хотя достигнуто и в моральном отношении уже многое, но работу воспитания надо продолжать, и в этом всем, любящим его, надлежало бы принять участие.

Директор центральной школы радио очень хороший человек. Он мне обещал поселить Ваню в одной комнате с хорошим, спокойным и дельным юношей, учеником той же школы, который мог бы оказать на него доброе влияние. Как видите, я предвосхитил Ваш совет дать ему хороших товарищей. Если Господу будет угодно, то и в этом направлении будут достигнуты хорошие результаты.

Искренно Вас уважающий Михаил Федоров»[1].

Мы рассказали о некоторых «романтических» историях, связанных с цыганскими примадоннами и представителями русской аристократии. Но надо сказать, что судьбы Паши Тугаевой и Марии Шишкиной еще более или менее благополучны. А судьбы других? Прежде чем рассказать о них, заметим, что не только представители высшего света за связи с цыганками подвергались обструкции общества, самым беспощадным образом отвергались своей средой и цыганские хористки. И если высший свет сплошь и рядом прощал «шалости» своим любимцам, стоило тем «возвратиться на круги своя», то для цыганок обратной дороги не было, они оставались в изоляции до конца своей жизни.

Печально закончилась и жизнь Олимпиады Николаевны Федоровой, знаменитой Пиши, солистки цыганского хора, руководимого Ф. И. Соколовым. Вот что пишет в своих воспоминаниях цыганский просветитель и поэт Н. А. Панков:

«Светлейшие», «сиятельнейшие», «короли-финансисты» — вся та публика, которой искусство обязано было служить в то время, образовала почтительную толпу перед нею. Подношения ей были сказочными: целые дома, редкостные жемчуга и бриллианты бросались к ногам Пиши. Тут она сошлась с блестящим уланом, которого, видимо, привлек все-таки не блеск таланта и обаятельность облика Пиши, а блеск ее бриллиантов. Расходы кутилы улана не соизмерялись

---

[1] Оригинал хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

ни с какими ее средствами. Почувствовав горечь разочарования, она, оскорбленная, расходится с ним. Но цыганская семья, цыганский хор пуритански блюдут репутацию среды. Такие вещи, как «незаконные связи» или разрыв, преследовались в семье или в хорах. Пиша из-за этого была вынуждена оставить Москву и перебраться в Петербург. Там она работала в хоре Р. А. Калабина и Н. И. Шишкина, но, сраженная обидой, за своих детей, которые от связи, «не освященной церковью», считались незаконными, а потому и бесправными, она, не достигнув 33 лет, умерла, оставив детей без всяких средств и прав, предоставив их попечению хора».

Показательна и судьба Лёдки, Ольги Петровны Панковой, о дочери которой, Марианне Сольской, мы уже говорили. Так же, как и Пиша, она была окружена славой, многочисленными поклонниками. Полюбив небогатого дворянина Н. М. Сольского, она была вынуждена порвать со своей средой, которая отвергла ее, и уехала с ним за границу. После смерти мужа она осталась одинокой и нищей. И не исключено, что, подобно героине известного романса А. А. Алябьева, который она в свое время блистательно исполняла на эстраде, пришлось ей на склоне лет стоять с протянутой рукой на паперти чужого храма.

Примеры можно множить и множить, но, думается, достаточно и этих. Даже слегка соприкоснувшись с реальными человеческими судьбами, прекрасно понимаешь, чего стоит миф о праздности и блеске цыганской жизни. Стоит только вникнуть в нее, и многотрудная жизнь прославленных цыганских артисток, проходившая в атмосфере непонимания и безразличия, предстает в ее истинном виде. Как ни странно, всеобщее восхищение перед цыганским искусством отрицательным образом сказалось на жизни его наиболее ярких представителей. Романтический миф о цыганах обернулся против них.

Цыганская жизнь и цыганское искусство всегда волновали воображение лучших представителей русской культуры. Цыганские мотивы пронизывают русскую литературу и искусство. Один только библиографический список произведений русской художественной литературы о цыганах, песен и романсов, предназначенных для исполнения в цыганских хорах, занял бы десятки страниц. К этому можно добавить объемный перечень журналистских работ, посвященных цыганской тематике. Тем не менее в большинстве этих произведений находил отражение все тот же цыганский миф. И это вполне понятно. О глубинных пластах цыганской жизни ни-

кто, кроме цыган, знать не мог. Посторонних цыгане в нее не допускали, на протяжении веков она была закрыта для окружающих. И потому на страницах книг цыганская жизнь представала искаженной и явно романтизированной. Она шла своим чередом, не имея ничего общего с тем, что писали о ней русские литераторы. Цыганка, блиставшая на сцене красотой, исполнявшая романсы о вольной и разгульной жизни, в обыденной жизни не могла даже коснуться юбкой своего мужа, иначе была бы беспощадно бита. Те же немногие новоявленные графини и княгини, о которых шла речь, не умели даже написать свое имя. Духовной близости у цыганок и аристократов и быть не могло хотя бы потому, что социальный уклад цыган в то время не выходил за рамки родовой общины. Связь цыган с русским высшим светом была сугубо эмоциональной. Казалось бы, какой вред может принести цыганам тот невиннейший на первый взгляд романтический миф, который сочинили о них? Однако в сознании людей представление о цыганском искусстве, о том, что было связано с ним, прочно переплелось с представлением о разгульной жизни паразитических слоев населения. Это обернулось для цыган трагедией. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

Цыганский миф — стойкое явление в нашей культуре. Отголоски его и в наши дни звучат со страниц литературных произведений, прорываются с экрана. Однако сколько можно жить в плену ложных представлений? Миф, как бы он ни был прекрасен, остается мифом. И нам бы очень хотелось посоветовать современным мифотворцам повернуться лицом к подлинной цыганской жизни. Она совершенно иная, быть может, не столь красивая, как им представлялось, но нет ничего на свете лучше правды. И еще надо помнить, сколь дурную службу может сослужить самим цыганам подобное мифотворчество. В наше время наметился заметный поворот в изучении жизни и культуры цыган. Словно спохватившись, исследователи цыганской культуры, не желая терять драгоценного наследия, подменять его подделками, стали обращаться к фольклору, к подлинным документам цыганской истории. Но родник народного искусства вовсе не бездонен. В связи с урбанизацией и разнохарактерными социальными изменениями в образе жизни все труднее становится отыскивать жемчужины цыганского творчества, в том числе и мифы, но не рожденные буйной фантазией постороннего наблюдателя, а возникшие в глубинах самой жизни.

Цыганские хоры России

Все реже слышатся птичьи переливы. Лес умолкает, готовясь к ночи. Но цыгане, расположившиеся на поляне, словно не замечают надвигающейся темноты. Отдельными группами сидят мужчины, обсуждая дела минувшего дня, цыганята возятся возле лошадей — это их излюбленное развлечение, а женщины заняты своими нелегкими хозяйственными заботами. В этом сочетании необычной человеческой жизни с громадой окружающей стихии неожиданно рождается звук, затем второй, потом возникает мелодия. Это запела молодая цыганка. Запела просто так, для себя. Никогда она не объяснит никому, почему вдруг запела. И тотчас ей стала вторить другая. Желание петь подобно потребности дышать или утолить жажду: если возникла песня — надо ее поддержать. Спустя мгновение поет весь табор. Песня соединяет цыган невидимыми узами, она летит в небо — неукротимая, вольная...

Знакомая, удивительная, захватывающая картина. И сейчас, перед тем как обратиться к событиям двухвековой давности, мы невольно думаем о том, насколько естественно для цыган именно хоровое пение, насколько оно продиктовано самой их жизнью, насколько оно н а р о д н о. И пусть цыганский профессиональный хор в значительной мере отличается от стихийного народного, он имеет с ним более чем тесную, самую органическую связь.

Много, очень много писали о цыганских хорах. Как правило, на уровне светской хроники, несерьезно, нимало не заботясь о том, какую дурную службу оказывали самим цыганам. Желая поразить очередной сенсацией, читателям подсовывали и заведомую выдумку. Расчет был прост: цыгане

промолчат, а русские читатели проглотят любую небылицу, поскольку речь идет о столь загадочном народе.

По счастью, к нам в руки попали некоторые цыганские архивы, в частности, воспоминания замечательного цыганского просветителя и писателя Николая Александровича Панкова, а также записки его брата, Александра Александровича, в прошлом дирижера цыганских хоровых коллективов, деятельность которого началась еще в прошлом веке. Именно эти воспоминания и документы позволили пролить свет на многие неясные моменты истории цыганских хоров. Мы будем к ним обращаться еще не раз. Попробуем посмотреть на цыганские хоры с разных позиций. Дадим слово всем — и слушателям, и самим цыганам. Так, наверное, будет справедливо. И пусть все нам покажется важным: и лица, и одежда, и имена, и музыка...

Мы уже говорили, что цыгане — народ этнически неоднородный, потому многообразна его культура. Но следует особо подчеркнуть, что цыганские хоры есть только у русских цыган.

Не случайно обратила на цыган внимание и племянница Петра I императрица Анна Иоанновна. Не только склонностью к конокрадству и прочими противозаконными деяниями заявили о себе русские цыгане, славились они и как потешники на ярмарках и гуляниях — устраивали представления с медведем или козой. Это даже вошло в традицию: во время масленичных гуляний рядились в медведя, козу и цыгана. Анна Иоанновна любила подобные представления. Не от дяди ли это пошло? Известно, что еще Петр I привлекал цыган к участию в своих знаменитых маскарадах. Однако расположение русской императрицы к цыганам не помешало ей включить их в подушную перепись и обложить всяческими налогами. А дальше — больше: определили всех цыган в крепостные. Цыгана — да в крепостные! Ведь это все равно что на волка хомут надеть. Однако формально цыгане оставались крепостными и от тех помещиков, что не особо их тиранили, не скрывались. Весьма благосклонно относился к ним граф Алексей Григорьевич Орлов, известный в истории как Орлов-Чесменский. За год до своей отставки, в 1774 году, он распорядился собрать из цыган хор. В книге Т. Щербаковой «Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России» говорится, что хор был вывезен из Валахии и состоял из цыган «лэутарей», а руководил хором Иван Трофимович Соколов. Эти сведения Т. Щербакова почерпнула из книги «Старая Москва», принадлежащей перу не очень-то добросове-

стного бытописателя прошлого М. И. Пыляева. Все в этом утверждении, кроме имени первого цыганского хоревода, весьма сомнительно. И впрямь, с какой стати русские цыгане будут кочевать по Валахии и называть себя «лэутарями»? А какие имена носили артисты первого цыганского хора? Иван, Степанида, Илья — у цыган Валахии нет таких имен. Куда вероятнее, что по Подмосковью гуляли первые звезды цыганского хорового искусства.

Подмосковье оказалось и местом их первой «прописки». А точнее, стали эти цыгане крепостными графа Орлова. А Ивану Соколову довелось стать родоначальником прославленной династии цыганских хореводов, певцов, музыкантов и танцоров. Эта династия дала России десятки славных имен. Род Соколовых угас в середине XX века. Его последний представитель, Николай Николаевич Соколов, виртуоз-гитарист, умер накануне Великой Отечественной войны где-то в российской глубинке, всеми забытый...

Поначалу хор графа Орлова выступал только на званых вечерах. Однако слава цыганских артистов быстро росла, ими заинтересовалась московская знать. Хор стали вывозить в Москву, где он выступал и на традиционных весенних гуляниях, и на балах во дворцах приятелей А. Г. Орлова — Потемкина, Зубова, Зорича, ровесников графа, преуспевших, как и он, в делах батальных и, в неменьшей степени, в дворцовых интригах. Поговаривали, что Зубов даже в польский поход брал с собой цыган, дошел с ними аж до Шклова, а потом уже не до них было — назад отправил. Не у графа ли Орлова взял он «напрокат» крепостные цыганские души?

Но крепостными цыгане хора Ивана Соколова были недолго, а поскольку освободил их сам А. Г. Орлов, значит, произошло это памятное событие не позднее конца 1807 года. В это же время, по-видимому, «дирижерская палочка» перешла от Ивана к Илье, племяннику и продолжателю дела первого цыганского хоревода. Но об этом позже.

А пока попытаемся всмотреться в лица участников хора Ивана Трофимовича. Неясными очертаниями проступают они сквозь глухую пелену времени. Сколько их было, теперь уже никто не сможет сказать. Но зато одно имя запомнилось всем. Оно прозвучало так громко, что в целом мире отозвалось. Степанида Сидоровна Солдатова, Стеша, Стешка, Степанида... Она была первой! Она была такой яркой личностью, такой прекрасной певицей, что свет ее таланта еще долго озарял цыганское искусство.

Точная дата рождения Стеши неизвестна. Сопоставляя различные документы и свидетельства, мы пришли к выводу, что она родилась в 1784 году. Огромную роль в ее судьбе сыграл страстный любитель цыганского пения, знаток цыганского искусства Андрей Новиков, который стал ее мужем. Он выкупил Стешу, дал ей образование, в том числе и музыкальное. Достаточно сказать, что Стеша в совершенстве владела польским, русским и украинским языками.

В 1803 году в России гастролировала примадонна итальянской оперы Тереза Маджорлетти. Весной этого года на одном из концертов прославленной итальянской певицы побывала и Стеша. Душа ее словно пробудилась ото сна. В ней во весь голос заговорил дремавший доселе незаурядный природный талант, в полной мере проявились выдающиеся певческие качества.

Главное место в ее репертуаре занимали широкие и раздольные русские песни, которые она исполняла, вкладывая в них всю свою цыганскую душу, а в основе ее пения лежала превосходно усвоенная от педагогов блестящая школа итальянского бельканто. Такое сочетание теперь трудно даже представить. И читатель может понять, почему тогда имя Стеши прогремело на всю Россию.

Стеша не играла ни на одном музыкальном инструменте, но обладала изумительным слухом и могла безошибочно указать на малейшую фальшь звучания хора. Сила ее голоса была так велика, что она легко перекрывала даже на форте и хор, и аккомпанирующие инструменты.

Существует предание, что знаменитая итальянская певица Анжелика Каталани, услышав пение Стеши, разрыдалась и в знак признательности и восхищения подарила ей кашемировую шаль, которую сама якобы получила в подарок от римского папы. Было ли так на самом деле, сказать трудно, однако доподлинно известно, что почитатели таланта Стеши прозвали ее русской Каталани. Приведем восторженный отклик одного из ее современников:

«Я слышал в Степаниде самую Каталани. Нет! К удивлению, которое возбуждала сия последняя в своих слушателях, Степанида присоединяла выразительность, влагала чувство в каждую мысль, мысль в каждое слово».

Слава о Степаниде Солдатовой переросла границы России. Когда в 1812 году Наполеон вошел в Москву, он приказал найти и привести к нему Стешу, но та, не захотев остаться в Москве, перед сдачей города переехала в Ярославль. Не было в Москве и хора: молодежь, повинуясь патриоти-

ческому порыву, пошла служить в армию, в гусарские и уланские войска, а старики, пожертвовав свои сбережения в пользу победы над врагом, разбрелись по углам.

Ходила легенда, что, узнав о приказе Наполеона, Стеша произнесла следующую фразу: «Лучше я буду петь для пленных или раненых русских воинов, чем для чужеземного императора». Так она и делала: работала сестрой милосердия в ярославских военных госпиталях и время от времени устраивала концерты для раненых солдат. Не случайно ее имя было названо в одном из приказов главнокомандующего русской армией фельдмаршала М. И. Кутузова в числе особо отличившихся деятелей русской культуры и мельпомены.

Стеша была удивительно доброй и сострадательной женщиной. Все полагали, судя по тем подаркам, которые она получала за свое пение, что Стеша богата. Однако после ее смерти (в 1822 году) никаких денег не нашли. Цыгане похоронили ее на Ваганьковском кладбище за общий счет. На похоронах помимо Андрея Новикова был литератор Андрей Свиньин и Михаил Иванович Глинка, который из всех цыганских артистов особо выделял Стешу. Почему же та умерла в такой нищете? Дело в том, что помимо своих родственников она содержала еще около 20 бедных цыганских семей, хотя у самой были сын и две дочери. Об одной из них, Ольге Андреевне Солдатовой, гражданской жене П. В. Нащокина, говорилось в предыдущей главе.

История сохранила скупые сведения о родоначальнике цыганских хоров Иване Трофимовиче Соколове. Известно, что в хоре он был танцором. По рассказам современников, И. Соколов был необычайной толщины, он плясал в белом кафтане с золотыми позументами. Его движения в пляске были чрезвычайно искусными и красноречивыми, он словно и не плясал вовсе, а как будто стоял на месте, пошевеливая плечами, повертывая в руках шляпу и изредка притоптывая ногой. И. Т. Соколов был страстным любителем русской народной песни, ревностным собирателем ее. Не случайно русская песня с самого начала заняла прочное место в репертуаре цыганских хоров России.

Еще три имени цыганских артистов хора Ивана Трофимовича Соколова сохранила нам человеческая память: Осип Трофимович — его брат, прекрасный гитарист и хоревод, Илья Осипович и Марья — племянники. Марья славилась среди московской публики как превосходная плясунья. Обратим внимание на один любопытный факт. Дело в том, что, по воспоминаниям самих цыган, Осип как дирижер и музы-

кант был намного сильнее сына, но тем не менее Иван не ему, а Илье завещал свой хор. Причина здесь одна — Илья был намного артистичнее, он умел подойти к людям, от него шел свет, он умел и угодить, и, если надо, рассмешить публику.

Так в 1807 году возник первый в полном смысле слова профессиональный цыганский хор под управлением Ильи Осиповича Соколова. Освободившись от крепостной зависимости, цыгане стали вольны в выборе места жительства и работы. И не замедлили воспользоваться своим правом.

Здесь самое время сделать некоторое отступление и рассказать о внутреннем устройстве цыганского хора, о его жизни, скрытой от постороннего взгляда. Никто лучше не расскажет о жизни цыган, чем они сами. Предоставим же им слово. Вот что вспоминает Николай Александрович Панков, род которого в прошлом блистал целым созвездием ярких имен солистов и дирижеров цыганских хоров:

«Жили цыгане одним табором, снимая большой дом, а для приема гостей и выступлений хора при доме была создана «мирская зала». Сохранились имена последних старост этих «мирских зал»: в Москве (где-то в Грузинах) Марии Васильевны Пономаревой и Ивана Андреевича Хлебникова, а в Петербурге — Григория Ивановича Соколова, снимавшего общинный дом одно время на Песках и какое-то время за Нарвской заставой. Пополнялись московские хоры Соколовых ярославскими, рыбинскими или тульскими цыганами, а в Петербурге главным образом новгородскими.

Завербованные Соколовыми цыгане приезжали в столицы чаще одиночками, оторванные от своих семей, и поступали под опеку старост, устраиваясь в общинном доме. Заработок хора распределялся по паям. Хористы получали «половик» (полпая) и пай, солисты — полтора и два пая. К 900-м годам заработки отдельных солистов возросли до семи паев, а за хористами оставался все тот же пай».

Вот молодой человек или девушка, на которых обратил внимание кто-то из Соколовых, попадает в хор. Устройство его было столь демократичным, что никто, какими бы выдающимися способностями человек ни обладал, сразу солистом не становился, а определенное время как бы стажировался при хоре. Одновременно будущего певца, музыканта или танцора обучали. Этой работой занимались, как правило, ветераны. Они передавали секреты своего мастерства молодежи.

С приемом в хор дело обстояло достаточно просто, если кандидат обладал несомненными музыкальными данными и выразительной внешностью. А если этого не было или что-то

ставилось под сомнение, важное значение имела поддержка хора, происхождение кандидата — из хоровой он династии или нет, из бедной семьи или сумеет прокормиться и без работы в хоре. В своих воспоминаниях Н. А. Панков рассказывает, как принимали в хор его брата, Александра Александровича Панкова:

«Семья, выходцем из которой он был, в 70-х годах прошлого века немало способствовала упрочению славы цыганских хоров, но к первому десятилетию нового века утратила свое место в хорах. К тому же со смертью отца она вступила на путь бедности и лишений. Мать, бывшая когда-то украшением хора Н. В. Губкина, лишившись кормильца, обратилась к хору, пытаясь устроить туда своего сына-подростка. Два хора из трех, подвизавшихся тогда в Петербурге, отказали из-за несценичной внешности мальчика («мал ростом, да и лет еще мало»). Третий, и последний хор, которым руководили Иван Петрович Макаров и Василий Прокофьевич Поляков, отказом двух предыдущих был поставлен в безвыходное положение. Отказать? Куда тогда пойти вдове, что делать мальчику? Ведь других хоров нет. Этические нормы «цыганской семьи» не позволяли ответить отказом.

При личном знакомстве выяснилось, что по «милости» родителей голос у ребенка сорван, но у него есть тонкий слух, к тому же он немного «царапает» на гитаре. Его приняли, предупредив, что в хоре он должен пока лишь слушать и смотреть, как играют гитары. Самому ему позволялось играть лишь в цыганской комнате в свободное время, да и то так, чтобы не мешать взрослым.

Однажды И. П. Макаров спросил Сашу, приглядывается ли он к гитарам и чья игра ему больше нравится. «Дяди Васина»,— бесхитростно ответил мальчик, имея в виду В. П. Полякова. Макаров не одобрил его выбора и сказал: «В аккомпанементе и игре на гитаре смотри на Алексея Васильевича Грачева, а вести хор, пожалуй, учись у меня». На том и кончилась беседа. А через полгода Саше устроили смотр — как он владеет гитарой, какие аккорды знает. Так проходило обучение. Одним уже через год-два позволялось вступить в положение гитариста, попытки же других пресекались навсегда. Допущенный к работе гитарист играл под зорким присмотром «старых волков». При малейшем промахе его игру останавливали и совместно обсуждали ошибку».

Интереснее рассказывается об этом в записках самого А. А. Панкова.

«...Наша группа мальчиков,— пишет он,— обязана была посещать хор так же аккуратно, как и взрослые. Одна лишь разница, что нам не платили деньги. Среди мальчиков я был назначен старшим. В нашу обязанность входило содержание в порядке струн и настройка гитар. Я отдавал задания и проверял, точно ли ребята все сделали, правильно ли настроили инструменты, успели ли вовремя закупить струны. Кроме того, мы устраивали стол: покупали чай и сахар. Кто-то должен был принести кипяток, кто-то расставить посуду. Иногда нам позволяли, если приходили невзыскательные гости, находиться в хоре. И когда кто-нибудь из гитаристов уходил отдохнуть, то нам давали гитары, и мы неплохо подменяли их. Так проходила наша практика. С 12-летнего возраста меня допускали дирижировать хором при работе в кабинетах. На сцену меня не брали из-за малого роста. И когда на концерты уходили мои сверстники, то мне, конечно, было обидно. Но я мирился с этим, думая, что они более сильные гитаристы, чем я.

Когда мне исполнилось 13 лет, ко мне подошел старик Федор Иванович Губкин по прозвищу Жидкий. Это прозвище он получил за свою полноту. В то время ему было никак не меньше ста лет. И вот он мне объявил: «Саня, завтра к 8 часам вечера приезжай в Малый зал консерватории на концерт, достань себе казакин и возьми гитару. Пойдешь на сцену!» Дома я обо всем сказал матери. А у нас, у цыган, была поставщица костюмов. Наутро мать взяла меня к ней, и она подобрала мне казакин, который прекрасно мне шел. К назначенному часу с трепетом в сердце я приехал на место встречи. Федор Иванович был уже там. Он дал команду одеваться и строить гитары, а сам встал возле входа на сцену и пропускал на нее артистов хора. Когда я подошел, он отстранил меня рукой и придержал возле себя. Вот уже все женщины расположились на сцене, как обычно, сидя в три ряда, а сзади в два ряда полукругом встали мужчины. Тут Федор Иванович обернулся ко мне и говорит: «А ты пойдешь вперед дирижировать». Я даже заплакал от неожиданности и сказал: «Не пойду, боюсь, что не справлюсь, что вся публика уйдет из зала». Тогда дядя Федя повысил тон и сказал: «Как, мерзавец, не пойдешь?! Раз я тебе говорю, значит, слушаться должен! Смотри, я скажу, и никто ни в один хор тебя работать не возьмет!» Я похолодел, зуб на зуб не попадает, дрожь меня бьет. Как я вышел, как провел концерт, до сих пор понять не могу. Помню только, что, когда закрылся занавес, из цветов торчала только моя голова. Дядя Миша Шиш-

кин передал свою гитару мужчинам, а сам на руках вынес меня со сцены...»

В XIX веке иные состоятельные люди любили похвастаться: мол, «был вчера в таборе в Грузинах». Это было модно и престижно. Слово «табор», безусловно, произносилось ради красного словца. Это же нелепица — табор в Грузинах! Понятное дело — табор в лесу, на поляне, на дороге, но никак не в городе. Однако говорившие так даже не подозревали, насколько они были близки к истине. Изначально цыганские хоры состояли из кочевых цыган. В дальнейшем они пополнялись во многом ими же. Кроме того, родственники многих цыганских артистов продолжали жить в условиях кочевья. Не случайно, что кочевые традиции, свой жизненный уклад цыгане сохранили в городе, даже, как ни покажется странным, в хоре. Дирижеры и старосты играли роль вожаков табора, был свой цыганский суд, состоявший из пожилых, наиболее уважаемых и почитаемых цыган.

Цыганские хоры на протяжении всей своей истории вобрали в себя довольно небольшое число разветвленных цыганских родов, причем каждый отдельный хор состоял, как правило, из близких родственников. Образование новых хоров обычно было связано с расширением рода или межродовым объединением. Воспитывали молодых артистов в старых традициях, передавая их, как эстафету, из поколения в поколение. Эти традиции были особенно крепки в силу прочности семейных уз внутри хоров. Хоровые цыгане России образовали как бы родовой круг. С одной стороны — это линия Соколовых, Васильевых и Шишкиных, все близкие родственники. С другой стороны — линия Панковых, Масальских, Ильинских, Бауровых и вновь Шишкиных. Круг замкнулся. С ним пересеклись, нередко образуя новые брачные связи, аристические роды Лебедевых, Поляковых, Паниных, Дулькевичей. Так что каждый раз, когда речь зайдет о том или ином цыганском хоре, мы будем сталкиваться с одними и теми же фамилиями. Меняться будут только имена. На смену отцам будут приходить сыновья, а на смену матерям — дочери.

Если говорить о внутреннем укладе цыганских хоров, то и здесь можно обнаружить многие черты цыганской таборной жизни. Прежде всего это касалось вопроса распределения средств. Все заработанные деньги немедленно сдавали в хор, в общий котел, или, как говорят цыгане, «дро пэр».

Вернемся к свидетельству Н. А. Панкова:

«Сданные подарки продавались, а деньги, вырученные от продажи, делились по паям как общий заработок. Уже не-

известно, насколько справедливо и бескорыстно относились к этому фонду старосты. По рассказам стариков и их описанию порядка сдачи подарков можно предположить произвол старост в распоряжении этими фондами. Старосты зорко следили за тем, чтоб не утаил кто подарка. Обычно после отъезда гостей устраивалась торжественная клятва «совэл». Каждый участник хора по очереди подходил к столу старост и или сдавал подарок, или произносил торжественную клятву, что сегодня подарков не получал. Клялись чаще так: «Отца (мать или брата) мне похоронить». Позже пошли уловки и двусмысленные клятвы. Так вместо «отца мне похоронить» произносили «не видеть мне отца»: не видеть все-таки не похоронить».

Прервем ненадолго воспоминания Н. А. Панкова. Заранее предвидим ворчание недовольного читателя: вот, мол, цыгане брали подарки. Да, брали, даже называли их «лапками». Но это было принято в России. Не только цыганские артисты брали подарки, получали их и Ф. Шаляпин, и Н. Давыдов, и М. Савина,— да кто из артистов прошлого от них отказывался? Но лишь цыгане безропотно сдавали «лапки» в общий котел и делили по справедливости. Об этом можно узнать из книги А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Генерал А. Игнатьев (вот уж воистину легендарная личность!) принадлежал к династии князей Мещерских. Он прекрасно знал жизнь цыганских хоров прошлого. Это неудивительно, поскольку один из Мещерских даже был женат на цыганке, некоей Марии Антоновне, которой он дал фамилию Миролюбова.

Вот что пишет А. А. Игнатьев:

«Пропев несколько песен, хор обыкновенно просил пойти закусить, что означало требование дать денег «чавалам» (т. е. ребятам.— *Е. Д., А. Г.*) якобы для выпивки и закуски; в действительности же цыгане пили обычно чай, а деньги вносили в «общую кассу», делившуюся по паям, в зависимости от старшинства и значения в хоре».

Дележка денег нашла свое отражение в популярной среди хоровых цыган песенке:

Что это сделалось, не понимаю я:
Все цыганы по родству — одна семья?
Вы подарочки дарите лишь одной,
А цыганы их все делят меж собой...

Такой важнейший для цыган обычай, как распределение средств, идет из таборной жизни с ее так называемой «вортэ-

чией», то есть товариществом. Жестокие условия табора, постоянная борьба за выживание, где общие интересы подминали личные,— все это заставляло цыган сохранять в кочевой жизни традиции «товарищества». Иначе бы они погибли. Однако в хорах дело обстояло несколько иначе. Здесь не было столь суровой борьбы за выживание (хотя порой возникали драматические моменты), гораздо большую роль играла творческая личность, здесь было изначально «узаконено» неравноправие. Нас, жителей конца XX века, не может не умилять демократизм устройства цыганских хоров, этой интуитивно созданной системы, где все продумано от начала до конца — и творческие, и жизненные моменты, системы, в основе которой лежит добровольная жертвенность, милосердие, человеколюбие. Ведь, как прекрасно понимает читатель, у цыганских артистов не было ни профсоюза, призванного отстаивать интересы каждого члена коллектива, ни соцстраха. Но элементы подобных общественных институтов были, они сформировались под мощным прессом логики жизни, цыгане действовали в силу интуитивного осмысления законов выживания. Тем не менее со временем законы табора, перенесенные в цыганские хоры, стали размываться в результате эгоистических устремлений некоторых артистов. Для иллюстрации этой мысли вновь обратимся к воспоминаниям Н. А. Панкова:

«Следующим шагом хоровых цыган была борьба за подарки гостей. Участники хора добились разграничения: что из подарков подлежит сдаче в хор, а что сохраняется за человеком, получившим подарок. Стало иметь значение даже место, где получен подарок: в ресторане или дома (ресторанные подарки сдавались, а домашние — нет.— *Е. Д., А. Г.*). Ведь нередко желавший послушать цыган вне ресторанной обстановки приезжал к кому-нибудь из цыган просто на квартиру, и туда являлся иногда целый хор, а иногда лишь гитарист и один-два певца или певицы.

Затем было решено, что сдаче в «мир» подлежат лишь подаренные деньги, а вещи оставались в пользу лица, получившего их в подарок. Подарки мужчинам делились только среди мужчин. Клятвы были почти отменены. Надо было подсмотреть момент дарения: даны ли деньги в кабинете ресторана или вне его. Помнится такой рассказ, как один старик получил от гостя денежный подарок. Старик пытался утаить. Его заставили поклясться, поскольку нашелся свидетель. И, обращаясь к нему, он защищал себя так: «Ты же видел, что

одной ногой я был уже на улице...» Решили по справедливости: половину старик должен был отдать в хор».

Как видим, в хорах таборные порядки не очень-то прижились. В этом можно винить и развращающее влияние города, но в гораздо большей степени влияла та атмосфера, в которой работали цыганские хоры прошлого. Речь идет не только о дележке средств. Разваливаться стал и цыганский общинный дом с его «мирской залой». С течением времени оторванные от своих семейств цыгане стали один за другим покидать его, снимать квартиры и перевозить из провинции своих «нехоровых» родственников. Власть старшин хора стала колебаться и падать, хор превратился в очень сложный и плохо управляемый организм. Легко гасимые ранее противоречия и конфликты порой перерастали во вражду, усложняя и без того непростую жизнь.

«Вслед за распадом общинного дома,— пишет далее в своих воспоминаниях Н. А. Панков,— появляется порядок содержания ветеранов хора и сирот «с мира». Неработоспособные старики и сироты числились в качестве родственников того или другого члена хора. Неработоспособные делились на две группы: первая — действительные ветераны хора, работавшие в нем всю жизнь; другая группа состояла из стариков, не имевших с хором ничего общего; эти люди числились ветеранами благодаря тому, что кто-нибудь из родных занимал видное место в хоре и выговорил субсидию для своих стариков. Таких ветеранов называли «хвостами». Весьма недружелюбно встречал хор нового человека, тащившего за собой «большой хвост». Обычно «хвостам» выплачивали полпая от общего заработка хора. Это как-то обеспечивало жизнь стариков и сирот, спасало от нищенства. Подросшие сироты при наличии данных шли в хор по стопам старших. Порядок содержания «с мира» стариков и сирот продержался до начала XX века».

Обстановка внутри цыганских хоров во все времена была чрезвычайно строгой, можно смело сказать, пуританской. Нам хочется еще раз особо подчеркнуть это, ибо некоторые досужие мемуаристы и романтически настроенные литераторы рисовали совершенно иную картину. Дело не только в том, что все в хоре происходило под неусыпным наблюдением старосты и дирижера; дисциплине и соблюдению вековых традиций способствовали и крепкие семейные узы, пронизывавшие весь коллектив и связывавшие каждого его участника. Если отказаться от приглашения именитого гостя зайти в его кабинет не было никакой возможности, певицу или плясунью

сопровождали ее родные или старшие в хоре. Артист Малого театра, друг А. Н. Островского, И. Ф. Горбунов в своих дневниках вспоминает, что даже принц Ольденбургский со своей будущей гражданской женой, солисткой хора О. А. Шишкиной, встречался «не иначе как в сопровождении ее «агарянами» (так Горбунов называл цыган).

Конечно, в кабинетах с цыганами обращались не всегда корректно. В таких случаях кто-либо из старших вполголоса давал команду: «выджян» (выходите), и все артисты без единого слова тотчас же покидали кабинет. Говорят, будто даже самого великого князя Николая Николаевича цыгане однажды поймали в глухой аллее сада и избили за грубость так, что тот долго опасался показываться им на глаза.

Вообще с именем великого князя Николая Николаевича у цыган связано немало печально-юмористических воспоминаний. Вот, к примеру, эпизод, рассказанный Н. А. Панковым:

«В 1905 году в хоре Н. И. Шишкина работала моя двоюродная тетка Александра Александровна Масальская по прозвищу Игла. Певицей она была неважной, но зато славилась как несравненная красавица. И вот однажды хор приехал слушать великий князь Николай Николаевич. Цыгане знали, что он был ко всему строг и придирчив, порой вел себя дерзко и грубо. Такому гостю были не рады: цыгане боялись ему петь, а дирижеры дирижировать. Случилось так, что Николай Иванович Шишкин в тот день заболел и на работу не вышел, а его место дирижера занял Михаил Александрович Шишкин. И вот князь увидел Иглу и велел ей спеть. Когда песня закончилась, князь сказал: «Ты молодец, Сашка, настоящая цыганская королева!» И надо же было ей, зная его нрав, в ответ на похвалу сказать: «А вы, князь, взяли бы да преподнесли мне букет цветов». Тогда князь нарочито грубо повернулся к ней спиной со словами: «Вот тебе, Сашка, букет цветов!» Михаил Александрович немедленно приказал всему хору выйти из кабинета. Все вышли. Мужчины встали у дверей и, затаив дыхание, стали прислушиваться. Когда они остались наедине, Михаил Александрович мгновенно схватил князя за грудки, повалил на себя и, как спрут, стал его сжимать руками. У князя затрещали кости, но вывернуться из объятий он не мог. Не выпуская князя из объятий, М. А. Шишкин начал кричать. На крик прибежал распорядитель и, увидев Шишкина под князем, попросил: «Ваше высочество, отпустите его!» Тут Шишкин освободил объятия, а князь вскочил на ноги и велел принести счет. Он уплатил деньги и уехал. Все были в страшной тревоге, не зная, что дальше про-

изойдет. Но на следующий вечер князь приехал снова и велел позвать к себе в кабинет Михаила Александровича. Цыгане отговаривали Шишкина, просили, чтобы он шел домой, а князю доложить, мол, заболел и на работу не вышел. Но Шишкин рассмеялся и сказал: «Прежде чем князь мне снимет голову, я сам его изувечу». И пошел к нему в кабинет. Каково же было его удивление, когда князь любезно встретил его со словами: «Спасибо, Михаил Александрович, этого больше никогда не повторится». Он протянул Шишкину деньги: «А это вам за умную отвагу. Приглашайте хор»...»

Вообще в жизни цыганских хоров нередко важнейшую роль играли люди грубой физической силы, ведь петь приходилось для подвыпивших гостей в отдельных кабинетах ресторанов. Многие хоры славились не только прекрасными голосами или виртуозами-гитаристами, но и теми, кто в нужную минуту мог защитить достоинство хора и его участников. О таких силачах тоже сохранились воспоминания. Приведем эпизод, рассказанный А. А. Панковым:

«Это произошло в Петербурге в 90-х годах. Тогда еще практиковались кулачные бои. И среди цыган были люди, состоявшие на учете в качестве профессиональных бойцов. Из хоровых цыган вспоминается Петр Иванович Бауров по прозвищу Битюг. Он тогда был уже в преклонном возрасте, около 60 лет. Были и два брата Шишкиных — Василий и Дмитрий Васильевичи. Их сестра Варвара была незаурядной певицей, и ей благоволил великий князь Николай Николаевич. А в том же хоре работал Николай Федорович Шишков по прозвищу Бурюба — человек саженного роста, сухощавый и внешне очень красивый. Он в кулачных боях не участвовал и не знал, какая сила в нем таится. Он ухаживал за Варварой и имел серьезные намерения.

Как-то раз слушать хор приехал великий князь Николай Николаевич. Работали тогда в ресторане «Самарканд». И получилось так, что позади Варвары встал Бурюба, а по его бокам — братья Василий и Дмитрий. И тут, во время пения, Бурюба в шутку стал щекотать Варвару по шее. Братья говорят ему: «Перестань! Мы же великому князю поем! Он не потерпит твоих шуток». Но Бурюба не обратил на братьев никакого внимания. Тогда они с двух сторон схватили его за руки и хотели придавить его к полу, но так и повисли на Бурюбе, как желуди на дубе. Великий князь заметил это и возмутился, как, мол, это так, что два знаменитых силача не в силах одного человека одолеть. Он остановил пение, подозвал Бурюбу, подвел его к камину и сказал: «Вот видишь?

Если пробьешь стену кулаком, то дарую жизнь, а не пробьешь — здесь же своей шашкой голову сниму». Все бросились умолять князя, Варвара даже перед ним на колени встала. Бурюба поднял ее и говорит: «Стоит ли он того, чтобы ты перед ним на коленях стояла?» Говорит он князю: «Прикажите, чтобы принесли салфетку!» Принесли салфетку. Он обмотал ею руку, чтобы не поцарапаться, и со всей силы ударил кулаком по стене камина. Рука по локоть ушла в стену и вышла наружу. А ведь она была сложена в два с половиной кирпича да плюс изразцовая облицовка. Цыгане оцепенели от неожиданности, а великий князь налил в рог шампанского и подал Бурюбе. На пробитое место князь велел сделать серебряную решетку, на которой была выгравирована дата, кто и как пробил стену в камине. Это распоряжение было выполнено. Решетка существовала до 1915 года, когда помещение было за ветхостью снесено».

Бывало, что загул какого-нибудь знатного вельможи оборачивался для цыганского хора трагедией. Так в 1914 году в Петербурге в ресторане «Самарканд» разыгралась подлинно кровавая драма. Об этом нам рассказывала свидетельница этого события, в прошлом певица цыганского хора Екатерина Полякова. Как-то раз в этот ресторан заглянула компания, в которой был гвардейский офицер, сын генерала Колзакова. Подвыпившие гости потребовали цыган. Когда те пришли, загулявший генеральский сын повел себя в высшей степени оскорбительно. Цыгане немедленно повернули к выходу. И тогда этот человек вынул револьвер и затеял стрельбу. Несколько цыган, мужчин и женщин, участников хора, были ранены, а отец девушки, к которой приставал сын генерала, убит.

Что же толкало цыган к работе в ресторанах? Почему они шли на заведомое унижение своего достоинства? Ведь там они нередко сталкивались с непростыми нравственными проблемами. Ответить на этот вопрос несложно. В те времена практически отсутствовали постоянные площадки, где могли бы выступать цыганские артисты. Возможность дать публичный концерт предоставлялась им эпизодически, в связи с каким-нибудь праздником или событием. Кроме того, к середине XIX века цыганские хоры стали множиться, и возникла конкуренция. Вся русская эстрада, театр, даже опера нередко, как говорится, «подкармливались» от ресторана. Многие русские артисты и музыканты, в том числе и выдающиеся, зарабатывали на жизнь в ресторанах. А сейчас, в наши дни, не то же ли происходит? Кому-то удается избежать этой печальной участи, а кому-то нет. Так что не будем строго судить

хоровых цыган прошлого, они были счастливы, что место в кабаке прочно сохранялось за ними.

В жизни цыганских хоров бывали разные периоды: даже в лучшие времена далеко не всегда и не всем удавалось прожить относительно беззаботно. Конечно, когда примадонны цыганского хора, к тому же с «большим хвостом», выступали с концертами часто, особой нужды они не знали, но у рядового хориста, получавшего свой скромный пай, жизнь была как качели: то вверх, то вниз, то густо, а то и вовсе нет ничего.

Особенно не любили цыгане так называемые глухие времена — курортные сезоны. Как вспоминает Н. А. Панков, в это несчастное время ломбарды бывали полны хоровыми цыганами:

«Цыгане таились друг от друга, жива была среди них пословица: «Пусть солома в животе, а голову не роняй». Они несли в заклад все то, что было приобретено в счастливое время. Зараженные суевериями, цыгане порой прибегали к различным колдовским манипуляциям. Они верили в «счастливый след». Вот и искали на земле следы щедрых господ, веря, что стоит такой след заговорить, как дела пойдут на лад. Услышат, бывало, что в таком-то ресторане у цыган от гостей отбоя нет, и отправятся один-два человека, чаще девушки, искать след гостя. Но уж если поймают цыгане кого за таким занятием, скандала и ругани не оберешься».

В Москве и Петербурге в прошлом веке существовали заведения (как правило, рестораны), где постоянно работали цыганские хоры. В Петербурге это были рестораны «У Дорота» и «Ташкент» (где-то за Нарвской заставой). Выступали цыгане и в так называемом «Заведении минеральных вод», которое содержал И. Излер, слывший знатоком цыганского мира. Несколько позже на Черной речке Р. М. Халитов открыл ресторан «Самарканд», и там цыгане выступали постоянно. Работали они и в ресторане у Строганова моста. Название этого ресторана менялось в зависимости от того, кто был хозяином: при поваре-французе Люшаре он назывался «Каскад», потом был переименован в «Алькозар», «Помпею», «Аркадию» и, наконец, в «Виллу Родэ». В Старой деревне находился ресторан «Ливадия», а на островах — «Крестовский» и «Аквариум». В Москве огромной популярностью пользовались знаменитые рестораны, работавшие в Петровском парке,— «Яр» (в пушкинские времена он находился в центре Москвы, где-то в районе пересечения улиц Неглинной и Кузнецкого моста), «Стрельна» и «Эльдорадо».

В ресторан цыгане сходились уже к ночи, часам к одиннадцати, и занимали так называемые «цыганские комнаты». В этих комнатах артисты сидели до четырех утра, ожидая приглашения. Вот что пишет в своих воспоминаниях Н. А. Панков:

«У женщин была своя «половина», у мужчин — своя. На «половине» женщин господствовало вязанье и другое рукоделье, у мужчин — карты и россказни о старине. Нередко в эти комнаты заявлялись запросто особенно близкие цыганам друзья. Чаще всего это были артисты, поэты, музыканты и литераторы».

Любил бывать у цыган и друг А. Н. Островского И. Ф. Горбунов, который выступал в великосветских салонах со своими короткими рассказами. В его дневнике можно прочитать такую запись:

«Вечером в таборе в «Самарканде» весь вечер беседовал с цыганкой, дочерью Ивана Васильевича (Васильева.— *Е. Д., А. Г.*). Много сообщила мне интересного и о своем языке, и нравах. Ее отец составил цыганскую азбуку...»

Весьма примечательная запись. Дело в том, что И. В. Васильев, о котором мы еще расскажем, был другом Аполлона Григорьева. Составленная им цыганская азбука заинтересовала поэта. Скорее всего, она затерялась в его архиве.

Захаживал к цыганам литератор Михаил Иванович Пыляев. Сын купца гостинодворца, владевшего парфюмерным магазином, М. И. Пыляев, закончив петербургское реформатское училище, стал сотрудничать в газете «Новое Время» и в «Петербургской газете». В его книгах (особенно в «Старом Петербурге» и «Старой Москве») невероятным образом сочетаются дотошность и скрупулезность исследователя и развязность, «щелкоперство» газетного борзописца, острый взгляд историка-бытописателя и самого дурного пошиба фантазии. В одной и той же книге излагаются правдивые факты, обладающие для всех русских непреходящей ценностью, но в то же время отечественная история предстает как цепь исторических анекдотов. Любопытно, что наши современные прозаики, пишущие на историческую тему, нередко обращаются к трудам Пыляева и, в силу различных подходов к предмету литературного творчества, берут у Пыляева то, что им ближе: одни — подлинные свидетельства, факты, а иные — ограничиваются анекдотами. Благодаря Пыляеву мы многое знаем о жизни цыганских хоров прошлого века. Но возьмите его «этнографические» находки (о некоторых из них мы уже говорили) — они представляют собой нелепейшие фантазии,

цель которых — поразить почтеннейшую публику сенсационным материалом. Цыгане хотя и знали об этой чепухе, тем не менее гордились, что о них пишут, их имена вставляют в книги. Надо сказать, что цыгане очень дорожили дружбой с русскими писателями, многие прекрасно знали Л. Н. Толстого, А. А. Фета (которого они знали как «блестящего кавалергарда Шеншина»), А. Н. Островского, А. Григорьева, А. И. Куприна, А. Блока и многих, многих других.

Н. А. Панков утверждает, что вплоть до революции у цыган хранился диван Пушкина, который как бесценную реликвию сберегала сначала внучка Тани Демьяновой Капитолина Григорьевна Соколова, а от нее он перешел к Ольге Андреевне Шишкиной.

Завсегдатаем у цыган был упоминавшийся нами автор замечательной книги «Цыганский язык» П. Истомин (Патканов). У хоровых цыган черпал свои знания такой цыгановед, как Николай Петрович Штибер, работы которого во многом и сегодня не потеряли своего значения.

Интересную деталь, характеризующую взаимоотношения цыган и их почитателей, подметил Н. А. Панков:

«Надо признать, что одним из положительных моментов в жизни цыганских хоров, который позволил им сохранять независимость и блюсти строгие порядки, защищая себя от грязи разнузданных гостей, было то, что цыгане имели большую поддержку со стороны преданных «цыганолюбов», которых было немало. У многих из них связь с цыганами передавалась из поколения в поколение: если отец, скажем, был поклонником таланта Ольги Петровны (Панковой.— *Е. Д., А. Г.*), то сын оказывался почитателем искусства ее племянницы — Валентины Евграфовны, и так далее».

На это же указывает и А. А. Игнатьев.

«Старые цыгане,— пишет он,— сидевшие в центре полукруга, расспрашивали нас о здоровье Алексея Павловича и Софьи Сергеевны и всех других наших родственников, мы же со своей стороны не должны были путать родственных отношений между членами хора».

К сожалению, были и иные «почитатели» цыганского пения. К числу таких, к примеру, относился председатель Государственной думы, генерал М. В. Родзянко. Вот что рассказывает Н. А. Панков:

«Этот случай произошел в 1914 году. Родзянко часто приезжал слушать цыган. Он знал все наши распорядки и платил за выступление по 300 рублей, независимо от того, слушал ли он хор всего один час или же всю ночь. Никакого уго-

щения хору или чаевых от него никогда не было. Его самодурство не знало границ, он придирался по всякому поводу. Дирижеры старались избегать дирижировать при нем, они говорили, что скорее бы сами приплатили, только бы не работать для него. У Родзянко была такая привычка: когда хор пел, он вдруг неожиданно вскрикивал: «Умри!» И с этими словами все мужчины в хоре должны были лечь на том месте, где стояли, а дирижерам приходилось дирижировать лежа на полу. Такой он был самодур! Через некоторое время Родзянко кричал: «Люблю!» Только тогда мужчины вставали.

К тому времени мне не доводилось видеть Родзянко, я ничего не знал о такой его привычке. И вот Родзянко приехал слушать хор. Тут мне Михаил Александрович Шишкин говорит: «Саша, иди вперед!» Сам он для Родзянко никогда не играл и уходил в цыганскую комнату пить чай. Ну вот, как обычно, я вышел перед хором. Родзянко говорит мне: «Маэстро, сыграйте «Сизенького голубчика»!» — была такая хоровая песня. Я начал песню. Но едва она дошла до середины, вдруг Родзянко кричит: «Умри!» Мужчины сразу же легли на пол, а я ничего понять не могу и продолжаю играть стоя. Мужчины зашикали на меня, стали знаками мне показывать, что надо делать. Пришлось и мне лечь на пол. И вот Родзянко снова вскричал: «Люблю!» Мужчины встали, а я продолжаю лежа вести хор. Опять мне сказали, что надо делать, я встал и довел песню до конца. Потом были от Родзянко другие заказы. Помню, подозвал он меня и попросил «Утро туманное». Я пошел к хору, а Родзянко развалился в кресле и расстегнул пуговицы своего сюртука, что считалось выражением полного неуважения. Это увидел Николай Федорович Шишков по прозвищу Мурзик, мощный такой цыган, тоже дирижер. Он крикнул хору, чтобы все вышли из кабинета, и когда цыгане удалились, подошел к Родзянко и сказал: «Что вы себе позволяете? Распоясались, как в доме терпимости! Мы вам играть не будем!» Тут слово за слово зацепилось, и, в конце концов, Николай Федорович крепко поколотил Родзянко. Во всяком случае, он больше наш хор слушать не приезжал. Но почему-то по непонятной прихоти он возлюбил меня и, когда слушал другие цыганские хоры, всегда звал за мной, чтобы я дирижировал. Однако, самодурство свое с той поры он бросил навсегда».

Закончим отступление о любителях цыганских хоров рассказом Н. А. Панкова:

«В четыре часа поутру цыгане покидали ресторан и расходились по домам. Если был заработок, петербургские цы-

гане шли к трактир Баякова, располагавшийся в Новой деревне (это было удобно, поскольку многие семьи хоровых цыган селились неподалеку.— *Е. Д., А. Г.*). Владелец трактира предоставлял цыганам весь второй этаж. Там цыгане делили свой заработок. Если же заработка не было, расходились по домам, не заходя в трактир. После же домашних дел и отдыха часам к шести отправлялись всеми семьями «к Баякову». За столиками устраивались чаи, закуски, шли шумные разговоры, вперемежку с пением и плясками. Здесь же сообщались и живые новости: такого-то дочь просватана за князя, такого-то дочь тайком сбежала с молодым парнем цыганом. На этих же сборищах в трактире разбирались и разные конфликты, выносились решения, обязательные для обеих сторон...»

В Москве местом подобных сборищ служил трактир «Молдавия», находившийся в Грузинах. Только, в отличие от петербургских цыган, московские приводили сюда и своих поклонников.

Таков в общих чертах был цыганский хор изнутри. Традиции его свято соблюдались вплоть до 30-х годов нашего века, когда хоровое искусство цыган практически исчезло со сцены. Но это произошло позже. А пока мы вновь вернемся к истории.

Мы остановились на 1807 годе. Год как год, ничего особенного. Пушкину всего восемь лет. До его встречи с Земфирой еще долгих 13 лет; цыганка Таня споет ему в «мирской зале» на Б. Садовой свою знаменитую «Матушку» и того позже, через 22 года. А пока она и не родилась вовсе. Но уже на весь мир гремит имя Стеши, а умирающий Иван Трофимович передает хор и дело своей жизни племяннику — Илье Осиповичу Соколову.

Что за наследство получил Илья от дяди? Хор с заложенными в нем традициями (а это главное) и репертуар. Перенял Илья и бережное отношение к русской народной песне. Уже в те времена возникла поразительная ситуация, когда хранителями (порой единственными) и собирателями русского песенного фольклора были цыгане. Мы и по сей день сталкиваемся с этим явлением, записывая от цыган старинные русские народные песни, самими русскими давно забытые. Так, в обиход цыганских хоров вошла старинная русская песня «Не вечерняя», о чем уже говорилось. Не случайно впоследствии эту песню стали считать цыганской народной.

Хор Ивана Соколова, а позже и Ильи, исполнял по пре-

имуществу русские песни, лишь в двадцатые годы прошлого столетия в его репертуаре стали появляться городские романсы. Причем эти первые романсы своими напевами были близки русскому фольклору. Смотрим сейчас на названия песен, которые пели цыгане той поры, и с грустью понимаем, что не услышим их больше никогда. «Уж как на сине море», «Ах, матушка, голова болит», «Не бушуйте вы, ветры буйные» — кто теперь поет эти песни?

Ах ты, молодость, моя молодость,
Красота ли моя молодецкая,
Не видал тебя. Ты когда прошла?..

Для русского слушателя цыганское исполнение русской песни явилось полным откровением, оно заставило говорить о себе в самых восторженных тонах. И если концерты крепостного хора Ивана Соколова были доступны весьма ограниченному кругу избранных, то уже хор Ильи слушали не только высшие слои дворянской знати. И нет ничего удивительного в том, что самыми страстными почитателями цыганского пения стали представители культурных слоев общества, и прежде всего литературно-художественные круги. За что любили цыган поэты, писатели, живописцы, музыканты, артисты? Должно быть, в ярком, глубоко эмоциональном цыганском пении они видели пример свободного творческого волеизъявления, величие, глубину и силу человеческого духа, слушая его, осознавали всепобеждающее и очищающее воздействие истинного искусства. И неудивительно, что цыганские образы на протяжении более ста лет присутствовали в русской литературе и искусстве (особенно музыкальном). О цыганах писали: Г. Р. Державин («Цыганская пляска»), Е. А. Баратынский (поэма «Цыганка»), В. Г. Бенедиктов (серия стихотворений для романсов), А. С. Пушкин (поэма «Цыганы» и серия стихотворений), А. А. Григорьев («Цыганская венгерка»), А. Н. Островский («Бесприданница» и другие пьесы), А. Ф. Писемский (роман «Масоны», рассказ «Фараон»), Н. С. Лесков («Очарованный странник» и др.), Ф. М. Достоевский («Братья Карамазовы»), Я. П. Полонский (серия стихотворений для романсов), А. К. Толстой («Цыганская песня»), И. С. Тургенев (несколько рассказов из «Записок охотника»), А. А. Фет («Кактус» и несколько стихотворений), Н. М. Языков (ряд стихотворений), Л. Н. Толстой («Два гусара», «Святочная ночь», пьеса «Живой труп»), А. И. Куприн («Фараоново племя»), В. И. Даль (по-

весть «Цыганка» и ряд рассказов) и многие другие русские прозаики и поэты. А имена русских композиторов, создавших романсы для цыганских хоров, нет смысла перечислять, поскольку чуть ли не все они, начиная с Глинки и кончая Чайковским и Рахманиновым, отдали дань цыганской теме. О цыганах писали Блок и Сельвинский, Думбадзе и Калинин.

Но вернемся к хорам.

О составе хора Ивана Соколова мы знаем очень мало. Немногим больше можно сказать и о хоре Ильи Осиповича. Тем более ценны эти скупые сведения.

Илья Осипович Соколов родился в 1779 году, а умер 30 марта 1848 года. На него обратили внимание еще в ту пору, когда он выступал в хоре дяди как гитарист и плясун на праздниках, которые устраивал граф Орлов в московских дворцах Потемкина, Зубова и Зорича. Праздники эти, как правило, заканчивались гуляниями в Марьиной роще или в Сокольниках. Илья, по воспоминаниям современников, был человеком в высшей степени экспансивным, вдохновенным. Вот что писал о нем в 1838 году обозреватель «Северной пчелы»:

«Хоревод, знаменитый Илья,— весь пламя, молния, а не человек. Он запевает, аккомпанирует на гитаре, бьет такт ногами, приплясывает, дрожит, воспламеняет, жжет словами и припевами. В нем демон, в нем беснующаяся молния... Смотря на него и слушая его, чувствуете, что все нервы в вас трепещут, а в сердце кипит что-то невыразимое».

Несомненно, частым гостем в хоре Ильи Соколова в годы своей молодости был Лев Николаевич Толстой. Образ прославленного цыганского хоревода встречаем на страницах толстовской повести «Два гусара»:

«Илюшка улыбкой, спиной, ногами, всем существом выражая сочувствие песне, аккомпанировал ей (Стеше.— *Е. Д., А. Г.*) на гитаре и, впившись в нее глазами, как будто в первый раз слушая песню, внимательно, озабоченно в такт песни наклонял и поднимал голову. Потом он вдруг выпрямлялся при последней певучей ноте, и как будто чувствуя себя выше всех в мире, гордо, решительно вскидывал ногой гитару, перевертывал ее, притоптывал, встряхивал волосами и, нахмурившись, оглядывался на хор. Все его тело от шеи до пяток начинало плясать каждой жилкой...»

Таким предстал перед Львом Николаевичем Толстым Илья Соколов, таким же он был в глазах Пушкина и многих его замечательных современников. Ференц Лист, будучи в 1843 году в России, слушал хор Ильи Осиповича Соколова

и даже опоздал из-за этого на собственный концерт. Вот что об этом пишет М. И. Пыляев:

«Когда в 1843 году в Москву приехал Лист, чтоб дать несколько концертов, в честь его был устроен обед в летнем помещении немецкого клуба; пели цыганы, хор Соколова, Лист приходил в восторг от их песен, после обеда снял с себя ордена, положил их в карман и весь отдался цыганам. Через несколько дней после данного Листу обеда назначается его концерт в Большом театре, начало объявлено в 8 часов, зала театра полным-полнехонька, ждут великого пианиста, назначенный час наступил, но Лист не показывается; вот четверть, вот половина девятого, а Листа нет и нет, публика в смущении. Еще несколько минут, и Лист быстрыми шагами выходит на сцену, садится за рояль и, проиграв мотив из цыганской песни: «Ты не поверишь, как ты мила», которой и в программе не значилось, начинает импровизировать вариации. Публика, разумеется, была в восторге от этой неожиданности, затем концерт продолжался. В первом же антракте объяснилось, что Лист перед концертом заехал к цыганам и до того увлекся их пением, что позабыл о своем концерте. На последнем его концерте в числе слушателей находился в полном составе цыганский хор Ильи Соколова, которому Лист прислал билеты».

В честь «короля цыгании» Ф. Листа М. И. Глинка устроил вечер, на который пригласил композиторов, музыкантов, артистов и писателей. Вечер закончился тем, что они имитировали пение известных цыганских певцов. Лист был в восторге от такого «цыганского» пения.

Балетмейстер Тальони, впервые увидев пляску цыган у Ильи Осиповича, восклицает: «Если бы в моем кордебалете были такие души, то я сделал бы чудеса!» И когда в 1838 году Тальони поставил балет «Хитана», то, как сообщали газеты того времени, отвел ложу для труппы цыган из хора Ильи Соколова.

В свое время Пушкин назвал Илью «старым хрычом», но тот намного пережил поэта, и даже в неполные 70 лет плясал, словно 18-летний юноша.

Хор Ильи Соколова подвизался в московских трактирах и в «мирской зале» общинного дома (дом Чухина на Большой Садовой, дом № 13—17), выступал в Грузинах. В дом на Садовой А. С. Пушкин приезжал слушать пение цыган со своим другом П. В. Нащокиным. Мы уже писали об этих встречах, о них рассказано и в очерке Б. Маркевича «Цыганка Таня». Кто-то из читателей может усомниться,

мол, Маркевич переписал бредни 65-летней старухи, которым не следует верить. Но свидетельства тому можно найти и в переписке Пушкина. В одном из писем поэта к Н. Гончаровой (между 20 и 30 июля 1830 года) можно прочитать:

«...Я был на этих днях у моей египтянки (имеется в виду Таня.— *Е. Д., А. Г.*), она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать ваш профиль и выразила желание познакомиться с вами; почему принимаю на себя смелость рекомендовать вам ее: прошу любить и жаловать...»

Спустя год, в письме к П. В. Нащокину Пушкин делает такую приписку: «...Еще кланяюсь Ольге Андреевне, Татьяне Дмитриевне, Матрене Сергеевне и всей компании...» Это — имена солистов хора Ильи Соколова.

Не раз наезжал хор Ильи Соколова в Петербург. Обычно это происходило на масленицу, и выступления продолжались весь великий пост. Дневные концерты давались в популярных тогда «обществах госпожи Энгельгардт», на углу Невского и Екатерининского канала, дома № 30, а также в бывшем особняке Елисеева, который петербуржцы называли «домом с колоннами», или в Пассаже. Во время белых ночей хор выступал в Павловске на «воксале» или в заведении Минеральных вод Излера в Новой деревне, где позднее был открыт ресторан «Аркадия».

Есть свидетельство тому, что в Петербурге хор Ильи Соколова любил слушать М. Ю. Лермонтов. Вот что рассказал русский писатель Петр Кузьмич Мартьянов:

«В гусарском полку, по рассказу графа Васильева (А. В. Васильев — сослуживец М. Ю. Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку.— *Е. Д., А. Г.*), было много любителей большой карточной игры и гомерических попоек с огнями, музыкой, женщинами и пляской. ...Лермонтов бывал везде и везде принимал участие, но сердце его не лежало ни к тому, ни к другому... Из всех этих шальных удовольствий поэт более всего любил цыган. В то время цыгане в Петербурге только что появились. Их привез из Москвы знаменитый Илья Соколов... Цыгане, по приезде из Москвы, первоначально поселились в Павловске, где они в одной из слободок занимали несколько домов, а затем уже, с течением времени, перебрались в Петербург. Михаил Юрьевич частенько наезжал с товарищами к цыганам в Павловск, но и здесь, как во всем, его привлекал не кутеж, а их дикие разудалые песни, своеобразный быт, оригинальность типов и характеров, а главное, свобода, которую они воспевали в песнях и которой они были тогда единственными провозвестниками. Все это он

наблюдал и изучал и возвращался домой почти всегда довольный проведенным у них временем.

Д. А. Столыпин (родственник М. Ю. Лермонтова, просим не путать с П. А. Столыпиным.— *Е. Д., А. Г.*) рассказывал мне, что он, будучи еще юнкером (в 1835 или 1836 году), приехал однажды к Лермонтову в Царское Село и с ним после обеда отправился к цыганам, где они и провели целый вечер».

Говоря о хоре Ильи Осиповича Соколова, помимо Тани Демьяновой, Ольги Солдатовой и Матрены Сергеевны, о которых мы уже упоминали, следует назвать и других артистов. Аннушку — племянницу Ильи Осиповича, прекрасную плясунью, сестру Ильи — Марью Осиповну, его дочь Лизу, по кличке Косая. Несомненно, некоторое время в хоре Ильи Соколова работала плясунья Пашенька Тугаева, будущая жена графа Федора Ивановича Толстого-Американца. В памяти цыганских стариков сохранилось имя одного из ее родственников, выступавших в хоре И. О. Соколова, Ивана Тугаева. У него был прекрасный бас, и «коньком» его была начинавшая входить еще в пушкинские времена в моду не очень-то содержательная песенка «Крамбамбули». Кстати, песенка настолько полюбилась публике, особенно студентам, что дожила до недавнего прошлого, хотя текст ее несколько изменился. Ее, вероятно, помнят студенты 40—50-х годов.

Теперь трудно представить, чтобы русские цыгане пели песенку типа: «Тужур фидель и сансуси» (т. е. «всегда верный и без забот»), безбожно коверкая французский текст. Однако это было именно так, что подтверждает, сколь мало мы знаем историю отечественной эстрады и роль в ней цыган.

Возможно, хор Ильи Соколова был и невелик. Во всяком случае, кроме тех имен, что мы назвали, удалось отыскать лишь два имени: некой красавицы Дуняши и дяди Тани Демьяновой — Александра. «Это такой тенор был,— вспоминала она,— что другого такого я уже в жизни больше не слыхивала». Какое-то время в хоре Ильи Соколова пела сама Стеша. Есть мнение, будто некоторое время после смерти Ивана Трофимовича (или незадолго до нее) она даже сама возглавляла хор. Поверить в это трудно. Скорее всего, она эпизодически пользовалась услугами хора, а в основном концертировала самостоятельно, ибо еще во время Отечественной войны 1812 года собрала мобильную труппу из пяти человек: двоих мужчин (гитара и скрипка) и трех женщин, которые вторили Стеше.

Все имена участников хора Ильи Соколова, о которых шла речь, упоминались и в прессе, и в литературе того

времени, но одно имя не называлось вовсе — Федора Ивановича Губкина, виртуозного гитариста, дирижера и композитора. Он прожил огромную жизнь, приблизительные даты ее — 1789—1904. Можно утверждать, что он был гитаристом у Ильи Соколова в пору расцвета его хора. По свидетельству современников, Ф. И. Губкин был человеком исключительной скромности. Музыкант-самоучка, Губкин открыл новые возможности аккомпанемента и сольной игры на гитаре. Яркая, самобытная личность Ильи Соколова заслонила в памяти потомков Федора Губкина. Его имя сохранилось лишь в устных рассказах и в нотах. Вот что о Ф. И. Губкине пишет Н. А. Панков:

«По сути дела, и Илья, и Ф. И.— оба великаны. След их обоих был жив в цыганском искусстве и разделялся таким образом: Илья — страстный, жгучий чародей — хоревод, хорошо знавший тайны цыганской и русской песни; Ф. И.— скромный, замкнутый по своей природе — работает в области искания возможностей гитары и сочиняет музыку (справедливости ради следует сказать, что и И. О. Соколов также сочинял прекрасную музыку.— *Е. Д., А. Г.*). От них обоих идут ученики. От И. О. и его школы — Иван Васильев, И. В. Шишкин, Н. И. Шишкин и отчасти Н. Д. Дулькевич. От Ф. И. идут А. В. и М. А. Шишкины — исключительные солисты-гитаристы».

Если и дальше протянуть нить времени, прямыми «внуками» Ф. И. Губкина можно назвать С. А. Сорокина и А. А. Панкова.

В заметках А. А. Панкова мы обнаружили уникальную запись дирижерских заповедей. Автор подчеркнул, что они составлены Ф. И. Губкиным. Считаем уместным их привести:

1. Точно определить для певца или певицы тот или иной романс, вальс или песню, правильно найти наиболее выгодный тон; то же относится к исполнителям дуэтом, трио и квартетом; определить аккомпанемент для гитар по партиям, установить ритмический рисунок аккомпанемента.

2. Для хоровой песни выбрать удобный тон; вести хор с нюансами; если в песне требуется снятие звучания, то при продолжении не терять ритма и вступать своевременно.

3. При пении хоровой песни главное внимание обращать на сочетание текста с мелодией.

4. Строго знать выработанные веками приемы указания дирижерской гитары.

5. Дирижер должен сам знать все дирижерские заповеди и обучить всех участников хора.

6. Если в хоровом пении слышится фальшь, детонация, дирижер должен проследить и установить, кто вводит диссонанс в хор; он должен позаниматься с тем участником хора и выявить, можно ли устранить дефект; если можно, то продолжить занятия, а если нельзя, то запретить петь в тех местах, где появляется детонация; она может возникнуть и на высоких и на низких нотах.

7. Дирижер должен уметь перевести мелодию на тон ниже или выше, не внося диссонанса в аккомпанемент, через модуляцию от тона, аккомпанемент не должен заглушать вокалистов.

Мы позволили себе лишь незначительную литературную обработку заповедей, не нарушив ни на йоту их смысла. Насколько же современно они звучат! Как важно было бы усвоить их нынешним руководителям иных музыкальных коллективов. А ведь хоровые цыгане были поголовно неграмотными, не получали они и музыкального образования!

Маленькое отступление. Не правда ли, нередко приходится слышать, что «раньше и вода была мокрее». Поди докажи, что Федор Губкин играл лучше нынешних виртуозов. А может, восторги его почитателей — не что иное, как реакция на исключительную новизну самого цыганского искусства? Что ж, порой и в музыке случались «технические революции», но они бывали чрезвычайно редки. Как правило же, новые формы в искусстве возникали с рождением гения, который и с точки зрения техники исполнения почти всегда добирался до самых глубин.

Вспоминается такой эпизод из нашей жизни. Готовя к изданию книгу «Народные песни русских цыган», мы условились делать максимально точные расшифровки и напевов песен, и наиболее ярких инструментальных фрагментов сопровождения. В сборнике была песня «Малярка», записанная в исполнении Сергея Александровича Сорокина. Текста в этой песне мало, и музыкальный образ ее Сергей Александрович создал вдохновенной игрой на гитаре. Это была маленькая драма, соотворенная гением гитары. Когда ноты песни попали в руки нашего рецензента (доцента музыковедения), возле гитарной строчки он поставил три вопросительных знака. Он не мог даже представить, что так можно играть на этом инструменте. Огромное счастье, что сохранились записи великих музыкантов прошлого. Почаще бы нынешние молодые цыганские исполнители обращались к позабытому опыту своих отцов и дедов!

Прекрасен был и композиторский дар Федора Губкина.

Многие считают, что именно ему, а не Ивану Васильеву, принадлежит музыка или, по крайней мере, обработка знаменитой «Цыганской венгерки». Во всяком случае, об исполнении ее в хоре Ильи Соколова упоминает М. И. Пыляев в книге «Старый Петербург». Кто же все-таки играл ее в то время? Об Иване Васильеве не может быть и речи. В хоре И. Васильева мелодия этой цыганской пляски была соединена со стихами А. Григорьева, а сама мелодия появилась раньше. Примечательно, что когда Ф. И. Губкина похоронили в Москве на Ваганьковском кладбище, то в надгробный памятник, изображавший гитару, был замурован механизм с металлическим валиком, исполнявший мелодию «Цыганской венгерки».

Что за песни пели цыгане первых соколовских хоров? Этот вопрос можно поставить и по-иному: «Какие песни в исполнении цыган пленили воображение Пушкина, Баратынского, Толстого, Языкова?» Отвечая на него, нельзя обойти стороной события, происходившие в общественной жизни России того времени. Они наложили заметный отпечаток на репертуар цыганских хоров. Прежде всего мы имеем в виду восстание декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

«Золотой век» цыганского искусства длился достаточно долго, он завершился где-то в сороковых годах прошлого века. Общественные настроения до восстания и после него были резко противоположными. Период «брожения умов», революционного подъема сменился тяжкой реакцией. И если поначалу цыганское искусство воспринималось как явление новое, уникальное, если раньше оно будоражило, волновало, то впоследствии в нем все чаще видели лишь «отдушину», возможность забыться, уйти от угнетающей действительности. А к концу XIX века цыгане «были в моде» у русского купечества и обывателя.

Все эти процессы отразились на репертуаре хоров, на цыганском искусстве в целом.

Во всяком случае, до 10-х годов прошлого века репертуар цыганских хоров чуть ли не целиком состоял из русских народных или авторских песен (авторство не всегда можно установить), стилизованных под народные песни, можно сказать, «псевдонародные». Подобных песен немало создается и сейчас, в основном они входят в репертуар так называемых «народных» хоров. Песенники прошлого века пестрят названиями народных песен или сделанных «под народные»: «Уж как пал туман», «Лучинушка», «Не бушуйте вы, ветры буй-

ные», «Ты возвратился, благодатный», «Волга-реченька глубока», «Ивушка, ивушка зеленая моя». Что ни песня — все из репертуара знаменитой Стеши. Какие-то из них дожили до наших дней.

В начале XIX века в репертуаре цыганских хоров появляются первые сочиненные романсы и близкие им по жанру произведения русских композиторов. Одним из таких произведений была баллада Плещеева на слова Жуковского «Дубрава шумит». Потом появляются романсы Козловского, Дубянского, Жучковского, песни Гурилева. В этих романсах ясно слышится отголосок «песен под народ», но истинно народные песни характеризует богатство тем и выразительных средств, а тематика романсов куда беднее. Это хорошо видно даже из названий первых романсов: «В час разлуки пастушок», «Стонет сизый голубочек», «Милая вечор сидела», «Ах, когда б я прежде знала» и так далее.

Таким был репертуар цыганских хоров поначалу, так сказать в эпоху Стеши. При Татьяне Дмитриевне Демьяновой (1808—1873 (?) романсы постепенно вытесняют из репертуара хоров и народные песни, и песни «под народ», хотя они и остались в нем. Яркое впечатление на русскую публику произвело исполнение цыганкой Таней сразу ставшего знаменитым «Соловья» А. А. Алябьева. Эстетика исполнения этого замечательного произведения в те времена была совершенно иной, чем сейчас, оно еще не успело превратиться в упражнение для колоратурного сопрано, пелось много проще и задушевней. Сама цыганка Таня вспоминала, что в ее время «сочиненные романсы» только входили в моду. Думается, что триумф алябьевского «Соловья» в ее исполнении вдохновил русских композиторов, которые буквально «навалились» на этот жанр вокальной музыки...

30 марта 1848 года московские цыгане и их друзья объявили траур. В этот день скончался Илья Осипович Соколов, «блистательный осколок веселой старины». С его смертью закончился «золотой век» цыганского хорового пения в России.

Для цыганских хоров наступили новые времена, которым были присущи свои приметы. И самым замечательным было то, что хоры стали множиться.

После смерти Ильи нашлось намало продолжателей его дела, которые сами возглавили цыганские хоры. В одной только семье Соколовых таких преемников было трое: брат Ильи — Петр Осипович и его племянники — Григорий Иванович Соколов и Иван Васильевич Васильев. Если раньше хоры кон-

центрировались в Москве, а в Петербурге и других городах появлялись наездами, то теперь хоры создавались во многих местах и Петербург стал новым центром хорового искусства. При общности певческой школы цыгане постоянно подчеркивали свою принадлежность к Москве или Петербургу, и делали это порой весьма наивно. Так, петербургские цыгане неизменно начинали свои песни с до-мажора, а московские — с ре-мажора. Н. А. Панков пишет:

«При этом интересно отметить, что тональность песен устанавливалась особой терминологией: старик — знаток забытой песни или дирижер говаривали, мол, эту песню надо начинать с «махорки» или «с малярки»,— были такие песенки».

Период, о котором пойдет речь, значительно растянут во времени. Он начался с 50-х годов прошлого века и закончился уже в десятых годах века нынешнего. Изменилась обстановка в России. Стала меняться и аудитория: основными слушателями цыганской песни становятся интеллигенция и русское купечество. В репертуаре хоров русская народная песня вытесняется авторскими произведениями. Цыганское исполнительство делается все более изощренным; пока оно все еще имеет бешеный успех у публики, но сквозь этот успех отчетливо проступают приметы будущего упадка.

Сейчас перед нами пройдет галерея образов цыганских певцов и певиц. Чтобы от нашего внимания не ускользнуло ни одно примечательное имя, чтобы читатель мог проследить тесные родовые связи, пронизывавшие цыганские хоры, и не запутаться в них, мы будем представлять каждый хор в отдельности.

О хоре Петра Осиповича Соколова известно немного. Ярче других выделялась в нем Катюша Хлебникова, обладавшая низким контральто. Москвичи полюбили ее за песню «Сарафанчик-расстегайчик». Предприимчивые московские купцы своеобразно воспользовались модой на эту песню: в трактирах, как пишет М. И. Пыляев, в это время появились знаменитые пироги — расстегаи, а на конфетных этикетках можно было увидеть портрет Кати Хлебниковой, в репертуаре которой была песенка «Конфетка». Не менее известны были два сопрано — Варя и Саша: первая славилась исполнением песни «Травушка», а вторая — песни «Лен», которая прозвучала впоследствии в драме Толстого «Живой труп». В хоре П. О. Соколова выступали плясун Егор Петрович с женой, исполнявшие «молдавскую пляску с саблей». Здесь же мы опять встречаем имя Ивана Тугаева. Следует

сказать, что Петр Соколов работал в Москве сравнительно недолго и вскоре переехал в Петербург, где его хор слился с хором Григория Ивановича Соколова, племянника Петра Осиповича.

Одной из самых ярких звезд цыганского хорового искусства того времени был Иван Васильевич Васильев, человек незаурядных музыкальных дарований. У него был прекрасный баритон, он хорошо владел гитарой, знал все тонкости дирижерского мастерства, сам писал музыку. Еще при жизни Ильи Соколова И. Васильев выезжал в Петербург с его хором, когда тот болел. В 1848 году «Иллюстрация» сообщала, что «...голоса Любаши и Ивана высоко неслись в звуках «вершин» под звонкою стеклянною крышею нового пассажа».

Становление музыкального дарования Ивана Васильева проходило под непосредственным руководством Ильи Соколова. Жизнь его была согрета дружбой таких людей, как А. Григорьев и А. Островский. Именно при нем впервые мелодия «Цыганской венгерки» была соединена с прекрасными стихами А. Григорьева. Неудивительно, что И. Васильеву многие приписывают создание музыки «Цыганской венгерки». По воспоминаниям современников, он был надежным другом, умеющим понять и ощутить чужую боль как собственную.

Среди авторских композиций И. Васильева наиболее популярны были романсы «Дружбы нежно волненье», «Тебя ль забыть», «Густолиственных кленов аллея» на слова И. Панаева, а также песенка-перекличка «Ванька-Танька», исполнявшаяся на два голоса. Интересно, что при издании нот этот дуэт был опубликован в аранжировке А. С. Даргомыжского. В хоре Ивана Васильева было много ярких дарований. Вот что об этом пишет Н. А. Панков:

«Его сестра — Любовь Васильевна — пела русские песни, например, «Коса» и «Я вечор своего дружка». Она же славилась исполнением романса «Густолиственных кленов аллея». Ее сестра Мария выделялась исполнением «Не уезжай» и «Что так жадно глядишь на дорогу». Жена Ивана Васильевича — Аграфена (первое сопрано) вместе с Марией, известной по прозвищу Козлик, прекрасно пели «Ох, болит» на перекличку и «Не будите меня, молоду». Старые цыгане говаривали, что такой улыбки и мимики, как у Груши, теперь не встретишь. В трио с ними хорош был тенор Михайло, брат Груши. В хоре Ивана Васильева работала плясунья Матрена Сергеевна, дружившая еще с Александром Сергеевичем Пушкиным. Несмотря на свой преклонный возраст, она пля-

сала так, словно и не было за ее плечами прожитых лет. Из мужского состава хора выделялся тенор, «красавец цыганского типа» Петр Алексеев, которого цыгане прозвали Биркой. Славился также в этом хоре октавист, имени которого никто из цыган не помнил, и сохранился он в памяти под кличкой Скипидар Купоросыч. Говорили, что он был горчайшим пьяницей. Другой октавист, Николай (брат Ивана Васильева), сохранился в воспоминаниях под кличкой «Хапило». Надо думать, что это прозвище характеризует его не с лучшей стороны».

Кстати о цыганских прозвищах. Мы рассказывали, какую роль играли они в жизни цыган. Меткие, сочные, нередко отнюдь не безобидные, они заключали в себе и характеристику человека. Недаром в обыденной жизни цыгане гораздо чаще пользовались прозвищами, чем именами. И пусть читатель не удивляется, если рядом с именами тех или иных звезд цыганского искусства будут звучать их прозвища.

Одно из главных нововведений Ивана Васильева состояло в том, что он впервые использовал в цыганском хоре ансамблевое пение — трио и квартеты. В дальнейшем эта форма была подхвачена многими другими хорами. Иван Васильев был в числе первых цыганских композиторов, произведения которых стали издаваться. Всего известно более двадцати опубликованных песен этого хоревода.

О хоре Ивана Васильева в прессе высказывалось немало полярных суждений. Так в 1853 году журнал «Пантеон» писал: «Хор их, состоящий теперь только из одиннадцати человек (6 женщин и 5 мужчин), значительно улучшился. Нет уже диких неистовых криков, осталось одно тихое, звучное, приятное пение, дышащее родною, русскою заунывностью. Да и надо отдать полную справедливость дирижеру их, Ивану Васильеву. Обладая небольшим, но довольно гибким голосом, он искусно умеет употребить свое преимущество».

Совсем иное мнение звучит со страниц «Иллюстрации» (1848):

«И теперь поют они хорошо, стройно, часто увлекательно; но нет того разгула, того огня, отличительной черты цыганской песни, резко отделяющей ее от всякого другого напева».

Критика сходилась в одном: начиная именно с этого времени цыганское хоровое искусство постепенно приходит в упадок. Приводился следующий довод: замена русской народной песни на русский городской романс потребовала от цыганских певцов изменения стиля исполнения, искоренения

«цыганского духа». И здесь буквально все авторы стали путать разные вещи: естественное изменение выразительных средств исполнения они ставили в зависимость от тенденции к «упрощению» репертуара, пытаясь убедить читателя в том, что ничего цыганского в цыганах не осталось. Следует сразу и решительно возразить: ни русскую народную песню, ни русский городской романс ни в коей мере нельзя считать исконно цыганскими. Можно говорить лишь о «цыганской» манере исполнения, а два этих жанра — два самостоятельных направления в цыганском хоровом исполнительстве. Безусловно, в фольклоре, отшлифованном веками, трудно найти слабое произведение, если это произведение исполняет подлинный мастер. В авторской же продукции таких произведений всегда предостаточно. Но было бы неправомерным объяснять творческие неудачи того или иного композитора, того или иного поэта тем, что его произведения исполняют цыгане. Пошлые романсы, явно неудачные песни — разве мало их было в любые времена и в любом исполнении?! Репертуар любого певца или коллектива формируется сложно. Немаловажное значение имеют при этом общественный вкус и общественный спрос. Этого не могли не учитывать цыганские хоры того времени. Работая в увеселительных заведениях, ресторанах, порой они преподносили публике далеко не лучшие песни и романсы. Цыгане словно попали в заколдованный круг: широкая публика требовала от них одного, талантливые композиторы и истинные ценители цыганского искусства — другого. А чего хотели сами цыгане? Они хотели жить без сложностей и шли на поводу и у тех, и у других. Они не формировали общественного вкуса, не ставили перед собой такой задачи, да и не могли ее ставить. Они тихо и безропотно служили людям своим искусством, помышляя лишь о сегодняшнем дне.

Почти одновременно с Иваном Васильевым работал другой знаменитый цыганский хоровой дирижер — Федор Иванович Соколов. Однако если во времена расцвета хора Ивана Васильева имя Ф. Соколова звучало не так уж и громко, то уже в 1870—1880-х годах его популярность затмила славу всех современников.

Федор Иванович Соколов родился в 1835 году. Дата смерти его не установлена, но у одного из ревностных хранителей цыганской старины — Николая Николаевича Кручинина (о нем речь пойдет ниже) — хранился пригласительный билет на юбилей Ф. И. Соколова, справлявшийся его друзьями в Москве, в «Славянском базаре», 20 февраля 1889 го-

да. Это последняя известная нам дата жизни замечательного цыганского хоревода. Сохранились воспоминания об этом концерте его участницы, певицы хора Федора Соколова — Надежды Александровны Александровой:

«Концерт Соколова состоялся в «Славянском базаре», как и большинство цыганских концертов. Федор Иванович, будучи в то время уже больным, почти перед самым выходом на эстраду вдруг почувствовал себя плохо, а потому начало концерта пришлось затянуть. Публика, наполнившая зал, несколько волновалась, зная о болезни своего любимца. Чтобы уладить замешательство, меня уговорили начать программу вечера. Федор Иванович тем временем оправился от сердечного припадка и вышел к публике. Ну конечно, он был встречен долгими искренними аплодисментами. Дирижер преобразился, позабыв о болезни. Послышались звуки гитары Соколова; наступила торжественная минута концерта. Каждая из исполненных юбиляром песен прерывалась аплодисментами всего зала. Федор Иванович пришел в хорошее настроение и даже пошутил с публикой, надев через плечо преподнесенный ему большой лавровый венок. Это был последний концерт Федора Соколова».

Федор Иванович стал работать в хоре еще пятнадцатилетним юношей. Это был хор Марии Васильевны Пономаревой в последней еще существовавшей тогда «мирской зале», которая содержалась для приема гостей. Мария Васильевна была старостой хора. Позднее эту должность занял Иван Андреевич Хлебников. Сын Ивана Андреевича, Николай Иванович, который также был дирижером хора М. В. Пономаревой, выгодно отличался от большинства цыган тем, что один из немногих получил среднее образование. В 1882 году внутренняя вражда, раздиравшая хор, привела к его расколу: одну группу цыган возглавил Федор Соколов, а другую — Николай Иванович Хлебников, с которым он и раньше делил обязанности дирижера. Другим сподручным Ф. Соколова был Фрол Иванович Васильев, или просто Фрол, как его называли в прессе того времени.

В воспоминаниях современников Федор Соколов предстает человеком, влюбленным в свое дело, прекрасным дирижером и блестящим солистом-гитаристом. Сын Льва Толстого, Сергей Львович, на страницах журнала «Заря» (1913, № 5) так вспоминает об игре Ф. Соколова и Фрола:

«Еще мы дружили с Федором Соколовым и его сподручным Фролом, оба теперь уже покойные. Я помню, как одна-

жды вечером в «Стрельне» Соколов сказал нам, что у него сегодня «дел» нет и поэтому он хочет вместе с Фролом поиграть нам на гитарах бесплатно. И играли же они в этот вечер! Это были бесконечные вариации и импровизации на цыганские песни; звуки лились, бежали, перегоняли друг друга, обрывались, захлебывались, замирали. Ведь Федор Соколов был в своем роде виртуоз. Некрасивый, рябой, с длинным тонким, но орлиным носом, смотрящим куда-то в сторону, с постоянной улыбкой на губах, он был живописен, когда играл или управлял хором, взмахивая гитарой и поворачиваясь на каблуках. Он обладал качествами настоящего артиста: врожденной музыкальностью, особенно чувством меры и неподдельным одушевлением».

В 1860—1870 годах хор Соколова выступал в «Яре». Старый «Яр» не имел ничего общего с «Яром» XX века. Это был небольшой дом, выходивший фасадом в садик, в саду были две беседки и стояли простые качели. Этот «Яр» гордился своим «пушкинским кабинетом».

В хоре Ф. И. Соколова пение на два, три и четыре голоса достигло истинного расцвета. Федор Соколов подбирал солистов и хористов самым тщательным образом, благодаря чему его хор выделялся среди других исключительной чистотой и слаженностью звучания. «Никаких экстравагантных эстрадных шансонетных номеров,— писал А. А. Игнатьев,— в которых упор делался не на вокальное искусство, а на умение воздействовать на чувственность, и в помине не было». На фоне прекрасного хора ярко прозвучали голоса его незаурядных солистов, среди которых наибольшей популярностью пользовались блестящая Пиша, Олимпиада Николаевна Федорова, и Ольга Дмитриевна Битюгова, известная среди цыган по прозвищу Разорва. У обеих было прекрасное контральто, и неудивительно, что между ними возникла вражда. Ольга Битюгова болезненно воспринимала растущий успех Пиши. В результате этой вражды хор раскололся, о чем шла речь выше...

В хоре Федора Соколова ступила на эстрадные подмостки будущая звезда цыганского пения Варвара Васильевна Панина. Однако пока — еще совсем незаметная девочка — она не столько поет, сколько внемлет звукам соколовской гитары и голосу блистательной Пиши.

Олимпиада Николаевна Федорова (1856—1889). Об этой певице надо сказать особо, ибо она — само олицетворение соколовского хора, его гордость. Ее имя вошло в популярнейшую песню:

Что за хор певал у «Яра»?
Он был Пишей знаменит.
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит.

Ее образ остался в памяти современников. Вот что вспоминает о ней Н. А. Панков:

«Олимпиада Николаевна являлась одним из талантливейших отпрысков старой цыганской династии Соколовых. Ф. И. Соколов был ей родным дядей по материнской линии и музыкальным воспитателем. Двенадцати лет от роду она уже пела в его хоре, а спустя несколько лет в манеже ей устроили концерт. Волнующее, обаятельное контральто исключительной чистоты и ясности на высоких нотах победно звучало в громадной зале манежа. На концерте присутствовал сам Николай Рубинштейн. Он настойчиво приглашал ее поступить учиться в консерваторию. Дядя, упоенный успехом своей ученицы, склонен был уже дать свое согласие, но, узнав, что обучение продолжается три года, категорически возразил. Газетные рецензии того времени отметили в исполнении Пиши чеканную фразировку, прелесть интерпретации и пластическую грациозность. У нее был обширнейший репертуар, в котором выделим такие романсы, как «Не мне внимать», «Вчера видал я вас во сне», «Не говори, что молодость сгубила», «В час роковой», использованный в драме Л. Толстого «Живой труп»...»

В предыдущей главе мы уже говорили о личной трагедии Пиши, о ее разорении и смерти. Завершая рассказ об этой певице, отметим, что дочь ее, Александра Николаевна Федорова (1877—1951), пошла по стопам матери. Даже голоса у них были одного тембра. Обладая прекрасными природными данными, она тем не менее не имела должного успеха у публики. Время было уже другое, а главное, не было за ее спиной цыганского хора — могущественного чародея, всегда оттенявшего своими рефренами звучание голоса солистки. И это несмотря на то, что аккомпанировали А. Н. Федоровой такие виртуозы-гитаристы, как Дмитрий Макарович Фесенко и Александр Петрович Васильев, внук И. В. Васильева.

Одним из сподвижников Ф. И. Соколова был Николай Иванович Хлебников (1858—1892). Как и род Соколовых, род Хлебниковых неразрывно связан с цыганскими хорами прошлого века, он разделил их успех, их славу. Мы уже упоминали о Катюше Хлебниковой с ее «Сарафанчиком-расстегайчиком» и «Конфеткой». Кроме нее в разное время любимцами публики были Александра Васильевна Хлебникова,

имевшая сильное контральто, и Зинаида Хлебникова,— певица и плясунья, вышедшая замуж за опереточного актера Александра Давыдова. Их дочь, Зинаида Александровна Давыдова, также пользовалась немалым успехом в публичных концертах. В начале XX века широкую популярность снискал хор Н. Н. Кручинина, сына Николая Ивановича Хлебникова.

Мы уже говорили, что Николай Иванович Хлебников был одним из немногих цыган, получивших диплом об окончании среднего учебного заведения. Музыкальные же «университеты» он проходил у своего отца в хоре Марии Васильевны Пономаревой. В ее «мирской зале» не только оттачивался виртуозный стиль исполнения, у молодых артистов воспитывали вкус, им передавались традиции. Можно представить, как затаив дыхание внимали они рассказам Марии Васильевны о ее встречах с Пушкиным.

Завсегдатаем хора Н. И. Хлебникова был Сергей Васильевич Рахманинов. По воспоминаниям, неизгладимое впечатление на него произвело пение известной певицы этого хора Н. А. Александровой, цыганки из рода Гладковых — ярославских цыган. Нередко выступала она и на концертах в Петербурге — с сольными номерами в сопровождении блестящего гитариста М. А. Шишкина.

Н. И. Хлебников оставил после себя многочисленных учеников, которые впоследствии стали дирижерами хоров. Достаточно назвать Егора Алексеевича Полякова, Дмитрия Ивановича Иванова и Михаила Васильевича Хлебникова, племянника Николая Ивановича.

Примерно в одно время с Федором Соколовым и Иваном Васильевым (может быть, чуть-чуть позже) в московских ресторанах «Яр» и «Стрельна» выступает хор Александры Ивановны Паниной. Работать в хоре она начала, по-видимому, еще у Петра Осиповича Соколова, а потом ее имя можно найти среди имен солистов хора Федора Соколова и Ивана Васильева. Это была та самая Саша, что прославилась исполнением русской народной песни «Лен». Даты рождения и смерти ее нам неизвестны. Судя по всему, она прожила большую творческую жизнь, ее деятельность продолжалась вплоть до начала XX столетия.

Александра Ивановна обладала высоким сопрано, как писали некоторые критики — с оттенком «холодности». Руководитель хора, Александра Ивановна, воспитала немало цыганских исполнителей. Достаточно сказать, что в семье Паниных развивался певческий талант Варвары Васильевны Па-

ниной. Имя Александры Ивановны постоянно мелькает в прессе и в литературе прошлого века. Вот что пишет о ней в своих воспоминаниях «Из прошлого» Н. В. Давыдов:

«...Александра Ивановна — спокойная, важная, совсем не похожая типом на фараонку,— незаметно, больше улыбкою, кланялась знакомым. Остальные сидели молча, неподвижные и суровые, как фантастические изваяния... Как только кончалась первая песнь, зала преисполнялась шумом; знакомые с цыганками подбегали к ним, здоровались; со всех сторон их приветствовали... Вскоре Матрена и тенор Михайла (эти имена мы встречали среди имен артистов хора Ильи Соколова.— *Е. Д., А. Г.*) пропели новый тогда цыганский романс «Скажи душою откровенной», и пропели так дивно, так несомненно увлекательно, что хотелось слушать еще и еще... Дуэт заставили несколько раз повторить; затем Александра Ивановна высоким, чистым и холодным сопрано пропела с хором «Заложу я тройку борзых», а по требованию кого-то из гостей — другую «Тройку» дуэтом — «Тройка мчится, тройка скачет...». Потом пошел бесконечный ряд романсов: «Не искушай», «Не уезжай, голубчик, мой», «Я вас любил», «Кубок янтарный», «Я цыганкой родилась», «Не мне внимать напев волшебный» и другие, которые пелись то соло, то дуэтом и даже трио; с романсами перемежались песни русские, цыганские и малороссийские: «Тихие долины», «Снежки белые, пушистые», «Чеботы», «Лисички», «Чоловик сие жито», «Пропадай моя телега» и т. п.».

Это воспоминание относится к временам, когда А. И. Панина работала в хоре Ивана Васильева.

Хоры, о которых мы пишем, выступали в Москве в 70—80-х годах прошлого века. Они остались в памяти не только русских слушателей. В 1879 году в Москву приехал Клод Дебюсси. Он посещал русских цыган и слушал хоры Федора Соколова и Николая Хлебникова в московских ресторанах и сохранил о них живое воспоминание. Влияние цыганского искусства на творчество композитора особенно проявилось в его вдохновенном струнном квартете.

К началу 90-х годов Москва лишилась наиболее ярких выразителей хоровых традиций, таких, как Федор Соколов и Николай Хлебников. Из представителей старой школы осталась одна Александра Ивановна Панина. Можно назвать немало цыганских исполнителей той поры, но всех их затмила слава непревзойденной Варвары Васильевны Паниной (1872—28.5. 1911).

Варвара Васильевна была родом из коломенских цыган,

имевших прозвище «чиндыри». Впервые ее имя встречается в списках артистов хора Федора Соколова. Там, в хоре, она и получила шутливое прозвище «иерихонская труба» — за низкий тембр и необыкновенную громкость голоса. Пожалуй, первой увидела в молоденькой девочке зачатки незаурядного дарования Александра Ивановна Панина. Она взяла ее в свою семью и выдала замуж за своего родственника Федора Осиповича Панина, обладавшего прекрасным басом. Как певица Варя Панина формировалась под влиянием таких талантливых людей, как Пиша, сама Александра Ивановна и Мария Николаевна Соколова.

Долгое время Варя Панина работает рядовой хористкой. Но постепенно крепнет ее голос — необыкновенно низкое «бархатное» контральто. Певица легко и свободно пользуется всеми его регистрами. Первый концертный дебют, определивший весь ее триумфальный творческий путь, состоялся в начале 90-х годов в Нижнем Новгороде.

По возвращении из Нижнего Новгорода Варя Панина получает признание в Москве, за ней идет слава исключительной певицы. Она собирает свой хор и отправляется в Харьков. Дирижером хора и аккомпаниатором становится петербургский гитарист М. А. Шишкин. Примерно с 1892 года она вновь поселяется в Москве и руководит хором, работавшим в ресторане «Яр». Рядом с ней развиваются такие молодые дарования, как Настя Полякова и Дарья Мехроленко. Среди дирижеров ее хора мы видим Егора Алексеевича Полякова и Николая Степановича Лебедева, которого она особенно отличала, очевидно, из-за того, что он знал нотную грамоту. Иногда дирижировал и Христофор Алексеевич Шишков, прекрасный гитарист,— «старый Христофор», как о нем говорится в одной песне. Но обычно он был аккомпаниатором. Во многих публикациях упоминаются два других ее аккомпаниатора — брат Константин Васильевич Васильев и Михаил Шишкин. Однако практически никто не упоминает о ее любимом аккомпаниаторе, обрусевшем немце-цитристе Иване Николаевиче Гансе. Вот что о И. Н. Гансе пишет Н. А. Панков:

«Иван Николаевич издавна приспособился со своей цитрой у «Яра» и всегда дружил с цыганами. Варвара Васильевна, как и все цыганы «Яра», относилась к Гансу с исключительным сочувствием, видя безрадостное одиночество бобыля, всем чужого. Между прочим, момент сочувствия и активной отзывчивости к сирым и обездоленным является характерной чертой всех цыган. Став концертной певицей, Па-

нина не позабыла «чёрорэ Гансонэ» («бедного Ганса».— *Е. Д., А. Г.*) и сделала его своим постоянным аккомпаниатором».

В обязанности «бедного Ганса» входили и концертмейстерские заботы. Он следил за всеми новинками и знакомил с ними Варю Панину.

По воспоминаниям современников. Варвара Васильевна была человеком сверхэмоциональным. Идя на выступление, она никогда не была уверена, хватит ли у нее душевных сил на то, чтобы открыть концерт. Заглядывая перед выступлением в зал, приходила порой в такой трепет, что с ней случались обмороки. Потом она смотрела в щелочку занавеса и без конца осеняла себя крестным знамением. Варя Панина была некрасива, грузна, и многие иронизировали над ней, тем более что в это время уже немало говорилось об упадке цыганского пения. Но в пении Варвары Васильевны была какая-то особая, непередаваемая словами тайна. Среди ее друзей были писатели, музыканты, художники, артисты. В 1911 году обозреватель «Петербургской газеты», заканчивая отчет о ее концерте, писал:

«...и когда сам, завороженный пением этой странной женщины, смотрел с эстрады на огромную толпу, после концерта сгрудившуюся вокруг артистки и неотступно требовавшую все новых и новых песен, ясно видел, что лица этой толпы были новые, измененные, просветленные лица, лица людей, что-то серьезно переживших и перечувствовавших в этот вечер».

Варя Панина стала ярким явлением русской эстрады, однако в быту она была удивительно наивна. Ее дочь, впоследствии скромная билетерша театра «Ромэн», вспоминала такой случай. Однажды Варя Панина была в гостях у Сергея Саввича Мамонтова. Хозяин, обращаясь к ней и указывая на Ф. И. Шаляпина, сказал: «Вот бы тебе, Варвара Васильевна, кого в хор!» — а она, не подумав, сразу выпалила: «Да батюшки, куда же нам такого рыжего?» Потом, узнав, что это был Федор Иванович Шаляпин, она пошла извиняться: «Прости, пожалуйста, нескладно ответила. Ведь слушала тебя в «Фаусте» и не поняла, что это ты». Шаляпин ее долго успокаивал.

С именем Вари Паниной связаны многочисленные легенды. Так, рассказывали, будто однажды ее одновременно пригласили выступить известный миллионер и простая актриса. Отказавшись от огромного вознаграждения, она поехала к актрисе, уверяя, что ей гораздо приятнее петь той, кото-

рая искренно увлекается ее пением. Материальная сторона никогда не играла в жизни Паниной решающей роли. У нее были громадные сборы от концертов, но состояния она так и не нажила, после ее смерти остались лишь фотографии друзей и поклонников да приятные ее сердцу подарки от близких.

Приходится с грустью констатировать, что по непонятному попустительству бесценный архив Вари Паниной, многочисленные свидетельства и документы ушедшей в прошлое замечательной поры, бесследно исчез.

В быту цыган не редкость, когда умирающий встречает смерть любимой песней. В одном из некрологов на смерть Вари Паниной можно прочитать: «...За девять дней до смерти, словно восковая, лежа в постели, спела два романса. Это были последние песни. Панина не чувствовала, как мы страдали. Слезы душили нас».

Со смертью Вари Паниной закончился второй период в жизни цыганских хоров Москвы...

Вернемся назад, к началу 50-х годов прошлого века, и рассмотрим историю петербургских хоров.

До этого времени, как мы уже знаем, цыганские хоры бывали в Петербурге только наездами. Лишь в конце 50-х годов прошлого столетия здесь начинают постоянно работать два цыганских хора — Петра Осиповича Соколова, брата Ильи и Григория Ивановича Соколова, брата Федора Соколова.

Теперь Соколовы гастролировали со своими хорами и в Москве, и в Петербурге. На первых порах хоры выступали совместно в «мирской зале» общинного дома, который находился, как мы уже писали, на Песках, а потом за Нарвской заставой. Приглашали их и в увеселительное заведение под названием «Дача Королева». Однако истинный успех приходит к хору Г. И. Соколова, когда он начинает выступать «У Дорота», был такой ресторан у Нарвских ворот. Вот что пишет о семье Г. И. Соколова Н. А. Панков:

«Семья Григория Ивановича состояла из жены Марии Николаевны (меццо-сопрано) и двух дочерей — Капитолины (высокое сопрано) и Екатерины, известной по прозвищу Кандралюша, исключительно талантливой певицы. Мария Николаевна переняла высокое мастерство от матери своей, известной Тани Демьяновой. Их имена были чтимы и всеми цыганами, и друзьями цыганских хоров. Они, всегда спокойные, сдержанные, без порывистости, представляли особый тип цыган, исполненных высокого достоинства, славных мастеров

своего дела, не приниженных, не ущемленных и вместе с тем — независимых. Помню их скромную квартиру на Черной речке, в которой тихо и как-то обособленно от всех доживали свой век эти три старые женщины. Мария Николаевна к этому времени была уже совсем на покое и активность свою проявляла лишь в отношении беспризорных кошек, которых она отовсюду подбирала и окружала своей заботой, тратя на них бóльшую часть своего скромного пенсиона, получаемого от хора и от каких-то своих почитателей. Утром являлся старик Брючкин с лотком на голове и оставлял специальные порционы ливера. Каждая такая порция была завернута в отдельной бумажечке. О появлении своем этот Брючкин, мелкий торговец в разнос, еще идя по улицам, объявлял своим покупателям разными прибаутками вроде: «А вот печенка и рубцы — уплетайте, молодцы» или «А вот печенка для хорошего котенка» и т. д.

Дочери ее еще долго не порывали с хором, обязательно являлись в хор, когда было пение вне ресторана по специальным полковым или дворцовым заказам. Бывало, нередко среди дня кто-нибудь из цыган обходил цыганские квартиры с извещением, что сегодня пение по заказу и собираться у такого-то. При этом извещавший или знал, или бывал предупрежден, что первым надо было зайти к Соколовым во избежание задержки из-за них. Всем было хорошо известно, что процедура их туалета была бесконечно долгой, что они из дома не выйдут, не сделав душа с обтиранием одеколоном, обязательным в их обиходе, несмотря на бедность».

По воспоминаниям старых цыган, «У Дорота» особенно славился дуэт двух Марий Николаевн — Соколовой и Губкиной. У Марии Николаевны Губкиной было потрясающее контральто. Однако этот дуэт продержался недолго. Сломленная житейскими невзгодами, М. Н. Губкина покинула хор и ушла в монастырь, где ее голос сильно и скорбно звучал с клироса. Многие цыгане ходили туда послушать любимую певицу.

В репертуаре дочерей Г. Соколова помимо романсов было немало русских и украинских песен: «Было у тещи семеро зятьев», «Шли три они, а за ними он с веретелочкой», «Пряха», «Ивушка», «Я — цыган, удалец-молодец» и многие другие. Мы специально приводим названия этих песен, поскольку все они впоследствии войдут в репертуар так называемых «русских» певиц, взявших и репертуар, и порой даже манеру исполнения у артистов цыганских хоров.

Как бы ни была ярка и талантлива семья Г. И. Соколова, одной ее для основания хора было явно недостаточно. И Гри-

горий Иванович начал поиск талантливых исполнителей среди цыган. Ему посчастливилось в Новгороде, там он нашел трех сестер Панковых и семью Масальских. Практически это была одна семья, поскольку родители Александры, Анны и Ольги, поженившись, объединили оба рода. И весь этот объединенный род органически влился в хор Григория Ивановича Соколова. Достаточно сказать, что он был представлен в хоре десятью именами, то есть составлял почти половину. Довольно скоро место первой певицы в хоре заняла Ольга Петровна Панкова, или Лёдка, как называли ее цыгане и любители цыганского пения. Она была прекрасной исполнительницей романсов «Пара гнедых», «Нищая», «Тебя ль забыть», пела она и романс, посвященный ей и начинающийся словами: «Ольга Петровна здесь, между нами». Имя Ольги Петровны часто встречается в прессе, мемуарах. Упоминает о ней в книге «Старый Петербург» и М. И. Пыляев. Против обыкновения О. П. Панкову, как правило, называют полным именем.

В предыдущей главе мы вскользь говорили о нелегкой судьбе, которая выпала на долю Лёдки. Что же с ней произошло? Предоставим слово ее племяннику Н. А. Панкову:

«Будучи девушкой, Ольга Петровна была окружена славой, поклонением и любовью. Толпа блестящей молодежи и выдающиеся деятели того времени, как, например, крупный юрист Герард или известный этнограф и знаток народной музыки Стахович и мн. др., искали ее благосклонного внимания; она же всей этой толпе предпочла уже пожилого человека и скромного в средствах — Н. М. Сольского. Она терпеливо ждала чуть ли не десятилетие, пока тот устранит препятствие к браку с цыганкой. В день замужества один из поклонников покончил жизнь самоубийством, другой пытался увезти ее силой, подменив карету, в которой она должна была ехать. Сольский из-за этой женитьбы был отвергнут своим обществом, и если его брат получил графство, то его карьера была оборвана. Они стали страстными вояжерами, а разразившаяся война в 1914 году, а за ней революция в России задержали их за границей навсегда. Еще в годы войны умер Н. М. Сольский, и на долю Ольги Петровны и ее дочери Марианны выпали тяжелые испытания. Жизнь их в эту пору рисуется неприглядно: дочь, выйдя замуж за француза Гантеса, вскоре потерпела семейное крушение, средства, которые они имели, пошли прахом. Вторичный брак Марианны с сыном Льва Николаевича Толстого — Львом — был тяжелым по своим последствиям: Лев Львович, человек, по-видимому, неуравнове-

шенный в быту, женился на Марианне после того, как развалил свою семью чуть ли не в шесть человек. Неизвестно, как закончила свои дни когда-то славная Ольга Петровна. Неизвестна и судьба Марианны».

Вернемся к хору Г. И. Соколова. Вторая сестра Панковых, Александра Петровна (контральто), была незаменимой хористкой, а также выступала в дуэте с Екатериной Масальской. Хороши были и мужские голоса хора, среди которых выделялись Александр Сергеевич Шишкин по кличке Волко — отец М. А. Шишкина (о нем мы уже писали), Николай Иванович Соколов — брат Г. Соколова, Василий Бауров и Макар Антонов. Замечательной плясуньей была молоденькая Устинья Александровна Масальская, которая пришла в хор со своей пляской, получившей совершенно непонятное название «Шутишь». Эта пляска не выходила из репертуара цыганских хоров более половины столетия.

Дата смерти Григория Соколова осталась неизвестной. Вероятно, он умер где-то в начале 70-х годов. После его смерти хор в полном составе переходит сначала к Р. А. Калабину, а потом к Н. И. Шишкину.

Итак, в 70-х годах в Петербурге работают два цыганских хора: Родиона Аркадьевича Калабина и Николая Ивановича Шишкина. В обоих хорах встречаются имена одних и тех же главных певиц. Дело в том, что в силу разных причин, в основном из-за многочисленных конфликтов, связанных с получением дополнительных паев, цыганские исполнители переходили из одного хора в другой. Поэтому оба хора придется рассматривать одновременно.

Р. А. Калабин родился примерно в 1830 году, а умер в 1900-м. Он ввел многочисленные реформы в цыганский хор. Р. Калабин пытался «европеизировать» хоры: стал требовать, чтобы цыгане носили сюртуки непременно черного цвета, с крахмальной грудью, подстригали коротко волосы, брили бороды и подвивали усы. Изменился и костюм женщин: широкие цыганские юбки и разноцветные шали-перевязи обязательны были лишь на открытой сцене или надевались по особому требованию по предварительным заказам некоторых давних любителей цыганского пения. В журнале «Пантеон» о хоре Р. Калабина можно прочитать следующее:

«...Дух промышленности и утончения смыл с ним совсем родимые пятна. Цыгане завиты французским куафюром, в нарядах последней моды, с цветами на голове и с букетами «Сима» (владелец цветочного магазина.— *Е. Д.*, *А. Г.*) в руках».

На первый взгляд, это было чисто внешнее следование моде. На деле все обстояло сложнее. С одной стороны, исчезала некая «домашность» хора, несшая черты цыганского духа. С другой — необходимость придать хору вид профессионального была продиктована временем. Как говаривали старые цыгане, иногда достаточно было выглядеть подтянутым, чтобы возникла необходимая дистанция между артистами и публикой.

Р. А. Калабин был москвичом по рождению и начал свою деятельность еще в хоре Ивана Васильева. У него не было выдающегося голоса или дара сольного гитариста-импровизатора, но он был первоклассным дирижером и ярким аккомпаниатором. Не получивший музыкального образования, Р. А. Калабин был талантлив от природы, имел незаурядные композиторские способности. В репертуаре хора было немало его авторских произведений: «Доля моя», «Тяжелый крест», «Тени слетались» и другие. Ему же принадлежат аранжировки многих цыганских песен.

Вторым дирижером у Р. А. Калабина некоторое время работал Федор Иванович Губкин, а среди певиц мы видим все тех же М. Н. Соколову, М. Н. Губкину, Капитолину и Екатерину Соколовых. Наконец, в его хоре пела уехавшая от Федора Соколова знаменитая Пиша.

О Федоре Ивановиче Губкине не сохранилось никаких печатных воспоминаний, неизвестно даже, в каких хорах протекала большая часть его жизни. Странной была и судьба некоторых его произведений, таких, как романсы «Я помню отрадно счастливые дни» и «Когда на него ты глядишь». В свое время они были опубликованы под непонятными инициалами «М. Н.». Согласно преданиям, Ф. И. Губкин — автор таких популярнейших цыганских песен, как «Кон авэла» и «Зэлэно урдо». Между прочим, мелодия последней песни в несколько измененном темпе цитируется в увертюре к «Руслану и Людмиле» М. И. Глинки как восточная мелодия.

На старости лет Ф. И. Губкин «прозябал» в хоре в задних рядах, всеми забытый. Среди цыган, по рассказам Н. А. Панкова, он славился своими чудачествами. Особенно он любил восхвалять свою старую клячонку, такую же древнюю, как он сам, возводя ее в рысаки. Это всегда давало молодежи повод для шуток над ним.

А. А. Панков вспоминал эпизод, относящийся к началу XX века и связанный с Ф. И. Губкиным:

«Я всегда думал, что дядя Федя держит гитару просто так, а играть вовсе не умеет. И вот однажды к нам приехала

компания во главе с князем Кочубеем Хор занял свое место в кабинете. А у компании была такая цель — записать «Цыганскую венгерку» на фонограф. И вот князь Кочубей обратился к Федору Ивановичу: «Дядя Федя, сыграйте». Тот отвечает: «Увольте, я уже 60 лет как не играю». Я стою и думаю, мол, что за самодур, взял бы да попросил наших гитаристов. И тут Кочубей встал перед Федором Ивановичем на колени и со слезами стал просить: «Ну, как сможешь, дядя Федя». Тут уже и старик Губкин заплакал. Но потом он рукавом утер слезы и сказал первым гитаристам: «Пойдите подыграйте мне». Дяде Феде подали стул, а возле него встали три наших лучших гитариста и еще моя старшая сестра Валентина. Я чуть не обезумел, услышав игру старика. Ни раньше, ни после этого я больше никогда не слышал подобной игры. Потом я подошел к М. А. Шишкину и говорю: «Дядя Миша, а ведь я думал, что дядя Федя играть не умеет». Тот добродушно захохотал и сказал: «Дурачок, мы все учились у него». В тот же вечер дядя Федя Губкин умер. Возможно, он не выдержал того нервного напряжения, какое потребовала от него игра.

Он был коренным москвичом и всегда просил, чтобы его похоронили в Москве. Так и поступили. Похоронил его князь Кочубей за свой счет. Последняя запись его игры была перенесена на металлический валик и вмонтирована в надгробный памятник. В полдень и в полночь над Ваганьковским кладбищем разносился мотив «Цыганской венгерки»...»

С 1871 года в Петербурге одновременно с хором Р. А. Калабина в ресторане «Самарканд» начинает работать хор Н. И. Шишкина.

Николай Иванович Шишкин (1845—1. XI.1911) был родом из Курска. Надо сказать, что цыгане, уроженцы тех мест, издавна пользовались славой великолепных музыкантов, носителей высокой певческой культуры. Хор Н. И. Шишкина был, пожалуй, самым крупным за всю историю деятельности цыганских хоров. В начале XX века он насчитывал свыше 110 человек. Одних гитаристов в хоре было 38, из них пять женщин.

В репертуаре хора мы видим все те же полюбившиеся слушателям романсы русских композиторов: «Не искушай» и «Я вас любил» М. И. Глинки, «Соловей» А. А. Алябьева, «На заре ты ее не буди» А. Е. Варламова, «Вот на пути село большое» П. П. Булахова и многие другие. Пели и романсы цыганских композиторов — Ф. Губкина, И. Васильева, Р. Калабина и самого Н. И. Шишкина, исполнялись и многие цы-

ганские песни: «Малярка», «Бида», «Кон авэла» «Шэл мэ вэрсты», « Не вечерняя» и другие. По словам В. Э. Мейерхольда, «... ни одна из цыганских песен не потрясает в буквальном смысле этого слова, как « Не вечерняя». Начинается она одним голосом, подхватывается всем хором и переходит прямо в бурю. Кончается песня протяжным оглушительным свистом...».

Каждое концертное выступление хора, а они становятся еженедельными, проходит с полным аншлагом. В 1878 году состоялась триумфальная поездка хора в Париж на Всемирную выставку. А. Плещеев в «Столице и усадьбе» (1915, № 38—39) пишет:

«Хор Н. Шишкина, распевающий теперь в «Аркадии», ездил во время выставки в Париж и пел в «Трокадеро». Вильмесан, владелец «Фигаро», два раза приглашал цыган петь к себе в редакцию. На одном из этих вечеров присутствовал шах персидский, которому особенно нравилась цыганская пляска. От души он смеялся. На первом вечере у Вильмесана цыган слушал Оффенбах, который благодарил Ник. Шишкина и записал несколько исполненных им романсов».

Уже ко времени поездки в Париж хор Н. И. Шишкина насчитывал около сорока человек, то есть обладал значительными возможностями. Сознавая это, Шишкин предпринимает попытку создать из своего хора национальный театр. Он пишет пьесу «Чявэ дрэ вэша» («Парни в лесах»). Она продержалась в репертуаре Малого театра один сезон. В самом хоре были поставлены так называемые «Цыганские песни в лицах» Куликова. Представление шло в 1881—1882 годах. Сейчас трудно сказать, в чем причина,— то ли недостаточна была творческая подготовка, то ли не хватало средств, однако ростки первого национального театра так и заглохли.

Памяти Н. И. Шишкина А. И. Куприн посвятил свой очерк «Фараоново племя», в котором, в частности, писал:

«...Николай Иванович умер. Умер, как любимец судьбы, во сне, от паралича сердца. И в той же самой квартире, где под его гитару пелись огненные цыганские песни, я поцеловал его холодный мертвый лоб».

Хор Н. И. Шишкина славился не только выдающимися голосами исполнителей, слаженностью звучания ансамбля, виртуозной игрой на гитарах талантливых музыкантов, но и шумными скандалами, связанными с именами цыганских красавиц, солисток этого хора. Чего стоил лишь процесс Константина Николаевича Юханцева! К концу 70-х годов этот человек умудрился растратить два миллиона, принадлежав-

ших Обществу взаимного поземельного кредита. Именно в такую сумму обошлось ему «поклонение» Ольге Андреевне Шишкиной. Этот шумный процесс прекрасно описан нашим замечательным юристом А. Ф. Кони. Отражен он и в дневниках Ф. М. Достоевского. Юханцев в 1879 году был судим, лишен дворянского звания и сослан в Сибирь. Трудно поверить, что эту колоссальную по тем временам сумму Юханцев «бросил к ногам» своей возлюбленной. На такие деньги можно было целый век содержать все цыганские хоры России того времени, поскольку месячная «зарплата» даже цыганских примадонн, причем в лучшие периоды их творчества, по нашим прикидкам, едва ли превышала две-три сотни рублей, а у простых хористок была чуть ли не в десять раз меньше. Но «реклама» сделала свое дело: после процесса Юханцева началось истинное «паломничество» в «Самарканд» — все норовили поглядеть на «героиню дня». Говорят, что среди «паломников» был сам Александр III, что он вытатуировал на своей руке инициалы красавицы, а на ее руке — свои.

Любопытные подробности о «романе» Юханцева с Ольгой Андреевной Шишкиной содержатся в воспоминаниях А. А. Панкова:

«Цыгане рассказывали мне, что Ольга Андреевна не была большой певицей, зато отличалась простотой и добрым нравом. Как-то раз Юханцев предложил ей посмотреть в театре какой-то спектакль. Она спросила: «А как же хор? Я опоздаю, и мне не дадут моих два пая». Он рассмеялся и сказал: «Ну и не надо. Мы сами закажем хор, чтобы он нас ждал в кабинете к 12 часам». А спектакль этот шел в театре только через неделю. Ольга Андреевна спросила: «А как будет хор одет?» Он ответил: «А как ты захочешь?» — «Я хотела бы, чтобы у мужчин были красные казакины с откидными рукавами из шелка василькового цвета, а женщины надели голубые перевязи. Хочу, чтобы кабинет был затянут красным штофом, чтобы посуда тоже была красная, чтоб официанты надели зеленые фраки и белые перчатки, а ты был бы в черном фраке». Юханцев согласился и сказал: «А для тебя я выпишу платье из Испании»...»

Все так и было. Добавим еще один факт. На каторге Юханцев сочинил текст песни и прислал его в хор. Была придумана мелодия. Называлась песня «Самаркандская полька» («Самарканд» — ресторан, в котором работал хор Н. И. Шишкина). Некоторое время эта песня продержалась в репертуаре хора, но потом слова ее были забыты, а мелодия исполнялась как сольный гитарный номер.

Справедливости ради отметим, что текст «Самаркандской польки» никак нельзя отнести к числу литературных шедевров. Впрочем, судите сами. Вот как начиналась эта песня:

Грусть-тоска меня томила
На закате юных лет,
Словно темная могила
Мне казался белый свет.
  В «Самарканд» поеду я,
  Там красавица моя,
  Там увижуся я с ней —
  Сердцу будет веселей.

Далее речь уже идет о черноreченской даче, а не о ресторане, то есть о доме, где жила Ольга Андреевна.

Вскоре на Ольгу Андреевну Шишкину обратил внимание принц Александр Петрович Ольденбургский. Он своей «матушке» (так, по воспоминаниям цыган, принц называл Ольгу) воздвиг дворец на Каменном острове. Связь эта не могла продолжаться долго, и А. П. Ольденбургский вскоре заключил «нормальный» брак, оставив «матушку» в ее дворце.

Попутно несколько слов скажем о Дмитрии Шишкине — брате О. А. Шишкиной. Он получил музыкальное образование, имел прекрасный тенор и получал зарплату в хоре по высшей категории. По совету знатоков он решил попробовать силы в классическом репертуаре, поехал в Италию и, поступив в оперную труппу, исполнял там ведущие партии. В какой труппе и какие партии пел Д. А. Шишкин, нам установить не удалось. Известно, что его гастроли продолжались несколько лет. Но потом в нем «взыграла кровь», он затосковал и вернулся в Петербург, после чего двадцать лет, вплоть до своей смерти, проработал в цыганских хорах.

Побочный сын княгини Долгорукой и Александра II князь Юрьевский был пленен молоденькой плясуньей Маней (как утверждает Н. А. Панков, под этой странной кличкой выступала Анна Ивановна Масальская). Вот что говорила об этом романе тетка А. И. Масальской (записал Н. А. Панков):

«Бывало, приедет и на вопрос «что откушать желаете?» неизменно отвечал: «Тихвинских бараночек, слоечек, молочка и... больше ничего». Ну, и за вечер, бывало, выдует целый самовар с бараночками да со слоечками. Сам высокий, полный красавец с голубыми глазами. Подарками Маньку задарил. А на Пасху прислал большое плюшевое яйцо, наполненное бриллиантами».

Кончилось дело тем, что князь увез Маню за границу, а

вернулись они уже с ребенком. Снял князь особняк на Черной речке и прожил с цыганкой семь лет. Мать князя потребовала прекратить нежелательную связь, тем более что на примете у нее была дочь принца Ольденбургского. Князю пришлось подчиниться, но связь эту он не прерывал до своей смерти. А умер он, отравившись на обеде у Родзянко. Сын их погиб во время империалистической войны, а дочь вышла замуж за врача и уехала с матерью за границу.

Уже говорилось, что цыгане относились к подобного рода связям не менее негативно, чем представители русского света. В памяти цыганских стариков сохранилась такая легенда. Одна из дочерей Ивана Андреевича Хлебникова была увлечена неким аристократом Полторацким. Она была убеждена, что отец не даст разрешения на брак, и тайно бежала со своим возлюбленным. И все-таки старик добрался до них, разыскал беглецов, забрал дочь и в наказание остриг у ней косу, что у цыган является символом несмываемого позора. А с Ольгой Андреевной Шишкиной цыгане обошлись и вовсе жестоко. Об этом нам рассказывали бывшие певицы петербургских хоров, в частности Екатерина Полякова. Когда О. А. Шишкина поселилась в своем дворце, цыгане похитили ее любимую лошадь, убили ее и прислали страшную «посылочку» с отрезанными ушами животного.

Не менее любопытна судьба сестры А. И. Масальской Любови Ивановны, которая работала в том же хоре Н. И. Шишкина. Вот что об этом пишет Н. А. Панков:

«В нее влюбился морской офицер Агапеев — блестящий моряк, погибший на «Макарове» (эта информация требует уточнения, по другим данным, чуть ли не на «Варяге».— *Е. Д., А. Г.*), отмеченный за храбрость золотой шпагой. От связи с ним у Л. И. было трое детей. После третьего ребенка между ними происходит разрыв. Но перед тем как отправиться на русско-японскую войну, Агапеев узаконил свою связь перед церковью, очевидно, во исполнение долга перед детьми. В дальнейшем дети получили образование в дворянском институте: одна дочь стала художницей, другая работала где-то переводчицей (сын Агапеева умер еще подростком). Революция застает дочерей в Петербурге (мать их к тому времени умерла). Одна из них стала подвизаться в спекуляции бриллиантами, а несколько позже ее уже видели в фешенебельном ресторане где-то за границей, в шумной компании, в качестве «дамы полусвета». Дальше молва говорит, что она перекочевала в Польшу и вступила в связь с гетманом Радзивиллом».

Можно подумать, что цыганские хоры буквально поставляли невест для петербургской знати. Вот что пишет некий «Н. Н. К.» в журнале «Столица и усадьба» (1915, № 48):

«Цыганку Лизу Панкову «увез» из Крестовского сада С. П. Арапов, женившийся на ней. Лиза Морозова из Аквариумовского хора вышла замуж за покойного ныне светл. князя Витгенштейна; Груша Панкова — за помещика Анненкова. Известный публицист С. женился на солистке Шишкиной из «Самарканда», а ее сестра Ольга вышла замуж за сына бывшего морского министра Б. На Дуне Васильевой женился литератор К., на Лизе Хлебниковой — покойный ныне издатель «Биржевых известий» П. Ф. Левдик, на Лёле Ильинской — инж. Ц. и т. д.».

Мы не без умысла обрушили на читателя поток светских сплетен прошлого века. Продолжая тему предыдущей главы, мы хотели бы, чтобы читатели поняли, сколь причудливо и безжалостно коверкались судьбы цыганских наложниц. Так и хочется сказать — заложниц цыганского искусства.

Слава хора Н. И. Шишкина была столь велика, что она несколько затмила деятельность работавших в Петербурге в то же время хоров Александра Ивановича Гроховского и Петра Ивановича Васильева — сына знаменитого Ивана Васильева. В хоре П. Васильева выделялись его жена Анна Андреевна (первое сопрано) и их племянник — Александр Иванович Васильев, гитарист-виртуоз. В памяти цыган сохранились забавные клички этих родственников знаменитого хоревода: Калган, Калганиха и Калганенок. В прессе того времени эти хоры не упоминаются буквально ни единым словом. А ведь там работали такие первоклассные гитаристы, как Илья Морозов и его сын Николай, а также И. Ф. Степанов.

В конце XIX — начале XX века в саду «Аквариум» в Петербурге выступал довольно крупный хор Алексея Васильевича Шишкина (1860—1915), известного среди цыган по прозвищу Спаржа. Алексей Васильевич был из семьи курских цыган, занимавшихся дрессировкой медведей и устраивавших на площадях и ярмарках представления с ними. Воспитывался он в семье дяди, прекрасного певца по прозвищу Тхуло (Толстяк). Музыкальным воспитателем его был Ф. И. Губкин. Лучшей певицей его хора была Елена Егоровна Шишкина (1869—1942 (?). У нее было необыкновенно низкое контральто, которого нынче и не встретишь. К счастью, голос певицы был записан — есть пластинка с двумя романсами в ее исполнении.

Елена Егоровна вышла из среды петербургских хоровых

цыган Бауровых, прибывших с Ладоги. Отец ее, Егор Васильевич — человек большой хоровой культуры,— считался в свое время лучшим басом, а у младшего брата Ивана Егоровича был красивый баритон.

Елена Егоровна Шишкина еще подростком работала в цыганском хоре Р. А. Калабина и Н. И. Шишкина рядом с такими певицами, как Пиша, М. И. Васильева (дочь Ивана Васильева), О. П. Панкова (Лёдка) и другими. Вот что пишет о ней Н. А. Панков:

«Елена Егоровна была замужем за Алексеем Васильевичем Шишкиным, но их супружеский союз был недолгим и непрочным: прямая, с независимым характером, она не могла подчиняться доле цыганской жены, покорной во всем своему мужу, тем более такому ветреному баловню, каким был Алексей Васильевич. Но творчески они были связаны всю жизнь. Он был бессменным ее аккомпаниатором, вплоть до своей смерти».

Однажды с Еленой Егоровной Шишкиной случилось несчастье: когда она хлопотала на кухне, в глаза ей попали брызги раскаленного сала, и она потеряла зрение. Но беда не сломила ее, она не покинула концертной сцены и выступала до глубокой старости: ее, слепую старуху, цыгане выводили на сцену, бережно держа под руки. Пела она, сидя в кресле. Конец ее творческой деятельности пришелся на 30-е годы XX века. Она работала в этнографическом театре при Русском музее в Ленинграде. Практически это был все тот же цыганский хор. Репертуар Е. Е. Шишкиной был огромен, в основном он состоял из романсов, таких, как «Утро туманное», «Лотос», «Дай на тебя наглядеться», «Я ехала домой» и др. Среди многочисленных учеников Елены Егоровны был известный эстрадный певец Вадим Алексеевич Козин. Родом он был из хоровых цыган Ильинских. Об этом замечательном певце мы еще скажем. А пока отметим, что он ни в коей мере не перенял школы Е. Е. Шишкиной, а пошел в эстраде своей дорогой. Среди истинных ее последователей, воплотивших удивительную исполнительскую манеру певицы, прежде всего была турчанка Стронгилла Шеббетаевна Иртлач, имя ее (как, впрочем, и имя ее прославленной наставницы) незаслуженно забыто. И это сейчас, когда культура исполнения цыганского романса крайне низка.

Уже говорилось, что А. В. Шишкин был талантливым гитаристом-аккомпаниатором, говорилось о его мягкой, «нежной» игре. Не случайно он подобрал в хор прекрасных гитаристов, а в репертуар включил целый ряд превосходных

инструментальных номеров. В хоре работали такие виртуозы, как Алексей Грачев, Алексей Ильинский и Николай Масальский. Временами у А. В. Шишкина подвизался последний представитель династии Соколовых — Николай Николаевич Соколов. А слава сестер Зубовых — Раи и Бобки, колоритнейших исполнительниц цыганских и русских песен,— доходила даже до кочевых цыган, которые нередко приезжали в Петербург послушать своих соплеменниц. Популярностью пользовалась Наталья Ивановна Морозова (контральто), прошедшая школу в хоре Варвары Васильевны Паниной. Среди цыган она была известна по прозвищу Болгарка. Была замечена прессой совсем молоденькая Нюра Масальская по кличке Пухыркэнгири, племянница Усти и Палаши. У Нюры было широкого диапазона меццо-сопрано, она обычно исполняла цыганские песни. Вот что писал о ней в 1912 году обозреватель «Петербургской газеты»:

«Цыганский концерт Нюры Масальской в Малом зале консерватории... поет она свои песни по цыганским напевам, как певали в старину... Певица имела успех и получила несколько корзин... Мастерски аккомпанировали Нюре Масальской три гитары во главе с А. В. Шишкиным».

Пользовались успехом и молоденькие артистки этого хора сестры Панковы — Варя и Саша. Они пели дуэтом, сами себе аккомпанируя в две гитары. Наконец, необходимо назвать любимицу А. А. Блока Ксюшу Белякову по кличке Кирэнгири. Вот что пишет Н. А. Панков:

«Попробуем обратиться к воспоминаниям М. А. Бекетовой об Александре Блоке. Читаем у нее: «И в это лето, как всегда, он слушал цыган (1913 (?).— *Н. П.*)». Далее М. А. цитирует его письмо к ней: «У цыган, как у новых поэтов, все «странно». Год назад Аксюша Прохорова пела: «Но быть с тобой и сладко, и странно». Теперь Раисова поет: «И странно, и дико мне быть без тебя, моя лебединая песня пропета». Не перепутана ли фамилия Ксюши? Романс этот могла петь, думаем, Ксюша, но не Прохорова, а обаятельная Ксюша Белякова. Ксюша Прохорова, по мужу Добрынина, пела хотя и очень темпераментно, но не романсы, а цыганские песенки. Других Ксюш в то время в петербургских хорах не было. Да и внешне Ксюша Белякова — высокая, стройная, с удлиненным овалом лица, красивыми глазами с опущенными длинными ресницами. Цитирую письмо дальше: «Цыганка, которая пела о множестве миров, потом говорила мне необыкновенные вещи, потом — под проливным дождем в сумерках сверкнула длинными пальцами в броне из острых

колец, а вчера обернулась кровавой зарей». То же читаем и в его записных книжках: «Вчера в сумерках ночи под дождем на Приморском вокзале цыганка дала мне поцеловать свои длинные пальцы, покрытые кольцами. Страшный мир, но быть с тобой странно и сладко». Любопытна судьба Ксюши Беляковой: она покинула хор, чтобы стать «андалузской» цыганкой, сойдясь с каким-то испанским музыкантом. Ксюша Прохорова-Полякова-Добрынина умерла в Ленинграде незадолго до Великой Отечественной войны».

В одном ряду с именем А. В. Шишкина стояло имя Михаила Александровича Шишкина (1851—1916), аккомпаниатора, солиста-гитариста и дирижера. Его отец Александр Сергеевич по прозвищу Волко имел прекрасный бас и славился в хоре Р. Калабина как исполнитель популярной песенки «Крамбамбули». Сам же Михаил Александрович всегда считал себя учеником Ф. И. Губкина, от которого (как и А. В. Шишкин) научился виртуозному владению гитарой. Популярные певцы, например В. В. Панин, пользовались его услугами аккомпаниатора.

М. А. и А. В. Шишкины были непревзойденными исполнителями «Цыганской венгерки». Сравнивая их мастерство, цыгане отмечали, что у Михаила Александровича более изощренная техника, но в игре Алексея Васильевича особая теплота и мягкость.

По-видимому, Михаил Александрович был неважным организатором, а потому чаще работал в чужих хорах. Известны некоторые его композиции, например — «Блеск чудных очей» и «Минула страсть» (последняя в соавторстве с Бакалейниковым). Известны и романсы Шишкина, но поскольку в нотах рядом с фамилией нет инициалов, то не ясно, какому именно Шишкину принадлежат: «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Приди ко мне, оплакать я хочу». «Пусть плачет и стонет мятежная буря» и «Расстались мы».

Большим по тем временам был хор Алексея Никитича Масальского, выступавший в ресторане «Вилла Родэ». Солистками в нем работали Валентина Евграфовна Панкова, Нина Дмитриевна Дулькевич, Нина Викторовна Дулькевич — жена Николая Дмитриевича Дулькевича, и Елена Гольникова. Много было и хороших мужских голосов: басы — И. Н. Масальский и Н. И. Соколов; тенор М. Н. Масальский, резко выделявшийся своей внешностью: почти лилипут. В пляске неподражаемой была Сарра Масальская, любимица писателя Леонида Андреева.

Нина Викторовна Дулькевич по происхождению не была

цыганкой, но упорная и долгая работа с ней ее мужа Николая Дмитриевича Дулькевича и влияние хора поставили ее в ряды лучших цыганских певиц. Она пользовалась громадным успехом. Сохранилось немало граммофонных пластинок с записями Нины Викторовны, где ей аккомпанирует Н. Д. Дулькевич.

Необходимо сказать, что Николай Дмитриевич Дулькевич был прекрасным педагогом. Мы уже говорили, что он принимал деятельное участие в постановке драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». Первой исполнительницей роли Маши была Е. И. Тиме. Вот что пишет она в своей книге «Дороги искусства»: «После смерти Толстого мы узнали о необычайной находке: появилась рукопись никому еще не известной драмы «Живой труп».

Пьеса оказалась незаконченной. Начались ожесточенные споры о том, можно или нельзя, нужно или не нужно ставить «Живой труп» на сцене. В конце концов решили ставить.

Мне предстояло войти в спектакль, чтобы играть в нем на протяжении сорока лет.

Меня весьма мало смутило то обстоятельство, что в роли Маши придется петь цыганские песни. Разве не слышала я в тогдашних гостиных певичек, которые, стоя в амбразуре рояля, кокетливо и соблазнительно напевали гостям что-нибудь вроде «Гай да тройка, снег пушистый» или «Ветерочек чуть-чуть дышит, ветерочек не колышет»... Певицы, кутаясь в шали, находили в этих «Тройках» и «Ветерочках» выход своему игривому кокетству, волнующей игре, эффектной самодемонстрации. Это была любительщина того же низкого пошиба, что и салонная мелодекламация.

Исполняли цыганские песни и профессиональные певицы на концертных эстрадах. В собственном вагоне разъезжала по стране обладательница знаменитой «вяльцевской улыбки» — Анастасия Вяльцева. Ее красивое меццо-сопрано, стройная фигура, завлекательный взгляд и какие-то демонические брови сводили публику с ума. Мне казалось, что вокруг достаточно образов для моей будущей Маши.

Однако уже первое чтение драмы Толстого заставило призадуматься. Как-то необычно говорили о цыганах и цыганском пении действующие лица...

Видно, Толстой знал что-то о цыганском пении и о самих цыганах такое, что не знала я, о чем, наверное, и не подозревали и те, кто распевал в светских салонах и на обывательских вечеринках...

Какой же удивительной силой, каким могучим обаянием

настоящего большого чувства должно было обладать подлинное цыганское пение, если такие художники, как Пушкин и Лист, забывались и преображались при звуках этих удивительных песен, исполняемых цыганами из хора! Поняв это, я стала терять свою прежнюю уверенность и решила взять несколько уроков у руководителя петербургского цыганского хора Николая Дмитриевича Дулькевича.

Мы с Николаем Николаевичем (Н. Н. Качалов, муж Е. И. Тиме, ученый.— *Е. Д., А. Г.*) ожидали увидеть высокого и стройного смуглого цыгана с курчавой шевелюрой, с горящими глазами и кушаком, подпоясывающим яркую рубашку. Но вот в комнату вошел невысокий плотный человек на коротких ногах, в прозаических ботинках с пуговками, в темном костюме. Курчавой шевелюры тоже не оказалось. Дулькевич был лысоват, имел бородку и вообще ничем не напоминал ожидавшегося нами живописного цыгана.

Дулькевич бережно достал из футляра гитару, несколько раз тронул струну, взглянул своими будто погасшими глазами и спросил, знаю ли я романс «Час роковой». Я напела Николаю Дмитриевичу несколько тактов.

Дулькевич отвел глаза и опустил голову.

— Вам придется переучиваться петь, совсем переучиваться,— сказал он тихо.— Так нельзя; так только барыни поют, которые и цыган-то никогда не слышали. Ну-ка, давайте попробуем.

Дулькевич выпрямился, как командир перед атакой. Глаза его преобразились и засверкали вдохновенным блеском. Он крепко сжал гитару и, нацелившись на меня грифом, стал медленно наступать, не отрываясь глядя мне в глаза.

— «Час-ро-ковой, ко-гда-встрее-тил тебя... — пропел он, решительно делая фермато и паузы, каких не сделал бы ни один обычный певец.— Страстно-безумно тебя полюбя»,— продолжал он, прибавляя темп.

Дулькевич пел грудным звуком в высшей степени эмоционально. Он строил исполнение на контрастах форте и пиано, то нарушая ритм, то возвращаясь к нему. Это было настоящее цыганское таборное пение, страстное заклинание и отчаянная мольба, призывы к счастью и радости. Это было пение, о котором Лермонтов писал: «Я говорю тебе: я слез хочу, певец, иль разорвется грудь от муки», какое слышал Тургенев в придорожном трактире, когда Яшка-Турок победил в состязании своего соперника; это было чудо...

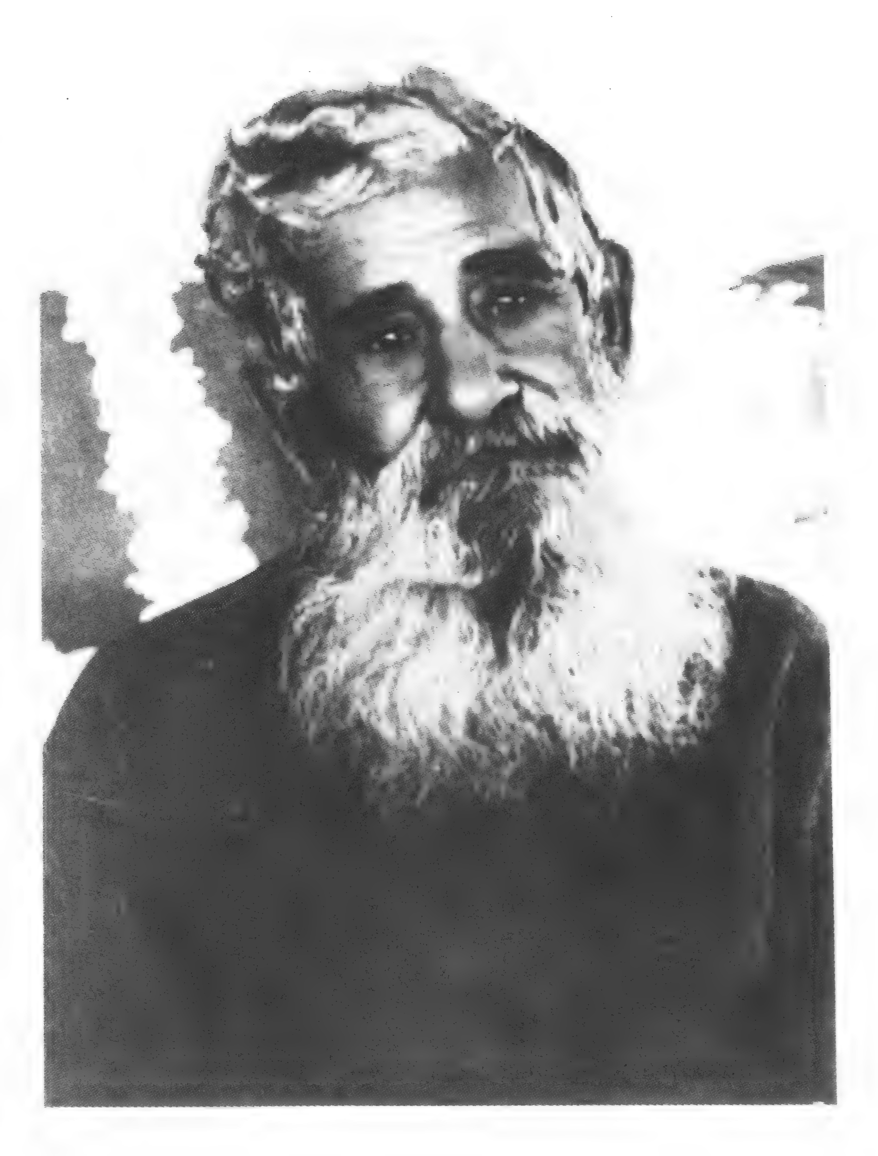
Николай Дмитриевич терпеливо занимался со мной ежедневно в течение двух месяцев. Он объяснял, что кажу-

И. П. Абауров — как и Ильинский, «осколок цыганской культуры прошлого». Фото авторов

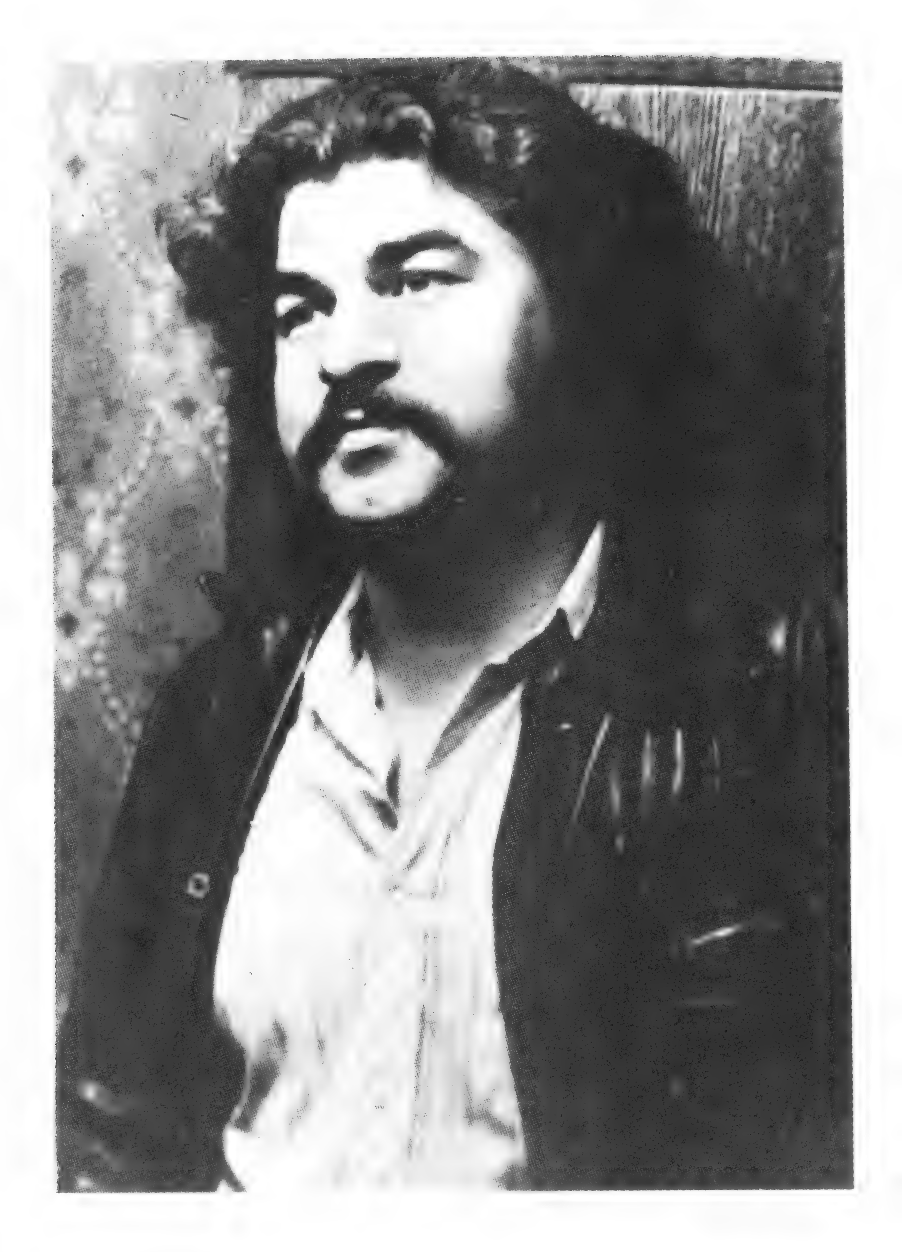
Смотреть коню в зубы — это определять его возраст. Фото авторов

Финоген Егорович Михайлов — блестящий знаток фольклора, родился аж в прошлом веке. Фото авторов

Интервью у цыганской гадалки (А. В. Харпонина). Фото авторов

Виктор Бузылев — популярный у цыган автор и исполнитель собственных произведений и фольклора. Фото авторов

Вир Раджендра Риши (в центре) — директор института цыганологии, гл. редактор журнала «Рома» в Чандигархе, штат Пенджаб, вместе с авторами книги (справа Е. Друц, слева А. Гесслер)

Зоя Ильинская и Екатерина Полякова. Первая — известная в прошлом танцовщица (двоюродная сестра Вадима Козина), вторая — хоровая певица. Фото авторов

Этот жест знает любой цыган, где бы он ни жил,— менка лошадей состоялась. Фото авторов

Руководитель ансамбля «Джанг» Николай Эрденко (внук Михаила Эрденко). Фото А. Черных

Популярный исполнитель цыганских народных песен Валерий Маштаков.
Фото авторов

Зоя Ильинская в молодости

Одна из лучших современных исполнительниц цыганского фольклора Соня Тимофеева. Фото авторов

Сергей Коненков в таборе под Петрозаводском. Справа — жена скульптора Маргарита Коненкова, спиной сидит архитектор и художник Савва Бродский

В. А. Иванова из Антропшино под Ленинградом — прекрасная исполнительница обрядовых песен. Фото авторов

У цыган в пос. Мещерском. Слева направо — Чямба Михай, Роза Эрденко, Я. Михай, Е. Друц, А. Гесслер и Б. Курчишвили. Фото О. Липеровского

Так записывается цыганский фольклор. Фото Е. Доманского

щаяся алогичность музыкального и смыслового построения фраз в песне необходима и должна быть наполнена взрывами темперамента, вспышками горячего чувства. Пришлось много поработать над дыханием, чтобы добиться этого.

Дулькевич рассказывал и о нравах цыган, их образе жизни, привычках, традициях. Я узнала, как строги и целомудренны нравы и мораль этого народа. Я поняла, что Пушкин, Лермонтов, Островский, Лесков ездили к цыганам, чтобы забыть на время пошлость окружавшей их жизни.

Все эти рассказы явились почвой, сквозь которую прорастал образ моей Маши».

Продолжим рассказ об исполнителях хора А. Н. Масальского. С именем Валентины Евграфовны Панковой (1881—1924) связана одна из грустных романтических историй. Эта певица обладала низким контральто. Пению и игре на гитаре она научилась у Капитолины Григорьевны Соколовой, а школу многоголосного пения прошла в хоре Н. И. Шишкина. Валентина воплощала в своем творчестве шишкинские традиции хорового пения. Созданные ею ансамбли (трио, квартеты, квинтеты) и хоровые номера были великолепны. Она — первая женщина, выступавшая и как аккомпаниатор, и как дирижер. Валентина Евграфовна перенесла из хора Н. И. Шишкина в хор А. Н. Масальского ряд превосходных номеров: «Не вечерняя» (трио с хором), «Люблю я цветы полевые» (на четыре голоса), «Не смущай» (на пять голосов), «Не искушай» (трио) и дуэты — «Снова слышу» и «Тумэ рома» («Вы цыгане»). А теперь — о романтической истории, ставшей семейным преданием Панковых. Многое в этом предании оказалось неточным, и лишь Н. А. Панков установил фактическую подоснову этой легенды. Дадим ему слово:

«Между прочим, Капитолина Григорьевна задолго до своей смерти подарила Валентине Евграфовне свою знаменитую родовую соколовскую гитару, на которой играла еще ее бабка — Таня Демьянова, любимица А. С. Пушкина. После ликвидации ресторанов и хоров Валентина осталась не у дел, гордо замкнулась от всех, не ища ни работы, ни поддержки, не желая слушать каких бы то ни было разговоров о поступлении в новые хоры. Вскоре она заболела, а перед кончиной единственной ее просьбой было приготовить поминальную кутью на соколовской гитаре. Тяжкое распоряжение было выполнено родными умершей».

Справедливости ради надо сказать, что существуют две версии о судьбе соколовской гитары. Так, в Музее музы-

кальной культуры имени М. И. Глинки хранится инструмент, принадлежавший ранее Н. Н. Кручинину. Он утверждал, что именно на этой гитаре играли первые цыганские хореводы из рода Соколовых. Не беремся судить, прав ли он. Обе версии имеют право на существование.

К сожалению, говоря о цыганских певицах и наделяя их высокими эпитетами, мы не часто можем сослаться на отзывы прессы: писали о них мало. Увы, такова горькая судьба многих цыганских певцов и музыкантов, не имевших возможности давать публичные концерты, ресторанные кабинеты или домашние празднества богачей — вот их «сцена». И лишь некоторым удавалось вырваться за эти пределы — Варе Паниной, Пише... Их имена можно по пальцам сосчитать. Немногие граммофонные записи начала века сохранились лишь в коллекциях филофонистов. Но даже они, некачественные, шипящие и заедающие, дают представление о высочайшем уровне мастерства той же Е. Е. Шишкиной или В. В. Паниной, заставляют задуматься об утрате, быть может безвозвратной, традиций и школы цыганского пения, «хранителем» которых был цыганский хор.

Пожалуй, последним крупным дирижером петербургских хоров был уже известный нам Николай Дмитриевич Дулькевич (1871—1936). Он происходил из рода цыган «кофари» (дословно — купцы, так цыгане называли торговцев-лошадников), живших в городе Зарайске и известных по прозвищу Пурумки. Его учителем был Илья Морозов. Николай Дмитриевич был не только тонким и вдумчивым музыкантом, великолепно чувствовавшим сам дух песни или романса, но и отличным педагогом. Его ученики оставили заметный след в цыганском искусстве. Назовем Александра Александровича Панкова, гитариста-виртуоза, дирижера, руководителя «Цыганского аттракциона» в Госцирке, и выдающегося, без преувеличения, гитариста Сергея Александровича Сорокина, родного племянника Николая Дмитриевича. Интересно, что С. А. Сорокин играл левой рукой на специально сделанном для него инструменте.

Среди певиц, воспитанных Н. Д. Дулькевичем (его цыганская кличка — Вязёный), помимо упомянутой нами Н. В. Дулькевич, жены дирижера, была и Катюша Сорокина, сестра Сергея Александровича. Непосредственно в хоре она не работала, а выступала с ним в качестве основной концертантки в сопровождении брата и дяди. Ее первые (и последние) граммофонные записи были выпущены, когда певице было всего 14 лет. Пресса восторженно при-

дева (1861—1924). Ведущими певицами в хоре были его жена, Мария Николаевна, и Александра Дмитриевна Николаева, известная среди цыган по прозвищу Сухарик. Особенно любил И. Г. Лебедев подбирать для своего хора дуэты, трио и квартеты. Так, Мария Николаевна неизменно выступала в ансамблях с великолепным басом Егором Ивановичем Паниным по прозвищу Рябчик, Ольгой Ивановной Орловой и Дмитрием Ивановичем Ивановым. Цыганские песни звучали в исполнении сестер Зинаиды и Насти Морозовых, дуэта Елизаветы Васильевны Морозовой и Евдокии Ильиничны Карпецкой. Нередко хор пополнялся талантливыми певицами из народной среды. В таборе под Бронницами прошла песенную школу Евдокия Ивановна Орлова, великолепное колоратурное сопрано. Как говаривала она сама, петь ее учили кочевые цыгане, старики Дуня-Косоручка и слепой Кузя-Кленка. Из этих же мест вышла и самобытная певица и плясунья Ольга Лаврентьевна Степанова.

Е. И. Орлова не только прекрасно пела протяжные цыганские песни соло и в ансамбле, писала она и музыку, ее сочинения издавали в нотных сборниках. Пожалуй, это единственная известная нам цыганская женщина-композитор.

В этом же хоре работали Дарья Алексеевна Мерхоленко, о которой говорилось в связи с Варей Паниной, и Александра Христофорова. Нельзя не сказать и о Софье Николаевне Лебедевой по прозвищу Арапка, воспитаннице хора И. Г. Лебедева. В цыганских хорах по давней традиции последним номером в концерте обычно давали пляску, особенно любимую широкой публикой. Когда выступала С. Н. Лебедева, этой традиции приходилось изменять, последним шел ее номер, поскольку бесконечные овации просто ломали программу Плясуньями этого хора были Рая Золотарева и исключительно изощренная в танце Маруся Артамонова, приводившая в восторг даже крупных мастеров русского балета.

Несколько слов скажем о самом Иване Григорьевиче Лебедеве. Он был родом из Рыбинска и рос в семье высокой песенной и музыкальной культуры. В Москву он приехал уже сложившимся дирижером и гитаристом. По своей игре он не был мелодистом, а, как и большинство цыганских дирижеров, особенно московских, был превосходным аккомпаниатором. Человек незаурядных организаторских способностей, с отличным музыкальным чутьем, он сразу же собрал первоклассный хор и получил место в популярном у москвичей ресторане «Стрельна» в Петровском парке. Он был строг, абсолютно объективен и одинаково кор-

ректен со всеми. Вот как описывает характер И. Г. Лебедева его сын — советский драматург И. И. Ром-Лебедев:

«Молчание было характерной чертой отца. Мне кажется, за всю жизнь сказанного им дома хватило бы только на одну страничку. А то, что он говорил нам, детям, уместилось бы в пяти строчках. Он был добр, но очень вспыльчив, и тогда — берегись! Его боялись все и дома, и в хоре. От безудержного гнева отца нас оберегала спасительная его особенность. Прежде чем разгневаться, он, вперив в побледневшего виноватого ненавидящий взгляд, начинал сперва жевать губами, потом медленно поднимать руку, направлять согнутый указательный палец на грудь или лицо несчастного — только тогда гремело слово. Но виноватый уже исчезал. Через несколько минут отец успокаивался, все забывал и вновь углублялся в молчание...»

И. Г. Лебедев поддерживал в хоре строжайшую дисциплину, пользуясь большим авторитетом и полным доверием не только у хора, но и у ресторанного начальства. Если одним гостям его хор не нравился, казался слишком пуританским, то другие ценили в нем подлинную художественность исполнения. Не случайно пение хора приходили слушать П. Чайковский, М. Горький, Ф. Шаляпин, С. Коненков, Айседора Дункан и Сергей Есенин.

После того как ресторан закрыли, хоры Е. Полякова и И. Лебедева остались не у дел. В дальнейшем часть артистов образовала костяк первого в мире цыганского профессионального театра «Ромэн», другие объединились под руководством Александра Александровича Панкова в «Цыганском аттракционе» при Госцирке, третьи пришли к Николаю Николаевичу Кручинину в созданную им в 1920 году Студию старого цыганского искусства при Главнауке Наркомпроса.

В хоре А. А. Панкова работали С. Н. Лебедева, А. А. Добровольская, Д. А. Мерхоленко, Е. И. Орлова, Г. Ф. Огневая и М. Артамонова. Любители цыганского романса, должно быть, помнят великолепное пение Галины Федоровны Огневой. Позже она перешла в цыганский театр «Ромэн», где ярко раскрылись ее незаурядные актерские способности.

В Ленинграде в это же время работал хор Алексея Николаевича Ильинского. Об этом музыканте мы уже упоминали, рассказывая о роде Ильинских. Этот род соединился с родом Масальских в конце XIX века. И неудивительно, что в хоре А. Н. Ильинского были артисты из этого рода. В 1933 году его хор был приглашен на работу в Этнографический театр. Представления разбивались на две части: в первом отделении

шла пьеса, а во втором — выступал хор. Его лучшие певицы — знаменитая Е. Е. Шишкина, Н. В. Дулькевич, было немало певиц из хора Н. И. Шишкина и А. Н. Масальского. Среди гитаристов выделялись В. П. Поляков и его сын Сергей, перенявший школу гитарной игры от отца. Когда хор расформировали, Алексей Николаевич выступал гитаристом-аккомпаниатором и несколько раз даже участвовал в концертах с Л. О. Утесовым. Воспитанником А. Н. Ильинского был и его племянник — танцор Александр Николаевич Ильинский (Саша Черный).

Среди «последних могикан» цыганского хорового искусства особо стоит имя Николая Николаевича Кручинина, сына Николая Ивановича Хлебникова. Н. Н. Кручинин сначала и не помышлял о работе с цыганами. Дело в том, что отец его умер рано, 34 лет от роду, не успев передать сыну всех секретов цыганского музыкального мастерства. Человек просвещенный, но И. Хлебников хотел, чтобы и сын стал человеком высокообразованным. Конечно же Н. Н. Кручинин беззаветно любил цыганское искусство, но ему претила работа не ради творчества, а для увеселения подгулявшей публики.

Николай Николаевич Кручинин (1885—1962) начал свою трудовую жизнь в 1907 году провинциальным актером. Затем он три сезона работает в театре Корша. Тогда он и взял для псевдонима фамилию главной героини пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». Он легко влился в труппу театра, ему доверяли многие ответственные роли.

Параллельно с работой у Корша Кручинин самостоятельно овладевает искусством пения и игры на гитаре, активно собирает песенный фольклор русских цыган, изучает репертуар цыганских хоров. В дальнейшем пению и игре на гитаре он учился у таких прославленных цыганских мастеров, как Федор Иванович Панин и Мария Николаевна Пухина. В 1916 году Н. Н. Кручинин проводит первый из своих впоследствии знаменитых Вечеров цыганской песни. Поначалу эти Вечера проходили в Летнем театре в Кускове в Подмосковье, а зимой 1916 года продолжались в Москве в артистическом собрании «Алатр». Потом в течение трех лет Н. Н. Кручинин работал под руководством заведующего этнографическим отделом бывшего Румянцевского музея ученого-этнографа Н. А. Ямчука. Это придало его выступлениям большую научно-просветительскую направленность.

Вокруг Н. Н. Кручинина собирается группа талантливых музыкантов и певцов и образуется цыганский хор, с которым

в дальнейшем он и выступает. 31 декабря 1919 года хор Кручинина по инициативе Реввоенсовета республики дает концерт, 17 апреля 1920 года состоялся показательный концерт во Дворце искусств, ставший этапным для коллектива. На нем присутствует А. В. Луначарский. 20 апреля того же года группа Кручинина официально зарегистрирована в МУЗО (Музыкальном отделе) при Наркомпросе. Ее назвали Студией старого цыганского искусства. И позже перевели под эгиду Всерабиса. С 1923-го по 1925 год она работала под контролем МОНО. 17 августа 1925 года ансамбль Кручинина из 16 человек — лучшие творческие силы студии — переименовали в Этнографический ансамбль старинной цыганской песни и передали Главнауке.

Кручининская студия занималась не только популяризацией цыганского искусства, при ней была создана двухгодичная школа, в которой цыганская молодежь обучалась пению и игре на гитаре. Там же читались лекции по истории цыган и их культуре. Основой кручининской студии стали осколки цыганских хоров, оставшихся не у дел в связи с ликвидацией «Яра» и «Стрельны». Концерты студии представляли собой литературно-музыкальные композиции. Музыкальные номера перемежались отрывками из поэтических произведений, посвященных цыганам, отзывами великих писателей и композиторов о цыганской песне, воспоминаниями о цыганских певцах, их связях с русскими музыкантами и поэтами.

Мы рассказали о последних крупных деятелях цыганского хорового искусства. После революции работа цыганских хоров была резко ограничена, а в 30-е годы они практически бесследно исчезли с концертных подмостков. Чем же это было вызвано? Причин много. Попытаемся выяснить главные из них.

Революционный процесс, нараставший в русском обществе с конца прошлого века и завершившийся в октябре 1917 года, никоим образом не коснулся цыган. Среди них почти не было ни рабочих, ни крестьян, уровень их социального развития был крайне низок. Что же произошло с цыганами в результате радикального переустройства русского общества? Нет сомнения, что цыгане приняли революцию с радостью. Происходившие перемены могли пойти им только во благо. Однако служить революции своим искусством в том виде, в каком оно существовало, было уже невозможно. Требовалось новое содержание. Но процесс переориентации в искусстве был мучительным для цыган. Отрицательную роль

сыграл и «цыганский миф». К тому времени он не только не был развенчан, но всячески муссировался.

Итак, с одной стороны, существовало цыганское искусство, еще недавно служившее правящим классам, с другой стороны — активно раздувался миф о связях цыган с этими классами. Таким образом, цыган стали относить к тем слоям общества, которые в первую очередь подверглись социальной обструкции. Делалось это классическим и набившим оскомину методом навешивания ярлыков. Под жернова одной из кампаний, которую под лозунгами «Долой!..», «Свергнем!..» проводил Пролеткульт, попали и цыганские хоры. Деятельность Пролеткульта еще требует детального изучения и осмысления. Мы же скажем об одном, может, и не самом главном принципе, на котором строились ложные концепции Пролеткульта. Что мы имеем в виду? Критикуя цыганские хоры, пролеткультовцы обрушили свои нападки на репертуар и на исполнителей, которые, как правило, не имели к цыганам отношения. Эпигоны цыганского искусства, они не только выступали с репертуаром цыганских артистов, но и подражали их манере исполнения.

Упомянем в этой связи хотя бы два имени. В конце прошлого века был широко популярен Александр Давыдович Давыдов — опереточный артист труппы М. В. Лентовского, армянин, увлекавшийся цыганским искусством. Он приобрел славу исполнителя цыганских романсов в то время, когда у Лентовского впервые были поставлены «Цыганские песни в лицах» (оперетта в двух действиях, о ней говорилось в связи с хором Н. И. Шишкина). Главные роли в этом спектакле играли А. Д. Давыдов и В. В. Зорина. Ни о каких цыганских традициях в их исполнении не могло быть и речи. И хотя цыгане, знавшие Давыдова лично, отзывались о нем тепло, к его работе они относились скептически.

Вот как вспоминает о последнем концерте Александра Давыдовича (летом 1876 года) его однофамилец В. Н. Давыдов:

«...Впоследствии к славе опереточного актера он присоединил славу замечательного исполнителя цыганских романсов, и «Пара гнедых» сделана его популярнейшим во всей России... По каким-то делам я очутился в Москве посреди сезона и попал на прощальный концерт Давыдова.

Давыдова вывели на эстраду под руки.

— «Пару гнедых»! — закричала толпа.

Разбитым старческим голосом семидесятилетний старик пропел первый куплет и разрыдался. Потом оправился,

овладел собой и спел второй. Слезы хлынули вновь. С ним сделался глубокий обморок, и его унесли со сцены...»

Нельзя не вспомнить и о такой «цыганской» певице, как Анастасия Вяльцева. Любимица российской публики, она работала в цыганской манере. Удивительно точно отзывается о ней Вадим Алексеевич Козин:

«Тетя Настя — мы с сестрами так ее звали — всегда привозила нам, маленьким, большой пакет с фруктами, конфетами и другими сладостями. Мне тогда было семь лет. Помню, отец ругал Вяльцеву за исполнение пошловатой, но популярной песенки «Гей да тройка» и все допытывался: как понимать — «мчится парочка вдвоем»? А что, спрашивал, парочка может мчаться и втроем? И в конце песенки его умиляла фраза: «И не помнит, как с устами вдруг слилися их уста»... У меня это тогда на всю жизнь отложилось...»

Мы вовсе не намерены подвергать эпигонство уничтожающей критике. Строго говоря, эпигонами можно назвать многих исполнителей цыганского романса в прошлом и настоящем. Мы говорим о тех апологетах моды, которых порой выплескивает на гребень волны и которые воплощают отнюдь не самое лучшее. Странная получается картина. Если спросить, были ли в репертуаре цыганских хоров песенки пошлого содержания, скороспелые поделки на потребу публики, ответить придется положительно. Но не эти произведения принесли славу цыганскому искусству. А репертуар цыганских эпигонов определяли именно они.

В разгар Пролеткульта, в конце 20-х — начале 30-х годов, появился остронегативный термин «цыганщина». В прессе постоянно печатались статьи, призывавшие к борьбе с «цыганщиной». Чтобы дать представление об уровне этих статей, процитируем одну из них. Она была опубликована в листке «За пролетарскую музыку» под названием «Чем плоха «Цыганочка»:

«Так,— сказал мой собеседник,— но ведь «Цыганочка» все же народный цыганский танец.

— И это неверно,— ответил я.— «Цыганочку» нельзя считать народным танцем. Приведу тебе такой пример. Ты, наверное, читал что-нибудь о жизни белой эмиграции за границей. Эти бывшие люди подвизаются в ночных ресторанах, барах, кабаках, игорных домах; они служат там кельнерами, лакеями, занимаются шулерскими проделками — одним словом, зарабатывают на жизнь. Представь себе бывшую графиню, выступающую в таком ночном кабаре и поющую:

Звон бубенчиков трепетно может
Воскресить позабытую тень.
Мою русскую душу встревожить
И встряхнуть мою русскую лень...

Можно ли подобные романсы считать народными русскими песнями? А именно так к ним относятся в барах Парижа и других европейских столиц; там принимают эти подлые романсы за истинно русское народное творчество, привезенное из «дикой» России. Примерно такое же отношение существовало у нас к цыганам. Беда только в том, что на положении такой эмиграции находилась бо́льшая часть цыганского народа в силу экономических условий их жизни и политики царского правительства. Они вынуждены были всячески честными и нечестными путями доставать себе средства к существованию. Известно, что цыгане крали лошадей, а цыганки торговали своими песнями, танцами и любовью. Русским купцам и кутилам нравились эти «горячие» женщины с «буйной южной кровью». Цыганки всеми средствами разжигали их чувственность внешним видом, дикой пляской, чувственным пением для того, чтобы выманить у них побольше денег. Поэтому они в пении и в пляске подчеркивали нездоровые, возбуждающие моменты. Старая народная музыка искажалась, сочинялись новые, откровенно проституированные песни и пляски, которые рождались уже не в свободных степях, где некогда кочевали цыгане, а в кабаках, барах и притонах. К таким пляскам и относится «Цыганская венгерка». Она так же мало похожа на народное цыганское творчество, как европейский фокстрот на негритянскую пляску».

Под статьей стоит подпись: «Комсомолец Борис Ш.».

Таковы были первые опыты в журналистике будущего ниспровергателя «цыганщины» музыковеда Б. С. Штейнпресса.

Четыре года спустя выходит его программная (в плане борьбы с «цыганщиной») книга «К истории цыганского пения в России». Оставлен развязно-вульгарный тон процитированной газетной статейки. Автор вполне серьезно выстраивает наукообразную концепцию, в основе которой мысль, что у цыган нет национального искусства. Нет, он не отрицает его вовсе (до такой чудовищной идеи Штейнпресс не дозрел), но пытается доказать, что цыганское искусство — это небольшой круг фольклорных произведений, о которых сам-то он, судя по всему, знает лишь понаслышке.

Известно, что Пролеткульт «сбрасывал с корабля совре-

менности» всю русскую классику, включая Льва Толстого. Но Л. Н. Толстой не погиб под обломками Пролеткульта, а вот с «цыганщиной» расправиться удалось. Почему же расправа с ней была такой скорой и практически «без единого выстрела»?

Дело в том, что цыганская культура во все времена покоилась на устной передаче из поколения в поколение своих традиций и характерных черт. Стоило из этой цепи вырвать хотя бы одно звено, разрушить или максимально затруднить связь поколений в искусстве, как вся цепь рассыпалась. Нередко можно прочитать, что искусство представляет собой некую неразрывную цепь. Нельзя думать, что «неразрывная» — это та цепь, которую нельзя разорвать никакими силами. Наивное и опасное заблуждение. Она потому и неразрывна, что ее нельзя разрывать.

В чем же несостоятельность аргументов Б. Штейнпресса? Прежде всего, он критиковал репертуар цыганских хоров прошлого. Но ведь он никогда не был цыганским, если иметь в виду настоящий фольклор. Цыганской была лишь манера исполнения и некоторые характерные приемы народного пения и танца. Однако с развитием хорового искусства цыган к фольклору обращались все чаще и чаще. Элементы же национального танца использовались в концертных номерах и вовсе лишь с конца XIX века. Если во времена Ильи Соколова цыганская народная песня почти не пелась,— судя по воспоминаниям цыганских стариков, она занимала в репертуаре исключительно малое место,— то уже в конце XIX — начале XX века она прочно вошла в репертуар хоров. Теперь понятно, чего стоит утверждение Б. Штейнпресса о мнимом вырождении цыганского искусства. Желаемое выдается за действительное, и создается очередной «цыганский миф».

О так называемом цыганском романсе. Его появление на русской музыкальной сцене было событием русской культуры, а цыгане лишь способствовали этому. По мнению музыковеда Н. Штибера, появление романса было связано с сентиментализмом в русской и европейской поэзии и беллетристике конца XVIII века. Это выразилось, в частности, в создании стилизованных русских песен, таких, как «Выйду ль я на реченьку», «Среди долины ровныя» и других. Подавляющему большинству читателей и невдомек, что авторы многих таких песен отнюдь не цыгане и даже не русские. В дальнейшем форма такого рода песен постепенно трансформировалась в романсовую. Романсы писали многие вы-

дающиеся русские композиторы, начиная с М. И. Глинки, А. А. Алябьева, А. Н. Верстовского и кончая П. И. Чайковским и С. В. Рахманиновым. Именно они проложили незримый мостик от русской песни к русскому романсу, по которому послушно пошли цыгане. Сочинением романсов занимались десятки композиторов и поэтов, которых принято называть дилетантами. Среди них были и те, чьи произведения навечно вписаны в золотой фонд русской культуры. Не все имена равнозначны. Кто-то вошел в историю лишь по одному-единственному произведению. Не знаем, как потомки будут судить о государственных делах графа Шереметьева, но его прекрасный романс «Я вас любил» на стихи А. С. Пушкина останется навсегда.

Нельзя сказать, что цыгане не пытались хоть как-то противостоять сокрушительной критике, но все эти попытки были настолько наивны и беспомощны, что вызывали в ответ лишь новые нападки. Полная незащищенность цыган, которая усугублялась узостью их мировоззрения, отсутствием письменной культуры, привела к тому, что цыганские хоры один за другим постепенно сдали свои позиции. Вот что об этом пишет Н. А. Панков:

«Организации, коим были подведомственны цыганские хоры, хотели внести здоровую струю и для этого прикрепили их к одному из культурно-просветительных учреждений. Но люди, прикомандированные для работы с хором, очевидно, не обладали ни должной эрудицией, ни чутьем, ни чувством меры. Они таких своеобразных цыганских танцовщиц, как Ляля Черная и Маруся Артамонова, заставляли плясать не иначе как с граблями в руках, а в репертуар включили музыку композиторов, никогда не писавших для цыган. Это все равно что предложить хору им. Пятницкого исполнение романса «Не искушай», которым цыгане славились еще со времен Глинки, или «Не вечернюю». Затраченные средства ничего не дали, а цыганские хоры ни с чем вернулись на подмостки кабаков. Но и там работа протекала от случая к случаю: хоры то расформировывались, то, может быть под давлением директоров нарпитовских учреждений, снова восстанавливались с целью поднятия доходов».

Иногда попытки противостоять критике доходили до анекдотов. Достаточно вспомнить печальный опыт Этнографического театра в Ленинграде, о котором шла речь в связи с хором А. Н. Ильинского.

Вот что рассказал нам один из артистов Этнографического театра Александр Николаевич Ильинский:

«На сцене в беседке за столом сидят господа и хвастают друг перед другом. Один хвалится своим рысаком, другой еще чем-нибудь, а третий говорит: «А у меня есть чудо: в пирог запеку — из пирога выпрыгнет!» Тут все шумят, удивляются, мол, что это такое? Тогда этот человек хлопал в ладоши, и входил слуга, неся на руках негритенка. А негритенка этого играл мой двоюродный братишка — Виктор Зубов. Его наряжали в негритенка, жгли пробку, мазали лицо и надевали парик. И вот он выпрыгивал и под пение цыган танцевал для гостей. При этом негритенок должен был рычать, переворачиваться. Гости пытаются его потрогать, но хозяин не велит. И вот однажды Виктор заболел, и решили пустить на эту роль меня. Загримировали, надели парик. Вот хозяин хлопает в ладоши, как полагается, и слуга пытается взять меня на руки. Но тот-то мальчишка был всего лет тринадцати, а я-то старше и тяжелее. Несет он меня и приговаривает: «Ну, Сашка Черный, и тяжелый же ты!» Я говорю: «А зачем же тогда несешь?» — «Да так надо. Ну, ты зубы-то скаль!» И вот барин хлопнул три раза в ладоши, и мне нужно кувыркаться. Я кувыркнулся — тут с меня парик долой. За кулисами жена со смеху заливается, я сам за живот хватаюсь. А барин требует, чтобы я еще раз перекувыркнулся. Ладно! Сделал я, что он просил, и как раз ногами в беседку угодил. Тут стол перевернулся, а с него вся бутафория на сцену покатилась — груши, яблоки, ананасы. Слуга хочет меня со сцены на руках отнести, чтобы прекратить все это, так я и с ним базар завел. Вот как все это было!»

Да, это было именно так: смешно, глупо, нелепо. Но разве это придумали цыгане? Они тогда так же смеялись над этим, как мы сегодня. Но трудно даже представить, насколько в те годы такие представления были несозвучны времени, насколько они подогревали все нарастающую критику «цыганщины».

Однако в период яростных нападок на цыганское искусство произошло событие, которое во многом спасло его от полного забвения. В начале 1931 года была организована цыганская студия «Ромэн», которая довольно быстро переросла в первый национальный театр цыган. Эта акция была и своего рода альтернативой «цыганщине». Но, на наш взгляд, возникновению театра куда больше способствовали обстоятельства, не имевшие отношения к цыганскому искусству и культуре.

Дело в том, что в 20-е годы началось культурное воз-

рождение цыган. В этом было подлинное торжество ленинской национальной политики. Без этого создание театра в 1931 г. было бы вряд ли возможно, во всяком случае просуществовал бы он недолго. А так инерции далеких 30-х годов хватило ему на добрые полвека. Нельзя сказать, что в театре не было ярких личностей (их было немало). Но национальный театр — организм гораздо более сложный, нежели обычный драматический или музыкальный, в нем должна быть сосредоточена культура народа в самом широком понимании этого слова.

При рождении театра все это было учтено и претворено в жизнь. Его организатором и первым художественным руководителем был М. И. Гольдблат, которому удалось сплотить вокруг себя молодые, талантливые кадры. Костяк актерской труппы составили артисты распавшихся цыганских хоров, музыкальной частью театра руководил композитор С. М. Бугачевский, который трудился на этом посту около 35 лет, танцы ставила Е. Вульф, а пьесы писали талантливые драматурги А. В. Германо, И. В. Хрусталев и И. И. Ром-Лебедев. Первой постановкой студии было обозрение «Атася и дадывэс» («Вчера и сегодня»), но подлинным днем рождения театра ромэновцы считают 16 декабря 1931 года, когда впервые была поставлена трехактная пьеса А. Германо «Жизнь на колесах». О трудной, далеко не однозначной, но все же счастливой творческой судьбе театра «Ромэн» написано много. Мы же хотим лишь особо подчеркнуть, что театр стал одной из главных форм развития цыганской культуры, играл важную, порой исключительную роль в ее сохранении.

На фоне развернувшейся борьбы с «цыганщиной» в цыганском искусстве происходят и иные процессы, о которых нельзя не сказать. Загнанные в угол певцы и музыканты из цыганских хоров пытаются создавать маленькие коллективы и выступать по сольной программе. Безусловно, это было по силам лишь наиболее талантливым артистам. В этом случае о продолжении традиций не могло быть и речи. В цыганском хоре каждый участник, как бы он ни был талантлив, являлся «частью» единого организма и воплощал на сцене наиболее яркую грань своего дарования.

Поколению, родившемуся до войны, знакомо имя Вадима Козина, едва ли не самого популярного певца 1930 —1940-х годов. Но мало кому известно, что происходил он из старинной семьи хоровых цыган Ильинских. Алексей Николаевич Ильинский приходился ему дядей по материнской

линии. Родись Козин на пару десятилетий раньше, работай вместе с каким-нибудь цыганским хором, он, безусловно, стал бы звездой цыганского искусства.

Но наступили другие времена. Революция застала его четырнадцатилетним пареньком. А когда он повзрослел, о работе в хоре не могло быть и речи. И все же Козин использовал в своем творчестве богатейшее наследие хоровых цыган русские и цыганские песни и романсы. Многие из них он слышал в своем доме. Именно в этом цыганские истоки творчества Козина.

Его мать — Вера Владимировна Ильинская до замужества сама выступала в цыганском хоре, да и потом дружила со своими старыми товарищами по искусству.

Первое выступление Козина состоялось в декабре 1925 года. Красивый высокий тенор сразу покорил слушателей. По душе пришлась его искренность, задушевность, точность фразировки, культура пения, хороший художественный вкус Его постоянным аккомпаниатором — чуть ли не всю его творческую жизнь — был замечательный пианист Давид Ашкенази. Нередко вместе с ним на сцену выходила его сестра, танцовщица Зоя Эммануиловна Ильинская. Она вспоминала, что в этом случае Вадим Алексеевич садился за рояль и подыгрывал ей. Улыбался и говорил: «Ну что, сестренка,— хоп-ща!» Так цыгане обычно подбадривали своих танцоров.

Сочинять песни Вадим Козин начал в 1929 году. Первая же его песня «Бирюзовые колечки» стала популярной. Цыгане поют ее до сих пор. Но как? Интересная получилась история: слова козинской песни цыгане объединили со словами песни «О дывэс», народное и авторское в ней неразделимы. В истории эстрады не так уж много подобных примеров. Спроси сейчас у любого цыгана, кому принадлежит песня «Бирюзовые колечки», и он скажет, что она народная. Это, конечно, наилучшая форма признания.

В творческом багаже Вадима Козина сотни написанных им песен, многие из них вошли в золотой фонд советской эстрады. Но главное даже не то, что создал Вадим Козин, неоценима та огромная роль, которую он сыграл в развитии советского эстрадного искусства. Самое важное, что творчество Козина тесно связано с цыганским искусством прошлого. Оттуда и его манера пения, когда каждое слово пропевается осмысленно, несет эмоциональный заряд. Да и в своих песнях Вадим Козин продолжал традиции русского городского романса.

После разгрома в конце 30-х годов цыганское искусство сосредоточилось в основном в стенах театра «Ромэн». Там были собраны лучшие цыганские исполнители. Об этих годах жизни театра написано немало, и мы не будем повторяться.

В конце 60-х годов в театре начался творческий кризис. Стали уходить лучшие исполнители, они создавали свои коллективы или выступали с сольной программой. Со многими из них нас связывает многолетняя дружба.

Соня Тимофеева. Еще задолго до встречи с ней, во время фольклорной экспедиции в Ленинградской области у нас завязалось одно любопытное знакомство. Разговорившись в поезде с пожилой цыганкой, мы с удивлением узнали, что она — тетка Сони Тимофеевой, уже известной в то время певицы, первая пластинка которой мгновенно разошлась среди любителей цыганской народной песни. Тетка Сони Тимофеевой была самой обычной женщиной, зарабатывала на жизнь исконным цыганским ремеслом — гаданием. Она и рассказала нам, что Соня по материнской линии принадлежит к знаменитому певческому роду Бауровых, выступавших в хорах Петербурга. Это многое объяснило в ее творчестве. В своем пении она пытается возродить традиции хоров прошлого века, в репертуаре ее много подлинно фольклорных произведений.

Маштаковы — старинный цыганский род. Фамилия Маштаковых произошла от родовой клички «мачтаки», или «маштаки», что можно перевести как «драчуны», «забияки».

В Москве, в районе Абельмановской заставы, когда-то существовало поселение, где жили одни цыгане. И это неудивительно, ведь рядом находился знаменитый Конный рынок. В цыганский поселок на Абельмановке постоянно приезжали барышники со своими семьями, и тогда число жителей поселка увеличивалось многократно. По вечерам цыгане высыпали во дворы и устраивали традиционные для таборной жизни концерты.

Сейчас от поселка не осталось и следа. Бывший Конный рынок превратился в Птичий, где продается разная мелкая домашняя живность. Этот пятачок со всех сторон обступили многоэтажные дома. Но еще сравнительно недавно здесь кипела бурная цыганская жизнь.

В такой атмосфере родился и вырос будущий популярный эстрадный певец — Валерий Маштаков. Однажды цыгане Абельмановки пригласили к себе Аркадия Райкина. Именно он и разглядел в Валерии зачатки незаурядного

дарования. Произошло это в 1955 году. Потом был и театр «Ромэн», и долгие годы самостоятельной работы на эстраде, но та встреча с великим артистом запомнилась ему навсегда.

На концертах Валерий Маштаков выступает в дуэте со своей женой Валентиной. Она до замужества и не помышляла о карьере цыганской певицы и с успехом работала в Московском театре оперетты. Встреча с будущим мужем определила ее артистическую судьбу.

Николай Эрденко. Он из курских цыган. Его дед, М. Г. Эрденко (1886—1940), был дружен с Л. Н. Толстым, часто бывал в Ясной поляне, играл ему на скрипке. Вот что пишет секретарь Л. Н. Толстого Валентин Булгаков:

«Эрденко играл днем, потому что вечером Льву Николаевичу надо было ехать, и в два приема — до и после прогулки Льва Николаевича... Лев Николаевич несколько раз плакал и горячо благодарил артиста и аккомпаниаторшу, его жену»[1].

В семейном архиве Н. Эрденко сохранились ноты, на которых рукой Толстого написаны слова благодарности музыканту за его талант и мастерство. В архиве Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве хранится несколько фотографий скрипача М. Эрденко.

Николай Эрденко тоже скрипач. Он неоднократно был лауреатом международных музыкальных фестивалей. И все же цыганская кровь пересилила. Его пригласили в театр «Ромэн», где он несколько лет работал хормейстером и поставил немало спектаклей. Но его манила эстрада. Создавая свое направление в цыганском искусстве, он соединял фольклор с западной эстрадой. Ради этого он и покидает театр «Ромэн». Рождается новый цыганский ансамбль «Джанг».

Сегодня цыганское искусство отличается от искусства цыганских хоров России. Оно не стоит на месте, развивается. Но слушаешь иногда сохранившиеся в коллекциях филофонистов старинные записи прошлого и ощущаешь, как невосполнимы потери, как далеко ушли мы от того времени, когда культура пения была на большой высоте.

---

[1] Булгаков Валентин. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., ГИХЛ, 1960, с. 276.

На волнах культурного возрождения

Период, о котором идет речь — от революции до Великой Отечественной войны,— был сложнейшим в истории нашего государства. И хотя он не так уж и отдален во времени, писать о нем очень трудно: большинство материалов, опубликованных в прессе тех лет, однобоко отражало процессы, происходившие в стране, в том числе и культурную революцию среди малочисленных народов, к которым относятся и цыгане. До сих пор не опубликованы архивы правительственных учреждений, ведавших национальными вопросами, в частности отдела национальностей ВЦИКа. Еще меньше мы знаем о работе многочисленных общественных организаций, существовавших под их эгидой. Весь этот материал собирался нами буквально по крупицам. Мы не претендуем на всестороннее освещение вопроса, но с чего-то надо начинать.

Прежде всего читатель должен ясно понимать, что к этому времени представляли из себя цыгане России. Чуть ли не 80% их в то время вели кочевой образ жизни. Они были почти поголовно неграмотными. По многим свидетельствам, читать и писать умел один из ста кочевых цыган. Большинство влачило нищенское существование, нередки были и асоциальные явления — воровство, нищенство, попрошайничество. Словом, это был один из самых отсталых народов, населявших территорию России Положение усугублялось и тем, что цыгане, в силу их традиций, не были склонны к производственному и земледельческому труду. По традиции они занимались кустарными ремеслами. Национальная замкнутость цыган являлась сильнейшим тормозом при попытках создания социальных и тем более межнациональных

структур. По этим причинам культурная революция среди цыган происходила чрезвычайно трудно, они рефлекторно противоборствовали ей, с трудом воспринимали перемены в социальном переустройстве жизни. И тем не менее цыгане приняли революцию. Во-первых, идеи социализма ни в коей мере не противоречили внутреннему социальному укладу цыганского общества. У социализма в цыганской среде не было классовых врагов. А во-вторых, полное обнищание этого народа поставило его в такие условия, когда выбор нового пути был продиктован самой жизнью. Но одно дело понять идею, а другое воплотить ее в жизнь. Думается, читателю будет небезынтересно узнать, как это происходило.

Обычно, когда разговор заходит о национальной политике нашего государства, ее, невзирая на то, о каком времени идет речь, определяют словом «ленинская». Это неверно Даже в рассматриваемый период национальная политика менялась настолько круто, что ее нельзя характеризовать одним словом. Начиная с середины 30-х годов, можно говорить о «сталинской» национальной политике, не имеющей ничего общего со многими ленинскими принципами.

Поскольку речь пойдет о вещах сложных, во многом не потерявших своей актуальности и в наши дни, в своем изложении мы будем опираться на документы.

Единственный официальный документ Отдела национальностей ВЦИКа по цыганскому вопросу, который нам удалось найти, была статья его сотрудников Е. Поповой и М. Бриля «Цыгане в Союзе ССР», опубликованная в журнале «Советское строительство» (1932, № 2). На нее мы в основном и будем ссылаться.

Одной из главных задач советской власти по отношению к цыганам было привлечение их к промышленному и земледельческому труду. При этом, согласно ленинским принципам национальной политики, малым и отсталым народам предоставлялись значительные привилегии и льготы. Партия понимала, что этим народам поворот в их жизни будет даваться с наибольшим трудом, и с повышенным вниманием относилась к их нуждам, пыталась оказать максимальную помощь. Такова была политическая установка. Забегая вперед, скажем, что далеко не всегда она претворялась неукоснительно. Тому были и объективные причины: крайне тяжелое общее положение страны, еще не оправившейся после гражданской войны, оно усугублялось промышленной разрухой, годами неурожая. Но немало было и причин

субъективных: непонимание работников на местах нужд и чаяний цыганского народа, нежелание разбираться в их национальной специфике, бюрократизм и бездушие

Одной из первых акций советской власти, направленных на улучшение жизни цыган, было постановление Президиума ЦИК и СНК Союза ССР от 1 октября 1926 года, которое предложило ЦИК и СНК союзных республик принять меры к первоочередному наделению землей цыган желающих перейти к оседлому образу жизни. Цыгане приравнивались в нем к переселенцам, предоставлялись им и соответствующие льготы. Этот документ нашел развитие в постановлении Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1928 года «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни». В нем земельным органам предлагалось наделять цыган землей вне очереди. Оплачивать землеустройство выделенных участков предполагалось за счет государственных ассигнований.

Иначе говоря, каждой цыганской семье выделялись деньги на обзаведение хозяйством, и по тем временам немалые (от 500 до 1000 рублей). Наркомзем РСФСР 11 июля 1928 года издал детальную инструкцию о порядке наделения цыган землей. Кроме того, постановлением Президиума ВЦИК от 30 августа 1926 года при переселенческом отделе НКЗ РСФСР была образована комиссия по земельному устройству трудящихся цыган из представителей Наркомзема РСФСР, Отдела национальностей ВЦИК и Всероссийского союза цыган

Таковы были основные законы, целью которых было решение главного «цыганского вопроса» — приобщение к земледельческому труду. Как видим, контролировали осуществление этих постановлений три органа, одним из которых был Всероссийский союз цыган. Думается, мало кому из читателей известно о его деятельности, поэтому обратимся к свидетельству Н. А. Панкова. Вот что он пишет·

«В 1924—1925 годах небольшая группа культурных трудящихся цыган из разных мест Союза встретилась в Москве Эти люди понимали, что цыганские массы не должны оставаться в стороне от широкого общественного движения по переустройству жизни на новых началах, что цыгане также должны принять в этом участие, что надо создавать движение среди цыган. Обстановка была благоприятной. Газеты и журналы того времени горячо поддержали нашу мысль, и в 1925 году в Москве возник Всероссийский союз цыган, поставивший своей целью организацию кочевых цыганских масс для перехода на оседлость и труд. Это была великая

дата в истории цыганского народа, но волнения организационного периода умаляли торжественность минуты. Вспоминается кочевание, происходившее как бы по иронии судьбы из одного помещения в другое: союз цыган то — в помещении Латышского клуба на углу Б. Дмитровки и Страстного бульвара, то — в помещении Еврейского клуба на Тверской, то на Ильинке в Пассаже, то в Зарядье с видом из окна на собор Василия Блаженного...»

Правление Всероссийского союза цыган состояло из 23 человек. Его председателем был А. С. Таранов. В годы гражданской войны он добровольцем сражался в рядах Красной Армии. Потом закончил КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Андрей Семенович первым возглавил колхозное движение среди цыган. В состав правления входили комсомольцы Сергей Поляков и Георгий Лебедев (он стал первым директором театра «Ромэн»). Секретарем Всероссийского союза цыган был И. И. Ром-Лебедев, ныне известный цыганский драматург.

Всероссийский союз цыган просуществовал всего три года, он был ликвидирован постановлением НКВД от 15 февраля 1928 года. Вот что пишут об этом в той же статье Е. Попова и М. Бриль:

«Отсутствие пролетарской прослойки в составе правления союза цыган и в составе актива способствовало созданию ряда склок, ослаблявших работу союза. Отделения на местах не открывались... За эти три года существования союза не было заметного сдвига в работе по оседанию. В результате хозяйствования правления союза за правлением образовалась задолженность в размере до 15 тыс. руб. Учитывая все эти моменты, Наркомвнудел... ликвидировал Всероссийский союз цыган»

Не будем комментировать цитату, отметим лишь, что за три года Всероссийский союз цыган был физически не в состоянии справиться с тем тяжким грузом, который свалился на него В противовес критическому отзыву работников Отдела национальностей приведем мнение Н. А. Панкова о работе правления:

«Все это были товарищи очень одаренные, но очень молодые и по своей молодости не имевшие ни жизненного, ни трудового опыта, ни школы практической деятельности. Их окружили разные дельцы, несостоятельные прожектеры, может быть, даже с сомнительным прошлым, может быть, потерявшие доверие в тех кругах, где они вращались, и верно угадавшие что здесь, в среде только начинавшей возрождать-

ся народности, не имеющей ни культуры, ни опыта в общественных и хозяйственных делах, будет для них чем поживиться. Некоторых из них цыгане привлекали и своей экзотикой. В противовес этой разнузданной и алчной стае не было составлено иного ядра, которое могло бы стать оплотом для молодых работников. Вспоминаются разные комиссии и инструктора: впечатление от них осталось таким, что или они сами не имели нужного опыта и не в силах были дать отпор делягам, или у них не было достаточно времени для контроля над деятельностью союза. Отношение их было чаще высокомерным и поверхностным. В такой обстановке существование союза не могло быть прочным, и он в 1928 году был ликвидирован. Но все же в части культурной деятельности союз оставил положительный след: в массы были заронены новые мысли, которыми цыганский табор никогда не жил».

Столкнулись две точки зрения. В каждой из них содержалась доля истины. Ведь даже по данным Е. Поповой и М. Бриля сдвиги были налицо. Другое дело, как их оценивать. Так, к 1932 году в СССР было уже 25 цыганских колхозов, объединявших 490 семей, то есть около пяти процентов кочевого цыганского населения. Если эти данные сопоставить с аналогичными данными по другим народностям, эти достижения могут показаться ничтожно малыми, но если учесть цыганскую специфику — вполне приемлемыми.

Как возникали цыганские колхозы в России? Это происходило двумя путями. Один из них был крайне неэффективен, о чем не раз писалось тогда в прессе. В двадцатые годы в Отдел национальностей ВЦИК и во Всероссийский союз цыган обращалось много ходоков из цыган, заявлявших о своем желании начать новую жизнь. Порой эти заявления были неискренними, люди просто надеялись получить субсидии. «Ходоки» брали деньги и скрывались в неизвестном направлении. Но были среди них и такие, которые действительно хотели изменить образ жизни и работать на земле. К сожалению, работа с ними ограничивалась тем, что, выделив им средства на обзаведение хозяйством, их приписывали к тем или иным районам России, к тем или иным колхозам, а потом о них попросту забывали. Не имевшие никаких навыков земледельческого труда, целиком зависевшие от местных властей, не получавшие помощи и совета, эти цыгане после первого же года работы на земле разбегались кто куда. Такая «работа» с цыганами не только не приносила пользы, но, напротив, причиняла немалый ущерб колхозному движению, ибо отрицательный опыт незадачливых колхозников не-

медленно становился достоянием кочевников. К тому же цыганам открылись лазейки для обогащения. Бывали случаи, когда, вступая в колхоз, таборы получали не только деньги, им выдавали сельскохозяйственный инвентарь и домашних животных, на что выделялся кредит. Нередко комиссии, навещавшие цыганские колхозы, заставали одни пепелища. Читаешь прессу тех лет, рассказывающую о подобных случаях, и невольно вспоминаешь 1836 год и попытку царских властей создать цыганские поселения Каир и Фараоновку.

Единственное, что давало результат, была постоянная и кропотливая работа актива Всероссийского союза цыган среди сельского цыганского населения. К сожалению, велась она силами чрезвычайно малочисленного отряда наиболее передовой части цыганской интеллигенции. Мы уже упоминали об А. С. Таранове. Назовем и таких цыганских подвижников, как поэт и организатор колхозного движения Михаил Безлюдский и коммунист Иван Петрович Токмаков. Вот что пишет о нем Н. А. Панков:

«И. П. Токмаков — цыган по отцу и матери — рос и складывался в рабочем поселке, в рабочей семье. Родители его рано погибли в бывшем Екатеринбурге, куда цыгане в то время вряд ли попадали по доброй воле. Он никогда не ка сался этого пункта. Должно быть, ничего отрадного не было в воспоминаниях об этой поре. После смерти родителей он оказался на попечении своей старшей сестры Елены Петровны Токмаковой, ставшей ему единственной опорой.

Сестра не имела никаких возможностей для продолжения кочевья — не было ни лошади, ни хозяина-цыгана, и поэтому стала рабочей на заводе, жила среди русских рабочих. Это окружение оказало влияние и на молодого Токмакова. Шатры были вблизи него, но они стали чуждыми ему. Если что и не позволяло ему совсем отойти от шатра, так это преследования и гонения, выпадавшие на долю цыган и возмущавшие душу Ивана Петровича Грязь, неуютность шатра, невежество и темнота его обитателей отталкивали его.

В 1918 году И. П. Токмаков вступил в большевистскую партию и был ее членом до конца своих дней. Он учился в Свердловском университете, но, не закончив его, стал инструктором в Отделе национальностей ВЦИКа по работе среди цыган.

Даже самые незначительные события в цыганском мирке получают распространение по всему кочевью с быстротой радио. Вот и тот факт, что цыган — партиец, работает во ВЦИКе, скоро стал общеизвестен. Во ВЦИКе стали то и

дело появляться цыгане — ходоки по самым разнообразным вопросам. Имя Токмакова как в связи с его личными положительными качествами, так и с его работой в этом высокоавторитетном учреждении стало пользоваться среди цыган большим и заслуженным почетом.

Токмаков сейчас же принялся за организацию колхозов. Правда, и до него возникали колхозы, но это было стихийным движением. Чаще всего эти хозяйства после получения помощи или раздела урожая вскоре разваливались, оставляя после себя курьезную легенду. Токмаков всесторонне изучал каждого члена колхоза, выковывал актив, организовывал слеты и съезды, привлекал внимание к работе цыганских колхозов местных властей и общественности. И колхозы стали расти не только количественно, но и качественно. К 1938 году по СССР насчитывалось уже 52 колхоза. Цыганские колхозы, например, в Смоленской области, на Северном Кавказе стали занимать первые места в районах и областях как по организации хозяйства, так и по различным соцсоревнованиям. И это было обусловлено горячим и беззаветным участием Ивана Петровича...»

Добавим, что с первых же дней Великой Отечественной войны И. П. Токмаков вступил добровольцем в Красную Армию. В то время ему уже шел шестой десяток, он был нездоров и имел броню. Но он не мог спокойно смотреть на то, как рушится дело всей его жизни, ведь в зоне оккупации оказались цыганские колхозы, созданные при его участии. В самом начале войны воинская часть, в которой служил Токмаков, была окружена, он был взят в плен и заключен в тюрьму. Создав группу сопротивления, Токмаков бежит. Но его вновь ловят и бросают в застенок. В Бобруйской тюрьме он опять готовит побег. Но в группе оказался провокатор. Токмакова систематически истязают, он погиб от пыток в марте 1942 года.

Перед нами редкий документ — отчет группы студентов цыганского отделения педтехникума им. Тимирязева о культмассовой работе в четырех цыганских колхозах. Эту работу они проводили по поручению Отдела национальностей ВЦИК и Политуправления МТС Наркомзема СССР. Не стоит затруднять читателя многочисленными (любопытными и показательными) цифрами этого пространного отчета. Из него видно, что студенты славно потрудились на практике. В частности, они сделали скрупулезный статистический анализ основных показателей хозяйственной деятельности цыганских колхозов.

Приведем выдержку из этого документа:

«С организационной стороны в колхозе (речь идет о колхозе «Нэви бахт» Сарапульского района Свердловской области.— *Е. Д., А. Г.*) в качестве недостатков надо отметить участок отведен в зоне малоземелья из прирезанных участков, принадлежавших соседнему колхозу; недостаточность кредитов; отсутствие руководства, в результате чего правление состояло до последнего времени из одного председателя; завхоза, кладовщика, конюха не было. Жизнь колхозников является крайне необеспеченной. Счетоводство запущенно, трудодни зачисляются приблизительно, «на глазок» Не было организовано инструктажа и помощи людям, впервые берущимся за с-х работу. Отношение к колхозу нехорошее, на мельнице группой колхозников был избит цыган-колхозник Беляков. Дело было замято. Председатель с-сов. вместе с окружающим населением смотрели на создание цыганского колхоза как на какое-то временное явление. Школы нет, нет яслей и детсада, в условиях шатровой жизни (в этом колхозе цыгане жили в шатрах.— *Е. Д., А. Г.*) нет возможности создавать это, дети беспризорны, культурной и политико-перевоспитательной работы не ведется, нет ни газет, ни литературы».

Такова была реальная жизнь некоторых цыганских колхозов. Студенты проанализировали рост производительности труда в отдельных хозяйствах. И вот что они обнаружили в колхозе «Труд ромэн» на Северном Кавказе в 1933 году урожай пшеницы был менее трех центнеров с гектара — мизерная цифра. Но уже в следующем году урожай был в четыре раза выше. Невероятно трудно работалось цыганам на земле. Учителями их были голод и нужда. Лишь в редких случаях они получали бесценную для них помощь опытных в земледелии соседей. Благо бы речь шла об агрономии, о том, как получить хороший урожай,— нет, через лишения постигались самые элементарные вещи. Например, какой-то цыганский колхоз собрал неплохой урожай, но засыпал в амбары влажное зерно. Через некоторое время оно сгорело. А в другом колхозе значительную часть урожая растащили грызуны. В итоге опять приходится голодать, терпеть, начинать все сначала. Читатель должен понять, в каких сложнейших условиях шла борьба за новую жизнь среди цыган.

Но были и успехи. О них не раз рассказывалось в прессе. Но розовые тона, в которые окрашивалась колхозная жизнь цыган, не позволяют отнестись к свидетельствам

прессы как к объективному источнику информации. Все же процитируем некоторые статьи.

«Весною 1925 года в степь Сальского округа Сев Кавказск. края приехали в кибитках на заросшую бурьяном местность семь цыганских семейств во главе с А. П. Крикуновым и расположились шатрами недалеко от станции Двойной. Это были первые цыгане, пожелавшие стать на оседлость» так начинается статья «Цыгане земли хотят» в газете «Молодой ленинец» (24.V.1928). Далее повествуется о судьбе цыгана-партизана Крикунова, о том, как он сплотил вокруг себя более 50 цыганских семейств для совместного ведения хозяйства. А потом приводится более чем странное интервью автора с колхозниками:

«Участок наш очень хорош, нравится нам,— говорят цыгане,— только пахотной земли пока мало...»

Чем же так хорош участок, на котором, кроме бурьяна, ничего не растет, а земля — сплошной солончак? Ответа на этот вопрос в заметке нет. Да и цели у нее совсем иные. Потому-то через несколько строк читаем:

«Несмотря на то что больница находится в 25 верстах, в деревне Орловка, цыгане обращаются при всяком заболевании к врачу. Домашних лечений не применяют».

Не знаем, как вам, дорогие читатели, но нам в это плохо верится: ехать за 25 верст к врачу? — на такое решишься, когда уж очень «припрет».

Ясно, чего стоят подобные материалы. Предстает довольно неприглядная картина жизни «первого», как назвал его автор заметки, цыганского колхоза: земля никуда не годная, агроном приезжает раз в год, нет школы, детских учреждений, медицинской помощи. Зато есть затаенная мечта приобрести «Фордзон» (был такой американский трактор). А пока мечта эта не претворится в жизнь (она так и не осуществилась), на триста цыганских душ имеется 40 лошадей, 20 коров, 1 бык-производитель, 3 верблюда и 6 волов,— как говорится, не густо.

Мы отнюдь не желаем рисовать колхозное движение среди цыган лишь в мрачных тонах. Но хочется подчеркнуть, что между политической идеей и ее практическим воплощением порой пролегала зияющая пропасть. Это положение нельзя оправдать даже теми, пусть и огромными, трудностями, которые переживала в те времена наша страна. Впоследствии искривление ленинской национальной политики эту пропасть углубило.

...Попытаемся представить обстановку, в которой работал актив Всероссийского союза цыган. Не следует оправдывать его организационную несостоятельность, но нужно четко сознавать все трудности его работы. История деятельности ВСЦ важна еще и потому, что — мы в этом твердо убеждены — необходимость в создании подобного общественного института в нашем многонациональном государстве рано или поздно возникнет.

Текучесть цыганских кадров в колхозах конца 20-х — начала 30-х годов была очень велика. Бывало, спустя год или два семьи возвращались на покинутое место, если видели, что колхоз окреп. Иногда кочевье окончательно поглощало несостоявшихся крестьян. Нередко местные власти перебрасывали полуразвалившиеся цыганские колхозы с одних земель на другие, пытались укрепить с помощью цыганских семей нецыганские колхозы или организовывали хозяйства, например, из цыган и татар. Это приводило к самым плачевным результатам, иногда выливалось в межнациональную рознь, доходящую чуть ли не до конфронтации. «Правда» 26 июля 1932 года опубликовала письмо рабочего Дергачева под названием «Кто отвечает за развал цыганского колхоза?». Там, в частности, описываются мытарства цыганского колхоза в поисках свободной земли — случай достаточно типичный. Местные власти земли не нашли и предложили цыганам слиться с украинским колхозом. Такая идея не пришлась по душе ни цыганам, ни украинцам. Вот что рассказывает автор письма:

«Ни цыганский колхоз, ни украинский не захотели сливаться. Их «убедили», причем украинский колхоз выдвинул перед слиянием следующие три условия: 1) чтобы цыгане не ездили по ярмаркам и базарам торговать; 2) чтобы к ним не приезжали родные; 3) чтобы цыгане не дрались... Колхозы слились и, конечно, вскоре распались, ибо в корне было неправильно само их слияние».

Период до середины 30-х годов в колхозном движении среди цыган был временем накопления опыта. Если раньше хороших цыганских хозяйств было мало, то потом колхозы выровнялись. Важнейшую роль в этом сыграло укрепление кадров цыганских колхозов. Партийная помощь оказалась дороже, весомее государственных субсидий и кредитов. Как раз деньги обычно протекали как вода сквозь пальцы, а своевременная поддержка опытных людей была неоценима. В этом легко убедиться, если обратиться к истории цыганских колхозов. Самыми благополучными среди них были те, в

жизни которых принимал постоянное участие партийный актив Всероссийского союза цыган (как до его расформирования, так и после). Члены актива (М. Безлюдский или тот же И. Токмаков) приезжали в тот или иной колхоз и на время становились во главе его, помогая наладить работу. Такая помощь была наиболее эффективной, хотя и требовала от цыганских активистов полной самоотверженности. Деятельность этих временных председателей не ограничивалась хозяйственными заботами, они вели широкую пропагандистскую работу. Достаточно сказать, что М. Безлюдский организовал несколько выпусков многотиражной газеты на цыганском языке, которую распространил в цыганских колхозах и кочевых таборах. На страницах газеты отражался передовой опыт колхозников, велась пропаганда и агитация, публиковались заметки на просветительские темы, рекламировалась цыганская литература и учебники на цыганском языке, которые стали издаваться в центральных издательствах, помещались ответы на письма цыган. М. Безлюдский был отправлен на Северный Кавказ, а И. Токмаков — на Смоленщину. Именно в этих районах цыганские колхозы были наиболее крепкими.

В этой связи несколько слов хотелось бы сказать о Михаиле Безлюдском. 20 октября 1930 года газета «Северо-Кавказский большевик» писала о нем:

«Юноша-цыган, кочевавший по необъятным российским просторам за телегой, накрытой палаткой, в 1919 году вступил добровольцем в Красную Армию. Окончил курсы командиров. После семи лет службы в Красной Армии он становится писателем, одним из организаторов и участников журнала «Нэво дром» («Новый путь»), он — артист театра «Ромэн», на цыганском языке вышло 15 его книг и брошюр — стихи, рассказы, повести, публицистика. А два года назад Отдел национальностей ВЦИК направил тов. Безлюдского на работу в колхоз «Труд ромэн» — единственный цыганский колхоз в Северо-Кавказском крае...»

Гораздо реже цыганские колхозы возникали и добивались успехов вне сферы влияния цыганского актива. Такое было возможно лишь в случае, если существовала крепкая партийная ячейка, работавшая в тесном контакте с партийными и советскими органами. Назовем колхоз «Нэво джуимо» («Новая жизнь») в Горьковской области, председателем которого был коммунист Иванов, человек с твердым характером, сумевший преодолеть многие трудности и вывести колхоз в передовые. Судя по всему, это был весьма разно-

сторонний человек. Достаточно сказать, что в колхозе поставили спектакль по его пьесе, который прошел с большим успехом.

К началу 40-х годов не только выросло число цыганских колхозов, главное — за сравнительно короткое время (надо помнить, что речь идет о цыганах) произошли заметные изменения в жизни цыган. Во-первых, перед ними открылся новый путь, позволявший избавиться от скитаний и невзгод, дававший возможность честно трудиться и пользоваться результатами своего труда. Во-вторых, за эти годы подросло новое поколение цыган, не знавших «прелестей» кочевой жизни; они видели, что их родители зарабатывают на жизнь трудом. И хотя по сравнению с основной кочующей массой цыган колхозников было не так много, притягательная сила нового образа жизни была столь ощутима, что это позволяло надеяться — со временем цыганских колхозов станет больше.

К сожалению, в 1938 году в национальной политике страны произошли резкие изменения, возобладали сталинские тенденции, что отрицательно сказалось и на цыганском колхозном движении. И тем не менее цыганские колхозы продолжали жить. Трагедией для них стала Великая Отечественная война. Уже говорилось, что едва ли не все цыганские колхозы, а их к началу войны было 52, оказались в зоне оккупации или в прилегающих районах. Все они были полностью разорены или уничтожены. Подавляющее большинство цыганских колхозников погибло на фронтах, в партизанских отрядах, те же, кто попал в окружение, были уничтожены фашистами. Если кому-то и удалось спастись, в годы войны они вновь ударились в кочевье, а после ее окончания в условиях разрухи и нищеты не смогли найти в себе силы вернуться к трудовой жизни. Да и тех людей, которые смогли бы повести за собой отсталые цыганские массы, уже не было в живых.

По данным переписи 1926 года, 21% цыганского населения СССР проживал в городах. До революции городские цыгане в основном занимались барышничеством либо работали в хорах. После революции городских цыган стали активно вовлекать в производственную деятельность. Учитывая склонность цыган к артельному труду, им предлагали работать в промкооперации.

Е. Попова и М. Бриль приводят следующие данные по Москве: в 1930 году здесь работали четыре цыганских промышленных артели, а в 1931 году их было уже 28. В артели вошло 1351 человек, а вместе с членами их семей — 3755. Это

было значительным достижением советской власти. И здесь немалую роль сыграл Всероссийский союз цыган. Цыганские промышленные артели притягивали и переселенцев из разных мест страны, и цыган-ремесленников, прибывших из-за рубежа.

«Работа производственных артелей,— пишут Е. Попова и М. Бриль,— несмотря на ряд недостатков, улучшается, и, например, по артели «Цыгхимпром» промфинплан за первые три квартала 1931 года выполнен полностью, а промфинплан за октябрь 1931-го — на 124%. В этой же артели прогулы доведены до нуля».

Промфинплан для цыганских артелей был достаточно велик. Так, в 1932 году для артели «Цыгхимпром» он составил 1 731 000 руб., а для «Цыгпищпром» — 5 003 000 руб. О том, чем занимались цыгане в этих артелях, и обстановке в них рассказывается в очерке С. Мара «Из табора к фабрике», опубликованном в «Красной ниве» 30 августа 1930 года:

«Там на большом дворе (возле Бутырской заставы.— *Е. Д., А. Г.*) красные горы кирпича. Он нужен для кладки новых печей. Множество ящиков выстроилось в легкие фанерные башни, в них будут упаковывать перец. Все это тесно жмется к плохонькому двухэтажному домику с вывеской «Цыгхимпром» — цыганская химическая промышленность. В первой комнате первого этажа отделение фасовочной мастерской... Вот помещение, где выделывается селитра, фасуется чистоль, склад, где между тюками приютилась дробилка для перца... По деревянной лесенке мы поднимаемся во второй этаж и попадаем в главное отделение фасовочной мастерской, где множество девушек пересыпают перец. Сколько здесь черных глаз, сколько быстрых смуглых рук, опровергающих цыганскую леность. Через маленькую, скупо отмеренную комнатку правления мы входим в большую светлую комнату, в которой днем помещается бухгалтерия, а вечером кружок ликбеза. Она же служит красным уголком. В углу, затянутом красным ситцем, портреты вождей, с потолка два ряда зеленой хвои, и, наконец, на самом видном месте самое большое достижение цыган — стенгазета «Бутяритко ром», что значит в переводе на русский язык «Цыган-рабочий». Это был первый номер... На Крутицком валу существует еще одна цыганская трудовая артель, «Цыгхимлабор». Этой зимой встанет на работу еще одна артель — пищевая...»

Открывались цыганские промышленные артели и во мно-

гих других городах страны. Приведем лишь один пример. 8 декабря 1936 года газета «Марийская правда» напечатала объявление:

«В конце ноября из 12 семей цыган, изъявивших желание принять оседлость в Йошкар-Оле, организовалась артель металлистов. Артель будет вырабатывать металлические изделия: противни, ковши, кастрюли и другие предметы домашнего обихода».

Деятельность этих артелей доставляла немало сложностей финансирующим и контролирующим органам. Надо прямо сказать, что цыгане нередко нарушали финансовую дисциплину. Е. Попова и М. Бриль приводят такой пример. При организации цыганских артелей довольно остро стояла жилищная проблема. Государство предоставило Меткооппромсоюзу на строительство бараков и мастерских 150 тыс. руб. для распределения между артелями. Е. Попова и М. Бриль пишут:

«В результате бесконтрольного отпуска цыганам на руки средств, без проверки смет и договоров, заключенных самими цыганами с рабочей силой, стоимость строительства бараков в этих артелях превысила в 7—8 раз расценки, существующие в Московской области...»

Думается, что при строгом контроле, исключающем воровство, этого могло и не быть. Так или иначе, но к концу 30-х годов цыганские промышленные артели постепенно сошли на нет. И было бы по меньшей мере наивно объяснять это реакцией властей на негативные явления в цыганской среде. Нет, просто радикально изменились партийные установки. Кооперативное движение было ликвидировано во всей стране, и цыгане стали жертвой этой кампании.

Большую роль здесь сыграли репрессии периода культа личности, краем коснувшиеся и цыган. Показателен процесс над артелью, носившей несколько вычурное и явно несозвучное времени название «Румынский иностранец», объединявшей несколько семей кэлдэрарских переселенцев из Румынии. Название это выглядело весьма подозрительно, и все члены артели отправились в лагеря как враги народа. От промкооперации цыгане-ремесленники были вынуждены сделать значительный шаг назад — к кустарному труду.

Затрагивая тему сталинских репрессий, нельзя не написать о том, что на жизни некоторых этногрупп цыган самым трагическим образом сказалась сталинская концепция «великого переселения народов». Так, перед Великой Отечественной войной в Крыму в окружении мусульманского населения проживали цыгане групп «демерджи» и «даульджи». Они

исповедовали ислам и находились в добрых отношениях с крымскими татарами. Более того, при получении паспортов эти цыгане в графе «национальность» требовали, чтобы их записывали татарами. И за это поплатились — вместе с крымско-татарским населением они были изгнаны с давно обжитых мест и сосланы. Об этом важно знать хотя бы в связи с тем, что в наши дни одновременно с политической реабилитацией крымских татар в центральной прессе публиковались заявления, в которых говорилось, что во время войны татары участвовали в карательных акциях, в частности, против цыган. Такого рода бессовестная дезинформация никак не служит росту взаимопонимания между народами нашей страны.

Похожая ситуация после войны сложилась и в Закавказье, где сталинско-багировским репрессиям были подвергнуты цыгане созмани и родственных этногрупп. Значительное большинство этих цыган было вынуждено тайными тропами покинуть СССР и поселиться в Иране.

Особого разговора заслуживает проблема цыганской культуры, ее бурного роста в первые десятилетия после революции. И здесь огромную роль сыграл Всероссийский союз цыган, хотя деятельность его не может рассматриваться однозначно. Обратимся к воспоминаниям Н. А. Панкова:

«Для организации культурной работы Союз привлек некоего гражданина (Евгения Платоновича Иванова.— *Е. Д., А. Г.*), принадлежавшего к типам, отошедшим в предание. Это — старый москвич с внешностью развязного, самодовольного и самоуверенного не то барина, не то поповича. В начале революции он увлекался модными тогда диспутами по вопросам религии и церкви, собирал книжные редкости на Ильинской толкучке, тяготел к этнографии и археологии, именовал себя профессором, не имея кафедры. На квартире у него можно было увидеть железное кружево, украшавшее прежде какой-нибудь домик старого Замоскворечья, и статую архангела из ликвидированной церквушки, и набойку под строгановскую школу. Подчас ему удавалось создавать диковинные «этнографические» концерты вроде свадьбы якутов с участием шамана, которого — и очень, говорили, удачно — изображала талантливая цыганская певица Софья Лебедева, очутившаяся с ликвидацией «Яра» и «Стрельны» не у дел, участвуя в этом маскараде вместе с экс-дьяконом.

Вот на почве таких концертов у цыган с этим «ученым» и завязалось знакомство, впрочем пригодившееся Союзу для развертывания его культурной работы.

Е. П. Иванов принадлежал к разряду тех людей, которые не тяготятся знакомствами, а, наоборот, пользуются ими, как козырями в карточной игре. Он знал всю ученую Москву, не смущаясь тем, что эта ученая Москва его или совсем не знала, или знала очень смутно. Каким-то образом ему удалось заинтересовать несколько человек, действительно ученых, выразивших готовность прийти на помощь своими знаниями Союзу цыган.

В 1926 году он пышно устраивает организационные собрания, созванные им в научно-исследовательской секции при Союзе. Вскоре появилась в печати столь же пышная информация о состоявшемся заседании и организации семи научно-исследовательских секций под председательством Е. П. Иванова. На этом его деятельность и закончилась.

На заседании, организовавшем научную работу в Союзе, после напыщенного вступительного слова организатора научно-исследовательской деятельности почему-то первое слово было предоставлено разного рода специалистам, или, как их тогда называли, «спецам». Развязный и легковесный тон их тяжело подавлял, чувствовалось, что то была отстоявшаяся муть упраздненных торговых рядов. За ними выступил А. В. Герман (цыганский писатель.— *Е. Д., А. Г.*). Тогда я еще не был с ним знаком, но мне о нем говорили как о культурной силе; он, по словам этих товарищей, играл большую роль в литературных кругах своего областного города (имеется в виду Орел.— *Е. Д., А. Г.*), а сейчас выразил готовность помогать цыганам на их литературном поприще своими знаниями...

Во второй части выступали те, кто должен был выступать первыми,— настоящие специалисты-ученые. Здесь мы увидели профессоров Н. Н. Новосадского (Ленинская библиотека) и В. К. Клейна (Исторический музей), скульптора Меркулова и, наконец, Максима Владимировича Сергиевского...»

Профессор М. В. Сергиевский, будущий проректор Московского государственного университета, сыграл огромную роль в становлении зарождающейся цыганской культуры. Он возглавил секцию языка при Всероссийском союзе цыган и блестяще справился со своей работой. Первым важнейшим мероприятием этой секции была разработка цыганского алфавита на основе русского шрифта. В архиве Н. А. Панкова сохранился уникальный документ — письмо Народного комиссариата РСФСР по просвещению Всероссийскому союзу

цыган за подписью А. В. Луначарского. Письмо датировано 10 мая 1927 года. Вот что в нем написано:

«Вопрос об алфавите для цыганского языка был проработан по поручению Главнауки Наркомпроса учеными-специалистами в составе представителей Главнауки и Совнацмена, ученых-специалистов и представителей Всероссийского союза цыган. Совещание единогласно высказалось за целесообразность принятия алфавита на основе русского шрифта по соображениям как научного, так и практического характера.

Принятый совещанием алфавит имеет следующие начертания (далее приводится цыганская азбука на основе русского шрифта.— *Е. Д., А. Г.*).

Констатируя, что вышеприведенный алфавит выработан с участием видных специалистов и с привлечением научного Института этнических культур народов Востока, Наркомпрос считает возможным рекомендовать его Цыганскому Союзу для проведения в жизнь».

Учеными-специалистами и представителями Всероссийского союза цыган, о которых шла речь в письме А. В. Луначарского, были профессор М. В. Сергиевский, его аспирантка Т. В. Вентцель, Н. А. Панков, Н. А. Дударова и Н. А. Рогожев. Вновь предоставим слово Николаю Александровичу Панкову:

«Максим Владимирович назначил местом занятий свою квартиру (тогда еще на Зубовском бульваре); временем занятий были выбраны среды. Помню свое смущение по дороге к нему: представлялась обстановка какого-нибудь старорежимного доктора с диковинными коллекциями и своеобразным интерьером. Но было иначе. Нас встретили радушные хозяева душевно и просто. В кабинете Максима Владимировича — обыкновенная обстановка: на столе лежала кипа молдавских газет, книги Миклошича и Потта и толстые журналы 60-х или 70-х годов по цыганскому языку или фольклору с заложенными страницами.

Работа по изучению цыганского языка пошла оживленно. Он к этой работе привлек и свою ученицу Т. В. Вентцель. Она собирала языковой материал главным образом в цыганских артелях и школах. Татьяна Владимировна, как и Максим Владимирович, принадлежала к разряду тех людей, которые отдаются избранному делу целиком. Максим Владимирович не ограничивался кабинетной работой и обработкой поступающих к нему материалов. Несмотря на свою перегруженность в университете, Наркомпросе и других учреждениях, он находил время всюду побывать лично — и в цыганской

школе, и в цыганской артели, и в клубе, и в театре, и в таборе,— чтобы видеть жизнь цыган во всем ее многообразии. А увидеть, подметить, все объяснить он умел так, как очень и очень немногие.

Всего за год М. В. Сергиевский проделал большую работу. Уже к концу 1927 года им была подготовлена к печати работа «Из области языка русских цыган», напечатанная в ученых записках Института языкознания и литературы в 1929 году. Кроме того, он подготовил к печати «Цыганскую граммати ку», изданную в Центроиздате в 1931 году».

Практические результаты деятельности группы М. В. Сергиевского проявились мгновенно. Уже в 1927 году вышел в свет первый номер цыганского журнала «Романы́ зо́ря». Все рукописи поступали к М. В. Сергиевскому. Он их тщательно прочитывал, исправлял, а после набора сам правил корректуру. Н. А. Панков рассказывает, что он волновался в это время так, словно выходила в свет его первая работа. В группе людей, сотрудничавших с ним, царило приподнятое настроение. Второй номер журнала был выпущен в следующем году, а третий и четвертый — в 1930-м. С 1927 года по 1930-й изданы букварь для школы, букварь для малограмотных и небольшая библиотечка из пяти названий. В июле 1930 года при Центроиздате была организована цыганская секция, готовившая к изданию литературу на цыганском языке. Е. Попова и М. Бриль приводят такие данные:

«...За шесть месяцев 1930 года выпущено 30 печатных листов. За 11 месяцев 1931 года было выпущено 125 печатных листов. В 1931-м издавали литературу следующих разделов: 1) общественно-политическую; 2) марксистско-ленинскую; 3) колхозную; 4) производственно-техническую; 5) антирелигиозную; 6) научно-популярную и 7) художественную. Производственный план 1932 года составлен на 250 печатных листов».

В дальнейшем выпуск литературы на цыганском языке увеличивался. Были изданы учебники для начальной школы до 4-го класса обучения, различная литература просветительского характера. Но особенно отметим бурную деятельность начинающих цыганских литераторов, таких, как Н. Панков, О. Панкова, Г. Лебедев, И. Лебедев, М. Безлюдский, А. Германо и многих других. Велась и большая работа по переводу русского классического наследия на цыганский язык. Думается, порадовался бы Пушкин, увидев своих «Цыган», изданных на цыганском языке.

Помимо Пушкина издавались переводы произведений

Л. Толстого, М. Горького, П. Мериме, В. Короленко и некоторых советских авторов, преимущественно детских, таких, как А. Барто, Б. Житков, Л. Кассиль, З. Александрова. Время от времени выходил в свет альманах цыганской литературы, дававший представление о состоянии цыганской культуры. Уместно сказать, что некоторые цыганские литераторы объединились в цыганскую группу при РАППе. Все это стало возможным во многом благодаря подвижнической работе М. В. Сергиевского и его учеников.

Вслед за журналом «Романы зоря», издававшимся достаточно нерегулярно, стал выходить журнал «Нэво дром» («Новый путь»). Он издавался с августа 1930 года по 1932 год. Всего вышло около двадцати номеров этого журнала, в которых публиковались материалы на самые разные темы, в том числе литературно-художественные произведения, цыганский фольклор и многое другое.

В тридцатые годы в связи с бурным развитием национальных культур большую активность проявило Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Были изданы десятки словарей малых народов, эти словари до сих пор — библиографическая редкость. Был издан и цыганско-русский словарь на 10 тыс. слов. Его составили профессор М. В. Сергиевский и будущий академик (а тогда профессор) А. П. Баранников. Ответственным редактором словаря был Н. А. Панков.

Культурная революция среди цыган не ограничилась изысканиями в области цыганского языка и цыганской литературы. В конце 20-х — начале 30-х годов развертывается активная просветительская работа в цыганских массах. Была поставлена благородная цель — ликвидировать безграмотность. Естественно, что в первую очередь в поле зрения цыганских просветителей попали дети. В это время открываются цыганские детские сады, школы, детские дома, заработал цыганский педагогический техникум, открылись для цыган и двери рабфаков.

Цыганских начальных школ только в Москве было не меньше трех. Они не были самостоятельными учебными учреждениями, числились при обычных русских школах как самостоятельные отделения. «Вечерняя Москва» 2 ноября 1931 года писала:

«Первая цыганская школа, находящаяся в Пролетарском районе, охватывает 100 проц. детей цыган, живущих в этом районе... Школа уже имела два выпуска. Окончившие учатся на рабфаках, в ФЗУ и в старших классах русской школы...

Цыганская школа незаметно делает свое большое дело, готовя из бывших бродячих цыган активных граждан Советского Союза...»

Та же газета 17 октября 1931 года поместила объявление:

«В районе Марьиной рощи проживает много цыган. Для их детей открыта специальная группа при 2-й школе. Там же организован кружок ликбеза для взрослых цыган».

Еще одна цыганская школа находилась в Замоскворечье. Именно этой школе посвящена статья В. Горича в «Вечерней Москве» от 31 декабря 1931 года. Он, в частности, пишет:

«Цыганка Шура стоит у классной доски в 15-й школе ЗОНО. В руках у нее мел, и она доказывает равенство треугольников. Она не понимает чего-то и на своем родном языке обращается к учительнице. Цыганка-учительница тов. Дударова объясняет ей по-цыгански. Маленькие цыгане учатся на родном языке.

Маленькие цыгане внешне почти не отличаются от русских детей. Выдают только смуглые лица да мелькающие еще кое у кого сережки и браслеты... Темный, суеверный быт семьи еще не выпускает маленьких школьников из своих цепких лап. Там, в семьях, ребят заставляют мыть полы, нагружают непосильной работой, не всегда пускают в школу, протестуют против врачебного осмотра, не разрешают снимать украшения».

Здесь автор коснулся одной из самых трудных проблем цыганских школ 30-х годов. Они создавались и существовали в борениях со старым цыганским бытом, прививали молодому поколению цыган новые нравственные принципы. Отсталая цыганская среда в немалой степени противодействовала этому. К тому же сказывалась инерция кочевого образа жизни: пропуски уроков, бегство из школ поначалу были постоянным явлением.

Немало было и организационных трудностей. Вот что пишут Е. Попова и М. Бриль:

«В Москве имеется цыганская школа (имеется в виду 15-я школа в Замоскворечье.— *Е. Д., А. Г.*), влачащая жалкое существование. Были попытки перебросить школу на 12 километров от местонахождения ребят ввиду того, что помещение цыганской школы, которое она занимала в течение 6 лет, понадобилось для расширения русской школы. Учительница (кстати, единственная в Москве учительница-цыганка) т. Дударова пишет

Отделу национальностей ВЦИК, что больших трудов стоило отвоевать помещение для школы. «Помещение у нас совсем не школьное,— пишет она,— на задворках при слесарной мастерской, но все же не за двенадцать километров. Не знаю, понял ли зав. Замоскворецким отделом народного образования, что расширять русскую школу за счет нацменгрупп не следует». Кстати, недавно одна из находящихся в Москве делегаций иностранных рабочих посетила русскую школу, в помещении которой находится цыганская школа. После осмотра русской школы, хорошо оборудованной, было организовано выступление школьников; выступили также и цыганские дети. Делегация заинтересовалась работой цыганской школы и попросила показать помещение, где занимаются цыганские дети. Увидев это помещение, которое находилось в подвале русской школы, делегация пришла в недоумение...»

Примерно в таком же положении оказались и другие цыганские школы Москвы. И оно никак не выправлялось, несмотря на многочисленные комиссии, в том числе инспекции Отдела национальностей ВЦИКа. Легко представить, насколько это мешало работе цыганских школ, ситуация в которых и без того была тяжелой.

Цыганские школы были не только в Москве, они открывались и в других местах, в частности на Смоленщине, где продолжительное время плодотворно работал цыганский детский дом-интернат с семилетней школой для цыганских детей. Он просуществовал дольше других детских домов, едва ли не до войны. Хотя начиная с 39-го года его вряд ли можно было назвать цыганским, поскольку в него стали принимать детей и других национальностей — русских, евреев и т. д. В июне 1934 года «Известия» сообщили, что при цыганских колхозах в Свердловской области создаются школы с преподаванием на цыганском языке. Вероятно, были и другие примеры.

С самого начала просветительского движения среди цыган был поставлен вопрос о кадрах. Первое, что удалось тогда сделать,— открыть цыганские педагогические курсы. Они находились в Москве, в Малом Харитоньевском переулке при институте по повышению квалификации педагогов. На призыв Наркомпроса первоначально отозвалось около 80 цыган. Однако образовательный уровень кандидатов в цыганские педагоги был столь низок, что удалось отобрать лишь 30 человек. Но и после того отсев продолжался. Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях Н. А. Панков:

«Это была совершенно недисциплинированная, неорганизованная масса, не представлявшая, как можно подчинять свои желания воле коллектива, как приспособить себя распорядку, правилу. Они приходили на учебу когда вздумается, уходили с половины урока. Вот по расписанию урок географии, а он заявляет:

— Не хочу географию, давайте математику,— и никаких гвоздей.

Не шли в театр, на экскурсии, по воскресеньям вовсе не являлись на урок.

— Как же это пропустить конный день? Авось подзаработаем!»

Несмотря на все трудности, было выпущено 25 первых цыганских учителей. В то же время стало ясно, что проблему кадров без целенаправленной работы не решить. И тогда было создано цыганское отделение педагогического техникума. Точная дата этого события неизвестна. Скорее всего, это произошло в 1932 году или годом раньше. Педтехникум находился во Всехсвятском, в районе Ленинградского шоссе. При техникуме существовало двухгодичное подготовительное отделение, куда принимали с пятиклассным образованием, а на первый курс зачисляли после семилетки. Важным обстоятельством было то, что при техникуме было общежитие, в нем могли жить цыгане, приехавшие самостоятельно и направленные на учебу. А таких, кого посылали цыганские колхозы, рассчитывавшие, что будущие педагоги вернутся в родные места, было немало.

Цыганское отделение педтехникума прожило яркую, но недолгую жизнь. В 1938 году оно было расформировано. Учащихся перевели в русские группы. С тех пор цыгане забыли дорогу в техникум. В общей сложности его окончили около 120 воспитанников. Вероятно, читателю эта цифра покажется ничтожной. Пусть так, но важно другое. По-разному сложились судьбы выпускников, но едва ли не обо всех можно сказать, что они стали лучшими представителями своего народа. Об этом говорит вся их жизнь — и в мирное время, и в годы Великой Отечественной войны. Особенно — в годы войны.

Сохранилась обширная переписка выпускников техникума со своим преподавателем Николаем Александровичем Панковым, благодаря которой можно проследить судьбы его учеников, понять, какую важную роль сыграло это учебное заведение в жизни цыга́н, оценить, насколько эта роль

могла бы быть значительнее, если бы техникум внезапно не закрыли.

Первое, на что обращаешь внимание, читая переписку,— это то, что техникуму не удалось правильно решить проблему распределения кадров. Ни один цыганский педагог не попал в цыганскую школу. Во всяком случае, нам не удалось найти ни одного факта, свидетельствующего об обратном. Вероятно, распределением занималось руководство (нецыганское) техникума под эгидой Наркомпроса. Эти люди не понимали задач культурной революции среди цыган. К тому же в стране остро не хватало учителей. И новоиспеченные цыганские педагоги были направлены в сельские школы обучать детей самых разных национальностей, но только не цыган.

«Я работаю в Думничском районе Смоленской обл., село Маклаки, в НСШ,— пишет в письме к Н. А. Панкову его ученик — Александр Меньшиков.— Преподаю в двух 5-х классах русский и литературное чтение, в этих же классах немецкий и рисование (один раз в пятидневку), еще рисование в 6 классе...»

Письмо было отправлено в ноябре 1939 года. Ровно через два года Саша Меньшиков станет активным участником партизанского подполья на Смоленщине и погибнет мученической смертью от рук фашистских палачей. А в то время он страдал от того, что не может учить цыганских детей: старые цыганские школы были закрыты, а новые не открывались.

А вот более откровенное письмо от Дарьи Рупенко:

«Мы с Антоном (брат Д. Рупенко.— *Е. Д., А. Г.*) уехали в Одессу, в очень плохих материальных условиях окончили 3-й курс, и потом нас назначили в Одесскую область на Украине работать в школе. Николай Александрович! Не стану описывать подробно, как я здесь работаю в селе, но одним словом скажу — очень плохо. И материально, и морально... Вы не можете себе представить, как мне здесь надоело быть. Машкир гаджендэ дрэван пхарэс одолэстыр, со ёнэ на полэна (Среди нецыган очень тяжело оттого, что они не понимают...— *Е. Д., А. Г.*). Мне кажется, если бы я увидела кого-нибудь из студентов, с которыми училась, или из учителей, мне бы казалось, что я в раю...»

Еще один отрывок — из письма Любы Михолажиной (от 22 мая 1940 года), навевающего весьма невеселые мысли:

«...Это очень хорошо, что продвигаются цыг. дела. Как

Митя (Д. Камбович — муж Л. Михолажиной, воспитанник цыганского педтехникума, участник Великой Отечественной войны, танкист, погибший смертью героя.— *Е. Д., А. Г.*), так и я всегда поддерживали и защищали Вас, как руководителя этого дела. Ужасно не люблю тех... которые не только не помогают, но и отказываются от своей нации. Я, примерно, везде, где нахожусь, говорю о том, что я — цыганка, и горжусь этим. Я сумела стать на одинаковый уровень с русскими и доказать, что и из нас получаются люди... Сейчас я работаю на Кавказе, а не в среде своих цыган. Школы все разогнали, д/дом наш (смоленский.— *Е. Д., А. Г.*) превратили в русский, и там осталось только 10 человек цыганских детей. Меня поэтому потянуло сюда, захотела узнать жизнь кавказских людей. Жить здесь очень трудно и опасно. Сегодня, например, в горах, по дороге в наш районный центр Ведено, убили одного инспектора. Здесь таких случаев бывает много. Одного убьют, другого ограбят, девушек насилуют, бросают в реки с обрывов. Вечером выйти на двор (мне, примерно, сейчас без Мити) опасно. Могут ударить в голову камнем. Русских они ненавидят и сейчас относятся к ним как к покорителям. О цыганах они понятия не имеют и меня считают русской».

Нет слов, работать учителем в тяжелейших условиях Чечено-Ингушетии, преодолевать замкнутость живущих рядом людей, бороться с косными обычаями — дело благородное. Это понимали Л. Михолажина и Д. Камбович. Но гораздо больше пользы принесли бы они собственному народу, который нуждался в них не меньше, чем народы Кавказа.

Но на дворе стоял 1940 год. К этому времени были задушены чуть ли не все первые ростки культурной революции в цыганской среде.

Подведем некоторые итоги того, что было сделано, хотя многое было не доведено до конца из-за резкого поворота в национальной политике. Прежде всего был ликвидирован Всероссийский союз цыган. Мы уже говорили, почему это произошло. Вероятно, с позиций того времени это решение можно оправдать. Но вряд ли его можно считать единственно правильным. Между тем актив цыганской интеллигенции, сплотившейся поначалу под эгидой ВСЦ, продолжал работать и после ликвидации союза, участвуя в деятельности правительственных и государственных органов (ВЦИК, Наркомзем, Наркомпрос и т. д.), издательств, в колхозном движении.

Как мы уже знаем, к 1939 году были расформированы цыганские школы и педтехникум. К этому же времени практически полностью прекратилось и издание литературы на цыганском языке. Цыганский журнал «Нэво дром» перестал существовать в конце 1932 года. Последний цыганский учебник Т. В. Вентцель и А. В. Германо «Лылвари пиро романы чиб» («Учебник цыганского языка»), насколько нам известно, был издан в 1937 году. А всего с 1930 года на цыганском языке было выпущено не меньше 13 разных учебников. Художественная литература на цыганском языке, изданная с 1932-го по 1938 год, насчитывала чуть ли не полсотни названий, около половины ее составляли переводы на цыганский русского и мирового классического наследия.

В столах цыганских писателей было немало неопубликованного. Но с 1939 года литература на цыганском языке выходить перестала. Дело в том, что в 1938 году в системе ОГИЗа произошла реорганизация, национальные редакции в Москве были упразднены, а национальные издательства переведены в республики и в центры более мелких национально-территориальных подразделений. Казалось бы, все правильно. Где как не в республиках находиться национальным издательствам? Но как в таком случае развиваться цыганской культуре, равно как и культурам других народов СССР, не имевших закрепленной за ними территории? А об этих народах попросту забыли, будто и не было их никогда. И не случайно в реестре литературных языков народов СССР нынче не найти цыганского. Но вот парадокс — в Союзе писателей СССР есть два цыгана. Один из них — драматург, не по своей воле забывший начертания цыганских букв (ведь пьесы «Ромэна» давно идут по-русски), другой — поэт, творчество которого известно читателю лишь в переводах на русский. Возможно, кто-нибудь из читателей удивленно воскликнет: «Помилуйте, раз нет литературного языка, письменности, о каком переводе может идти речь?» Мы тоже не в силах ответить на этот вопрос. Данная логическая задача, пожалуй, под силу лишь доктору Варнике...

Наряду с художественной перестала издаваться и научная литература по цыганскому языку и этнографии. Последним изданием такого рода стал цыганско-русский словарь М. В. Сергиевского и А. П. Баранникова, вышедший в 1938 году.

Читатель уже знает, что еще раньше были расформированы цыганские промышленные артели. Единственное, что

осталось от культурной революции в цыганской среде,— еще сохранившиеся в конце 30-х годов колхозы. Но все они (или почти все) попали в зону фашистской оккупации и были разгромлены.

Таким образом, к концу войны жизнь цыганского народа была весьма печальна: чуть ли не поголовное кочевье, нужда, отсталость и безграмотность.

Нельзя сказать, что представители цыганской интеллигенции, видевшие страдания своего народа, ничего не предпринимали. Еще в 1938 году Н. А. Панков пишет письмо И. В. Сталину, в котором говорит об упадке цыганской культуры, уничтожении завоеваний культурной революции. Судя по переписке Н. А. Панкова, аналогичные письма были направлены И. В. Сталину и учениками цыганского педагогического техникума. Сохранился черновик письма Н. А. Панкова к И. В. Сталину, в котором речь идет все о тех же вопросах: о привлечении цыган к труду, о цыганском языке и литературе, о воспитании кадров цыганской интеллигенции и т. д. Судя по всему, ответа на эти письма не было. Уже после смерти Сталина Н. А. Панков вновь обращается в высшие органы и поднимает наболевшие вопросы цыганской культуры. 12 июня 1953 года он отправляет письмо секретарю ЦК КПСС Петру Николаевичу Поспелову. В начале его Н. А. Панков вкратце рассказывает о цыганской истории, о первых мероприятиях советской власти, претворявших в жизнь ленинские принципы национальной политики.

Далее он пишет:

«Условия организационной работы нельзя было охарактеризовать, как вполне благоприятные: не было достаточной внимательности, подчас наталкивались на инертность, особенно на местах, и все же можно было уже установить занятость цыганской народности в системе социалистического хозяйствования; цыганские учебные заведения выпустили свыше ста молодых людей со специальным средним образованием. Появились уже ростки социалистического сознания в трудовых цыганских массах, и можно было предвидеть в недалеком будущем время, когда специфические черты кочующего цыгана-бродяги (гадание, попрошайничество, барышничество) превратятся в анахронизм без применения к ним административных мер. Немецкий фашизм раздавил все 52 цыганских колхоза. Цыганские издательства прекратили свое существование в 1938 году... После 1938 года положение цыган в бытовом и общественном смысле опять стало трудным и в некоторых случаях гнетущим... Народ стал вновь бесписьмен-

ным, лишенным самых элементарных... условий для своего развития и культурного роста. Цыганская народность невольно очутилась в стороне от великой семьи народов СССР. Цыгане, за исключением единиц, продолжают вести кочевой образ жизни со всеми вытекающими из этого неудобствами... Опыт последних лет (1938—1951) показывает, что цыганские дети в русских школах не успевают или вовсе не обучаются. Слиться со школьным коллективом и развиваться с ним, не отставая от него, мешает им недостаточное знание русского языка, культурная отсталость и непрекращающееся кочевничество. По этим причинам цыганский ребенок, за исключением единиц, чаще всего на 3—4 году обучения покидает школу, где он является случайным явлением, вызывающим всеобщую открытую или скрытую улыбку и насмешку. В бывших же цыганских школах, не выделяясь неприглядным пятном, серьезно овладевая русским языком, цыганский ребенок успешно заканчивал обучение в объеме 7—10 лет...»

В заключение Н. А. Панков призывает к возрождению культурной работы среди цыган, к восстановлению цыганских колхозов, промышленных артелей, системы образования, издательской работы на цыганском языке.

В августе 1953 года Н. А. Панков был вызван в Отдел науки и культуры ЦК КПСС и беседовал с ответственными работниками. Потом было два года бесплодных ожиданий, после которых Н. А Панков с подробным письмом обращается к Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву.

«Положительный опыт недавнего прошлого с одной стороны,— пишет Н. А. Панков в своем письме,— а с другой — настоящее положение цыган в качестве неорганизованного бродячего племени побуждает меня обратиться к Вам, Никита Сергеевич, с этим письмом, цель которого — просьба обсудить положение цыган в СССР и найти возможности к возобновлению работы среди цыган по переходу к оседлости, труду и культуре».

Письмо было написано 14 марта 1956 года, а 5 октября того же года вышел в свет Указ Президиума Верховного Совета СССР «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Вызывает недоумение уже преамбула этого Указа.

Вот что в ней говорится:

«В результате мер, принятых Советским государством по трудоустройству кочующих цыган, улучшению условий их жизни, повышению культурного уровня, большинство из них

перешло к трудовому оседлому образу жизни. Однако до сих пор некоторая часть цыган продолжает заниматься бродяжничеством, ведет паразитический образ жизни и нередко совершает преступления».

Все это мало вяжется с истинным положением, в котором к тому времени оказались цыгане. И речи об оседлости «большинства» цыган не могло быть, неизвестно также и какие мероприятия «по повышению культурного уровня» цыган имелись в виду.

Президиум Верховного Совета СССР постановил:

«1. Запретить цыганам заниматься бродяжничеством и предложить им перейти к трудовому оседлому образу жизни.

2. Обязать Советы Министров союзных республик при нять меры к расселению на постоянное место жительства цы ган, занимающихся бродяжничеством, их трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию.

3. Установить, что достигшие совершеннолетия цыгане, которые будут злостно уклоняться от общественно-полезного труда и заниматься бродяжничеством, наказываются по приговору народного суда ссылкой на срок до пяти лет в соединении с исправительно-трудовыми работами».

Не будем вдаваться в юридические тонкости этого доку мента, однако скажем, что подобные меры никогда не при носили желаемого результата. Да и самим цыганам эти меры были не в новинку. Они уже давно научились противостоять таким постановлениям.

Что происходило в реальности? Сразу же после Указа на дорогах цыганского кочевья встали заслоны. Таборы, за стигнутые в пути, принудительно приписывались к населен ным пунктам, вблизи которых они оказались. Казалось бы, чисто внешне кочевье было остановлено. Но это только на первый взгляд. Во-первых, в российской глубинке оно продол жалось. Во-вторых, даже «осевшие» цыгане продолжали кочевать, но это была уже скрытая форма кочевья. Приведем пример. Вот движется по дороге цыганский табор. Его останавливает первый же милицейский заслон. Начинают выяснять, что к чему. И тогда вожак табора достает из-за голенища сапога справку, заверенную сельсоветской печатью, где написано, что цыган Иванов с семьей едет в отпуск к своим родственникам на Дальний Восток. Кто такой цыган Иванов? Это вожак табора. А что такое его семья? Это весь его табор. А сколько же будет ехать этот табор до Дальнего Востока на лошадях, если он, к примеру, выехал из

Саратова? Здесь цыган Иванов резонно возражает: «А где, гражданин начальник, написано, что в отпуск нельзя ехать на лошадях? Вы едете на поездах, летите на самолетах, а мы, цыгане, на лошадях... А сколько будем ехать, это наше дело».

Кочевье продолжалось. Оно вновь приняло широкий масштаб. Что это значит? В домах, куда были приписаны цыгане, оставались только старики и малые дети. Все взрослое население отсутствовало. Да разве в том суть проблемы, чтобы остановить цыганское движение? Оно само по себе прекратится, когда будут созданы условия для культурного возрождения народа, как это уже было когда-то.

Едва ли не последней попыткой продолжить дело цыганских просветителей можно считать работу цыганского педагога и поэта Н. Г. Саткевича. Но сначала несколько слов о нем самом.

Родился он в 1917 году в кочевом цыганском таборе. Однажды его отец, хвастаясь перед гостями, заставил мальчика сесть в седло. Но детские руки не смогли удержать поводьев. Мальчик был жестоко избит и выгнан из табора. В это время ему было всего восемь лет. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы не добрые люди, которые подобрали маленького оборванного цыганенка и определили его в детский дом. Способный паренек заканчивает семилетку и едет в Москву, где только что открылся цыганский педтехникум. Он видит, с какой самоотверженностью трудятся цыганские просветители, и решает посвятить свою жизнь педагогической деятельности. Он заканчивает педагогический институт и начинает учить цыганских детей в брянской школе имени А. В. Луначарского. Накануне войны его призывают в армию. На фронте Н. Саткевич узнает, что фашисты уничтожили его мать и сестру, что погибли в сражениях два его брата. Воинский путь Н. Саткевич заканчивает в Берлине. Послевоенная жизнь цыган видится ему беспросветной. И тогда он решает начать все сначала. В 1963 году он едет в Иркутск, где открывает первую послевоенную цыганскую школу. Потом переезжает в Тулу и продолжает учить детей. Вот его впечатления о том времени:

«Зашел я на тульский базар и начал разговаривать с цыганами. Как сказал я им про школы — загомонили они, такой шум поднялся, что понять ничего нельзя. Подождал я, пока они затихнут, и говорю, мол, так и так, зачем детей губите, зачем на базар посылаете, вместо того чтобы учить их в школе. И сами, мол, зря время на базаре проводите —

недостойное это дело для человека. Работать надо, как все. Ничего не понимают цыгане, но и поперек ничего не говорят, ждут, пока старший подойдет. А старшим у них Орех был. Старый цыган, а Орех — это кличка его. Боялись цыгане своего старшего как огня, а потому и ждали его слова. Вот и подходит он — весь седой, важно так ступает. Подходит и спрашивает: «Чего ты хочешь?» Объяснил я ему, зачем приехал. Выслушал он меня спокойно и говорит: «Вид у тебя цыганский, и говоришь ты вроде бы по-нашему, да только слов твоих я не пойму. Уходи отсюда, не смущай людей!» И все-таки не пошли цыгане за Орехом. Не сразу, постепенно, а потянулись цыганские ребятишки в мою школу».

Нам доводилось бывать в Туле и встречаться с бывшими воспитанниками Н. Саткевича. Все они живут нормальной человеческой жизнью, получают свой трудовой заработок и о кочевье знают только по сказкам и песням своего народа.

Что же представляет собой цыганская культура сегодня? Прежде чем говорить об этом, отметим, что в цыганской среде все заметнее социальное расслоение. Этот процесс еще слабо изучен, поэтому нам придется воспользоваться собственной терминологией для характеристики различных цыганских слоев. Мы условно разделили цыган на три группы: городские цыгане, оседлые или полуоседлые цыгане, живущие в поселках и деревнях, как правило, неподалеку от больших городов, и кочевые цыгане или цыгане, ведущие скрытую кочевую жизнь.

Это деление обусловлено не только разным образом жизни, оно отражает разницу в мировоззрении и в культуре цыганских слоев.

У городских цыган, особенно русских, наиболее заметно тяготение к русской культуре. И хотя ассимиляционные процессы в их среде протекают медленно, от национальной культуры городские цыгане уже удалились на большое расстояние. Они почти полностью утрачивают собственный язык и фольклор. За редчайшим исключением все они ведут привычный для горожан образ жизни, работают на фабриках и заводах, в учреждениях и учебных заведениях. Их дети учатся в обычных школах, получают среднее образование, а некоторые поступают в вузы. Характерно, что из среды городских цыган по-прежнему выходит много профессиональных музыкантов, певцов и танцоров. Образовались даже целые артистические династии. Яркий пример в этом смысле являет семья Деметров. Она ведет свой род от Иштвана

и Прасковьи Деметр. Некогда они кочевали по Румынии, но в конце XIX века перебрались в Россию. Иштван Деметр — кэлдэрарский цыган. В молодости своей занимался лужением котлов. Он приложил все силы к тому, чтобы дети его получили образование. Сыновья и дочери Иштвана пошли другой дорогой. Петр Степанович стал известным в цыганской среде композитором, Георгий и Роман — педагогами. Первый из них ныне профессор, а второй — доцент. Ольга и Нина Деметр стали профессиональными артистками. Их имена хорошо известны любителям цыганского пения. Дочь Георгия, Надежда Деметр,— научный сотрудник Института этнографии Академии наук СССР. Правнук Иштвана, Петр Деметр,— известный цыганский певец, сыновья которого тоже работают в эстраде.

О том, как изменился образ жизни городских цыган, свидетельствует пресса. Обратимся к ней.

«...Не думали, не гадали в многодетной цыганской семье Арапу, что их Николай подастся в историки,— пишет Е. Щербак в газете «Молодежь Молдавии» от 1 июля 1980 года. Перед его поездкой в Кишинев на вступительные экзамены кто-то из знакомых шутя посоветовал: «Не забудь гитару с собой захватить. Может, песнями возьмешь приемную комиссию...» «Взял» Николай отличными оценками по всем предметам. И началась новая, студенческая жизнь, полная забот, радостей, тревог... Закончил Николай истфак, получил направление на преподавательскую работу и с новеньким дипломом пришел... в республиканский краеведческий музей. Оказывается, давно мечтал работать здесь, с особым интересом читал и слушал все, что связано с историей Молдавии...»

1 сентября 1985 года газета «Закарпатская правда» опубликовала интересный очерк «Лойчи с Музыкальной», в котором рассказала о трудной судьбе Людвига Балога, в прошлом кочевого цыгана, родители которого погибли в фашистском концлагере. Людвиг стал рабочим.

«Многие в избирательном округе,— пишет «Закарпатская правда»,— знают друг друга по имени-отчеству, многие, но не все. Зато нет здесь человека, который бы не знал депутата Горсовета Людвига Балога — энергичного, улыбчивого человека. Хлопотное и ответственное это дело — быть депутатом. Один жалуется на жилищные условия, второму надо помочь со строительными материалами, третьему надо устроиться на работу. Только за последнее время он помог устроить многих людей на опытно-экспериментальный завод

диагностического и гаражного оборудования. Сейчас там трудится около 15 человек цыганской народности. Неплохо работают. Гордится ими в душе Балог...»

А вот еще одна «цыганская корреспонденция» — заметка «Шатер цыгана» в «Неделе» (1976, № 29). Речь в ней идет о цыгане Сергее Багишеве, электросварщике, работающем в Мелитополе.

«Вскоре... мне пришлось по делам побывать на «Гидромаше». Конечно, спросил о Сергее. Узнал, что он вступил в партию, закончил вечернюю школу рабочей молодежи, что он — ударник коммунистического труда. Ему, мастеру высокого класса, поручают самые ответственные сварочные работы...»

Можно рассказать о шофере Б. И. Осиповском, двадцать лет своей жизни отдавшем военным стройкам, о нем писала газета «Красная звезда» (5 февраля 1978 года), о шахтере Р. Казакове, выступившем на страницах газеты «Магаданская правда» (7 ноября 1977 года) и многих других. Все эти факты красноречиво говорят о заметных изменениях в жизни цыган в наши дни. Да и нам самим не раз приходилось встречаться с цыганами-рабочими, колхозниками, представителями интеллигенции. К этому надо относиться как к вполне нормальному явлению.

Вторая группа цыган гораздо более многочисленна и значительно отличается от первой. Она пестра по своему социальному составу. В нее входит немало цыган, занимающихся сельским трудом, но именно с этой группой связаны некоторые негативные моменты в цыганской жизни. К этой же группе можно отнести цыганские таборы котляров-ремесленников. Эта среда народна по самой сути своей жизни, здесь бережно сохраняется цыганский фольклор, с уважением относятся к вековечным традициям. Цыганские дети, живущие в поселках, также посещают школы, но далеко не все заканчивают их, в основном они получают начальное образование.

В третьей группе — кочевых цыган — наиболее стойко сохраняется привычный для них образ жизни. Группа эта постепенно уменьшается.

Для иллюстрации расскажем об одном эпизоде, свидетелями которого мы были и который показался нам символическим. В метро, на станции «Сокольники», в вагон вошли две старые цыганки. У каждой за спиной было что-то наподобие мешка, а в них — по грудному младенцу, которые еще плохо держали головки. Словно мячики, болтались их головки за

спинами старух в такт покачиваниям поезда. Войдя, старухи протянули заскорузлые ладони и пошли по вагону; некоторые пассажиры смущенно совали им пятаки и гривенники, кто-то просто отворачивался или углублялся в чтение газеты, а один дядя попытался прочесть цыганкам мораль. Но те, будто не замечая его, уверенно двигались вдоль вагона. Было видно, что это для них — привычная работа. Дело было в воскресенье, и в вагоне сидело не очень много народу. И вдруг с сиденья неподалеку от нас поднялся молодой черноволосый парень в строгом сером костюме и, внимательно посмотрев в глаза цыганкам, произнес несколько резких слов по-цыгански. Старухи тотчас потупились и присмирели. Они вышли на следующей станции, а тот парень сел, опустил голову, задумался, и лишь руки выдавали его волнение. Мы подошли к нему.

— Извините за нескромность, но что вы им сказали?

— Я — рабочий, кузнец,— ответил он.— И мой отец был кузнецом. Мы всегда зарабатывали себе на жизнь трудом и никогда не просили милостыни. А эти... Они привыкли просить, у них головы затуманены, они даже не понимают, что позорят себя и всех нас. Я сказал им: «Ваши дети должны учиться, а вы ступайте домой и помойте их...»

Нам кажется, что нынешняя перестройка должна самым благотворным образом сказаться и на жизни цыган нашей страны. Уже сегодня есть яркие примеры вовлечения их в кооперативную деятельность. В 1988 году корреспонденты ТАСС на страницах центральной прессы рассказали о деятельности тюменского кооператива «Луч», объединившего несколько кэлдэрарских семей, занимавшихся ранее кустарным промыслом. Во главе кооператива встал Томо Станеско — бывший барон табора. Цыганам помогли и с организацией мастерских, и с материалами (кстати сказать — бросовыми отходами промышленных предприятий). Кроме того, местное начальство умело направило производственную деятельность кооператива, благодаря чему доход его лишь за год составил 122 тысячи рублей. В прибыли оказались все и государство, и цыгане-труженики, и жители Тюмени, покупающие остродефицитные изделия кооператива.

Абсолютно уверены в том, что благодаря новым условиям хозяйствования, при чутком и умелом руководстве местных властей, возможно массовое вовлечение цыган в сельскохозяйственное производство, в частности в животноводство, где можно использовать такие формы, как семейный подряд.

Надо только не сбиваться на мелочную опеку и администрирование, постараться обеспечить цыган всем необходимым для выращивания домашнего скота. Кстати сказать, еще в начале 80-х годов мы не раз сталкивались с цыганами, разводившими домашний скот. Так что государству следует этим разумно воспользоваться.

Цыгане — народ активный и предприимчивый. В СССР их несколько сотен тысяч. Так пусть же эти прекрасные качества обернутся на благо им и всем другим народам нашей страны.

Молох войны и цыганский Апокалипсис

...Цыгане не угнетали другие народы и не вели войны.

Михаэль Геннер, писатель

Что такое 12 лет в истории человечества? Пустяк, ничтожное мгновение. Ровно столько длилась черная ночь фашистской диктатуры, которая принесла народам мира неисчислимые бедствия, смерть и разрушения почти во все страны Европы. Для некоторых народов слово «фашизм» стало синонимом понятия «геноцид». К числу их относились и цыгане.

Печально известный теоретик гитлеризма Альфред Розенберг в свое время восхищался расовой чистотой цыган, их арийским происхождением. Действительно, если встать на платформу теоретиков фашизма, то цыгане — чистокровные арии, еще более чистые, нежели сами немцы. Почему же в таком случае этот народ впал в немилость у фашистов? Как их теория оправдывала геноцид по отношению к цыганам? Здесь все просто и ясно: цыганам приписывалась врожденная склонность к преступности. Так было легче всего объяснить образ жизни этого народа и организовать его травлю. Раз цыган — значит, преступник, этим все сказано. Но почему цыгане были объявлены прирожденными преступниками? Чтобы ответить на этот вопрос, придется снова обратиться к истории.

В первой главе мы уже писали, что, в какую бы европейскую страну цыгане ни попадали, везде они преследовались властями. Не было ни одной страны, где бы не издавались жестокие антицыганские законы, количество которых было так велико, что их можно цитировать без боязни повториться.

Возьмем, к примеру, Испанию. Еще в 1619 году король Филипп III издал жесточайший указ об изгнании цыган из страны. Тех, кто смел ослушаться, ждала смертная казнь Этот указ не выполнялся строго. Четырнадцать лет спустя Филипп IV обнародовал еще один указ, в котором было сказано: «Для тех, чье имя — цыгане, нет покровительства в этой стране». Им запрещалось даже носить национальные костюмы, говорить на родном языке, который правитель Испании назвал «тарабарщиной». Он и не представлял, что язык этот восходит к санскриту, а, стало быть, он намного древней кастильского, на котором говорил он, король. Власти ревностно следили за строгим исполнением указа. Но этому, как ни покажется странным, воспротивились богатые латифундисты Андалусии, обратившиеся к властям с предложением использовать цыган как дешевую рабочую силу. В 1717 году вышел указ о легализации положения цыган, теперь их собственность официально регистрировалась, чтобы собирать налог. При этом цыган обязывали заниматься земледелием.

Время легких послаблений длилось недолго. С восшествием на престол Фердинанда VI по инициативе маркиза де Енсенады начинаются новые гонения, цель которых — последовательное и полное уничтожение цыганского населения. В 1749 году всем цыганам, не представившим неопровержимые доказательства того, что они ведут оседлый образ жизни, предписывалось в кратчайшие сроки явиться в местечко Кармона (Севилья). И вот со всех концов страны туда потянулись цыганские повозки. В пути цыганам не разрешалось останавливаться. Старики и дети были вынуждены идти пешком, больные были брошены на произвол судьбы. Однажды ночью Кармону окружил артиллерийский батальон, и 14 тысяч цыган под страхом смерти силой были отправлены в шахты Альмадены, на оружейные заводы Картахена, Кадиса и Ферроля.

Это был настоящий расизм, черный шлейф которого тянулся за цыганами на протяжении всей новейшей истории Испании. Отношение к ним властей ярко характеризуют следующие строки антицыганского указа 1745 года:

«Повелеваем охотиться на цыган, встречать огнем и мечом. Преследователям да будут открыты двери всех храмов, дабы тех из цыган, что вздумают искать убежища у алтаря, силою отрывать от оного и убивать принародно».

Богатый опыт гонения на цыган задолго до прихода к власти фашистов был накоплен и в Германии. В начале книги мы уже говорили о первых антицыганских законах, вы-

шедших в этой стране, о том, что суть их с течением веков не менялась, и отличались они лишь оскорбительными эпитетами в адрес цыган. Но обратимся ко временам не столь отдаленным. Как известно, в 1882 году образовался военно-политический Тройственный союз. В то время как австро-венгерский император Франц Иосиф I внимал чарующим мелодиям в исполнении цыганских скрипачей-виртуозов, его царственный собрат по Тройственному союзу император Вильгельм II занимался куда более серьезными вещами. 17 февраля 1906 года в Германии был принят имперский закон: «Указание о борьбе с цыганскими чудовищами». Пожалуй, впервые в германском законодательстве появился термин «цыгойнер унвезен».

В это время сыну Алоиса Шикльгрубера и Клары Пельцль было почти 17 лет. Недоучка (Гитлер бросил учебу в 1905 году), он впоследствии откровенничал: «В общем, я выучил не больше десяти процентов того, что выучили другие». Но, думается, статьи закона 1906 года крепко запали ему в голову. Они отлично согласовывались с расистской теорией, которая обрела свое зловещее воплощение в пресловутых «Нюрнбергских законах» (от 15 сентября 1935 года). Согласно этим законам цыгане были объявлены чуждорасовой группой, второй после евреев.

Как показал лишь беглый исторический экскурс, «Нюрнбергские законы» возникли не на пустом месте; напротив, они явились прямым и закономерным следствием эволюции шовинизма, в частности антицыганизма. Фашистские лагеря смерти, дьявольские душегубки были лишь конечным звеном длинной цепи.

Мы не раз говорили о том, что в разные времена многочисленные антицыганские законы нередко являлись лишь средством устрашения и строго не исполнялись. Чтобы длинная цепь антицыганского законодательства привела к геноциду, была необходима поддержка полицейского репрессивного аппарата. К моменту прихода к власти фашистов, у немецкой полиции был накоплен изрядный опыт борьбы с цыганами.

Уже в 1899 году в баварской полиции было образовано специальное отделение по делам цыган, куда направлялись копии судебных постановлений по правонарушениям, совершенным цыганами. Мы ничего не можем сказать об этих судебных актах. Можно лишь допустить, что не все они были объективными: думается, и над судами довлел пресс анти цыганских указов. Дело совсем в другом: сбор материала,

компрометирующего один народ, не преследовал гуманной цели. Во всяком случае, к другим народам Германии такие акции не применялись. Статистика служила вполне определенной цели: в нужный момент, используя ее данные, обработать общественное мнение, подготовить более суровые полицейские меры. Иными словами, готовилась почва для геноцида.

22 мая 1928 года в Германии вышел очередной закон: «О постоянном наблюдении за цыганами в немецкой империи». Теперь полиция получала полную свободу действий. Этот закон нашел поддержку и в Австрии. Репрессии последовали немедленно. Так, журнал «Фрайе Бургенлендер» (май 1930 г.) пишет: «...жандармерия по собственной инициативе уже кое-что сделала, взяла на учет всех цыган». В чем же заключалась эта инициатива? Полиция сняла отпечатки пальцев всех цыган старше 14 лет. Эта работа началась в 1928 году, когда при полицейском комиссариате Айзенштадта по примеру коллег из Баварии был образован соответствующий отдел. К 1938 году в Бургенланде было зарегистрировано 8000 цыган. Трудно было найти лучшее подспорье для нацистских головорезов.

14 декабря 1937 года была обнародована директива шефа СС Гиммлера, направленная против «всех асоциальных элементов, вредных для общества». Естественно, под это определение попали и цыгане, которые были объявлены «закоренелыми преступниками». Как не вспомнить при этом баварскую статистику? Не зря же трудились ретивые собиратели судебных пасквилей.

Итак, круг «врагов» гитлеровского рейха был очерчен, и цыгане были в числе основных. Наступила пора действий. В августе 1938 года на рассмотрение Гитлеру был представлен меморандум гауляйтера Тобиаса Порчи. Как предлагал решить цыганский вопрос этот мракобес? Вот основное положение меморандума: «Принудительный труд и массовая стерилизация цыган, с тем чтобы исключить угрозу чистоте крови немецкого крестьянства».

Суть фашистского геноцида заключалась в зловещей триаде депортация, стерилизация и физическое уничтожение. Словом, перед нацистами встала задача создания индустрии уничтожения. И они решили ее в достаточно короткий срок.

В марте 1933 года, то есть спустя всего два месяца после прихода к власти Гитлера, в газете «Ди мюнхенер нойесте нахрихтен» была опубликована маленькая статейка, в которой, в частности, говорилось:

«В четверг... вблизи Дахау был открыт первый концентрационный лагерь... Мы должны принять меры, нет места ничтожным сомнениям, в основе этой нашей акции — желание помочь восстановить спокойствие в нашей стране, она в лучших интересах нашего народа».

Под статьей стояла подпись — Генрих Гиммлер.

Это был первый фашистский концентрационный лагерь. Он расположился всего в девяти милях на северо-запад от Мюнхена. За 12 лет здесь были уничтожены десятки тысяч людей — мужчин, женщин, детей.

«Первые цыганские заключенные,— вспоминала Рут Якуш, директор мемориального музея в Дахау,— были привезены сюда в 1938 году. И сегодня цыганские семьи еще приходят сюда, чтобы посмотреть то место, где страдали их родственники».

А ведь не случайно первый гитлеровский концлагерь открылся именно под Мюнхеном, в этом фашистском гнездилище. Вспомним хотя бы тот же 1889 год и ретивых мюнхенских полицейских.

После Дахау только за один 1933 год на территории Германии начало функционировать едва ли не десять лагерей смерти. Это говорит о том, что чудовищная индустрия массовых убийств была запланирована заранее. До войны было еще далеко, но уже создавалась «адская кухня». Однако это был лишь первый шаг. А в 1944 году общее число фашистских концлагерей, включая так называемые «подсобные», открытые при военных предприятиях, превысило тысячу. Среди них Бухенвальд, Треблинка, Майданек, Собибор, Равенсбрюк, Люцманнштадт, Саласпилс, Берген-Бельзен. Но все эти лагеря смерти не идут ни в какое сравнение с Освенцимом. Согласно данным Международного военного трибунала в Нюрнберге, в этом лагере смерти фашисты уничтожили более 4 миллионов человек.

Собственно говоря, это был не один, а два огромных лагеря, находившихся в трех километрах друг от друга. Сам лагерный комплекс назывался Освенцим-Бжезинка или понемецки Аушвиц-Биркенау. Причем второй лагерь был значительно крупнее первого. Именно в Бжезинку и стали поступать, помимо других заключенных, цыгане. После окончания войны были найдены учетные книги цыганского лагеря в Бжезинке, которые спрятали сами заключенные. Благодаря этим книгам мы знаем минимальную цифру цыганских заключенных в Освенциме. В этих списках было 20 946 фамилий. Поскольку цыганский лагерь был семейным, в это число

входили женщины и дети. Известно, что из общего числа цыган лишь две тысячи человек были вывезены в другие лагеря. Остальные были уничтожены в газовых камерах или погибли от болезней и истощения. Минимальное число цыган, жертв нацизма в Освенциме,— 19 000 человек.

Первые партии цыган были доставлены в лагерь в феврале 1943 года. Гесс вспоминает о посещении цыганского лагеря Гиммлером:

«Я подробно показал ему лагерь цыган. Он осмотрел его очень внимательно: видел переполненные жилые бараки, плохие гигиенические условия, полные больных госпитальные бараки, отделения для больных заразными болезнями, видел детей, больных номой, которая наполняла меня ужасом, напоминая проказу, а я когда-то видел прокаженных в Палестине. Истощенные детские тела с огромными впадинами на щеках. Это медленное разложение человеческого тела».

Самая крупная акция по уничтожению цыган в газовых камерах состоялась 2 августа 1944 года, как раз после посещения Гиммлером цыганских бараков в Бжезинке. В этот день в газовых камерах было уничтожено 2897 человек. Вот что пишет об этом Рудольф Гесс:

«К августу 1944 года в Освенциме было еще около 4000 цыган, которые должны были пойти в газовые камеры. До последнего момента они не знали, что их ждет, и поняли это только тогда, когда их вели в крематорий № 5. Их было трудно загнать в камеры».

В путеводителе по Освенциму можно найти свидетельство очевидца этой фашистской акции:

«Через несколько недель мужской лагерь был разбужен криками многотысячной толпы. Достаточно было только выйти из бараков, чтобы понять, в чем дело. В ярко освещенном цыганском лагере эсэсовцы выгоняли на дорогу цыган и их детей. Им приказали построиться по пять человек в ряд, выйти на дорогу и идти в крематорий. Они сопротивлялись, и их крики разносились над Биркенау. Так прошла вся ночь, но утром цыганский лагерь опустел».

Это произошло, когда крах фашизма был уже не за горами, когда до освобождения оставшихся в живых узников Освенцима было не так уж и долго, всего полгода. О цыганском лагере в Освенциме рассказывается в книге Ежи Фицовского «Цыгане на польских дорогах».

«Уже зимой, к концу 1942 года, лагерные власти заставили узников Биркенау работать по строительству лагеря, в который в начале 1943 года стали завозить первые цыганские

транспорты. Еще за несколько месяцев до создания этого лагеря — осенью 1942 года — по распоряжению властей СС один из членов политического отдела СС, обершарфюрер Ганс Штарк, искал, хотя и безрезультатно, среди узников лагеря в Освенциме цыган на пост должностного лица в запроектированный цыганский лагерь...

В унтерлягах (приказах об аресте.— *Е. Д., А. Г.*) немецких цыган персональные данные были очень подробными, благодаря существовавшей в монархии центральной картотеке живых и умерших цыган, их имен, следов кочевий и т. д. Долго после прибытия главной партии (около 14 тысяч цыган) сюда привозили также детей цыган из разных домов ребенка, приютов и т. п. ...

Цыганский лагерь находился в болотистых местах, почти совсем лишенных всякой растительности. Помещение было приспособлено в бывших кавалерийских конюшнях (на 52 лошади.— *Е. Д., А. Г.*), где были построены нары из досок и проходы для печей. Первых цыган поместили в общем лагере в Биркенау, в 18-м корпусе. В марте прибывающие цыгане помещались уже в цыганском лагере, куда перевели цыган также из первого блока.

Здесь все было организовано иначе, чем в остальных частях лагеря. Назывался этот лагерь семейным. Здесь не разлучали семью, не отнимали при поступлении в лагерь ни одежды, ни денег, ни багажа, а также вначале не стригли волос. На одежду нашивали черный треугольник, отмечали таким образом принадлежность к цыганской народности. Рядом с номером на руке помещали татуировку с буквой «Ц» (цыгойнер).

Сначала цыганские блоки не были огорожены, и только в июле 1943 года цыганский лагерь обнесли колючей проволокой и таким образом отделили цыган от остальных узников Биркенау. Теоретически цыгане не являлись узниками, а считались только интернированными. В первое время их не заставляли работать, и лишь позднее, когда в результате внезапной эпидемии количество цыган в лагере значительно уменьшилось, немцы стали посылать их на работу, в период с апреля по июль 1944 года, для разравнивания территории лагеря и нарезания траншей для водопровода. На учет для постоянных работ цыгане поставлены не были. За ворота лагеря выходила лишь одна рабочая группа цыган. Это была группа женщин (около 200 человек), участвовавших в разравнивании территории участка лагеря, которую заключенные называли «Мексикой» (третья очередь концлагеря Ос-

венцим.— *Е. Д., А. Г.*). Они перетаскивали камни в руках и в юбках.

Больше всего в лагере было немецких и чешских цыган, но были и польские, а также небольшое количество русских, венгерских, моравских, норвежских и литовских цыган, а в последнее время прибыла небольшая группа французских цыган. Самыми богатыми были немецкие цыгане. Преимущественно это были циркачи, фокусники, танцоры, музыканты и содержатели танцевальных площадок. В марте 1943 года из Германии прибыли, между прочим, цыгане, служившие в немецкой армии, солдаты и даже офицеры, некоторые из которых имели военные награды — железные кресты...

Самое большое количество польских цыган поместили в лагерь в 1943 году. В Освенциме им предоставили два отдельных блока. Спустя две-три недели после прибытия их уничтожили в газовых камерах под предлогом предупреждения эпидемии сыпного тифа. Эти цыгане, как и остальные, не представляли себе своей участи и, радуясь возможности говорить по-польски с врачебным персоналом, рассказывали о своей родной стране и о скором возвращении туда. Лагерные власти спешили ликвидировать всех привезенных польских цыган. Во время ликвидации этой многочисленной группы в газовые камеры забирали даже больных детей из лагерной больницы...

Для богатых цыган была выделена особая лагерная за кусочная, в которой за немецкие марки по очень высокой цене можно было купить папиросы, бумагу, салат, вино, горчицу, конфеты и минеральную воду. Цыгане платили так же золотом и драгоценностями, обладание которыми позволяло им подкупать некоторых эсэсовцев и через них приобретать различные продукты вне лагеря. Желая окончательно отнять у цыган все запасы золота, в мае 1943 года был издан приказ о сдаче золота в депозит. Это объяснялось тем, что таким образом цыгане избегут взаимного обкрадывания. Взамен золота и драгоценностей цыганам была обещана лагерная валюта, на которую они могли бы приобрести продукты в лагерной столовой. Лишь немногие цыгане отдали часть своих сокровищ, большинство продолжало скрывать их у себя.

С мая 1943 года состояние здоровья узников цыганского лагеря резко ухудшилось. Гигиенические условия были ужасными. Не хватало воды. Пока до цыганского лагеря не довели водопровод, она доставлялась в бочках. Различные хирурги ческие операции и роды проводились при полном отсутствии необходимых больничных приспособлений, прямо на дымо-

ходах, которые тянулись по земле вдоль бараков. На втором месяце существования цыганского лагеря была организована примитивная больница, но лекарств почти не было. Вспыхнули эпидемии сыпного и брюшного тифа, цинги, чесотки и других болезней. Бывало немало случаев очень редкой болезни — номы, внешними проявлениями которой является гниение челюстей, тела, образование дыр на щеках и так далее...

Больные спали по трое в одной кровати, замерзая зимой и задыхаясь в летнюю жару. Они получали меньший пищевой рацион, чем здоровые. Однажды, когда в июне 1944 года в лагерь приехала инспекция, больным цыганам дали рубашки и простыни, но после отбытия инспекции их тотчас отобрали. С марта по сентябрь 1943 года от болезней умерло 7 тысяч цыган. Несмотря на огромную смертность, в бараках продолжала царить толчея, в одном корпусе помещалось до 500 человек.

Главный врач Освенцима Менгеле проводил на узниках различные «научные» эксперименты, особенно он заинтересовался цыганскими близнецами, которых в качестве подопытных кроликов держал в отдельном бараке на специальной диете. Ему хотелось доказать, что близнецы, воспитываемые вместе в одинаковых условиях, подвергаются одинаковым заболеваниям. Бывали случаи, когда матери-цыганки, учитывая заинтересованность преступного врача, отдавали ему детей, которые заведомо не были близнецами. Ведь жизненные условия, которые предоставлялись близнецам, были лучшими. Менгеле часто «играл» со своими подопытными детьми. Так нескольких близнецов он велел застрелить, чтобы анатомировать их трупы.

Однажды среди оставшихся в живых узников цыганского лагеря распространился слух, что отобранная накануне молодежь приговорена к смерти или уже уничтожена. Желая успокоить волнения, вызванные этими слухами, лагерные власти погрузили цыган, находившихся в это время в главном Освенциме, в поезд и повели его железнодорожной веткой, проходящей рядом с цыганским лагерем. Цыгане воочию убедились, что их молодежь жива и отправлена на работы. Они успокоились и даже поделились с отъезжающими хлебом. Однако поезд кружным путем вернулся в главный Освенцим, где цыган снова выгрузили. В июле и августе 1944 года часть их была направлена в Равенсбрюк и Бухенвальд, остальные же попали в газовые камеры. Из узников Освенцима выжила только та часть цыган, которая попала в другие

лагеря, а также те немногие, отправленные ранее на работы. В живых остались также цыгане, содержавшиеся в общем нецыганском лагере и считавшиеся политическими. Впрочем, это были одиночки».

Так решался «цыганский вопрос» не только в Освенциме, но и в Лодзинском концлагере — Люцманнштадте, и во многих других лагерях смерти. Сейчас сказать точно, сколько цыган погибло в фашистских концлагерях, трудно. Документальные свидетельства о жертвах нацизма скупы и обрывочны. Оставляя места своих преступлений, фашисты тщательно уничтожали документы, лишь немногие чудом сохранились до наших дней. Почти во всех лагерях цыганские блоки были отделены от остальных, цыгане жили в них в полной изоляции. Сами же они не вели никакой статистики, им было не до этого, да к тому же они были почти поголовно неграмотными и при всем желании не смогли бы этого сделать. Кроме того, жертвами фашизма следует считать не только тех, кто погиб в газовых камерах, на виселицах и от пуль палачей, не только тех, кто скончался от голода и болезней на территории лагеря. Никто не может сказать, сколько людей погибло при транспортировке в переполненных вагонах, скольких направили в газовые камеры сразу же по прибытии на место, без всякой регистрации. Потому-то, когда речь идет о цыганах — жертвах фашистских концлагерей, приходится оперировать лишь приблизительными цифрами.

Обратимся к газете австрийских коммунистов «Фолькcштимме». 10 января 1985 года ее корреспондент привел такую цифру: за годы фашизма в концлагерях было уничтожено 275 200 цыган. Достаточно сказать, что количество умерщвленных австрийских цыган, попавших отнюдь не в самые кошмарные лагеря, было чудовищным: в 1939 году в Австрии проживало 11 200 цыган, из них убито было 6800 человек.

Уничтожение цыган и других народов было прерогативой ведомства Гиммлера, в ведении которого находились все концентрационные лагеря. В любой тоталитарной системе, даже такой, как фашистская, массовое истребление проходило под прикрытием закона. Самые античеловеческие акции проводились под лозунгами борьбы за правопорядок. В этой связи небезынтересно ознакомиться с письмом министра юстиции Германии к Борману (конец 1942 года). Цитируем.

«Руководствуясь идеей об освобождении организма немецкого народа от поляков, русских, евреев и цыган и имея в виду очистку присоединенных к Империи восточных

территорий, как места оседлости немецкого народа, намереваюсь поручить карательное преследование поляков, русских, евреев и цыган Райхсфюреру СС. Исходя при этом из той предпосылки, что акт правосудия будет содействовать уничтожению членов этих народностей лишь в малой степени. Несомненно, что акт правосудия выносит теперь очень суровые приговоры таким личностям, но этого мало, чтобы принципиально содействовать реализации вышеуказанной идеи. Не имеет также смысла консервировать такие личности годами в немецких тюрьмах и в исправительных колониях даже и тогда, когда, как сейчас очень часто случается, используется их рабочая сила в военных целях... Поляки и русские могут быть преследуемы полицией, только если проживали или находились до 1 августа 1939 года на территории бывшего государства польского или Советского Союза... Против евреев же и цыган следует проводить карательное преследование без всяких предпосылок».

Из этого письма ясно, что, проводя политику геноцида по отношению к порабощенным народам, фашисты делали ставку не на концлагеря, а на карательные акции по уничтожению мирного населения без всякого суда и следствия на месте проживания. Основная масса цыган — жертв фашистского геноцида — погибла от рук гитлеровских палачей не в концлагерях, а была ликвидирована различного рода карателями. Причем далеко не всегда карателями были эсэсовцы. Как явствует из книги Е. Фицовского, немалую «лепту» в это черное дело внесли коллаборационисты разных мастей, особенно бендеровцы и украинские националисты, свирепствовавшие на территории Польши и западных областей Советского Союза. Ежи Фицовский пишет:

«Большинство цыган было убито не в лагерях, а в бесчисленных массовых экзекуциях. Они были таким же распространенным массовым явлением, как расстрелы цыган на территории Советского Союза, главным образом в Крыму. В Польше экзекуции эти совершала жандармерия, гестапо, СС, полиция (темно-синяя), а также украинские фашисты, но равно и те, что находились на службе у немцев, к примеру банды УПА».

Мы можем возразить только в одном: на территории нашей страны антицыганские карательные акции проводились не только в Крыму. По нашим данным, огромное количество цыган, многие десятки тысяч, были уничтожены в западных областях, а также в районе Ленинграда.

Сначала отношение фашистов к цыганам было двояким.

С одной стороны, причислив этот народ (довольно условно) к арийской расе, признав этот факт, теоретики фашизма выделили два типа цыган, которым они собирались сохранить жизнь с целью «наблюдения» над ними. Поэтому цыгане, проживавшие в Германии и Австрии, преимущественно стали узниками концлагерей. Поначалу они находились в несколько «привилегированном» положении. Их поселяли в семейных бараках, не посылали на каторжные работы, вообще относились к ним не столь строго. С другой стороны, по мере продвижения на восток немецкие армии встречали все более ожесточенное сопротивление. И тогда тактика фашистов изменилась: ужесточился режим в концлагерях, все меньше цыган подлежало интернированию и все большее значение придавалось карательным акциям. Именно поэтому цыган Советского Союза в концлагеря никто не отправлял, их физически уничтожали на месте.

В 1986 году мы беседовали с бароном цыганского табора кэлдэраров Истрати Яношем, который рассказал нам эпизод, довольно характерный для начала войны. Летом 1941 года его табор, человек около 700, стоял неподалеку от Минска. Как только грянула война, старики собрались на совет и стали думать, что делать, куда отправиться. В итоге табор разделился на три части. Одна группа подалась в сторону Варшавы, где у них жили родственники. Судьбы этих цыган не вызывают никакого сомнения — все они попали в лагеря смерти. Другая часть цыган, около 200 человек, решила остаться и переждать войну в лесах Белоруссии. Вскоре после оккупации республики они были окружены карателями и почти полностью уничтожены. В живых осталось несколько человек. Как говорил нам Истрати Янош, сразу после войны ему удалось отыскать место расправы. Тела цыган были наскоро засыпаны землей. Количество убитых было так велико, что не было никакой возможности похоронить их на кладбище. Пришлось ему устраивать братскую могилу. Среди убитых были старики, женщины и дети. Третья часть цыганского табора вместе с беженцами стала откатываться на восток. Им по счастливой случайности и удалось уцелеть.

Подобных рассказов от цыганских стариков мы наслышались немало. Но особенно запомнилась история, превратившаяся в легенду, которую рассказывают цыгане, живущие под Ленинградом.

Когда фашисты охватили Ленинград кольцом блокады, то в гатчинских лесах в зоне оккупации оказалось огромное количество цыган, для которых район от Павловска до

Вырицы всегда был излюбленным местом проживания. Кроме того, каждое лето под Ленинград стекались цыганские таборы и раскидывали свои палатки в районе Пулкова, Горелова и Красного Села. Здесь-то они и были настигнуты карателями. Из полутора тысяч цыган лишь половина, поняв, какая смертельная опасность им грозит, тайными тропами смогла покинуть эти страшные места. Но не менее 700 человек попали в руки эсэсовцев. Надо сказать, что вокруг Ленинграда проживало немало цыган, которые в прошлом пополняли цыганские хоры Петербурга. В таких цыганских родах музыкальная культура свято передавалась из поколения в поколение. Об этом знали и фашисты, они разделили захваченных цыган: одних заставили рыть братскую могилу, а других — петь и плясать для них. После этого страшного концерта все цыгане были расстреляны и наскоро засыпаны землей. Многие из цыган, оказавшихся в могиле, не были убиты, и из-под земли слышались стоны. Тогда фашистские изверги окружили могилу и всю ночь стерегли ее, чтобы никто из местных жителей не смог оказать помощь раненым. Наутро они пригнали танк и гусеницами утрамбовали это место. После этого стоны прекратились. Как гласит легенда, уже после войны, останавливаясь на ночлег в этих местах, цыгане после полуночи слышали цыганское пение, а старики узнавали голоса известных исполнителей, которые были убиты фашистами.

Немало подобных легенд мы записали и от смоленских цыган, и от молдавских, и от цыган других районов России. Сколько таких братских могил рассыпано по советской земле!

Мы уже вскользь говорили, что на протяжении всей своей истории цыгане старались уклониться от воинской повинности. Не была исключением и последняя война. Но вот в чем парадокс: те из цыган, которые все же ушли в армию или воевали в партизанских отрядах, имели гораздо больше шансов остаться в живых, нежели те, кто от воинской повинности уклонился и понадеялся на то, что горькая чаша его минует. Этого не случилось...

До сих пор мы не касались такой важной темы, как цыганское сопротивление фашистскому геноциду. Оно существовало и в Западной Европе, хотя и не принимало больших масштабов. Это была и борьба за выживание, и месть за убитых. Ненависть к угнетателям выражалась в разных формах. История сохранила примеры героизма цыган-партизан в Польше, Сербии и в других оккупированных странах Европы. Но лишь в Советском Союзе многие цыгане взялись за оружие —

тут уже сыграли роль социально-политические причины. Дело в том, что к началу войны у нас в стране благодаря культурной революции многие цыгане приобщились к советскому образу жизни.

Некоторые исследователи пытаются объяснить негативное отношение цыган к воинской службе их асоциальностью и аполитичностью. Нам же думается, суть в другом: за всю историю у этого народа ни разу не возникало глубоких причин для того, чтобы взяться за оружие. Никогда еще они не были хозяевами собственной судьбы, полноправными членами общества. Цыгане всегда были вне государства, их ничего не связывало с землей и обществом, их окружавшим. Иначе говоря, им не за что было воевать и проливать свою кровь. В Советском Союзе положение цыган стало совершенно иным: многим из них уже было что защищать. Достаточно вспомнить хотя бы 52 цыганских колхоза, цыганские школы, воспитавшие новое поколение людей. Именно эти цыгане вместе с другими народами Советского Союза стали на защиту Родины.

По статистике Министерства обороны СССР из цыган, участвовавших в сражениях Великой Отечественной войны, один был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Не станем опровергать эти данные, скажем лишь, что немало цыган по солдатским документам считалось русскими. В Советском Союзе очень многие цыгане носят русские имена и фамилии, и вполне естественно, что военная статистика не могла быть по отношению к ним объективной.

До недавнего времени мы не знали, что этот человек — Герой Советского Союза, поскольку имя его не называлось, было известно, что подвиг он совершил в 1944 году. По счастью, нам довелось повстречаться с участником Великой Отечественной войны капитаном запаса цыганом Николаем Александровичем Меньшиковым, который обратил наше внимание на книгу И. А. Долгова «Золотые звезды калининцев». В ней, в главе «Ради жизни на земле», описан подвиг Тимофея Ильича Прокофьева, участвовавшего в составе десантного отряда в освобождении города Николаева 20—28 марта 1944 года. И. А. Долгов пишет:

«Высадка советского десанта внесла смятение и растерянность в тылу врага. Опомнившись, фашисты бросили на ликвидацию отряда крупные силы: пехоту, артиллерию и минометы. Закрепившись в портовых зданиях, моряки в течение двух суток вели мужественный бой с врагом. За это время они отбили восемнадцать ожесточеннейших атак. Только убиты-

ми немцы потеряли около 700 солдат и офицеров. Героический десант тоже нес потери, но держался стойко и этим ускорил освобождение Николаева».

Всему составу десантного отряда было присвоено звание Героя Советского Союза, большинству из них, в том числе и Т. И. Прокофьеву, посмертно.

Далее И. А. Долгов приводит краткую биографию героя. Многое в ней автору осталось неизвестным. Несомненно одно — Т. И. Прокофьев был цыганом. С помощью Н. А. Меньшикова нам удалось выяснить интересные детали его биографии.

Семья Тимофея Ильича до революции вела кочевой образ жизни. Его отец в первую мировую войну был солдатом. До Великой Отечественной войны Т. И. Прокофьев работал на речном транспорте, у него была броня. Но вот он получает похоронку на брата и сразу же вступает в ряды добровольцев. Позже на полях сражений погибает другой брат. Вообще война не пощадила эту семью: из многочисленных братьев и сестер Прокофьевых осталась одна сестра. Живет она в Подмосковье. Член КПСС, она всю жизнь проработала строителем.

Можно долго говорить о героизме цыган в годы войны.

Мы уже рассказывали, что в конце 20-х годов в Смоленске была организована цыганская школа-интернат, называлась она «Серебрянка» (скорее всего, по какому-то географическому названию). В этой школе воспитывались цыганята, оставшиеся без родителей, их привозили туда со всей Смоленщины. Вот что вспоминает один из воспитанников «Серебрянки» Н. А. Меньшиков:

«Организовала эту школу девушка-цыганка Ефросинья Ивановна Тумашевич. Мы называли ее Рузя Ивановна. А еще мы называли ее «наша Ибаррури». Она была нашей общественной деятельницей, много сделала для цыган. Чтобы открыть школу, она ездила на прием к Н. К. Крупской. Еще она была организатором и первым председателем цыганского колхоза «Свобода» в Кардымове. Я был среди первых 25 воспитанников школы, а к началу войны там училось уже около 120 человек. Благодаря цыганским школам, колхозам, артелям не только повысился материальный и культурный уровень цыган, главное — изменилось их сознание. Они стали патриотами своей Родины. Во время войны большинство цыган на Смоленщине участвовало в борьбе с фашистами. Здесь за связь с партизанами, за участие в колхозах, а также непосредственно в боевых действиях нашли смерть около двух

тысяч цыган. Немцы разгромили здесь все три цыганских колхоза. Только в Александровке они расстреляли 176 цыган, среди которых было 68 женщин и 59 детей, а остальные в основном старики. Почти все воспитанники «Серебрянки» с начала войны ушли на фронт. Сама Рузя Ивановна сражалась в партизанском отряде Героя Советского Союза генерал-майора Гришина (в годы войны С. В. Гришин был в чине полковника.— *Е. Д., А. Г.*). Она была разведчицей; с ребенком на руках, под видом гадалки, ходила добывать разведданные. Потом записывала все и прятала донесения в соску, чтобы фашисты в случае чего не смогли их отыскать. Эта удивительная женщина жива и сегодня.

Из воспитанников «Серебрянки» знаю о судьбе Тоси Тимченковой, которая семнадцати лет ушла добровольцем на фронт, была санитаркой, разведчицей, получила много правительственных наград. Совсем юная Поля Моразевская сражалась в партизанском отряде под Витебском. Она тоже ходила в разведку и для конспирации брала на руки ребенка. Немцы изловили ее и вместе с ребенком сожгли в фабричной топке. Погибли на фронте два воспитателя школы — Петр Моразевский и Михолажин. Героически сражались и погибли два брата, два танкиста — Иван и Дмитрий Камбовичи, с которыми я вместе учился и в школе, и в цыганском педтехникуме в Москве. Два брата, Иван и Федор Жучковы, служили в авиации стрелками-радистами. Оба погибли в боях под Краснодаром. На моих глазах совершил подвиг еще один наш воспитанник, летчик Александр Сергеевич Мурачковский.

Он воевал в дивизии А. И. Покрышкина, летал на «Ил-2», на «летающем танке», как его все называли. Это было на Сандомирском плацдарме. Я в то время служил в 3-й танковой армии. Немецкое командование отдало приказ танковой дивизии «Мертвая голова» атаковать нас и сбросить в Вислу. И вот командир 188-го полка, где летал А. С. Мурачковский, подполковник Обухов (он впоследствии погиб) повел свой полк в бой и нанес этой дивизии сокрушительный удар. Но в бою самолет командира полка был подбит и совершил вынужденную посадку в нейтральной зоне между нашими и немецкими позициями, ближе к врагу. Фашисты бросились к самолету Тогда Саша Мурачковский сел рядом с машиной командира, вытащил его из кабины и, отстреливаясь из пистолета, затащил в свой самолет и доставил в наш тыл. За этот подвиг к двум орденам Славы Александр Мурачковский добавил орден Боевого Красного Знамени».

Несколько слов скажем о самом Николае Александровиче Меньшикове. Воспитанник «Серебрянки», он закончил цыганский педтехникум в Москве и готовился стать учителем, продолжить дело, которое начинали его воспитатели — Рузя Тумашевич, Николай Панков, Нина Дударова и многие другие. Но война все переиначила: закончив Орловское пехотно-пулеметное училище, молодой лейтенант Н. Меньшиков сразу попадает под Сталинград в 3-ю танковую армию. Кем ему только не приходилось служить! Был и командиром взвода автоматчиков, и командиром пулеметной роты, и командиром роты ПТР, даже артиллеристом служил на батарее ПТО. Выбывали в бою командиры, и приходилось вставать на их место. Пять боевых орденов и множество медалей на груди капитана Меньшикова. От Сталинграда вместе со своей армией он прошел долгий трудный путь, освобождая Киев, Житомир, Львов, воевал в Польше, Чехословакии, Германии. До Берлина дойти не удалось: в самом конце войны получил он свое третье, тяжелейшее ранение — в голову. Это было в Дрездене. А потом — десять лет госпиталей, инвалидность 1-й группы. Сегодня Н. А. Меньшиков продолжает поддерживать связь с цыганами — ветеранами войны, бывшими воспитанниками школы-интерната «Серебрянка». С теми немногими, кого пощадила война.

В годы тяжких испытаний погиб родной брат Н. А. Меньшикова — Александр. Он тоже воспитывался в «Серебрянке», учился в цыганском педтехникуме, а потом, окончив в Смоленске курсы по подготовке учителей, работал учителем начальной школы в Думиничском районе Смоленской области. Там же его избрали секретарем комитета комсомола. Несмотря на то что А. Меньшиков был освобожден от воинской повинности, с началом войны он идет добровольцем на фронт. Под Вязьмой его воинская часть попала в окружение. А. Меньшиков лесами пробирается к партизанам, ищет связь с подпольным райкомом партии, где его многие знали. Влившись в подполье, он становится разведчиком. Но слишком уж хорошо знали его на Смоленщине. Нашлась предательница, выдавшая бывшего учителя и комсомольского вожака. Дальнейшая судьба юноши неизвестна. Нет сомнения, что фашисты казнили его. Бывшие партизаны рассказывали, будто ходили слухи, что перед казнью фашисты вырезали на его теле пятиконечные звезды, а его товарища, с которым он выполнял боевое задание, четвертовали...

В августе 1982 года в деревне Александровка, что на Смоленщине, был открыт мемориальный памятник 176 цыганам-

колхозникам, расстрелянным фашистами в апреле 1942 года. Но можно смело сказать, что этот памятник — и тем двум тысячам цыган Смоленщины, которые погибли в годы Великой Отечественной войны, и десяткам выпускников школы-интерната «Серебрянка», не дожившим до Победы, и многим тысячам советских цыган, героически сражавшимся на фронтах.

И еще об одном памятнике цыганам — жертвам нацизма хочется сказать. 14 сентября 1984 года газета «Фолькcштимме» сообщила:

«За несколько дней до открытия памятника жертвам нацизма — цыганам, установленного в Лакенбахе (Бургенланд), он был осквернен. Это напоминает аналогичный акт, который произошел несколько лет назад в Оберварте. Тогда, как и теперь в Лакенбахе, полиция не нашла виновных. Цыганский лагерь в Лакенбахе, сооруженный нацистами в 1941 году, считался одновременно фильтрационным лагерем, из которого несколько тысяч цыган были отправлены в Аушвиц и Люцманнштадт для окончательного уничтожения».

Более четырех десятилетий прошло с тех пор, как народы мира заклеймили фашизм, но кое-где появляются черные ростки этой античеловеческой идеологии.

...Ну а что же будет с цыганами, пока не воцарится гармония в человеческом обществе? В лучшем случае их ждет то, о чем сказал некогда австро-венгерский этнолог Генрих фон Влислоцкий:

«...Там, где они в своих странствиях задерживаются, чтобы немного отдохнуть, навстречу их прибытию спешит предупреждение: «Цыгане идут! Цыгане! — Странный народ без прошлого и без будущего...»

СОДЕРЖАНИЕ

Ефим Адольфович Друц

Алексей Николаевич Гесслер

ЦЫГАНЕ

Редактор

А. А. Верещагина

Художественный редактор

А. С. Томилин

Технический редактор

Н. В. Сидорова

Корректор

Н. П. Задорнова

ИБ № 7571

.дано в набор 23.03.90. Подписано к печати 20.08.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1 Обыкновенная .овая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,64+ +3,36 вкл. Уч.-изд. л. 22,37 Тираж 30 000 экз. Заказ № 223. Цена 1 р. 50 к.

.рдена Дружбы народов издательство «Советский .исатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11
Тульская типография Государственного комитета .ССР по печати, 300600, г Тула, проспект Ленина, 109

Друц Е., Гесслер А.
Д 76 Цыгане: Очерки.— М.: Советский писатель, 1990—336 с.

ISBN 5—265—01445—4

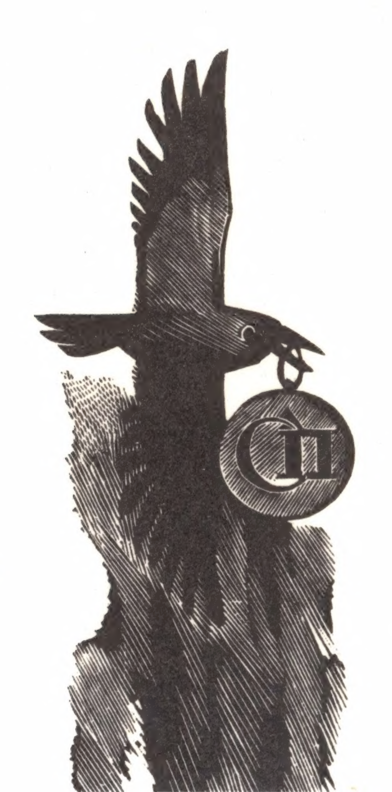
Цыгане. Смуглые, черноволосые, пестро одетые, они сразу бросаются в глаза. Поражает извечная тяга к перемене мест, ореол таинственности, окружающий этот народ испокон века. Сколько знаменитых музыкантов и танцоров вышло из их среды! А история цыган, их жизнь, обычаи? В этой книге рассказывается о цыганах то, что до сих пор было мало кому известно или неизвестно вовсе.

Д $\frac{4702800100-353}{083(02)-90}$ **383—90** **ББК 84 Р7**

1 р. 50 к.

Ефим Друц
Алексей Гесслер

ЦЫГАНЕ